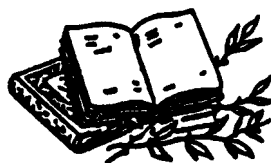

Кир Булычев

КЕРМ

БОЛЬШАЯ
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Кир Булычев

СОЧИНЕНИЯ
В ТРЕХ ТОМАХ

Том второй

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ
В ЛИГОНЕ

Фантастический роман

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1999

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6
Б90

Оформление художников
А. АКИШИНА, И. ВОРОНИНА

Булычев Кир

Б90 Сочинения: В 3 т. Т. 2: Землетрясение в Лигоне: На днях землетрясение в Лигоне; Голые люди: Фантастические романы. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 1999. — 432 с. — (Большая библиотека приключений и научной фантастики).

ISBN 5-300-02501-1 (т. 2)

ISBN 5-300-02495-3

Кир Булычев (настоящее имя Игорь Всеволодович Можейко) — автор интереснейших фантастических повестей и романов для детей и взрослых, научно-популярных книг, сценариев к кинофильмам. Пишет он и детективы, в которых присутствуют и захватывающий сюжет, и неожиданная развязка.

Во второй том Сочинений включены два фантастических романа — «На днях землетрясение в Лигоне» и его продолжение «Голые люди». Действие происходит в вымышленной стране где-то в Юго-Восточной Азии...

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 5-300-02501-1 (т. 2)
ISBN 5-300-02495-3

© Кир Булычев, 1996
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

НА ДНЯХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛИГОНЕ

Фантастический роман

От автора

Страна, в которой происходит действие, персонажи и события повести вымышленны. Поэтому не следует искать Лигон на географической карте или проводить аналогии между реальными и описанными лицами и коллизиями.

Для удобства читателя можно сообщить, что, если бы Лигон существовал, он располагался бы в Юго-Восточной Азии, примерно между Малайзией, Таиландом, Бирмой и Лаосом. Главным городом и портом в этой стране был бы город Лигон, стоящий на реке Кангем, которая впадала бы в Андаманское море.

Площадь Лигона — 138 670 кв. км. Население — 7,8 млн. человек, из которых около 80 процентов лигонцы, народ мон-кумерской группы, остальные — выходцы из Индии, Китая и соседних стран. Также в Лигоне живут более полумиллиона горцев, принадлежащих к различным племенам и народностям. Климат тропический, муссонного типа. Рельеф преимущественно гористый, за исключением широких долин рек Кангем и Сапуи, в которых сосредоточено большинство населения и расположены основные рисоводческие районы. Очень богат животный и растительный мир Лигона. До сих пор в горах и прибрежных мангровых лесах водятся редкие, исчезнувшие в других странах животные, в том числе суматранский носорог, юпрей, голубой аист и т.д., в тиковых лесах встречаются стада диких слонов.

История Лигона уходит корнями в далекое прошлое. По преданиям, первое государство на этой территории основал брахман Викрама, впоследствии под влиянием странствующего проповедника Таллики принявший буддизм. Бесспорные исторические источники указывают на существование городов в Лигоне в середине I тысячелетия н. э. В джунглях, в 35 км от столицы, в

начале нынешнего века французским археологом Матье обнаружены величественные руины Шритарама — средневековой столицы Южного Лигона. В 1891 г. Лигон был завоеван английскими войсками и вернул себе независимость лишь в 1951 г.

Лигон традиционно придерживается политики нейтралитета и имеет дипломатические и торговые отношения со многими странами. В 1957 г. было заключено первое торговое соглашение между Лигонской Республикой и СССР, а с 1959 г. установлены дипломатические отношения на уровне посольств.

Для более подробной информации смотри:

Иванов К. В стране рубинов и носорогов. М., «География», 1961.

Вспольный Ю.С. Там, где течет Кангем. М., «Мысль», 1976.

Коткин Л. Лигон избирает путь свободы. «Азия и Африка сегодня», № 12, 1972.

Осколкова Т. Советские врачи в городах Лигона. «Работница», № 2, 1973.

Минц Л.М. Легенды и действительность древней страны. «Вокруг света», № 4, 1979.

Переворот в Лигоне. 10 марта 1974 г.

Лигон. 10. (ТАСС — ЛигТА). Сегодня ночью в Лигоне произошел военный переворот. Выступая по местному радио, генерал Шосве заявил, что причиной переворота послужила реакционная политика правительства Дха Ролака, а также коррупция и тяжелое экономическое положение в стране. Бригадир Шосве указал, что Временный революционный комитет намерен придерживаться во внешней политике строгого нейтралитета и неприсоединения.

Лондон. 10 марта. Агентство Рейтер (из Бангкока). Информационные источники не связывают переворот в Лигоне с деятельностью сепаратистов, один из лидеров которых князь Урао не смог прибыть на совещание по федерализму в Лигон. По слухам, князь Урао в настоящее время находится в своей резиденции в городе Танги.

Директор Матур

Прошедшей ночью я держал в руках судьбу нации. Я усматриваю в этом некий скрытый смысл, знамение кармы, избравшей меня для непостижимых целей.

Это не значит, что я склонен преувеличивать свои возможности. Кто я? С скромный посредник, экспортер, директор спичечной фабрики, национализированной в разгар избирательной кампании, за которую правительство так и не смогло расплатиться с бывшим владельцем. Говорят, что у меня есть связи. Но эти связи непрочны, как паутина. Не им, а репутации я всем обязан.

Некоторые полагают, что я бенгалец. Другие считают парсом. Если в моих жилах и течет кровь благородных брахманов, то она давно разбавлена не менее благородной кровью лигонских буддистов. Сто лет назад мои предки прибыли в эту, тогда отсталую, дикую страну и со временем стали истинными лигонцами. Я говорю не о формальной стороне дела (у меня лигонский паспорт): наш

родной язык — лигонский, обычаи — лигонские, и, главное, мы все — патриоты Лигона. Мои предки никогда не были близки к британским колонизаторам, а мой дядя Сони в 1939 году, будучи студентом колледжа, принял участие в демонстрации и был избит полицейским-пенджабцем.

Я маленький человек, и мой девиз — честность. Со всей решительностью я должен опровергнуть слухи, распускаемые недоброжелателями. Они касаются моей предполагаемой близости к контрабандистам наркотиками. Сама безнравственность такого предположения исключает его правдивость. Однако опровержения никого не убедят. Поэтому я должен обратиться к прошлому.

Когда я учился в миссионерской школе и преуспевал по многим предметам, в наш класс был принят юный князь Урао Као, в то время шестнадцатилетний наследник престола. Он проучился у нас восемь месяцев, а затем был направлен для продолжения образования в Великобританию. У меня с этим юношей сложились добрые отношения, тем более что я был полезен молодому князю, оказывая помощь в приготовлении уроков. Князь Урао Као закончил Кембридж и возвратился домой в 1953 году. Я нанес ему визит, князь узнал товарища детских забав и пригласил меня бывать в его доме. С тех пор наши сердечные отношения не имеют деловой окраски.

В 1967 году, когда я унаследовал от отца, ушедшего на покой, нашу экспортную контору, мне пришлось для поправки дел, подорванных из-за нарушения традиционных коммерческих связей между Великобританией и Лигоном, обратиться к князю Урао за финансовой помощью, и эта помощь была оказана. К сожалению, на тот же период выпала небезызвестная клеветническая кампания, которую вели в парламенте некоторые левые политики, стараясь связать имя князя Урао с контрабандой на лигонско-тайландской границе. Несмотря на то что нападки на князя не поколебали его высокой репутации, кое-кому удалось прознать о займе, и честное имя нашей фирмы было замарано гнусными подозрениями, подкрепить которые фактами обвинители, к счастью, не смогли. Мою полную невиновность в любой момент может подтвердить сам князь Урао Као.

Здесь же для полной ясности следует упомянуть, что, не принадлежа ни к одной из политических партий, я всегда материально поддерживал Свободных националистов и имел личную благодарность от господина Джа Ролака. Кроме того, я горжусь своей деятельностью в области поставок армии. Я никогда не

ставил себе задачей наживаться на патриотизме, и потому высокая оценка моих скромных усилий в управлении снабжения армии и лично господином подполковником К. (некоторые имена я вынужден опускать, не желая даже случайно скомпрометировать истинных патриотов) мне особенно приятна и дорога.

Подобное отступление от изложения событий, произошедших в ночь на 10 марта, может показаться скучным и длинным, но оно необходимо для того, чтобы читатель мог судить обо мне беспристрастно и объективно.

В отличие от многих уважаемых людей в Лигоне, включая самого премьер-министра, я узнал о перевороте заранее. К сожалению, лишь незадолго до событий. Нужно отдать должное организаторам переворота и в первую очередь его превосходительству господину бригадному генералу Шосве, что переворот был подготовлен втайне.

Если бы не мои связи в армии и не благодарность, которую испытывал ко мне подполковник К., я бы оставался в неведении, как и остальные граждане Лигона.

В десять часов вечера в моем скромном коттедже на окраине города, в Серебряной долине, зазвонил телефон. Говоривший не назвал себя, но я узнал голос К. Он попросил меня немедленно прибыть в условное место, где для меня оставлена записка. Тревога в голосе К. и напряженное положение в городе заставили меня завести мой скромный «датсун» и тут же отправиться в путь. Приехав в некий район города, я обнаружил в тайнике записку, которая ставила меня в известность о перевороте и указывала точное время: час ночи. До начала выступления военных оставалось чуть менее трех часов.

Так я оказался в положении человека, обладающего информацией ценой в миллион ватов. Причем через три часа цена ее будет равняться стоимости листка бумаги, на котором написана записка.

Я стоял перед дилеммой. Как использовать информацию? Броситься к премьер-министру? Но у него приготовлен самолет для бегства в Бангкок, а капиталы переведены в Швейцарию. И если он даже поверит мне, скромному предпринимателю, что он предложит взамен?

Было жарко. Я оставил машину в центре, на улице Банун. Вокруг кричали продавцы жареных орехов, тростникового сока, жевательной резинки, с противней тянуло подгорелым кунжутным маслом, по другую сторону тротуара под газовыми лампами разложили свое добро мелкие торговцы, предлагая носки, игрушки, потрепанные книжки, зажигалки... Я купил бстеля, за-

вернутого в зеленый сочный лист, и принялся жевать, чтобы освежить голову. Вокруг кишели люди — только что кончился сеанс в кино. И среди этих сотен людей не было ни одного покупателя на мою новость. У меня возникла дикая мысль: здесь, в толпе, перед плакатом с полуобнаженной инопланетянкой закричать: «Безумцы! Вы веселитесь, а на окраинах Лигона рычат моторы, выходят на исходные позиции танки!» И люди бы засмеялись.

Я свернул в ближайший переулочек и быстро пошел по узкой щели между четырехэтажными домами. Ноги не случайно привели меня именно сюда. Я начал действовать.

От канавки, проложенной в асфальте посреди переулочка, плохо пахло. Дорогу мне перебежала черная крыса, и за ней бросилась хромая собака. Впереди раздался громкий плеск — кто-то вылил в окно воду или помой.

Я прошел всего пятьдесят шагов от широкой и шумной вечерней улицы, и уже ничего, кроме отдаленного гула и звона колокольчиков продавцов сока, не доносилось сюда. Казалось, что черные, кое-где прорезанные желтыми квадратами окон дома смыкаются над головой. И с каждым шагом мои уши все более привыкали к полной звуками тишине этого переулочка. Она складывалась из вздохов, ругани, шепота, кашля людей, от которых меня отделяли лишь кирпичные стены.

Наверное, во мне умер поэт. Мне иногда хочется передать в стихах, изящных и завершенных, всю красоту окружающего мира, даже если она таится за грязными фасадами домов. И тогда меня охватывает желание сделать добро этим неизвестным людям, сказать, чтобы они брали все, что у меня есть, ибо это приблизит меня к нирване. Самый страшный в мире грех — жадность. И я благодарен моей карме, избавившей меня от этой напасти.

Я остановился перед полуоткрытой черной дверью. Сбоку к шершавой стене было прикреплено несколько потрепанных временем и дождями металлических вывесок. Мне не надо было зажигать огня, чтобы прочесть самую верхнюю: «Раджендра Джа-Тантунчок. Экспорт-импорт».

Разумеется, неискушенный человек счел бы, случайно пройдя этим переулочком, что табличка принадлежит мелкому жулику, которого и близко не подпускают к таможне.

Ах, как глубоко и непростительно было бы его заблуждение! Ведь и под скромной мешковиной может скрываться мудрец, а за грязной вывеской — фирма миллионера.

Дверь на третьем этаже ничем не отличалась от прочих дверей той лестницы. Она была так же обшарпанна и грязна, а дощечка с надписью «Экспорт-импорт» держалась на одном гвозде. Над дверью висела лампочка без абажура.

Я бывал здесь раньше. Я толкнул дверь и вошел в маленькую прихожую, освещенную одной лампочкой. Бережливость — отличительная черта уважаемого Тантунчока. Прихожая длиной в два ярда заканчивалась другой дверью, обитой тиковыми планками, которые прикрывали сталь. Я подозреваю, что внутренняя дверь стояла раньше в банковском сейфе. Я приблизился к «глазку», чтобы меня могли рассмотреть, и позвонил три раза. Дверь медленно открылась. За дверью стоял невысокий малаец в саронге и белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Он молча показал мне на стул, стоявший в холле. Не знаю, умеет ли этот малаец говорить по-лигонски и вообще на каком-либо языке. Я послушно сел. Малаец исчез, а через полминуты вернулся и встал у двери, опершись о нее спиной. На меня он не глядел. Я немного нервничал. Мне нужно было успеть к моим друзьям, а время шло. Было без четверти одиннадцать.

В холл заглянула молоденькая пухлая женщина в широких с разрезами брюках и в малиновой нейлоновой блузке. Женщина курила. Это была «племянница» Тантунчока, которая улаживала старика. Раньше она пела в «Красной розе» и пользовалась успехом. Но деньги, главный стимул в жизни простых людей, оказались сильнее славы и искусства. Лишь человек, подобный мне, постигший суетность этого мира, может философски смотреть на тщету потуг разбогатеть или добиться власти над другими людьми. Все равно нас ждет могила и новое рождение соответственно праведности или греховности нашей краткой жизни.

— Заходите, директор Матур, — сказала племянница. — Уважаемый Раджендра Тантунчок примет вас.

Тантунчок ждал меня в небольшой скромной гостиной с низкими плетеными креслами, циновкой на полу и журнальным столиком, на котором лежали четки и английский детективный роман с плачущей блондинкой на обложке. В углу комнаты стоял небольшой домашний алтарь, украшенный белыми и красными ленточками и бумажными розами.

Тантунчок кажется более старым, слабым и невзрачным, чем есть на самом деле. Он с молодости избрал себе маску человека без лица, и постепенно маска стала его лицом. Тантунчок совершенно

лыс, словно буддийский монах, и его лицо изрезано мелкими морщинами, особенно их много вокруг глаз, и, когда он улыбается, морщинки собираются снопиками и кажется, что Тантунчок — очень добрый и ласковый старичок. Тантунчок всегда улыбается.

— Что привело тебя ко мне, уважаемый директор Матур, в такой поздний час?

— Я не беспокоил тебя, уважаемый Тантунчок?

— Я отдыхал, читал детектив. Ты, наверно, слышал, что я большой знаток и ценитель детективных романов. Когда ты стар и немощен, остается мало удовольствий в жизни. Для меня — книги, легкое, развлекательное чтение. Остальное — в прошлом.

В этот момент вошла племянница, принесла поднос с чаем и сладостями. Ее существование опровергало слова старика.

— Я очень спешу, уважаемый Тантунчок, — сказал я. — И посмел беспокоить тебя по срочному делу.

— Я всегда рад слышать твою мудрую речь. Но, может быть, мы сначала отведаем чая?

— Как-то, месяца два назад, мы разговаривали о спичечной фабрике в Танги, — сказала я.

— Забыл, совсем забыл, — улыбнулся Тантунчок. — Но если директор Матур помнит об этом, значит, так и было.

Старый лис был осторожен.

— Я хотел бы вернуться к этому разговору.

— Хочешь стать спичечным королем? Ведь у тебя есть одна спичечная фабрика?

— Это не моя фабрика, — поправил я Тантунчока. — Это национализированная фабрика, я лишь числюсь ее директором.

— С твоими связями, дорогой Матур, ты можешь числиться хоть уборщиком. Но доходы идут тебе, не так ли?

— Клянусь господином Буддой, я получаю лишь номинальную, ничтожную зарплату директора.

— И хочешь купить мою старую не дающую дохода фабрику в Танги, чтобы подарить ее государству?

— Не исключено, — сказал я спокойно. — Особенно после того, что случится сегодня ночью.

— Что? — Старик давно почувствовал неладное. Его черные маленькие круглые глазки, делавшие его похожим на мышонка, уперлись мне в лицо.

— Сегодня ночью падет правительство Джа Ролака.

— Давно пора, — сказал Тантунчок. Он не спускал с меня мышиных глазок и старался понять, как это отразится на его делах. — И кто придет к власти?

— Твоя спичечная фабрика все равно не дает дохода, — продолжал я. В комнате не было плевательницы для бетеля, и это меня раздражало. Я не выдержал, взял со стола блюдце и сплюнул в него. Тантунчок поморщился. — Представь себе, что начнется национализация. И ты лишишься фабрики. Может, безвозмездно.

Тантунчок хлопнул в ладоши, и тут же вошла племянница. Он показал ей высохшим желтым пальцем на блюдце. Девушка безразлично взяла его и вынесла. Я вздохнул. Тантунчок мог быть и вежливей, но мне ли осуждать его поведение и манеры?

— Откуда у тебя уверенность, что фабрика уцелеет в твоих руках?

— А у меня нет такой уверенности, — улыбнулся я.

— У демократов силенок не хватит, — рассуждал вслух Тантунчок. — Коммунисты сбежали в Китай.... — Он помолчал, потом добавил: — Твой покровитель Урао никогда не стал бы национализировать фабрики...

Мышиные глазки Тантунчока метнулись ко мне, проверили, не отразилось ли что-нибудь на моем лице. На нем, разумеется, ничего не отразилось.

— А если никакого переворота и не будет?

— Будет, — сказал я убежденно. — Сегодня ночью.

— Шантажируешь меня?

— Разве бы я посмел?

— Нет, — согласился со мной Тантунчок, — не посмел бы. Ты согласен заплатить за фабрику ту цену, которая показалась чрезмерной месяц назад?

Вот здесь он попал в точку.

— Нет, — сказал я. — Цена в четыреста тысяч ватов меня не устраивает. Но я готов заплатить сто тысяч.

— Шутник... — Морщинки собрались вокруг глаз Тантунчока. — Фабрика застрахована на триста пятьдесят тысяч.

— Ну что ж, — искренне вздохнул я, — тогда лучший выход — поджечь фабрику и получить страховку. Но сделать это надо срочно, желательно сегодня.

Тантунчок мог бы возмутиться, выставить меня за дверь, но он ничего подобного не сделал.

— Как злы и испорчены люди! — сказал он и посмотрел на алтарь с позолоченной статуэткой бодисатвы.

Фабрика в Танги стояла по крайней мере четыреста тысяч. И главное, так она была оценена в списках управления снабжения армии. Если встанет вопрос о компенсации владельцу именно эту сумму выплатит управление снабжения. Больше ни слова

о фабрике. Лишь одно скажу: национализация не проводится в первый же день после смены власти. Национализация всегда направлена на благо народа. Следовательно, плодами ее должны пользоваться самые достойные его представители.

— Я знаю, — сказал я, — что твои капиталы вложены в предприятия, которые привлекут внимание нового правительства. Я предлагаю спасение. Теперь я с твоего позволения уйду, ибо время дорого. Но предупреждаю: через неделю я не дам за фабрику и пятидесяти тысяч.

Я поднялся. Тантунчок не двигался. Я спросил:

— Ты не примешь решение?

— Уходи, — сказал Тантунчок. Малаец стоял в дверях, словно опасался, что я не подчинюсь.

— Ты должен быть мне благодарен, — сказал я на прощание. — У тебя есть два часа, чтобы принять меры. Деловые люди должны помогать друг другу.

Улица опустела. Последние торговцы сворачивали свое добро, тушили газовые лампы, подсчитывали выручку. Далеко, на башне вокзала, часы пробили одиннадцать раз. Над городом раздался гул и оборвался далеким ударом. Неужели началось? Нет, это пролетел истребитель. К. не мог ошибиться. До переворота еще два часа.

Машина стояла за углом, я отпер дверцу и с минуту сидел, положив руки на руль и продолжая думать. В конце концов я решил, что визит к Тантунчоку был не напрасным. Через два-три часа он убедится в моей правоте. И если я был прав в том, что переворот произойдет сегодня ночью, он поверит и в национализацию. Он будет напуган. И он продаст мне эту фабрику. А если так, то записка подполковника К. уже принесла мне по крайней мере триста тысяч ватов.

Картинки Лигона

«Столица этого древнего и молодого государства Лигон живописно раскинулась вдоль берегов широкого полноводного Кангема — одной из крупнейших рек Азии. Сюда поднимаются и бросают якоря у протянувшихся на километры причалов океанские корабли под флагами различных государств. В последние годы лигонцы привыкли видеть среди них и флаг нашей Родины...

Население города приближается к полумиллиону. На улицах можно встретить и крестьянина, неторопливо погоняющего повозку, запряженную парой буйволов, и роскошный «кадиллак», принадлежащий владельцу каучуковой плантации, и скромные велосипеды отечественного производства. Лыется поток прохожих, и в нем соседствуют европейские костюмы чиновников,

оранжевые тоги буддийских монахов, индийские сари, разноцветные длинные юбки лигонских студентов. Старое и новое перемешалось в этом удивительном городе, и зримые черты независимого Лигона видны в белозубой улыбке докера и трубах сталеплавильного завода, выросшего на окраине».

Ю.С. Вспольный. «Там, где течет Кангем». М., «Мысль», 1976.

Директор Матур

Гостиница «Империял» не отвечает своему гордому названию, хотя когда-то, лет семьдесят назад, она считалась импозантной и предназначалась для приезжих чиновников из Калькутты или Лондона и для индийских набобов. Стоит она неподалеку от порта, на границе Китайского города, ее викторианский фасад давно потерял респектабельность, а гипсовые украшения, что должны напоминать о замках старой доброй Англии, осыпались.

Китаец портье мирно дремал за конторкой, и при желании я мог бы незаметно пройти в нужный мне номер. Но я этого не сделал. Господин Дж. Сун солидный делец. Нельзя беспокоить его ночью, не предупредив заранее.

Я подошел к стойке и постучал по ней костяшками пальцев. Портье проснулся, растерянно моргнул, но ему было достаточно одного взгляда, чтобы осознать, что имеет дело с джентльменом.

— Господин из двадцать четвертого номера у себя?

Портье бросил взгляд на доску с ключами. Я сделал это раньше него. Ключа от двадцать четвертого номера там не было.

— Предупредите его, что пришел директор Матур.

Вежливость — достоинство королей, так учил нас отец Джонсон в миссионерской школе. Я всегда вежлив с теми, кто ниже меня.

— Он не один, — сказал китаец, не глядя на меня.

— Пошлите кого-нибудь предупредить о моем приходе.

В «Империяле» нет телефонов. Непонятно, почему здесь останавливается Сун.

— У него женщина, — ответил портье, разглядывая потолок, на котором не было ничего достойного внимания.

Я не люблю расставаться с деньгами просто так, без нужды. Деньги достаются человеку трудом и отдаются за труд. Но мне ничего не оставалось, как положить на стойку пять ватов. Портье глядел на голубую бумажку и долго изучал изображенный на ней парусный корабль, словно любовался рисунком. Потом бумажка исчезла со стойки.

— Эй! — позвал портье.

Появился мальчишка в когда-то белой ливрее, на которой не хватало половины позолоченных пуговиц.

— Скажи господину Суну, что к нему пришли.

— Господин директор Матур, — произнес я.

Бой поплелся к лестнице. Я отошел в сторонку. Свет в холле был погашен, но в полутьме я разглядел кресло и опустился в него. И тут же сверху со скрипом приехал лифт. Из него вышли господин Дж. Сун и незнакомая мне девушка. Кабина лифта была хорошо освещена, и я мог оценить вкус господина Суна. Я хотел было подняться, но не счел удобным сделать это в присутствии девушки, которая не относилась к девицам легкого поведения, а происходила из хорошей, хотя и небогатой семьи — подобные суждения, и всегда верные, я выношу почти мгновенно. Я сразу же понял, что это деловое свидание. Господин Сун был предупредителен, притом ни разу не прикоснулся к девушке. Может, к лучшему, подумал я, что мальчик разминулсЯ с господином Суном.

Видно, портье подумал то же, что и я. Он ничем не показал господину Суну, что я его жду, но выскочил из-за стойки и побежал на улицу звать такси.

— Непременно, — донеслись до меня слова господина Дж. Суна, — все будет в порядке. Завтра в десять я вас жду.

Нужна смелость либо крайняя нужда, чтобы девушка решилась прийти в гостиницу в этом сомнительном районе.

Хрупкая красота девушки произвела на меня впечатление. Я пытался понять, что связывает ее с господином Дж. Суном, однако вынужден был отказаться от этих попыток. Сун вернулся в холл. Я вышел из темноты навстречу ему.

— Что-нибудь важное? — спросил господин Сун, не здороваясь. Он лишен хороших манер, он, как говорят американцы, «селф-мейд мен». Но Сун пользуется большим весом в своем не всегда благонамеренном мире.

— Очень важное, господин Сун, — ответил я. — Мне не хотелось бы говорить здесь.

Господин Сун кивнул, и мы направились к лифту, где нас уже ждал бой в грязной ливрее, тупо заявивший господину Суну: «Этот человек пришел к вам». Сун кинул бою монетку. Он из тех счастливых людей, которые умудряются отделяться минимальными чаевыми и не терять при этом достоинства в глазах черни. Это завидное умение. Я же всегда даю слишком много.

— Говорите, — сказал Сун, пропуская меня в комнату.

— Важная новость, — сказал я, — для господина князя. Полагая, что вы сможете связаться с его светлостью...

— Что случилось?

— Сегодня ночью будет военный переворот.

— Удачный?

Меня удивила реакция господина Дж. Суна. Пожалуй, это был самый необычный вопрос, который можно задать в такой ситуации. Но в вопросе был смысл. И я ответил уверенно:

— Очень удачный!

— Кто во главе?

— Очевидно, бригадир Шосве.

Я протянул Суну записку. Он указал мне на кресло, сам сел в другое, налил себе виски из бутылки, стоявшей на столике. Я бросил взгляд на постель. Постель была тщательно застелена.

— Когда вы получили информацию? — спросил Сун, складывая записку.

— Записку следует уничтожить, — сказал я. Сун кивнул и сжег записку над пепельницей. Когда он завершил эту операцию, я сказал: — Информация получена мною только что. Я сразу отправился к вам.

Маленькая ложь не потревожила моей совести, все равно не в силах Суна было отменить или отсрочить переворот.

Он надолго задумался. Я поглядел на часы. Менее чем через час танки двинутся к президентскому дворцу. В любой момент может начаться стрельба. У меня дома беззащитные женщины и дети...

Я прервал ход мыслей Дж. Суна, заявив, что теперь, по выполнении долга, я хотел бы вернуться домой.

Тогда господин Сун сказал, что в силу изменившихся обстоятельств важно, чтобы верный друг отправился в Танги и передал князю пакет особой важности. С такой просьбой нельзя обратиться к случайному человеку. Я возразил, что моя кандидатура полностью исключается. В минуты опасности я должен находиться рядом с семьей.

Господин Дж. Сун предлагал мне деньги, грозил, чуть ли не падал на колени. Он полагал, что, если власть перейдет к армии, свобода передвижения по стране сразу будет ограничена. Я же относился к числу немногих, имевших достаточное влияние, чтобы отправиться куда угодно.

Я был непреклонен. И ни за что на свете не отправился бы в Танги, если бы не угрозы, к которым прибег Дж. Сун.

— Директор Матур, — сказал он, — мы крайне благодарны вам за то, что вы не пожалели времени и усилий. От того, как

быстро мы сможем ответить на этот шаг армии, зависит благосостояние и, может, даже жизнь вашего друга и покровителя князя Урао. Неужели вы откажете в помощи в такой момент?

— Моя жизнь в распоряжении моих друзей, — ответил я. — Но долг перед семьей сильнее, чем голос дружбы.

— Тогда, — сказал господин Дж. Сун, — я вынужден заявить, что вы не вернетесь к детям. Знаете, какой властью я пользуюсь в этом районе города?

— Да, — сказал я. — Знаю. Но я не боюсь физического насилия. Если мне суждено погибнуть, на то воля судьбы.

С этими словами я покинул комнату и решительно направился к выходу из гостиницы. Все во мне кипело от негодования. Я был убежден, что, когда князь Урао узнает о недостойном поведении господина Дж. Суна, он полностью прервет все отношения с ним.

Я быстро миновал холл гостиницы и вышел на улицу. Я надеялся, что Дж. Сун одумается и займется поисками другого человека, который мог бы выполнить его просьбу.

Но я не успел уехать. На улице в трех ярдах от дверей гостиницы стояли два человека. При виде их мое сердце дрогнуло. Я не отношу себя к смелым людям — смелость никому еще не продлевала жизни. И, когда эти люди шагнули мне навстречу, я повернул обратно.

Поднимаясь на лифте, я утешал себя мыслью, что в Танги я смогу побывать на спичечной фабрике Тангунчока и еще раз оценить ее.

Лигон. 10 марта.

Его светлости князю Урао Као, княжеская резиденция, Танги

«Дорогой князь!

Я полагаю, что лицо, которое передаст Вам письмо, не будет проявлять излишнего любопытства, однако на всякий случай я запечатываю его известным Вам способом, и Вы поймете, не было ли нарушено доверие.

К моменту получения письма Вы уже будете в курсе дел. К сожалению, я не много успел сделать, так как получил сведения о перевороте только за час до его начала. Виновен в этом Ваш жирный любимец Матур. Я проверил — он узнал обо всем от К. в десять вечера. Вместо того чтобы, как приказано, отправиться ко мне, он где-то пропадал два часа, видно, устраивал свои дела и пытался нажиться, хотя сделал вид, что прибежал ко мне, не теряя ни секунды.

Когда я предложил ему собираться в Танги, чтобы передать Вам пакет, он было заупрямился, и пришлось его припугнуть. Надеюсь, это пойдет мерзавцу на пользу.

Мне всегда было непонятно Ваше снисходительное отношение к Матуре. Ваши соображения о том, что он прислуживал Вам в школе и лично предан, я рассматриваю не более как шутку. Прошу еще раз подумать, не отделаться ли от Матуры. Он слишком жаден и труслив.

В десять ко мне придет Л. Я передам ей обещанное.

Надеюсь, что она сможет устроиться на самолет, улетающий в Танги. На нем полетит представитель ревкомитета. Кого назначат на эту должность, еще неизвестно.

По получении новых сведений направляю их Вам.

Искренне Ваш Дж. Сун».

Лигон. 10 марта. 11 ч. 15 м.

Князю Урао Као

«Прилагаю выписки из только что полученного послужного списка представителя ревкомитета майора Тильви Кумтатона.

Тильви Кумтатон. Год рождения — 1941. Место рождения — Палон. Отец — Тильви Бон, школьный учитель. Окончил начальную школу при монастыре в Танги (где настоятелем его дед. — С.), затем муниципальную среднюю школу. В 1960 г. принят в Лигонский университет на юридический факультет (что говорит о его наклонности к политической деятельности. — С.). В 1963 г. отчислен на месяц за участие в студенческой демонстрации. В университет не вернулся. В октябре 1973 г. зачислен в Каронанское офицерское училище (начальником училища в 1960 — 1967 гг. был полковник Шосве. — С.), которое закончил третьим в выпуске в 1966 г. Выпущен лейтенантом во 2-й пехотный полк. Произведен в старшие лейтенанты в 1970 г., в капитаны в 1973 г. Награжден юбилейной медалью «10 лет независимости». Не женат. Буддист. До последнего времени проживал в Бранге, где стоит его полк. Несколько недель назад откомандирован в Лигон, в штаб округа, в распоряжение бригадира Шосве.

Дополнительные сведения.

В Лигоне у Тильви Кумтатона живут родственники. У них он жил во время учебы в университете.

Последние недели он провел при персоне бригадира Шосве, принимал участие в подготовке переворота. Чин майора получит сегодня перед отлетом в Танги — документы уже готовы.

Университетских друзей и знакомых найти пока не удалось. Разработка продолжается.

Дж. Сун

P.S. Я дал указание директору Матуру устроиться любой ценой на самолет майора Тильви. По моим сведениям, авиационное сообщение прервано, и это единственная возможность добраться до Танги сегодня. Принимаю меры, чтобы достать место для Л.

С.».

Юрий Сидорович Вспольный

Я добрался до представительства только в половине одиннадцатого. Центр был перекрыт, и пришлось ехать через Камабат.

Центральный проспект Республики представлял странное зрелище. Повсюду валялись сандалии, студенческие каскетки, платки, клочья бумаги... Как будто ночью был карнавал, а дворники еще не пришли. Я догадался, что это следы вчерашней студенческой демонстрации.

В представительстве я не застал никого, кроме садовника, который открыл мне ворота. Но я этому не удивился.

Как только я вошел в выставочный зал и ощутил знакомый, но неприятный запах керосиновой политуры, которой вчера натирали пол, я услышал, что в моем кабинете звонит телефон. Я поспешил туда, но тут же вспомнил, что оставил ключ в машине. Пришлось вернуться. Садовник стоял у машины, опершись на метлу, словно стерег наше имущество от злоумышленников. Когда я наконец попал в кабинет, телефон все еще звонил. Хотя не исключено, что это был уже другой звонок. Я поднял трубку.

— Юрик?

Я узнал голос Александра Ильича Громова, секретаря Михаила Степановича.

— Вспольный слушает, — ответил я, сделав вид, что не узнал голоса.

— Я тебе полчаса не могу дозвониться.

— Я заезжал в больницу к Дробанову, а центр перекрыт танками.

— Ну и как Дробанов?

Вопрос Громова был данью вежливости. Представитель Союза обществ дружбы Николай Сергеевич Дробанов, мой коллега и начальник, должен был не сегодня-завтра выписаться. Десять дней тому назад ему сделали операцию аппендицита, которая прошла удачно и без осложнений.

— Температура нормальная, на днях вернется домой, — сказал я. — А что нового в посольстве?

— Все в порядке, — ответил Громов. — Ты срочно нужен Соломину. Если не возражаешь, приезжай.

— Я свободен, — ответил я, игнорируя всегдашнюю насмешку в голосе Громова.

— Ну и ладушки.

Я опустил трубку на рычаг. Меня вдруг охватило странное предчувствие, что я не скоро вернусь в мой кабинет. Я окинул взглядом комнату, не забыты ли где-нибудь бумаги, проверил, закрыты ли ящики письменного стола, потрогал ручку сейфа. В кабинете стоял затхлый теплый воздух — кондиционер был с вечера выключен, а Хасан не удосужился проветрить помещение, хотя я специально просил его об этом. Мне вдруг захотелось пить. Я достал из холодильника последнюю бутылку оранжада. Высокий сразу запотевший стакан приятно охлаждал ладонь. Я упоминаю эти незначачие детали, потому что они как-то отражают напряжение, владевшее мной с того момента, когда я проснулся ночью от грохота под окном и увидел, как по нашей тихой пригородной улице один за другим идут три танка.

Заперев кабинет и покинув здание представительства, я увидел, что садовник все так же стоит у машины. У садовника были очень тонкие сухие ноги, дхоти подобрано высоко и забрано за пояс. Я подумал, что при переворотах и революциях страшнее всего незащитным иммигрантам, таким вот беднякам, приезжающим на заработки.

Я сел в «Москвич», садовник закрыл дверцу. Я никогда не привыкну к этой предупредительности, в ней есть что-то рабское. Но хочу я того или нет, для этого худого бенгальца я олицетворяю работу и жизнь.

Я решил сделать небольшой крюк, чтобы миновать деловую часть города. Улицы были пустынные. Я включил радио. Местная станция передавала народную музыку. Это ничего не значило, сотрудники радио могли решить, что народная музыка приемлема для любого режима. Я уже знал, что руководит переводом бригадир Шосве. Раньше он командовал столичным военным округом. Как-то я встречался с ним на приеме, он даже сказал на хорошем английском языке несколько фраз о полезной миссии, которую выполняет в этой стране СОД. Однако эти слова еще не раскрывали действительных мыслей бригадира. Бригадир Шосве был плотным, невысоким даже по местным меркам, седеющим мужчиной. Судя по произношению, он ког-

да-то, еще в колониальный период, учился или служил в Англии. Вспоминая об этой встрече, я не мог сделать из нее вывода о действительном смысле последних событий в стране, экономика которой отягощена тяжелым наследием колониализма, а политико-социальные отношения представляют собой сложный конгломерат различных укладов.

Когда я пересекал улицу Свободы, бывшую Виктория-стрит, вдаль, на соседнем перекрестке, у пагоды Забаган, увидел танк. Люк танка был открыт, и на башне, свесив ноги, сидели два солдата в касках и с автоматами.

Слухи о возможном перевороте витали в воздухе уже не первый месяц. В качестве противников правительства называли и правых сепаратистов, и репрессированную правительством Партию народной свободы, возможность переворота связывали даже с командиром особой бригады — зятем президента. Было ясно, что слабое, раздираемое внутренней борьбой, продажное правительство Джа Ролака неминуемо будет свергнуто, но когда и кем — оставалось тайной. И вот бригадир Шосве... Что принесет этот переворот трудолюбивому и многострадальному лигонскому народу?

По мере приближения к посольству мои мысли перешли к предстоящему разговору с Иваном Федоровичем Соломиным. На время отпуска Михаила Степановича советник Соломин замещал его. Я никак не ставлю под сомнение деловые качества Ивана Федоровича, но убежден, что, не будучи кадровым дипломатом, Соломин не обладает тем огромным опытом и хладнокровием, которые свойственны Михаилу Степановичу. И надо же было так случиться, что Михаил Степанович улетел в Москву на совещание и буквально тут же произошел переворот. Теперь вся ответственность за деятельность нашего небольшого посольства легла на плечи Ивана Федоровича.

Дежурный комендант Артур стоял у ворот посольства. Узнав меня, он сказал, что вчера пришла почта и на обратном пути я могу забрать корреспонденцию. Я поблагодарил Артура и по бетонной дорожке, огибающей газон, обсаженный каннами, подвел машину к стоянке. К сожалению, места под навесом не оказалось, потому что стажеры и атташе, которые могут и должны ставить свои машины в иных пунктах, заняли все места в тени. Я был вынужден оставить свой «Москвич» на солнцепеке и с ужасом подумал о том, как он раскалится, когда я вернусь.

Громов встретил меня на лестнице. Он, как всегда, спешил и, увидев меня, громко сказал:

— Привет, Пиквик, Соломин тебя жаждался.

Не дав мне ответить, он исчез. При всей моей терпимости я не выношу откровенного панибратства, свойственного, в частности, Громову. Забывая о почти десятилетней разнице в возрасте, он называет меня на «ты» и порой позволяет себе шутки далеко не лучшего свойства. Я отдаю должное деловитости и способностям Громова и не оспариваю мнение Михаила Степановича, который как-то в моем присутствии подчеркнул, что высоко оценивает своего помощника, но что касается тактичности и воспитанности Громова, эти его качества оставляют желать лучшего.

Перед кабинетом Ивана Федоровича я был вынужден несколько минут подождать, так как советник проводил совещание с военным атташе Николаем Павловичем.

Наконец Николай Павлович вышел из кабинета Ивана Федоровича, поздоровался со мной и поспешил к выходу. Я не стал останавливать его, чтобы не показаться назойливым. Сегодня у меня много неотложных дел.

Я ломал голову, зачем Ивану Федоровичу срочно понадобилась моя помощь. Михаил Степанович неоднократно обращался ко мне в периоды составления отчетов и иной документации, признавая тем самым мои способности и склонность к такого рода работе.

Ниночка пригласила меня в кабинет.

Иван Федорович Соломин

Это был сумасшедший день, и я чуть было не забыл о приезде профессора. Спасибо Саша Громов, светлая голова, улучил момент относительного затишья и напомнил:

— Что будем делать с учеными?

Глаза у Саши были красные. Я поднял его в час ночи, и с тех пор он вертелся как белка в колесе.

— С какими еще учеными? — рявкнул я.

Я только что вернулся из Министерства иностранных дел, где царила полная анархия и всем заправлял пехотный майор, наши переводчики никак не могли справиться с простой на первый взгляд, но не однозначной лексикой первого программного заявления Революционного комитета, корреспондент ТАСС был близок к истерике, потому что ничего не знал о бригадире Шосве и почему-то полагал, что посольство должно бросить все дела и обслуживать его телетайп, два сотрудника ГКЭС уехали с вечера на море и там были задержаны солдатами, и так далее, и тому подобное...

— Иван Федорович, помилуйте, — сказал Саша Громов го-

лосом нашего посла, который так некстати улетел в Москву. У Саши это получилось произвольно. — Вы же лично собирались встретить профессора Котрикадзе.

— Разумеется, — ответил я, хотя начисто забыл о вчерашнем решении. — Во сколько самолет?

— В двенадцать двадцать.

— Аэрофлотовский, Москва — Сингапур?

— Он самый.

— Номера в гостинице заказаны?

Я задавал стандартные вопросы, заранее зная ответы, но не мог не задавать их, как пилот, проверяющий приборы перед взлетом. Это уже привычка.

— В том-то и сложность. Номера в гостинице заказаны лигонской стороной. Они же взяли все расходы на себя. Но где сейчас те люди, которые брали на себя эти обязательства, ума не приложу.

— Со временем узнаешь. Лучше проверить.

— Ничего не получилось. Правда, я отыскал знакомого чиновника в Министерстве шахт и промышленности. Он ничего не знает, обещал связаться с Революционным комитетом, через час позвонить.

В иной ситуации я был бы рад поехать на аэродром, встретить профессора, натравить на него журналистов. Лигонцы бы осветили его приезд в местной прессе. А вот сейчас профессор превратился в обузу. Революция или нет, стихийные бедствия будут продолжаться. Они не обращают внимания на политическую ориентацию правительства.

Тут меня отвлек телефонный звонок. Чешский посол хотел заехать после ленча. Договариваясь с послом, я продолжал в уголке мозга размышлять о профессоре Котрикадзе... В горах беспокойно... Николай Павлович не исключает военных действий на окраинах страны.

— Загляни в программу. Она должна быть в папке. Когда вылет в горы?

Саша держал папку открытой на нужной бумажке.

— Завтра утром.

— Почему такая спешка?

— Я думаю, что они задержались с отлетом из Москвы — шли переговоры, оборудование готовили...

— Ладно. Пока суть да дело, надо встретить их на аэродроме. Где представитель Аэрофлота?

— Наверно, уже там.

В дверь сунулись стажеры с очередным вариантом перевода. Я велел им подождать в приемной.

— Надо быть готовыми к любому варианту, — сказал я. — Кто-то должен поехать от нас.

— Собирался ехать корреспондент ТАСС.

— Исключено. Он не поедет. Ты же знаешь, по какому он проходит ведомству! Кто еще? Думай, тебя же учили.

— Думать не учат, — вздохнул Саша. — Это у меня в генах.

— Из посольства никем не могу пожертвовать.

— И из торгпредства, — развил мою мысль Саша.

— А что ты думаешь о Вспольном? На той неделе он про-
сился в Танги.

— И вы его не отпустили.

— Не отпустил. Одного не отпустил.

— Разумеется...

— Не перебивай. Но язык он знает и в стране уже второй год. Как Дробанов?

— Завтра выписывается.

Мы оба понимали, что больше некого послать с учеными. Посольство наше маленькое, все заняты, особенно сейчас. Было бы из кого выбирать... А почему? Бывает так, ничего конкретно против человека не имею, а симпатии не ощущаю. То ли потому, что он слишком крутился на глазах у посла и старался быть полезным, то ли потому, что носился повсюду со своей еще не написанной книгой о Лигоне, то ли слишком часто называл меня по имени-отчеству, то ли он вроде бы толстый, но не толстый, вроде бы мягкий, но не мягкий... Все это пустяки, субъективизм. Нормальный советский человек. Лучше многих.

— Вызови его, — сказал я Саше.

— Я уже звонил, — ответил Саша, пронырливый, но умный. — Он еще не добрался до своей конторы.

— Как дозвонишься, вели ехать немедленно. — Я знал, что Саша разбудит Вспольного хоть из-под земли.

Вспольный появился после одиннадцати. Он вошел ко мне сразу после военного атташе, с которым я немного повздорил, указав на то, что его сотрудники опять просрали переворот, а шишки на меня посыпятся, так что я еще несколько секунд не мог на него переключиться. Вид у Вспольного был одновременно покорный и решительный. Он полагал, что я поручу ему написать эпохальный доклад министру, который никто из нас, простых смертных, создать не в силах.

Я спросил, как себя чувствует Дробанов.

— Я навестил его утром, Иван Федорович, — сообщил Вспольный. — Потому и задержался. В центре стоят танки.

Последнюю фразу этот дурак произнес, понизив голос, буд-то это была государственная тайна, которую положено было знать лишь мне.

— Я помню, что вы просились в горы, — сказал я.

— У вас изумительная память, Иван Федорович, — поделился со мной радостью Вспольный, поправляя круглые очки в тонкой золотой оправе. — Я побеспокоил вас этой просьбой исключительно в интересах дела...

Тут затрещал телефон, и мне пришлось объясняться с заведующим столовой, который интересовался, переходить ли на консервы, раз рынок закрыт. Вспольный сидел, сложив мягкие руки на животе, и изображал сочувствие.

— Удивительно, — сказал он, когда я повесил трубку, — какое отсутствие элементарной инициативы!

— Спасибо за заботу, — сказал я. — Считайте, что я вашу просьбу о поездке удовлетворил.

Он изумленно хлопнул светлыми ресницами.

— Но при одном условии. Вместе с вами едут два наших геолога. Они сегодня прилетают в Лигон. Вы их встретите, проследите за тем, чтобы они были размещены и груз был в целости. Вы ведь знаете язык?

— В умеренных пределах, — поспешил с ответом Вспольный. — К тому же ввиду сложности положения...

— Вот, возьмите эту синюю папку, там все документы. Самолет прибывает в двенадцать двадцать. По возвращении — подробный отчет в трех экземплярах.

«В наши дни... регистрируется до 100 тысяч землетрясений в год, более 10 сейсмических возмущений в час. Большая часть этих явлений, естественно, — и добавим: к счастью, — не представляет никакого интереса. Вот почему подавляющая часть населения нашей планеты может прожить всю жизнь, не испытав на себе последствий землетрясения. Возможно, читателю интересно все же ознакомиться с перечнем самых смертоносных землетрясений, вошедших в историю. Вот хронологический перечень сильнейших землетрясений:

373 год до н.э.: поглощен пучиной город Геликон (Греция), стоявший на южном берегу Коринфского залива.

1556 год, Шэньси (Китай): 83 тысячи человеческих жертв.

1755 год (1 ноября), Лиссабон (Португалия): 60 тысяч погибших.

1811 год (16 декабря), 1812 год, Миссури (США): пораженная территория превышала 1500 тысяч квадратных километров.

1887 год (9 июня), Алма-Ата (Россия).

1908 год (29 декабря), Калабрия (Сицилия): число жертв достигло 100 тысяч человек.

1923 год (1 сентября), Канто (Япония): только в префектуре Токио 59 593 убитых, 10 904 пропавших без вести.

1960 год (29 февраля), Агадир (Марокко): число жертв в пределах 15 — 20 тысяч человек.

1960 год (май), Чили: разрушено 350 тысяч домов, погибло до 10 тысяч человек.

....Все эти катастрофы чудовищной разрушительной силы за последние четыре столетия истребили не менее 13 миллионов человек».

Пьер Руссо. «Землетрясения». Париж, 1961.

Владимир Кимович Ли

Когда самолет поднялся, оставив внизу раскаленный Дели, я откинул полочку перед своим креслом и разложил на ней сувениры. Я купил сувениров на сто двадцать три рупии. Отар изобразил великолепное презрение и сказал:

— На обратном пути ты сделал бы то же самое с большей пользой для родственников и любимых девушек. Теперь будешь три месяца таскать слоников и браслеты в чемодане и проклинать свою склонность к дешевой экзотике.

— Хорошо быть опытным путешественником, — ответил я. — Может, это мои первые зарубежные сувениры.

Отар потерял ко мне интерес и распахнул толстую газету. Он вел себя как чиновник из ЮНЕСКО, который только и делает, что посещает отдаленные страны. Он немного пижон. Из принципа по утрам гладит брюки, даже если живет в кишлаке или в тундре. Нужды в этом нет, но какой-нибудь Александр Македонский тоже так делал, а Отар прочел о том в детстве и следует доброму примеру. Александр Македонский гладил брюки и покорил Персию. Отар Котрикадзе гладит брюки и станет академиком.

— Так... — сказал тут Отар спокойно. — Непредвиденное осложнение.

— Какое? — спросил я. Угадать масштабы осложнения по тону Отара невозможно. Может быть, он забыл дома запасные шнурки от ботинок, может быть, страна Лигон провалилась в тартарары. А еще говорят, что грузины — эмоциональный народ. Эмоциональный это я — представитель обрусевшей части корейского народа.

— Прочти. — Отар протянул мне газету.

— Спасибо, шеф, — сказал я. — Для меня чтение этой заметки — невыносимое умственное напряжение. А вы все равно уже прочитали.

— Для практики полезно, — отрезал Отар. Он меня вечно заставляет учиться. Пришлось читать.

«Как сообщает агентство Рейтер, сегодня ночью в Лигоне произошел военный...»

— Что такое юуп де'тат?

— Это французское выражение — переворот.

— Ага, переворот... — Минуты через две меня осенило. — Слушайте, Отар, мы же туда летим!

— Вот именно. — Отар отобрал у меня газету и принялся листать ее в расчете на другие сообщения из Лигона.

— Нас же премьер-министр приглашал, — осведомил я Отара. — А он... Судьба неизвестна...

— Не преувеличивай, — сказал Отар. — Премьер-министр и не знал о моем существовании.

— Так что же, поворачивать назад?

По мере того, как до меня доходил смысл, настроение портилось. Я уже представил, как нас встречают на аэродроме «черные полковники»... Даже хорошо, что я успел купить сувениры. Приеду, все будут спрашивать, как там, в тропиках, а я им в ответ слоника. Бывает же невезение!.. Два месяца оформляли документы, готовили оборудование, весь институт старался, спешили, а они — военный переворот.

— А ведь уезжать обратно нам нельзя, — сказал Отар. Это ко мне не относилось. Профессор думал вслух.

— А кто нас будет спрашивать? — спросил я.

— Убедим, — ответил Отар.

Юрий Сидорович Вспольный

Должен признаться, что я покинул кабинет Ивана Федоровича в некоторой растерянности, что мне, в сущности, несвойственно. К сожалению, напряженность момента не позволила мне аргументированно возразить Ивану Федоровичу, ведь я обращался в свое время к руководству посольства с просьбой направить меня в горные районы для ознакомления на месте с состоянием советско-лигонских культурных связей, полагая при этом, что оформление моей поездки через лигонское Министерство иностранных дел потребует определенного времени, что позволило бы мне тщательно подготовиться и принести наибольшую пользу делу, а также способствовать сбору материалов для моей будущей книги. И вдруг обнаруживается, что я должен в ближайшие сутки в тревожной внутривластной обстановке

вылететь в неизвестность, сопровождая каких-то ученых. К этому следует приплюсовать еще и состояние моего начальника, которому придется взять на свои неокрепшие после болезни плечи весь объем работы СОДа.

В таком тревожном состоянии мыслей, продолжая несостоявшийся разговор с Иваном Федоровичем, я вошел в комнату, где должен был находиться Громов, которого не было на месте. Решив воспользоваться его отсутствием для детального ознакомления с содержимым синей папки, я присел на стул, но в тот же момент в комнату влетел Громов. Он был без пиджака.

— Ага, — сказал он, кидая на стол бумаги и открывая ящик письменного стола, — едешь в горы, Пиквик? Я тебе завидую, там растут сосны и никакой суматохи.

— Саша, — ответил я с достоинством. — Иван Федорович, доверяя мне поездку в охваченные сепаратизмом горные районы, указывал на трудности, с которыми я могу встретиться. Я полагаю, что, если бы эта поездка была увеселительной прогулкой, он подобрал бы для такой цели кого-нибудь из молодых посольских работников.

Запустив эту острую шпильку, я сразу перевел разговор на другую тему:

— Иван Федорович просил тебя распорядиться об обеспечении меня транспортом и всеми сведениями касательно связи с лигонской стороной.

— Ясно-ясно, — скривился Громов, продолжая рыться в ящике стола и делая вид, что мое задание уступает по важности делам, которыми он занимается в данный момент. — Куда же запропастился этот проклятый список? Папку с собой не бери, посеешь на аэродроме. Ты все прочел?

— Не успел, так как пришел сюда непосредственно из кабинета Ивана Федоровича.

— Жаль, теперь некогда этим заниматься. Самолет прибывает через сорок минут. Я надеялся, что консул туда успеет, но он в порту. Встретишь ученых, отвезешь в гостиницу, груз не забудь получить. Может, на аэродроме будет кто-нибудь из Министерства шахт и промышленности, я им звонил. Сам понимаешь...

Именно этого я не понимал. Громов, оказывается, даже не организовал встречу.

— Саша, — сказал я серьезно, — не может быть, чтобы в министерстве не знали, что посланцы нашей страны прибывают сюда с важной миссией.

Значительность моей фразы прошла мимо ушей Громова, он

отмахнулся и вновь занялся бесцельными поисками в ящике письменного стола.

— В любом случае, — указал я, — полагаю, что следует направить на аэродром «рафик» с надежным шофером.

— У тебя что, своей машины нет?

Высказывание было легкомысленным, о чем я не преминул сообщить Громову. Не могу же я выступать в роли шофера и носильщика.

— Пойми же, — повысил тон Громов, — «рафик» в порту, автобус в ремонте. Поезжай на своем «Москвиче», а там тебе представитель Аэрофлота поможет.

— У меня создается впечатление, — сказал я, — что ты пытаешься сорвать государственное дело. Я позвоню Ивану Федоровичу!

— О господи! — театрально возопил Громов. — Звони же! Только учти, как Соломин любит дважды повторять свои просьбы.

Я не стал никуда звонить. Я резко встал...

— погоди... — Громов вытащил из синей папки листок. — Это захвати с собой, по дороге прочтешь.

Я аккуратно сложил машинописную страницу и покинул по-сольство.

Мой «Москвич», оставленный на солнцепеке, раскалился так, что я обжегся, взявшись за ручку дверцы. Воздух был неподвижен, красные канны на газоне казались языками адского пламени. Я снял пиджак и повесил его на крючок в салоне «Москвича». До прибытия на аэродром я позволю себе не изнывать от жары. Возможно, я излишне привержен правилам приличия, однако я убежден, что это дисциплинирует не только меня, но и окружающих. Я опустил левое окно, чтобы воздух проникал вовнутрь, однако отказался от соблазнительной мысли открыть окно справа — как известно, именно в такую жару наиболее опасны сквозняки, у меня же слабые связки, что ведет к частым вспышкам трахеита. Дорога до аэродрома в нормальных условиях занимает двадцать пять минут, однако в пути могут быть задержки и проверки документов. Никто не станет отрицать, что свое задание я начал выполнять в тревожный и критический момент, возможно, рискуя жизнью.

Улицы были пустынные, однако я не стал относить этот факт к числу последствий военного переворота, так как в Лигоне в это время дня даже собаки предпочитают отлеживаться в тени деревьев. Я свернул на длинную извилистую улицу Серебряная Долина, чтобы выехать на шоссе за университетским кампусом. Там, на перекрестке, несмотря на номер моей машины, меня ос-

тановил военный патруль. Я проникся сочувствием к солдатам, которые исполняли свой долг в полном обмундировании и раскаленных касках. Я успел на аэродром лишь за пять минут до прибытия самолета из Дели, и мне стоило некоторого труда пройти к взлетному полю, так как и там были военные патрули.

Я остановился в тени под козырьком здания аэропорта и, пока к самолету везли трап, успел прочесть листок из синей папки, переданный мне Грозовым:

«...В соответствии с договоренностью, достигнутой между Министерством шахт и промышленности Республики Лигон и Академией наук СССР, в научную командировку в г. Танги (Республика Лигон) сроком на два месяца направляются заведующий лабораторией прогнозирования сильных землетрясений Института сейсмологии АН СССР доктор геолого-минералогических наук профессор Котрикадзе Отар Давидович и старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования кандидат физико-математических наук Ли Владимир Кимович...»

Я оторвался от текста, чтобы взглянуть на стоявший метрах в двухстах от меня Ил-62. Моторы уже перестали работать. К самолету подъехал трап. За ним медленно следовали два автоматчика и офицер в пятнистом комбинезоне. Солдаты остались внизу, а офицер поднялся по трапу.

Горячий воздух переливался над полем аэродрома, как вода. Пахло бензином, перегоревшим рисом и какими-то пряностями, которые, сливаясь с запахом машин, создавали специфический, не очень приятный запах, свойственный всем тропическим аэродромам.

Отар Давидович Котрикадзе

Я разговаривал с Володей, смотрел в окно — делал все, что положено пассажиру, а мысли бегали по кругу — что делать? Внизу тянулись невысокие зеленые горы, синие ниточки рек — лесное безлюдье. Потом показалась широкая плоская равнина, горы разбежались, растаяли в дымке на горизонте. Долина была поделена на большие и маленькие квадратики — рисовые поля, среди них в купах деревьев прятались деревеньки, иногда выглядывала белая или золотая пирамидка буддийской пагоды. Мне казалось, что я, обретя сказочной остроты зрение, вижу, как по пыльным улочкам деревень проходят военные патрули, люди прячутся в домах — кому сейчас дело до землетрясений!

Самолет снизился над окраиной Лигона и, легонько подпрыг-

нув на бетонной полосе, покатил к зданию аэропорта. В позапрошлом году, возвращаясь из Австралии, я провел здесь часа два. Я запомнил только просторный зал ожидания с фреской во всю стену, изображающей мифологическую сцену с обезьянами, витязями и демонами — наверно, из Рамаяны.

Пассажиры начали отстегивать ремни, шевелиться, предвкушая отдых в кондиционированном аэропорту, но стюардесса тут же разочаровала их, объявив, что из самолета выходить нельзя. Никто, кроме нас с Володей, не знал, в чем дело. Поднялся ропот. Особенно возмутились две одинаковые американские бабушки-туристки с сиреневыми буклями и в шляпках с цветочками.

Я поднялся с места, собирая бумаги в портфель. Стюардесса взглянула на меня с осуждением, но тут же вспомнила и спросила:

— Вы тут выходите?

— Да. Вдвоем.

— Все равно сидите пока. Мы вам скажем.

— У нас груз, девушка, — сказал я. — Если стоянка сократится, придется спешить.

— Вряд ли. Нам все равно заправляться. Скорей бы представитель Аэрофлота приходил.

Я послушно сел, положив портфель на колени и стараясь не думать о том, что находится; вне моей власти. Володя приклеился носом к иллюминатору, и для меня остался лишь узкий полумесяц стекла, за которым были видны стена аэропорта и клочок выцветшего от жары неба. Сзади открылась дверь, и самолет чуть вздрогнул, когда о фюзеляж ударился трап. Волна влажного горячего воздуха прокатилась по салону. Между кресел, словно подгоняемый этим воздухом, быстро прошел офицер в пятнистом комбинезоне и высокой фуражке. Его появление было событием, оправдывающим странное для пассажиров поведение стюардессы.

— А там танк стоит, — сообщил Володя. — У здания. А у трапа два автоматчика. Может, нас вообще не выпустят?

Офицер вышел из кабины. За ним шел наш пилот. Офицер встал лицом к пассажирам и медленно заговорил на старательном, школьном английском языке:

— Пассажиры в Лигон, следуйте за мной. Остальные пока ждут. Потом мы скажем.

Поднялся недовольный гул, но офицер четко, словно на параде, прошел к выходу, не обращая внимания на требовательно протянутые руки и возмущенные голоса. Мы с Володей поспешили за ним, и я почувствовал неприязнь, с которой на нас смотрели остающиеся

ся, — неожиданно мы стали привилегированным слоем этого маленького замкнутого общества, а так как особых заслуг у нас не было, общество считало наше возвышение несправедливым.

Воздух снаружи был таким плотным и горячим, что я на мгновение задержался наверху трапа, чтобы собраться с духом и сделать следующий шаг. Я как назло был в темной шляпе, костюме, с плащом через руку и являл собой экзотическое и, возможно, комическое зрелище.

— Я согласен улететь обратно, — сказал Володя, спускаясь за мной. — Такой жары я не встречал даже в Каракумах.

— Неправда, — сказал я, не оборачиваясь. — Там было жарче. Только суше. Здесь влажность большая.

Мы шли вслед за офицером через поле к спасительной прохладе и тени аэропорта. Навстречу нам широко шагал низенький коренастый мужчина в мокрой голубой рубашке, в походке и прическе которого все выдавало моего соотечественника. Сколько раз мне приходилось встречать за рубежом наших специалистов, туристов, фирмачей, но даже если он живет здесь пять лет, опытный глаз всегда отличит русского. В этом есть какая-то мистика.

— Вы Котрикадзе? — спросил мужчина по-английски. Он не отличался моей проникательностью.

— Да, — ответил я по-русски. — Вы нас встречаете? У нас груз...

— Не беспокойтесь. Вас встречает товарищ Вспольный из СОДа. Вот там, под навесом стоит. А я представитель Аэрофлота. Спешу выручать пассажиров, пока не изжарились. Никто сегодня не хочет брать на себя ответственность. Аэродром вообще закрыт, чтобы кто-нибудь не воспользовался... Вы знаете, что у нас произошло?

Над самыми головами пронесся реактивный самолет. Когда я оторвал от него взгляд, представитель Аэрофлота уже разговаривал с офицером в пятнистом комбинезоне.

В тени у здания аэропорта таился толстый товарищ Вспольный из СОДа. То ли из солидарности с нами, то ли из любви к этикету Вспольный парился в пиджаке, его мягкое невыразительное лицо было красным и распаренным, редкие желтые волосы прилипли к черепу, лишь на висках, над ушами завились тугими колечками. Он прицелился в нас маленькими светлыми глазками, защищенными толстыми стеклами круглых очков в тонкой оправе, сделал шаг навстречу и замер, будто не был уверен, нас ли должен встречать. Я протянул руку, он прикоснулся к ней теплой влажной ладонью и с облегчением сказал:

— С приездом. Наконец-то. Пройдемте в зал, а то здесь крайне жарко.

Мы расселись в низких креслах в зале, напоминавшем рай для правоверных мусульман. Правда, в этом прохладном раю были закрыты все киоски и отсутствовали гурии — мы были его единственными обитателями. Вспольный положил на столик пачку «Кента», я сразу заговорил о нашем багаже, но Вспольный остановил меня:

— Ситуация резко изменилась. Сегодня ночью имел место военный переворот, значение которого мне лично еще не во всех деталях ясно.

— Знаем, — сказал Володя, разглядывая фрески и разрушая этим таинственную атмосферу, навеянную тоном и словами Вспольного.

— И как это отразится на нас? — спросил я.

— На вас? Ваша командировка в горы будет отложена, — ответил он убежденно. — До лучших времен.

Он не совсем понимал, зачем мы приехали.

— Исключено, — сказал Володя со свойственной ему прямоотой. — Лучших времен не будет.

Вспольный ответил мне, а не Володе. Видно, он рассудил, что я начальник.

— Не беспокойтесь, Отар Давидович. Все будет улажено. Иван Федорович направил меня специально для того, чтобы вы не беспокоились. Сейчас мы получим багаж и поедем в гостиницу. У вас есть переводчик?

При этих словах он посмотрел на Володю. Володя покраснел — он легко краснеет — и ответил:

— Я не переводчик. Я геофизик.

— Ну что ж, тогда раз представитель Аэрофлота... Дайте мне ваши паспорта и квитанции на багаж. Вообще-то вас должен был встретить представитель лигонской стороны, но в свете...

Мы отдали ему паспорта и прочие бумаги.

— Вы посидите, — сказал Вспольный. — Боюсь, что даже носильщиков сегодня нет...

С этими словами он вытащил свое мягкое тело из кресла и побрел к двери. Не успел он скрыться за ней, как в зал на последнем издыхании ввалились пассажиры нашего самолета. Они бросались к креслам, как верблюды к источнику. Замыкая процессию, бок о бок шли офицер в пятнистом комбинезоне и представитель Аэрофлота, довольные собой, по-отечески добрые к спасенным пассажирам. Представитель Аэрофлота узнал нас и спросил:

— Ну как, нашли Вспольного? Он все сделает, не беспокойтесь. Я прослежу.

Откуда-то возник изможденный индус и начал быстро распаковывать киоск с сувенирами. Сверху по лестнице сбегал официант в малиновой livree с подносом, уставленным бутылками кока-колы. Бутылки были потными, и из них под одинаковыми углами торчали соломинки. Нам с Володей тоже досталось по бутылочке. Высокий худой офицер остановился у наших кресел и спросил:

— Господин Котрикадзе?

Я поднялся.

— Господин Ли?

Что еще приключилось? Беды не ходят поодиночке.

— Следуйте за мной, — сказал офицер.

Я обвел глазами зал в поисках представителя Аэрофлота, но тот куда-то исчез. Бабушки в цветочных шляпках смотрели на нас с сочувствием. Мы уже не были выскочками. Мы попали в плен, а жалкая судьба пленников вызывает у зрителей сочувствие.

Тильви Кумтатон

Предыдущую ночь я провел в штабе бригадира Шосве. Командующий использовал меня для связи с военными округами. Затем я был вместе с ним на первом заседании Революционного комитета. В три тридцать мне пришлось с двумя танками блокировать полицейский участок в нижнем квартале, потому что тамошний начальник решил сохранить верность правительству. К сожалению, моим танкистам не пришлось сделать ни одного выстрела. При виде танков полицейские скрутили своего начальника и сдались в плен. В четыре тридцать началось совещание бригадира с лидерами политических партий, а через сорок минут мне пришлось покинуть совещание и вылететь на истребителе в порт Калабам с приказом бригадира об отстранении полковника Синве. Когда я добрался до пыльного Калабама, полковник Синве уже успел бежать к тайландской границе, и мой визит оказался пустой формальностью. В девять двадцать мой самолет вновь опустился в Лигоне. Мне хотелось спать. В десять десять я вернулся в президентский дворец. Кабинет бригадира Шосве находился в бывшей столовой президента — гурмана и чревоугодника. На белом овальном столе были расстелены карты. Окна были распахнуты. Фен под потолком гонял воздух, и бригадир, чтобы не разлетались листы, прижимал их по краям ладонями.

— Все в порядке, Тильви? — спросил бригадир.

Он совсем не изменился с той поры, когда был начальником нашего военного училища.

— Все в порядке, бригадир, — сказал я.

— Отлично. У нас для тебя новое задание. Выспишься потом, когда победим. Полетишь сегодня в Танги. Там на всю провинцию только одна рота. Возьмешь полевую рацию, полковник Ван подготовил тебе документы. Да, еще дам тебе автоматчиков. Из первой бригады, надежные люди.

Я мог гордиться поручением бригадира. Хотя это была не прогулка. Там хозяин — князь Урао. А в городе много его сторонников.

— С этой минуты ты комиссар Временного комитета в округе Танги в чине майора.

— Я капитан.

— Преимущество революции заключается в том, что ее участники могут в случае победы рассчитывать на повышение в чине. В случае поражения — на веревку. Ясно?

Бригадир не улыбался.

В дверь заглянул автоматчик.

— Пришли, — сказал он.

— Пусть войдут.

В столовую вошли прилетевшие из Джакарты лидеры оппозиции.

— До свидания, — сказал мне бригадир и поспешил вокруг стола, чтобы встретить союзников, а может, и соперников. На полпути он вдруг остановился и сказал:

— Не удивляйся, когда полковник Ван скажет тебе о двух иностранцах, профессорах. Это мой приказ.

Кабинет начальника оперативной части полковника Вана помещался в музыкальной гостиной, где президент хранил коллекцию народных музыкальных инструментов. У стен стояли высокие старинные барабаны, над ними висели лютни, бамбуковые дудки, колокольчики, а посреди белой вороной красовался рояль цвета слоновой кости.

— Можно поздравить с повышением? — спросил меня мрачный Ван. Он тоже давно не спал. На его плечах лежала вся писанина, а помощников было мало — никто в революцию не хочет заниматься писаниной.

— Надо достать звездочки, — сказал я. — В документах, наверно, указано, что я майор.

— О, мальнишеское тщеславие! — воскликнул Ван. — Не

зазнавайся. Я тебе открою тайну: ты получил майора, потому что комендант Танги — капитан.

— Когда вылетать? — Я счел за лучшее перевести разговор на другую тему.

— Гражданские рейсы отменены, ты полетишь в Танги специальным самолетом. С тобой полетят автоматчики. Возьмешь медикаменты, оружие, газеты, пропагандистский материал... И еще русских геологов с грузом.

— Еще чего не хватало! Русские подождут!

— Они не могут ждать. Это личный приказ бригадира. И ты, капитан, отвечаешь головой за их безопасность. Вот их мандаты на свободное передвижение по округу. И третий, незаполненный.

— Зачем?

— Русские наверняка пошлют с ними кого-нибудь из посольства. Кто знает язык. А не пошлют, разорвешь. Они прилетают из Дели в 12.20. Ты их встретишь.

— Но что за срочность? На нас смотрит весь мир, а мы в первый же день занимаемся какими-то русскими.

— Именно потому, что на нас смотрит весь мир, мы должны быть цивилизованными.

В утешение полковник сделал мне хороший подарок. Он достал новенькие майорские погоны и сказал:

— В машине нацепишь. В штабе этим не занимайся.

К прилету русского самолета я опоздал. Он уже полчаса как прилетел, когда я вошел в здание аэропорта. И еще две минуты я потратил на то, чтобы зайти в туалет, причесаться и взглянуть, к лицу ли мне новые погоны.

Затем я прошел в транзитный зал. В зале толкалось десятка три пассажиров с единственного самолета в порту. Аэропорт закрыт, чтобы желающие бежать за границу не воспользовались оказией.

Я увидел лейтенанта в камуфляжном комбинезоне.

— Послушай, брат, — спросил я его. — Ты курируешь самолет? Кто с него сошел в Лигоне?

Лейтенант показал мне на двух человек, сидевших в креслах и тянувших через соломинки кока-колу. У меня отлегло от сердца. Хотя я и не имел желания обременять себя иностранцами, приказ бригадира следовало выполнить. Если бы они уехали в город, моя задача бы осложнилась.

Один из геологов оказался стройным, подтянутым, сухим мужчиной лет сорока, у него был крупный, как у индийца, нос и густые брови. Он сидел спокойно, положив руки на колени.

Я всегда смотрю на руки человека. Они больше говорят, чем лицо. Я заглянул в мандат, выданный Ваном.

— Господин Котрикадзе? — спросил я. И удивился, что у русского фамилия, похожая на японскую.

Старший из них поднялся.

Я прочитал вторую фамилию:

— Господин Ли?

Второй геолог был не старше меня. Лицо у него было широкое, скуластое. Он был похож на нашего горца. В Советском Союзе живет много национальностей. Возможно, у них есть свои китайцы. Ведь китайцы есть везде.

Я предложил им следовать за мной. Времени было в обрез. Пока мы шли через зал, я представился и объяснил, что встречаю их по поручению Временного комитета. Я спросил, где их документы.

— Их взял представитель посольства. Он должен быть где-то здесь, — сказал Котрикадзе. Он хорошо говорил по-английски.

— Тогда покажите мне его, — сказал я. — Ваш груз и документы не должны проходить таможеню. Вы гости комитета. Мы спешим, нам некогда. Мы вылетаем в Танги.

Юрий Сидорович Вспольный

Я отлично понимал, что в Лигоне произошел военный переворот, задевший самые основы местной жизни. Однако существуют сферы человеческой деятельности, которые не должны зависеть от переворотов. Это относится к медикам, пожарным, наконец, к таможенным органам. Но я потерял пять минут, прежде чем добился появления у барьера таможенного чиновника. Куда-то запропастился и пограничник, а Павел Павлович, сотрудник Аэрофлота, обещавший немедленно доставить груз геологов, сам пропал и груза не привез. Я стоял перед барьером. По другую сторону его пограничник с таможенником читали бумагу, в которой сообщалось, что наши товарищи — гости свергнутого лигонского правительства, и это привело их в такое замешательство, что они предпочитали на меня даже и не смотреть, ждали, пока появится дежурный офицер.

— Я представитель посольства СССР, — сказал я твердо, при этом по-лигонски. — Мои соотечественники прибыли издалека и нуждаются в отдыхе. Визы у них в порядке, и нет оснований чинить им препятствия.

В зал наконец-то въехала тележка с багажом и грузом. За ней шел автоматчик.

Таможенник готов был сдаться, но тут его взгляд упал на четкую надпись на одном из ящиков. Какой-то умник в Москве написал на нем латинскими буквами: «Министерство шахт и промышленности Лигонской Республики». Эта надпись действовала на таможенника, как красная тряпка на быка. Он тут же отложил в сторону бумаги. Служака подставил ему под локоть чашку чая с молоком. Чиновник отхлебнул и сказал:

— Надо ждать.

Я развел руками. Было ясно, что до появления начальства мне не на что надеяться.

К счастью, ждать пришлось меньше, чем я опасался. В гулком пустом зале слышались четкие военные шаги, и я увидел, что к нам подходит в сопровождении геологов высокий молодой офицер в чине майора. Офицер выглядел сурово. Автоматчик вытянулся. Таможенник отставил чашку с чаем. Лишь я сохранил полную достоинства позу.

— Я протестую, — сказал я.

Майор требовательно протянул руку, и догадливый таможенник тут же собрал разбросанные документы.

— Мы не смели без указаний... — начал он.

— Где груз? — спросил майор.

— Вот здесь, на тележке.

— Немедленно отправьте его к третьему подъезду. Там передайте сержанту для погрузки на «вайкаунт».

— Слушаюсь, — сказал таможенник. Он был рад, что кто-то снял с него ответственность. Однако меня такой ход событий не устраивал. Это было похоже на конфискацию.

— Стойте, — сказал я. — Этот груз не подлежит изъятию.

— Почему? — спросил майор. — Это груз правительства.

Он показал на надпись. Геологи вели себя пассивно.

— Будучи представителем посольства, — сказал я, — сопровождающим ученых по территории Лигона...

— Отлично! — У этого майора была привычка не дослушивать собеседника. — Ваше имя, должность?

Майор вел себя так, словно стоял перед строем полка. Я достал визитную карточку.

Не говоря ни слова, майор открыл черную папку, вытащил оттуда квадратный лист бумаги размером в две почтовые открытки и переписал в него мое имя.

— Этот документ я передаю вам по поручению бригадира Шосве, — сказал он. — Подобные документы уже выданы вашим спутникам. Самолет в Танги отбывает через час.

— Что? — сказал я. И тут же принял правильное решение. — Мне надо немедленно позвонить в посольство.

— Разумеется, — согласился майор. И, обернувшись к таможеннику, сказал: — Проводите господина к телефону.

— Слушаюсь! — рявкнул таможенник. Я понял, что он когда-то служил в армии, наверно, в небольших чинах.

10 марта 1974 г.

Канцелярия Президента Республики Лигон (зачеркнуто).

Канцелярия Председателя Революционного комитета Республики Лигон.

Всем, кого это может касаться.

Предъявитель сего, профессор Котрикадзе Отар, выполняет задание комитета, имеющее особое значение для блага лигонского народа. Профессору Котрикадзе дозволен проезд любым видом транспорта в пределах округа Танги и горных княжеств. Местные власти, а также старосты деревень и вожди племен обязаны оказывать ему всяческое содействие транспортом, жильем и любой помощью. Не исполнивший этого указа Революционного комитета будет наказан по законам военного времени.

Председатель Революционного комитета бригадный генерал Шосве

Президентский дворец, ЛИГОН

(Идентичные документы были выданы «профессору» Ли Владимиру и «советнику» Вспольному Юрию.)

Заглянуть в землетрясение

«...Наблюдения ученых в сейсмически активных районах, проведенные с помощью геофизических методов, указывают, что в период «созревания» землетрясения происходят изменения различных геофизических полей — гравитационного, геомагнитного, электрического. Целый ряд ученых разных стран высказывает мысль, что перед сильным землетрясением в некоторых случаях проявляются заметные деформации земной поверхности...»

Применяя в сейсмическом районе методы точных инструментальных измерений, можно обнаружить и малые деформации земной поверхности. Они и должны указать, что где-то в глубинах недр происходят процессы, связанные с будущим землетрясением».

В. Буренков (наш. соб. корр. в Алма-Ате),

«Известия» 3.9. 1973.

Владимир Кимович Ли

Вот и обошлось. А мы волновались. Правда, я еще утром предвкушал вечер в экзотическом Лигоне, шумные восточные улицы и огни реклам. А мы улетаем через час. Но могло быть и хуже.

Пока наш Вспольный бегал куда-то звонить, утрясать и согласовывать, майор в двух словах объяснил шефу ситуацию. Ре-

гулярное сообщение у них прервано. Но в Танги летит спецрейс, который захватит нас. Если мы откажемся, то застрянем здесь неизвестно на сколько.

Видно, майор не сомневался, что мы согласимся лететь. Он прав. Отар делает вид, что иной встречи не ожидал. Можно подумать, что его всегда встречают мрачные майоры и перебрасывают с самолета на самолет.

Майор передал нас солдату, который провел нас наверх, на галерею, где вдоль стеклянной стены располагалось кафе. Солдат указал на столик у окна. Официант в малиновом костюмчике накрыл столик на троих. Я не был голоден, но Отар велел мне поесть — неизвестно, когда это случится в следующий раз. На взлетном поле одиноко стоял наш ИЛ с красным флагом на стабилизаторе. Около него остановился желтый бензозаправщик с раковиной «Шелл» на борту. В кафе было прохладно и совсем пусто, если не считать шумной индийской семьи с детьми, бабушками и дедушками в углу и одинокой девушки через два столика от нас. Черные прямые волосы девушки были собраны в тяжелый пук на затылке и украшены белым цветком. Перед девушкой стоял высокий бокал с лимонадом, но она не пила. Потом в кафе вошел экипаж какой-то европейской авиакомпании. Две стюардессы в голубых кокетливых пилотках и с прямыми до плеч светлыми волосами. Стюардессы сели рядом, закинув ногу на ногу — ноги были красивые и длинные. Пилоты тоже сели. У них были квадратные мужественные подбородки, словно их подбирали по конкурсу фотографий.

— Володя, погляди, не ищет ли нас Вспольный, — сказал Отар.

Я подошел к перилам галереи и заглянул вниз. Отар был прав. Вспольный стоял посреди пустого зала, сверкал очками, разыскивал нас и опасался, что нас опять куда-нибудь увели. Он поднял голову, увидел меня и обрадовался.

— Идет, — сказал я Отару, возвращаясь на свое место. Я поглядел, тут ли девушка с цветком. Она так же сидела перед нетронутым бокалом. Мне ее стало жалко.

Вспольный был взволнован.

— Ума не приложу... — сказал он Отару. Он вообще предпочитал разговаривать с Отаром. — Такая ситуация, и все на мою ответственность.

Отар вежливо налил ему лимонада.

— Спасибо, — сказал Вспольный, — нет желания.

И тут же в два глотка опустошил бокал.

К девушке за соседним столиком подошла пожилая массив-

ная женщина с напудренным смуглым лицом. Женщина была в национальной одежде — длинной юбке и белой блузке с широкими пышными рукавами.

— Значит, так. — Вспольный снял очки и протирал их платком. — Мне удалось связаться с посольством, и я имел беседу с Иваном Федоровичем. Оказывается, в посольство уже звонили из Революционного комитета и сказали, что лигонская сторона обещает выполнить взятые предыдущим правительством обязательства.

— Ну и хорошо, — сказал Отар.

— Да, — вздохнул Вспольный, — за исключением того, что в горах сложная обстановка, а мы должны вылетать. Иван Федорович специально обратил мое внимание на это и просил довести до вашего сведения. Вы можете отказаться от поездки, и никто не будет вас упрекать.

— Исключено, — сказал я.

— Мы уже об этом говорили, — сказал Отар. — И летим. Но вы можете остаться.

— Нет, — возразил Вспольный без энтузиазма. — Если вы летите, то и я лечу. Так сказал Иван Федорович. И Революционный комитет выдал мне специальное разрешение.

Вспольный дотронулся до пиджака, показывая, где у него лежит это разрешение.

— Я даже собраться не успел, не переоделся...

— Мы с вами поделимся, — сказал я. — А зубную щетку и полотенце купим.

Не надо было мне вмешиваться. Вспольный посмотрел на меня с укоризной. Я представил себе, какая буря бушует в сердце нашего толстяка — в горы, в глушь, в Саратов — и без зубной щетки! Но меня сам черт за язык тянул. Я позвенел в кармане мелочью и сказал:

— Я сейчас, одну минутку.

— Володя, не дури, — сказал Отар. Он все понимал, он знает меня как облупленного.

Человек часто совершает двойные поступки. Так и я. Вроде бы поспешил за зубной щеткой для нашего сопровождающего лица, а притом хотел взглянуть, куда пожилая женщина увела ту печальную девушку.

В зале внутренних авиалиний ее не было. Упустил. Вся жизнь, должен сказать, соткана из встреч и расставаний, и, как известно, расставаний больше, чем встреч.

Киоск, торговавший всякой мелочью, был открыт. Возле него

стоял лишь один покупатель — грузный невысокий индеец, странно выглядевший в теплом черном пиджаке, белой тряпке, обмотанной наподобие кальсон вокруг ног, и черных, замечательно начищенных ботинках. Словно он торопился из дому и забыл натянуть брюки. Голову его притом украшала вязаная шапочка, как у лыжника. Индеец держал в руке такой же грузный, как и он сам, сакво-ж (вещи и собаки часто похожи на своих хозяев), а перед ним на прилавке лежала куча лекарств в пачках, бутылочках и целлофановых пакетиках. Я заподозрил, что он намеревается открыть небольшую аптеку. А может быть, он так сильно болен? Я пригляделся. Но не обнаружил на его лице никаких следов близкой кончины. Профиль у него был строгий, античный, как у римского кесаря периода упадка. Если бы убрать один из трех подбородков, облачить его в латы, то не стыдно поставить такого героя во главе легионов. Но когда он, почувствовав мой взгляд, обернулся, оказалось, что фас его никак не соответствует героическому профилю. Подбородок и линия носа терялись в массе обвислых щек, а желтые белки черных глаз и слишком красные губы делали его похожим на клоуна, который не успел снять грим.

Я показал на зубную щетку и сказал по-английски «плиз», что означает «будьте любезны», затем отыскал глазами тюбик зубной пасты, надеясь, что это не крем для бритья. Продавщица выложила товар на прилавок и информировала меня по-английски, что все это обойдется мне в два вата. Я достал пятидолларовую бумажку.

— Ноу, — сказала женщина, показав на курившего метрах в двадцати солдата. Все ясно, сегодня мы принципиально не имеем дела с иностранной валютой.

— Я помогу вам, — сказал толстый индеец. — Банк закрыт.

Чтобы я не заподозрил его в злых умыслах, он показал на окошко с английской надписью «Обмен валюты, чеки путешественников». Окошко было закрыто.

Я взглянул на продавщицу. Я не был уверен, что поступаю правильно, вступая в валютные сделки с иностранцами, но зубная щетка была мне нужна.

Женщина отвернулась.

— Совершенно честно, по курсу, — сказал индеец.

На указательном пальце у него было два золотых перстня. Один из них с красным камнем. Его пальцы двигались с поразительной быстротой, и алые губы шевелились в такт — я догадался, что он производит сложные математические расчеты, переводя доллары в ваты и стараясь меня при этом случайно не обмануть.

Не успел я опомниться, как у меня в руке были две купюры

по десять ватов, одноватовая бумажка и много мелочи. А пять долларов исчезли в кармане пиджака.

— Спасибо, — сказал я индийцу. — Спасибо, — сказал я продавщице. Она изобразила улыбку. Индиец поспешил в дальний конец зала. Там обнаружился наш майор, возле него стояли пожилая напудренная дама и грустная девушка. Майор беседовал с женщинами, а индиец стоял в пяти шагах, скособочившись под тяжестью саквояжа.

Юрий Сидорович Вспольный

Выходка Владимира Ли вывела меня из себя. Я сам бы купил себе все необходимое. Я смотрел в окно, как цепочка пассажиров вливалась по трапу в темное чрево самолета, и представлял, как им там жарко. Отар Давидович тщательно пережевывал салат, а у меня не было аппетита. Затем мы с ним начали есть протертый томатный суп — неизбежную принадлежность такого рода заведений. В аэропорту господствует выхолощенная европейская кухня. Я даже мог угадать, что последует за супом: невкусный бифштекс с кетчупом и обжаренными ломтиками картофеля.

Пожалуй, на месте Ивана Федоровича я бы настоял на том, чтобы дать отдохнуть нашим товарищам, прежде чем кидать их в отдаленный район. Однако я тут же изгнал эту мысль из головы, ибо Иван Федорович облачен ответственностью, позволяющей ему принимать решения. Я был легко одет, а в горах вечерами температура падает чуть ли не до нуля. В моем распоряжении находилась лишь небольшая сумма денег, случайно оказавшаяся в бумажнике. Правда, Иван Федорович заверил меня, что деньги будут немедленно переведены в тангийское отделение банка.

— Простите, — отвлек меня голос Отара Давидовича. — Но хочу заверить вас, что желание Володи купить вам зубную щетку — не вызов. Он очень отзывчивый молодой человек.

— Я сам могу о себе позаботиться, — отрезал я. Но тут же спросил: — Сколько мы пробудем в Танги?

— По нашим расчетам, чуть более двух недель. Может, меньше, может, и месяц.

Ответ меня удивил. Оформление заграничной командировки требует точности и знания сроков. Это связано с валютными расходами, билетами, переговорами с соответствующими зарубежными организациями...

— Тогда я уточню вопрос: на какой срок выписана командировка?

— Без срока.

Я откашлялся. Я не видел оснований скрывать от меня обстоятельства поездки. Если лигонская сторона в курсе, то я, как ответственный работник, имею полное право...

— Не поймите меня превратно, — сказал Котрикадзе. — Длительность нашей командировки зависит от Бога.

— От лигонской стороны? — уточнил я.

— Нет, от Господа Бога.

Я пожал плечами.

— Даже от конкретного бога. От Плутона. Вы, видно, не успели ознакомиться с деталями?

— Меня подключили лишь за час до вашего прилета. Если бы не переворот...

— Мы с Володиной работаем в ЛПСЗ. Это расшифровывается как лаборатория по прогнозированию сильных землетрясений.

— Да, я видел это название в письме.

— Мы разрабатываем методику предсказания землетрясений. Нам удалось добиться некоторых успехов. Особым образом измеряя напряжения в различных участках земной коры, мы можем определить очаг будущего стихийного бедствия и даже его сроки.

К столику подошел Володя Ли. Он держал в руке пакетик, который положил на стол у моей руки. Затем как ни в чем не бывало уселся на место и набросился на салат.

Я развернул бумагу. Внутри лежали зубная щетка и крем от перхоти.

— Спасибо, — сказал я холодно. Я устал от этих мальчишеских выходов. — Сколько я вам должен?

— Потом сочтемся.

— Володя, не устраивай купеческих представлений, — сказал Котрикадзе. — Юрий Сидорович их не любит.

— Два вата за все, — сказал Ли.

Я молча передал молодому человеку деньги. Отар Давидович крутил в пальцах тюбик с кремом.

— Так и знал, — сказал он Володе Ли. — Тебе еще учиться и учиться.

— А что?

— Это крем от перхоти.

— Ужас! Я забыл, как по-английски «зубная паста».

Он был расстроен. Меня это раскаяние, как ни странно, не сколько примирило с молодым человеком.

— Я сбегая поменяю, — сказал Ли.

— Не беспокойтесь, я найду применение крему, — остано-

вил я его. — Продолжайте, Отар Давидович. И не старайтесь излагать свои мысли популярно. Надеюсь, моего образования хватит, чтобы следить за ходом изложения.

— Не сомневаюсь, — согласился со мной Отар Давидович. Он отхлебнул кофе. — Недавно нами окончены испытания установки, позволяющей улавливать и измерять напряжения в любой точке земного шара. Следовательно, если мы получаем такого рода информацию, скажем, с Камчатки, мы тут же обращаемся к сейсмическим картам и определяем, нет ли в том месте опасного разлома... Но такие карты составлены далеко не везде.

— В том числе их нет в Лигоне, — догадался я.

— Карт здесь, конечно, нет, — поддержал меня Ли.

— Дело не только в картах, — продолжал Котрикадзе. — Мы засекали сигналы, источник которых находится в четырехстах километрах к северу от Лигона. Конвекционный поток, движущийся по границе разлома, может привести к стрессовой ситуации в течение ближайших недель. При этом в зависимости от характера местности предполагается освобождение энергии порядка...

— То есть будет землетрясение?

— Возможно, крайне сильное. Мы передали наши сведения в академию, а оттуда они были посланы в Лигон.

— Представляете, — вмешался Ли, — взяли данные через половину шарика! Первая удача такого масштаба.

— Вернее, редкое по силе землетрясение, — добавил Котрикадзе.

— И вас пригласили в Лигон? — Я не трусливый человек, но обыденность, с которой они говорили о том, что собираются провести ближайшие дни буквально на вулкане, меня нервировала.

— Для локализации очага и определения даты возмущения мы должны провести полевые исследования.

— И землетрясение, которое вы предсказываете, может начаться в любой момент? — Эти слова вырвались у меня помимо моего желания. И жаль, что я не сдержался. Ли откровенно усмехнулся. Но Отар Давидович был тактичнее.

— Во-первых, оно может вообще не начаться, — сказал он. — Рост напряжения не обязательно приводит к катаклизму. Все зависит от конкретных условий.

— Ну а если?..

— Наша задача — определить сроки и силу землетрясения. И рекомендовать меры по защите населения и имущества.

— Мы как врачи на чумной эпидемии, — сказал Ли. — Совсем не обязательно заражать себя чумой. Лучше, если вылечим других.

В его словах я уловил иной смысл. Ведь известны же случаи, когда врачи сознательно заражали себя чумой. В интересах науки. Хотя в данном конкретном случае...

— А разве местные ученые не могли провести все это без нашей помощи? Ведь землетрясение предсказано...

— Предсказано! — Ли совершенно не умеет владеть собой. Он почти кричал, забыв, что находится в зарубежной стране, где за ним, представителем великой державы, наблюдают тысячи далеко не всегда доброжелательных глаз. — Кому это удавалось до нас? Каждый школьник знает, что над этой проблемой бьются тысячи ученых! Наша лаборатория разрабатывала методику двадцать лет, и ни одного года мы не провели дома...

— Сколько вам лет? — прервал я несколько неуместный поток красноречия молодого ученого.

— Тридцать один. Я каюсь моложе.

К нам подошел майор, которому было поручено осуществлять связь с нашими специалистами от имени лигонской стороны.

Тильви Кумтатон

Я решил, что выплещусь в самолете, и эта мысль меня утешила. И я занялся делами. Из всего экипажа на аэродроме обнаружился только второй пилот. Дежурный помочь мне не мог — у него еле хватило людей, чтобы обслужить транзитные рейсы. Пришлось связываться через Вана с командованием ВВС. Вместо десяти автоматчиков, которых мне обещали, приехали только восемь. Врач исчез. Зато появился лейтенант из управления пропаганды с кипами листовок и сказал, что летит с нами. Радииста кто-то по ошибке направил в морской порт. При этом возникали тысячи мелочей — то мне звонили из ресторана, чтобы выяснить, кто будет платить за обед для русских, то обнаруживалось, что к миномету, который прислали из штаба округа, нет мин. Потом управление снабжения потребовало, чтобы я обеспечил место директору Матуру, а я этого директора в глаза не видал... На секунду я замер посреди зала, чтобы привести в порядок мысли, и тут рядом со мной возникла тетушка Амара, моя родственница, у которой я жил, когда учился в университете. Она драла с меня за постой дорожке, чем в гостинице «Кинг», а удрать от нее оказалось труднее, чем из объятий питона.

— Кумти! — воскликнула она, словно специально приехала из города, чтобы полюбоваться моей военной формой. — Как ты вырос, мой мальчик!

— Здравствуйте, тетя Амара. Что вы здесь делаете?

— Такое счастье, — продолжала она, не отвечая на мой вопрос, — что именно ты командуешь рейсом в Танги!

Каким-то чудом по аэродрому распространился слух, что в Танги уходит спецрейс, и уже человек двадцать пытались получить у меня место. Я мог бы разбогатеть.

— Это военный рейс, тетушка, — сказал я. Наверно, она тоже собралась в горы.

— Неважно, — отрезала тетушка. — Ты обязан помочь нашей родственнице. Бедная девочка едет к умирающему отцу, которого ранили бандиты. Ты не можешь ей отказать. Покойные предки вернутся оттуда, чтобы преследовать тебя.

Она толстым наманикюренным пальцем показала в пол, откуда придут мои предки.

Я попытался отказать. Но если вы полагаете, что я победил тетушку, вы плохо знаете силу родственных связей в Лигоне. Тетушка Амара тут же передала мне привет от моего двоюродного дедушки, пригрозила мне гневом дяди и наконец бросила в бой тяжелую артиллерию в виде девушки, красота которой поколебала мои бастионы.

— Тетушка Амара просила за меня, — сказала девушка, стараясь не робеть. Она была одета так, как одеваются студентки в небогатых семьях, сочетая традиции с европейской модой. — Я бы не посмела беспокоить вас, если бы не мой отец. А я везу лекарство, которое может ему помочь.

Я хотел было сказать, что с удовольствием отвезу лекарство и передам его по назначению, а вместо этого услышал свой собственный хриплый голос, приказывающий девушке пройти к выходу номер три и сказать там солдату, что ее прислал майор Тильви.

Я пытался оправдать себя тем, что если бы мой отец был болен... но должен признаться, что решающую роль сыграла боязнь гнева родственников.

Шагах в пяти от меня стоял толстый индеец в пиджаке, надетом поверх дхоти, с губами, измазанными бетелем, и с толстым саквояжем в руке. Он слышал весь разговор и этим меня разозлил. Ну уж ты, голубчик, места на самолете не получишь, подумал я и тут же услышал:

— Господин майор, куда мне проходить?

— А какое мне дело?

— Я лечу с вами в Танги, — сказал он.

Я не люблю торгашей независимо от национальности. Но я был официальным лицом.

— На этот рейс пассажиров не берут.

— Даже прекрасных девушек?

Это было слишком. Я повернулся и пошел прочь. Индеец обогнал меня и старался поймать мой взгляд.

— Я пошугил, господин майор, — сказал он. — Я директор Матур. Я имею право лететь.

— Какой еще директор Матур?

Торгаш в мгновение ока извлек аккуратно сложенную бумагу на бланке управления снабжения. В ней доводилось до моего сведения, что директор Матур направляется в Лигон по делам революционного правительства.

— Вы можете проверить, — сказал он. — Вы можете позвонить. Моя репутация...

Я не стал звонить. Я вспомнил, что мне уже звонили. Мне не хотелось с ним разговаривать.

— Вы знаете, куда идти?

— Разумеется, к выходу номер три.

Удивительно, подумал я, когда он успел получить эту бумагу? У этого человека солидные связи.

Наконец нашелся первый пилот — его прислали с базы ВВС. Мой экипаж был кое-как укомплектован, миномет выброшен, патроны для гарнизона в Танги получены, груз русских геологов был на борту. Я поднялся в ресторан и пригласил русских в самолет.

— Груз на месте, — сказал я.

Юрий Сидорович Вспольный

Майор с новенькими погонами на плечах, которые не вязались с пропотевшей запыленной формой, видно, только что произведенный прямо из лейтенантов, пригласил нас к самолету, заверив, что груз уже на месте. Мы последовали за ним через пустой зал, и тут меня остановил крик:

— Юрий, погоди!

Мы остановились. К нам подбежал взмокший, растрепанный Саша Громов. На мгновение меня охватило чувство облегчения, что мой вылет отменяется. Но оказалось иначе.

Громов протягивал мне мой же чуть потертый атташе-кейс, купленный в прошлом году в Дели и всегда сопровождавший меня в деловых поездках.

— Мне твою комнату сторож открыл, — сказал он. — Здесь мыло, щетка и так далее. Еще я рубашку положил и, простят меня дамы, трусики.

Последнее слово он произнес, понизив голос, однако даже эта неуместная шутка не перевесила чувства благодарности, овладевшего мной.

Громов вытащил бумажник и, протягивая мне пачку денег, продолжал:

— Тут пятьсот ватов. Все это не от меня, а от Ивана Федоровича. Он вспомнил, что ты отправляешься в поход гол как сокол. Потом в бухгалтерии отчитаешься. Если понадобятся деньги, телеграфируй прямо мне. Я в курсе.

Он обернулся к моим спутникам, представился им, передал наилучшие пожелания от Ивана Федоровича и добавил:

— Что касается Юрия Сидоровича, то он лучший в посольстве знаток лигонского языка и тщательно собирает материалы для будущей книги об этой чудесной стране.

Я был тронут личной заботой Ивана Федоровича, пониманием важности моей миссии.

— Не буду вас задерживать, — сказал Громов. — Ни пуха, ни пера!

— Катись к черту! — в сердцах сказал я.

Мы попрощались с Громовым, а он стоял в дверях, пока мы не скрылись в багажном отделении.

За дверью, ведущей прямо на летное поле, жарился на солнце небольшой «вайкаунт» местных авиалиний. В дверях толпилась группа людей. Несколько солдат, молодой лейтенант, толстый индеец в пиджаке поверх дхоти с красными от бетеля губами и молоденькая девушка, возможно, медицинская сестра, в длинной юбке с увядшим белым цветком дерева татаби в черных как смоль волосах. Девушка была красива той характерной для Юго-Восточной Азии хрупкой, изящной, какой-то птичьей красотой, которая приятно подчеркивается независимостью осанки, происходящей от самостоятельности, которой испокон веку пользуются в Лигоне представительницы прекрасного пола. Всем известно, что еще в XIV веке в армии короля Нанасабаука числился женский отряд. И прекрасные амазонки верхом на слонах сыграли важную роль в битве с бирманской армией под стенами монского города Пегу.

Наша небольшая процессия пересекла раскаленную полосу бетона, отделявшую аэропорт от самолета. Шел третий час, жара была тяжелой, отягощенной близким муссоном. Я подумал, что Громов наверняка забыл положить, в чемоданчик мою верную полотняную кепочку.

Поднявшись по короткому шаткому трапу в присевший на

хвост самолет, я внутренне сжался от ожидавшей меня духоты. И не ошибся в худших ожиданиях. На секунду я задержался, размышляя, сесть ли мне поближе к двери, сквозь которую проникал воздух, или занять место в хвосте, где больше шансов уцелеть при вынужденной посадке. Наконец сел сзади и начал обмахиваться найденным в спинке кресла журналом. Майор решил солдатам снять каски и расстегнуться. Сам остался при полном параде.

— Отар, я сейчас умру, — услышал я слабый голос Ли.

— Нельзя ли попросить воды? — спросил индеец.

— Потёрпите, — услышал его майор.

Дверь закрылась, медленно начали вертеться винты. Наконец самолет сдвинулся с места. И когда я уже буквально терял сознание, самолет оторвался от земли, и вскоре в кабину хлынул прохладный воздух. Я с минуту наслаждался им, затем застегнул ворот, чтобы резкое переохлаждение тела не привело к простуде.

Землетрясение в Иокогаме

«1 сентября 1923 года началось так же, как многие прекрасные дни ранней японской осени. Я поднялся еще до восхода солнца. В чарующей тишине раннего утра я наблюдал мягко надвигающийся рассвет. Серебристый месяц смотрел вниз на тихие, почти неподвижные воды... Сегодня мои друзья уезжали домой, и я должен был их проводить...

Пирс имел праздничный вид, он был украшен флагами, развевающимися на ветерке. Наконец в без одной минуты 12 сходи были подняты, множество рук с платочками поднялось для последнего прощания, лица расплылись в улыбку или принимали печальное выражение.

Внезапно люди вытянулись, и на какое-то мгновение все замерли, прислушиваясь к подземному гулу... Этот гул сигнализировал парализованным страхом людям о катастрофе. Огромный пирс заколебался — удержаться на ногах было невозможно. Люди поднимались, но их тут же кидало на асфальт. Крики обьятых ужасом мужчин и женщин заглушались грохотом разваливающихся строений и ревом земли. Люди чувствовали себя так, словно очутились внутри колеса парового катка, катящегося по разбитой дороге.

Инстинктивно я попытался покинуть пирс, но в это время произошел второй, еще более сильный подземный толчок. Пирс разламывался под действием страшной силы. Деревянная часть его упала в воду. Я почувствовал, что куда-то лечу. Ухватившись за наружный заборный трап, я выбрался на уцелевшую часть пирса. Я увидел, что привычная панорама Иокогамы закрыта темной завесой пыли, нависшей над городом и приближающейся к морю. Я понял, что рев, который последовал за первым толчком, означал неожиданное разрушение огромного города. Вслед за пылью в воздух поднимались столбы черного дыма и пламени. Подгоняемый усиливавшимся ветром, огонь быстро распространялся, горящие головешки летали над головами... Приблизившись к складам на каменной набережной, пламя прыгнуло на них, как тигр на добычу,

и с громким треском взвилось в небо, торжествуя победу. Ветер превратился в ураган. Волны носили по гавани горящие лихтеры, и те несли с собой разрушение и смерть».

Эллис М. Захариас. «Секретные миссии». М., 1959.

Тильви Кумтатон

Все обошлось. А я боялся, что кто-нибудь в самолете умрет от жары.

Мы взлетели. Директор Матур вытащил из саквояжа шерстяной шарф, замотал шею и принялся сосредоточенно жевать бстель, став похожим на черепаху. Девушка — ее зовут Лами — закрыла глаза. Дремлет? Русские, что прилетели из Москвы, оживленно разговаривали, а третий, совсем белокожий, с желтыми волосами, в очках, глядел в иллюминатор и хмурился. Солдаты смеялись. Я прошел к пилотам.

— Когда будем в Танги?

— Через час двадцать, — ответил военный пилот, — если не придется обходить грозовой фронт.

Я вернулся в салон и сел. Почему-то не спалось. Словно я перешел грань, за которой можно уже никогда не спать. Молодой геолог, похожий на горца, улыбнулся мне и спросил на плохом английском языке:

— Когда прилетим?

— Часа через полтора. Вам не жарко?

— Теперь уже нет. Нам приходится много ездить. Мы охотники за землетрясениями.

— Большая охота, — сказал я. — А как вы их убиваете?

— Чаще всего опаздываем, — ответил за молодого геолога профессор Котрикадзе. — Они успевают сделать свое черное дело.

— Я был в одном землетрясении, — сказал я.

— Где?

— В горах южнее Танги. Я жил тогда у дедушки в монастыре, учился в монастырской школе.

— А в самом Танги?

— Лет сорок назад весь город был разрушен.

— Правильно, — сказал профессор.

— Скоро будет новое, — сказал молодой геолог.

— Нельзя предсказать собственную смерть и землетрясение. Так говорит дедушка Махакассапа.

— Когда-то не умели предсказывать и солнечные затмения, — сказал профессор.

— А когда будет землетрясение в Танги? — спросил я. Но ответ меня не интересовал. Я вдруг понял, что если сейчас не усну, то умру от усталости. Профессор что-то ответил, но я уже проваливался в глубокий сон.

А проснулся я оттого, что заложило уши — самолет снижался. Директор Матур склонился надо мной и больно вцепился в плечо.

— Проснитесь, майор!

Владимир Кимович Ли

Наш brave офицер, который полагал, что землетрясение нельзя предсказать, как собственную смерть, заснул мгновенно, не дослушав Отара. Словно его выключили.

— Рядом с городом, в долине есть озеро, — сказал Отар. — Подземный стресс хорошо читается в упругой среде.

Я поглядел в окно. Сначала мы летели над плоской равниной, потом начали появляться невысокие пологие холмы, поля карабкались по их склонам, лишь на вершинах были заметны купы кустарника или деревьев. Потом холмов стало больше, склоны их круче, а лес занимал все больше места, лишь по берегам речек остались проплешины полей и цепочки домиков. Отар что-то писал. Он умеет отключаться и работать. В этом его достоинство и, на мой взгляд, слабость. Я обернулся к девушке. Хорошо, что она все-таки попала в самолет. Девушка закрыла глаза, но длинные ресницы чуть подрагивали. Я сказал Отару, что наш майор не похож на «черного полковника». Отар не любит, когда его отрываю. Он буркнул, что в жизни ни одного «черного полковника» не видал.

Прошло около часа с тех пор, как наш самолет поднялся в воздух. Пить хотелось жутко. Мой организм был совершенно обезвожен. Самолет летел невысоко. Над нами было голубое небо и солнце, зато сбоку, над горным хребтом, стояла стена сизых туч, и мне показалось, что я вижу, как там сверкают молнии. Я решил узнать у кого-нибудь, нет ли на борту воды. Отстегивая ремни, я еще раз взглянул вниз. Мне показалось, что кто-то сигналил нам с земли зеркальцем. Какая чепуха, подумал я, как можно заметить зеркальце с километровой высоты! И в тот же момент я увидел — и не сразу понял значение того, что увидел, — как кто-то невидимый провел над плоскостью самолета рукой, измазанной в чернилах. Чернила упали цепочкой капелек. Самолет тряхнуло, и я тогда догадался, что это не капельки, а дырки в крыле. И тут же из мотора потянулся черный дымок.

Наверно, я непроизвольно привстал и вжался в стекло. Отар сразу почувствовал неладное.

— Что?

Он пытался встать, но его не пускали ремни. Линия горизонта начала медленно клониться, будто перед нами был склон горы. И тут заверещал толстый индеец в пиджаке. Он вскочил, подбежал к майору и стал его трясти.

— Майор, проснитесь! Майор, мы падаем!

Лами Васунчок

Молодой иностранец, похожий на горца, с широким и добрым лицом, довольно бесцеремонно глядел на меня в ресторане, где я ждала тетушку Амару. Наверно, вид у меня был неприглядный. Странно, что в такой тяжелый момент я обратила внимание на молодого человека.

Когда тетушка подвела меня к майору, я с удивлением узнала в нем Тильви Кумтатона, который учился с моим братом в колледже, даже приходится мне родственником и раз или два бывал у нас дома. Меня он, конечно, не узнал. Десять лет назад я была девочкой. Тильви был недоволен тем, что из-за меня придется нарушать правила, но разрешил лететь. Я надеюсь, что у него не будет неприятностей.

Вообще-то все было чудом, цепью чудес. Господин Сун встретился со мной и оказался таким вежливым и отзывчивым. Когда я узнала о перевороте, он велел мне не беспокоиться. Утром я пришла к нему снова, там меня уже ждала тетушка Амара, которую я три года не видела и которая всегда была злой, но у господина Суна вела себя словно мама и сама предложила поехать на аэродром добиться, чтобы меня взяли на самолет. Она выполнила свое обещание.

Потом мы долго ждали у выхода на поле, прежде чем пришел Тильви и с ним иностранцы. Один из них тот, который смотрел на меня. И я обрадовалась, что они полетят с нами, хоть и стыдно в этом признаться.

В самолете молодой иностранец сидел по другую сторону прохода и иногда смотрел на меня. Я делала вид, что не чувствую его взгляда. Я старалась думать об отце. Я знала, что отец может умереть. Поэтому я решилась и пошла к господину Дж. Суну. Я думала об отце и представляла, как ему больно, а потом задремала и не сразу поняла, что случилось. Самолет начал снижаться, но не в Танги, а прямо над лесом. Господин директор Матур громко кричал.

Я испугалась, что мы разобьемся, но еще больше испугалась, что разобьется лекарство. Я прижала сумку к груди, чтобы лекарство не разбилось, если мы упадем.

Директор Матур

Сидя в самолете, я размышлял о том, что прошедшее утро следовало бы внести в графу убытков. Телефонный звонок с аэродрома в город обошелся мне в семьдесят ватов: двадцать — сторожу, который провел меня в кабинет к диспетчеру, и пятьдесят — самому диспетчеру. Это как минимум семь долларов. Даже если вычесть из этого прибыль, которую я получил, обменяв по курсу пять долларов для молодого русского, все равно убыток слишком велик... Но разговор с Тантунчоком все-таки состоялся. Я спросил его, сбылось ли мое предсказание, и Тантунчок вежливо выразил благодарность за предупреждение.

— Готов ли ты поставить точку на вчерашнем разговоре? — спросил я. — События развиваются быстро.

— Я всегда готов обсудить разумные предложения. Мне предлагают за товар двести пятьдесят тысяч.

Что же, цена упала. Тантунчоку нельзя отказать в здравом смысле. Но цена была высока, и я был убежден, что ни один здравый человек не предложит за фабрику такую бешеную по сегодняшним меркам цену. Это я сказал Тантунчоку. И предложил ему сто тысяч, иначе будет поздно.

Я представил себе, как улыбается Тантунчок, как собирают-ся хорошие морщинки у его глаз. И он сказал:

— Исключительно ради старой дружбы я могу уступить товар за двести тысяч.

— Любая половина, — сказал я.

Мой план таил в себе большой риск. Если все пройдет гладко и мне удастся приобретенную фабрику тут же передать управлению снабжения, придется делиться с теми, кто поможет провести эту операцию. Я получу не четыреста тысяч, а не более трехсот. Но где гарантия, что эта сделка состоится? Что расположение, которым меня дарят некоторые влиятельные люди, сохранится завтра? Разумнее было отказаться от сделки вообще, чем рисковать всем свободным капиталом. Ведь в ближайшие дни могут появиться другие соблазнительные предложения — в опасении национализации дельцы будут распродавать недвижимость... О, жестокий Дж. Сун! Сейчас, именно сейчас мне следовало находиться в Лигоне, где вершатся дела. И хоть я

уверен в моем младшем брате Сааде, как в самом себе, у мальчика нет еще опыта и он скарден. Надеюсь, теперь вам понятно, почему я был так непреклонен в беседе с Тантунчоком?

— У меня готовы все документы, — настаивал Тантунчок. От его неприятного голоса у меня чесалось в ухе.

— Я через час вылетаю из Лигона, — сказал я.

— Куда?

— Неважно.

— Может, ты позвонишь мне еще? — В голосе его звучала неуверенность.

Я повесил трубку. Не зря ли я потратил семьдесят ватов?

Самолет миновал долину Кангема. Дальше наш путь лежал через гряду гор к озеру Линили, за которым стеной поднимаются отроги Тангийского нагорья. Я не первый раз летел из Лигона в Танги, хотя предпочитал ехать поездом до Метили, а потом на машине. Этот путь длиннее, зато не кажешься себе жуком в банке, которую можно кинуть и разбить. Минут через двадцать должен был показаться выход из ущелья. Но тут самолет начал менять курс, наверно, из-за муссонных туч, поднимавшихся впереди. Я подумал о том, что в этом году весна была жарче обычного и в деревнях начались пожары. Скорей бы приходил муссон.

Я привстал, чтобы посмотреть, что делает девушка, которую я видел у господина Дж. Суна. Ее присутствие на борту меня тревожило. Я благословлял собственную осторожность, которая заставила меня скрыться в полутьме холла, когда Сун провожал ее из гостиницы. Что за указания она везет в Танги? Не связаны ли они с моей скромной особой? Дж. Сун коварен. А вдруг он узнал, что я потратил час на визит к Тантунчоку?

Тревога настолько овладела мной, что я не сразу сообразил, что случилось ужасное. Из-под крыла тянулся дым. Самолет резко пошел вниз. Мы падаем! Эта картина неоднократно преследовала меня в кошмарах, но чтобы такое могло случиться со мной в действительности! Со мной... Нет!

Я подавил готовый вырваться из груди крик. Нет, я должен что-то предпринять. Я быстро отстегнул ремни и направился к спящему майору Тильви. Я дотронулся до его плеча и негромко, но внушительно произнес:

— Проснитесь, майор. Мы падаем.

«...В горных районах Лигона состав лесов меняется, в первую очередь в связи с изменением термических условий. В горах происходит значительное понижение температуры с высотой, что оказывает существенное влияние на

растительность. Появляются субтропические и бореальные виды и постепенно исчезают типичные тропические представители. До высоты 1800 м растут горные вечнозеленые леса. Климат этого пояса довольно теплый и влажный. Температура колеблется от 17 до 25°. Зимой, с декабря по февраль, бывают единичные понижения температуры до 5-6°, но заморозки, как правило, не случаются. По условиям увлажнения этот пояс почти сходен с равнинами, но отличается большей влажностью из-за пониженных температур, а также частых туманов и довольно обильных рос.

Растительность горных вечнозеленых лесов очень богата. По-прежнему многочисленны лианы и эпифиты. Постепенно исчезают диптерокарповые, стеркулиевые, сапиндовые и другие семейства, характерные для равнинных лесов... Начиная с 500 м увеличивается число дубов, каштанов, лавров, мелиевых, появляются такие типично горные виды, как береза. В нижних ярусах по-прежнему господствуют типичные тропические бамбуки, дикий банан, древовидные папоротники... Еще выше на склонах в условиях зимней сухости и пониженных температур появляются хвойные леса...»

Е.А. Рабэн. «Лигон. Природные районы и ландшафты». Гаага, 1972.

Отар Давидович Котрикадзе

Я пролетел в своей жизни больше миллиона километров, в пору получать значок, но попадать в катастрофу мне еще не приходилось. Все произошло слишком быстро, чтобы я мог потом на досуге понять, что же случилось в эти минуты, хотя они показались мне долгими. Я помню, что заставил пристегнуться Володю, который никак не мог понять, чего же я от него хочу, и, наверно, считает меня человеком без нервов. Вокруг кричат люди, дым за окном закрыл все небо, земля несется нам навстречу, а я сую ему в руки конец ремня и требую, чтобы он пристегнулся, словно перед нормальной посадкой. Но ведь если суждено уцелеть, то больше шансов у того, кто припшпилен к своему месту.

Никто из пилотов не вышел из кабины — они были слишком заняты спасением самолета, чтобы успокаивать пассажиров. Даже не будучи летчиком, я понимал, насколько сложно наше положение. Неожиданно загоревшийся мотор заставил нас срочно снижаться, пока машина не взорвалась. Если бы дело происходило над равниной, мы могли бы сделать это сравнительно спокойно — высота полета невелика. Но под нами тянулись покрытые лесом горы.

Я не потерял способности наблюдать происходящее вокруг. Это шло не от излишней смелости или фатализма. Просто мне не хотелось верить, что через минуту меня не будет в живых, и эта здоровая реакция организма заставила меня вообразить, что ничего страшного не случится. Пристегнув наконец Володю, ко-

торый рванулся на помощь девушке, сидевшей по другую сторону прохода (но, к счастью, ремень тут же вернул его на место), я огляделся. Юрий Сидорович был смертельно бледен и смотрел перед собой, ничего не видя. Потом он мне признался, что перед его мысленным взором прошла вся жизнь. Майор Тильви боролся с толстым индийцем, который повис на нем, вцепившись в мундир толстыми пальцами, словно в этом и заключалось его спасение, так как майорам по чину не положено разбиваться в самолетах. Молоденький офицер, который присоединился к нам у самого самолета, что-то кричал на вскочивших солдат, девушка, которую порывался спасти Володя, прижимала к груди сумку, будто ей важнее всего было сохранить ее содержимое. А где мой портфель? Почему-то я занялся лихорадочными поисками портфеля и, найдя его под ногами, постарался вытянуть на колени. Самолет накренился в нашу сторону, и совсем близко под окном мелькали кроны деревьев. Сквозь рев моторов, крики я услышал звук от падения тела. Мимо промчался, стараясь сохранить равновесие, майор и рванул дверь пилотской кабины. Володя что-то крикнул. Когда потом я спросил его, он ответил коротко: прощался. Больше мы с ним к этим минутам в воспоминаниях не возвращались.

Самолет выпрямился. На мгновение отнесло дым, стало светлее, и тут же я ощутил серию ударов — наверно, машина билась корпусом о вершины деревьев. Скрежет был такой, словно самолет рассыпался на куски, нас подбросило вверх, потом самолет нырнул, ударился о землю, подпрыгнул, мое тело рванулось вперед, и ремни, как ножи, полоснули меня по груди. Видно, из меня вышибло дух, потому что следующее, что я помню, — тишину...

Мы были живы.

Сначала появилась боль. Болела грудь. Ремни удержали меня, но сделали это немилосердно. Я даже не мог глубоко вздохнуть. Хорошо бы ребра остались целы. Потом возникла боль в колене. Я хотел поднять руки, чтобы отстегнуться, но руки были ватными и не хотели подниматься. И только тогда я понял, что сижу с закрытыми глазами.

Я заставил себя открыть глаза. Они повиновались нехотя. И сразу включился слух. Продолжался гул — может, еще работали моторы, может, ревели пламя, может, шумело в голове. Сквозь гул я услышал, как кто-то рядом причитает, словно по покойнику, — однообразно и грустно. Потом донесся стон. Как Володя? Я повернул к нему голову и понял, что вывихнул шею — так было больно.

И тут же меня охватил справедливый гнев. Это было первое

человеческое чувство, вернувшееся ко мне. Именно гнев. Вы предполагаете, что он думал обо мне? Володя был в полном сознании, голова его была повернута в мою сторону, но смотрел этот подлец не на меня — сквозь меня, туда, где сидела девушка. Я проследил за его взглядом. И рассмеялся. Потому что девушка тоже была жива, она сидела, прижимая к груди дорожную сумку, и глазела на моего Володю.

— Приехали, — сказал я сквозь смех. — Приехали.

Наверно, со стороны казалось, что я впал в истерику, но мне было просто смешно, что первым моим чувством был гнев на Володю, и смешно, что они сидели в разбившемся, горящем самолете и смотрели друг на дружку.

Руки мои действовали независимо от меня. Они отстегивали ремни. Я должен был встать, чтобы помочь майору. Майор лежал в полуоткрытой двери в пилотскую кабину, и по тому, как он лежал, я понял, как ему досталось.

— Вы что, Отар? — услышал я голос Володи.

— Скорее, — сказал я Володе, и мне наконец удалось вздохнуть. Припадая на ушибленную ногу, я бросился к майору. И знал, что Володя тоже поднимается. Он уже опомнился. Я мог на него положиться. Крушения кончились, началась работа, а работать Володя умеет.

Майор был жив, дышал и, если не считать вывернутой руки, был цел. Нам удалось оттащить его от двери. Я открыл ее, чтобы проникнуть в кабину пилотов, и краем глаза заметил, что над майором склонилась наша соседка.

Все мои действия, быстрые, наверно, даже суматошные, мерились на секунды. Мне даже некогда было обернуться и поглядеть, что же творится в салоне.

В лицо мне ударил дым. Дымом была полна пилотская кабина, вернее, то, что от нее оставалось. Самолет — это я понял уже погода — тянул к прогалине в лесу, к рисовому полю, но пилоты не смогли удержать машину, и она, уже потеряв скорость, врезалась в лес по ту сторону поля, и стволы сокрушенных самолетом деревьев превратили его нос в мешанину стекла и металла. В тот момент я ничего этого не знал — я на ощупь пробирался сквозь дым, стараясь отыскать пилотов. Володя пошел было за мной, но я обернулся и крикнул:

— Назад! Открой дверь! Выводи людей!

Мне казалось, что путешествие сквозь дым и джунгли гнutoго металла и битого стекла продолжалось очень долго. Кабина — несколько шагов в длину — превратилась в бесконечный коридор, в

котором нельзя было дышать... Но тут порыв ветра на мгновение отогнал дымовую завесу, и оказалось, что я стою на некоем подобии балкона, к которому вплотную подступают переломанные кусты и стволы деревьев. Листья и сучья, забившиеся в кабину, стирали грань между лесом и самолетом. В зеленом месиве я увидел тело одного из пилотов. Тут же дым снова набросился на кабину, и мне пришлось вытаскивать пилота из груды обломков вслепую, задыхаясь и боясь не только близкого взрыва, но и того, что я потеряю сознание и останусь здесь. Я с таким отчаянием тащил пилота, словно он был жив, но тогда я еще не понял, что он мертв. Я спрыгнул на землю и потащил непослушное тяжелое тело к себе. Оно свалилось на меня, а я лишь подумал, что пилоту не так больно падать на меня, как на корни и сучья. Потом я волок его сквозь переломанные бамбуковые заросли, и лишь метров через двадцать дым рассеялся настолько, что я смог осмотреться и сообразить, что нахожусь на краю рисового поля. Я действовал как автомат, который получает приказания и послушно спешит их исполнить — правда, приказания исходили от моего собственного мозга.

Владимир Кимович Ли

Наверно, в жизни я не видел ничего более страшного, чем Отар, выходящий из леса. Хотя я много езжу, нагладелся на стихийные бедствия и буйство земных сил, но при этом я оставался в пределах цивилизованного общества, в котором никто никого не убивает и не стреляет. Оттого складывается убеждение, что иначе и быть не может. Так должно быть везде, а что вне твоего опыта — это литература. И вот Отар, выходящий из леса, знаменовал окончательный крах моего внутреннего благополучия.

Все, что произошло раньше, было сном, кошмаром, с удивительными и даже приятными пробуждениями, но все это вписывалось, скажем, в модель «авария». Я понимал, что лучше всего в моем положении подчиниться Отару. Полностью. Это было благодарное чувство освобождения от ответственности, подчинения тому, кто согласен взять на себя право распоряжаться судьбой других людей. В острых ситуациях я начинаю вертеть головой и искать, кто же будет мной распоряжаться. Тогда я не думал о том, что самолет может взорваться. Как будто, если мы на земле, дальше все должно постепенно превратиться в воспоминание, о котором мы будем рассказывать московским знакомым, а те будут ахать и верить. Или не верить.

Подчиняясь приказу Отара, я пробежал по проходу к двери.

«Пробежал» — слово приблизительное. Проход был загроможден, будто кто-то специально сбросил туда все, что было непригодно. В проходе валялись сумки, чемоданы, ящики. В одном месте они возвышались грудой, скрывая под собой толстого индийца. Поэтому по пути к двери я вынужден был остановиться и разгрести барахло, чтобы извлечь из-под него господина, который явно симулировал смерть: глаза у него были закрыты, очень красный язык вывалился наружу, как у жаждущего пса, но при этом он быстро и мелко дышал. Я решил, что следует шлепнуть его по щеке — по крайней мере так приводят в чувство барышень в художественной литературе. Господин тут же открыл глаза и страшно удивился, что он на этом свете.

— Вставайте! — сказал я ему. — Скорее.

На что он выразительно ответил:

— О-о!

То ли стонал, то ли радовался воскрешению. Справа от меня зашевелилось. Это отстегивался Вспольный.

— Сейчас, — сказал он мне, — одну минуточку.

Словно я его торопил. Мои глаза выхватывали отдельных людей, и я не видел, что происходило вообще, в целом. Салон затянуло дымом, не очень густым, в нем можно было разобрать человеческие фигуры неподалеку от себя, но все-таки достаточно плотным, чтобы не увидеть того, что творится метрах в пяти. Дым этот проникал в салон через приоткрытую дверь в пилотскую кабину, где скрылся Отар.

Я миновал индийца и, когда сделал еще несколько шагов вперед, увидел сбоку светлое пятно. Дверь. Причем открытая. Я совсем забыл о солдатах и молоденьком офицере. Они, оказывается, не дремали и успели добраться до двери раньше меня. Я на секунду остановился в проеме. Передо мной было небольшое поле, покрытое высохшим желтым жнивьем, оно уходило вниз, под уклон, а за ним синей стеной поднимались горы. Лес подступал почти к самолету. Повернув голову направо, я понял, что наш самолет проскочил поле и на последнем издыхании врезался в деревья, так что его нос был полностью скрыт в зеленой массе листвы. Эту в целом бумажную картину нарушал треск пламени, рвавшегося из горящего мотора, и клубы черного дыма. Над полем дул порывистый ветер, поэтому и дым, и пламя металась клочьями над головой и казались под ярким солнцем не более чем вторичной деталью пейзажа. Теперь, вспоминая те минуты, я думаю, что все-таки я находился в остаточном шоке, если мог так легкомысленно рассуждать об огне.

Довольно далеко, метрах в ста, по полю, удаляясь от самолета, трусили две человеческие фигурки. Я понял, что это павшие духом солдаты, но удивился, с чего они так спешат? Ведь мы уже сели. Тут же я увидел остальных солдат и молоденького офицера. У офицера были разодраны лоб и щека, и он все время стирал рукавом кровь, чтобы она не заливала глаза. Он покрикивал на солдат, которые старались широкими ножами открыть багажный люк. Солдат было двое. Третий сидел неподалеку, неестественно вытянув перед собой ногу. Он был очень бледен и стонал.

Вдруг меня сильно толкнули в спину. Я не удержался и кулем вывалился из самолета на мягкую землю. Нечто тяжелое, словно бегемот, рухнуло на меня, и когда я вскочил, еще не соображая, что произошло, то понял, что меня выпихнул толстый бизнесмен. С неожиданной для его веса и объема резвостью он подхватил черный саквояж и припустил вслед за дезертирами по склону. Очевидно, зрелище было не лишено комизма, потому что солдат, сидевший на земле, вдруг засмеялся.

Я попросил знаками у офицера выделить мне одного из солдат, чтобы вынести майора. Почему-то я временно забыл английский язык. Офицер меня понял и сам полез за мной в машину. Там уже стало совсем темно и трудно дышать. Почти на ощупь мы продвигались по проходу и через несколько шагов столкнулись с округлой спиной Вспольного, который тащил по проходу майора. Девушка старалась помочь ему, не выпуская из руки своей драгоценной сумки. Вчетвером, мешая друг другу, мы эвакуировали майора из машины и отнесли его на несколько метров от самолета. Я хотел отправиться на поиски Отара, который слишком долго не возвращался, но тут услышал крик девушки: Отар выходил из леса. Он тащил, подхватив под мышки, пилота и был настолько залит кровью, что казалось, будто на нем нет ни одного живого места. Мы не сообразили, что это кровь пилота. Увидев нас, Отар рухнул на землю.

Юрий Сидорович Вспольный

Бывают моменты близости смерти, о которых нельзя распространяться. В них есть что-то интимное. Даже в своей книге о Лигоне, если я и упомяну об опасном полете в горы, о катастрофе, постигшей наш самолет, то сделаю это сдержанно, вкратце, поскольку это будет способствовать развитию сюжета. Сам же постараюсь забыть о тех мыслях, что пронеслись в моей голове в минуты гибели самолета.

Первое, что возникло в мозгу после осознания, что я жив, — это дым, чей-то стон, донесшийся снизу, от моих ног, мелькание темных фигур. Потом я увидел, что молодой геолог Ли освобождает из-под груды вещей индийца. Я ощупал себя, поднял одну руку, затем вторую. Руки двигались. Я попытался встать, но не смог и не сразу понял, что это ремни, спасшие меня в момент удара самолета о землю. К тому времени, когда я освободился от них, Володя куда-то исчез, а индиец тяжело поднялся и пополз к выходу из самолета. Я хотел было последовать за ним, потому что меня охватил страх, что обо мне забыли, но услышал впереди, где дым был гуще, женский голос. Мне показалось, что зовут на помощь. Я с трудом пробрался вперед и увидел, что на полу лежит майор, а девушка, присев на корточки, поддерживает на весу его голову. Я с трудом вспомнил, как по-лигонски объяснить ей, что не следует оставлять раненого в этих условиях. После этого я с помощью девушки начал тянуть майора к выходу. К счастью, когда я понял, что эта задача мне непосильна, послышались голоса и мне на помощь пришли Володя Ли и молоденький офицер без фуражки, с окровавленной щекой. Все вместе мы вынесли майора из самолета.

Тогда я смог оглядеться и оценить создавшуюся обстановку, которая внушила мне тревогу. Самолет горел, и пламя грозило добраться до баков с горючим, и тогда машина взлетела бы на воздух вместе с нами. Мы же находились в непосредственной близости от нее и могли пострадать. Я намеревался довести это до сведения остальных, однако в этот момент наше внимание было отвлечено появлением окровавленного профессора Котрикадзе, который, рискуя жизнью, проник в кабину и вынес оттуда пилота.

К счастью, моя тревога о состоянии здоровья профессора Котрикадзе оказалась необоснованной. Он с помощью Ли поднялся с земли и тут же высказал вслух мои тревожные мысли о неминуемом взрыве самолета.

Я полагал, что профессор Котрикадзе, который по возрасту и общественному положению взял на себя руководство спасательными работами, немедленно прикажет всем эвакуироваться, однако он попросил меня подойти к нему и выступить в роли переводчика. Солдаты с помощью выстрелов из ручного оружия осуществили открывание багажного отделения, он одобрил их действия и попросил меня объяснить молоденькому лейтенанту желательность оттащить груз как можно дальше. Затем профес-

сор Котрикадзе попросил меня помочь девушке эвакуировать майора, у которого была сломана нога, и я подчинился, не переставая беспокоиться о судьбе моих товарищей, действия которых я считал рискованными.

Мы оттащили майора метров на сто и положили за небольшим холмом. Солдат приполз вслед за нами. Когда я собирался возвратиться к самолету, ибо не имел права отсиживаться в укрытии с женщинами и ранеными, раздался страшный взрыв, взметнулся столб черного дыма и осколков. Взрыв был так силен, что комья земли и осколки посыпались на нас градом.

Я пережил страшный момент, полагая, что все остальные погибли, и бросился к самолету, невзирая на возможность повторных взрывов.

На открытом месте я увидел, что части самолета разбросаны на расстоянии многих метров по полю и все люди, находившиеся в непосредственной близости к нему, лежат на земле на полпути от самолета к холму.

Подбегая к ним, я увидел, что они шевелятся и один за другим поднимаются на ноги, стряхивают с себя комья земли и листья и даже смеются и громко разговаривают, вторично избежав смертельной опасности.

Оказалось, что за полминуты до взрыва Отар Давидович понял, что он неминуем, и велел всем бежать от самолета, что спасло моих спутников.

Когда же я по истечении первых радостных минут обратился к Отару Давидовичу с закономерным упреком за то, что ради груза он рисковал жизнью вверенного ему коллектива, он ответил мне, что этот груз предназначен для того, чтобы спасти жизни многих людей и потому споры и рассуждения о правомочности его действий представляют лишь академический интерес. И так как все обошлось без жертв, я счел за лучшее больше не поднимать эту тему.

Дело о наркотиках

«В Нью-Йорке закончился в минувшую пятницу необычный судебный процесс. Открывая его неделю назад, председательствовавший на процессе судья Эдвард Уейнфельд с самого начала трижды предупредил присяжных заседателей, что им предстоит услышать о «крайне опасном преступном заговоре»... Данный процесс является стартом целой серии уже подготовленных судов над несколькими десятками китайцев, арестованных в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Чикаго и канадском городе Ванкувере. В этих городах орудует крупная международная шайка контрабандистов, имеющая опорные пункты также в Гонконге, Сингапуре и Бангкоке... Всем им предъявлено обвинение в

нелегальном ввозе и тайной распродаже на территории США сотен килограммов героина и опиума общей стоимостью в 25 миллионов долларов».

«Нью-Йорк таймс», 30 марта 1973 г.

Отар Давидович Котрикадзе

Мы дешево отделались. Сесть на лоскут горного поля в горящем самолете, так что почти все находившиеся на борту остались живы, более того, уцелел почти весь груз (из того, что мы успели снять), — это, наверно, чудо. Погиб лишь первый пилот, тот, кому мы были обязаны жизнью.

Мы перенесли майора в пустовавшую хижину на краю поля. Майор все еще был без сознания. К несчастью, среди нас не было ни одного медика. Девушка, которую зовут Лами, помогла мне кое-как перевязать раненых.

Работы для Лами оказалось много. Все были поцарапаны, избиты, у майора оказалась сломанной рука, у одного из солдат — нога. У двоих солдат не выдержали нервы, и они бросились бежать. Вернулись они вскоре после взрыва — прятались неподалеку в лесу. Вернулись, поддерживая второго пилота, которого выбросило из самолета при падении. Они слышали его стоны. Пилот был в их глазах страховкой против сурового наказания за попытку дезертирства. Не знаю, каким оно будет, но молоденький лейтенант, который принял командование, корил их по-лигонски последними словами, поминутно указывая на Лами, видно, проводя позорные для них сравнения с девушкой. Солдаты переминались с ноги на ногу, иногда старались оправдаться, а их товарищи посмеивались над ними. Самое страшное было позади, и нами овладело странное, немного истеричное настроение, когда любой пустяк может рассмешить. Не вернулся лишь толстый директор Матур. Может, от этого будет польза: наткнется на кого-нибудь, направит к нам помощь. В пустой хижине рядом с майором устроили также солдата со сломанной ногой и второго пилота.

Потом мы перетаскивали к хижине груз. Один из ящиков с датчиками погиб в самолете, второй остался. Кое-как управимся. Хорошо, что мы в Москве решили подстраховаться. Взяли больше датчиков, чем нужно. Вытащили и ящик с компьютером. Интересно, цел ли он. Вся надежда на Василия Эдуардовича, институтского столяра, который запаковывал наше добро, приговаривая: «Теперь можно хоть с самолета кидать». Он оказался пророком. Кроме наших ящиков вытащили десяток ящиков и тюков, принадлежащих военным. Один из тюков разорвался, и

из него высыпались листовки. Ветер кинул их веером над полем, и молоденький лейтенант долго гонялся за ними.

Начало смеркаться. Когда я в последний раз, прихрамывая, вернулся к самолету, вернее, к тому, что от него осталось, на небе уже появились первые звезды. Они загорались на восточной половине неба, западная была закрыта темной тучей. От этого сумерки начались раньше, чем следовало. Я поглядел на часы. Половина седьмого. Катастрофа произошла в пятом часу.

Вокруг царил мир. Природа уже забыла о грохоте и огне, с которыми мы ворвались в эту долину. От обломков самолета поднимался дымок. Жужжали комары, совсем как у нас. Большой черный жук пронесся перед самым лицом, и я отпрянул. В полутьме самолет казался древними руинами, давным-давно оплетенными лианами.

— Знаете, Отар... — Задумавшись, я не услышал шагов Володи по мягкой земле. — Перед самой аварией я заметил одну любопытную деталь.

— Выкладывай.

— Пойдите сюда.

Обломок крыла, отлетевший от фюзеляжа, лежал у наших ног, словно плавник акулы. Он был покрыт копотью. Володя наклонился.

— Вот, — сказал он.

Я с трудом разглядел линию круглых отверстий в крыле. Отверстия тянулись под углом к основанию крыла и обрывались в покоренном металле.

— Что это?

— По-моему, с земли в нас стреляли. Нас сбили, понимаете?

— Ясно, — сказал я.

Мы медленно пошли обратно к хижине. Она черным конусом виднелась на фоне поднимавшегося от речки тумана. У хижины метался желтый огонек. Солдаты разожгли костер и кипятили воду. Еды у нас не было, но, по моему разумению, поблизости должно было быть и жилье.

У костра сидел Вспольный и заносил воспоминания в записную книжку.

— Не следовало отходить в темноте, — сказал он поучительно. — Здесь могут быть ядовитые змеи.

Очки у него уцелели и зловеще отражали пламя.

— Где лейтенант? — спросил я.

— В хижине.

В хижине было темно. Кто-то тихо стонал.

— Лейтенант! — позвал я.

— Я здесь.

Я не увидел, но понял, что лейтенант поднимается с пола.

— Я хотел немного поспать, — сказал он, словно оправдываясь. — На рассвете мы пошлем за помощью. А может быть, нас найдут раньше.

Мы вышли с ним вниз, к реке. Звезды были такими яркими, что при их свете я смог разглядеть, как молод этот офицер. Лет двадцать, не больше.

— Я хотел поговорить с вами, — сказал я. Мы стояли над морем тумана, который медленно тек у самых ног. — Мой спутник видел, как по нашему самолету стреляли с земли. Он показал мне пробоины в крыле самолета.

До того, как я произнес эти слова, мы были жертвами воздушной катастрофы. Причины ее находились вне компетенции офицера. Если я окажусь прав, то мы превращаемся в объект нападения, и это меняет дело.

— Вы уверены? — спросил он.

— Я не военный. Но мне кажется, что это так. Поговорите с пилотом. Если он уже пришел в себя.

— Я поговорю, — сказал лейтенант. Он старался придумать, что следует делать. Пожалуй, он был в армии недавно и пороха не нюхал.

— Кто мог в нас стрелять? — спросил я.

Лейтенант ответил не сразу. И когда ответил, в голосе его не было уверенности.

— Сепаратисты, — сказал он. — А может, люди Джа Ролака. Наверно, люди Джа Ролака. Ведь они должны еще сопротивляться. Но и коммунисты, простите, тоже.

Видно, он знал, что мы из Советского Союза, и боялся оскорбить наши чувства намеком на неправильные действия наших идеологических коллег.

Звук собственного голоса помог лейтенанту справиться с растерянностью. Он продолжал увереннее:

— Пойдемте обратно. Надо погасить костер... И раздать всем оружие.

Первая мысль была разумной, хоть и оставляла нас без горячей воды. Вторая — утопической. Лишнего оружия у нас не было.

Но мы не успели дойти до хижины. Мы увидели, как из темноты на свет разгоревшегося костра выходят вооруженные люди. Вспольный (я узнал его силуэт) поднялся, приветствуя их. Солдат, подбрасывавший в огонь сучья, выпрямился. А меня охватило дурное предчувствие новой беды — один из вошедших в освещенный

круг поднял автомат. Несколько ярких, словно прожекторы, лучей карманных фонарей уперлись в людей у костра.

— Назад! — крикнул мне лейтенант.

Кричать в такой ситуации не стоило. Промолчи этот юноша, мы с ним могли бы скрыться в тумане.

Пришедшие к костру люди знали, как вести себя в лесу. Два или три сильных луча метнулись к нам, и я, как бомбардировщик в лучах прожекторов, был ослеплен, виден отовсюду и беззащитен. От костра что-то крикнули по-лигонски. Я счел за лучшее покориться. Я поднял руки и медленно пошел навстречу лучу. Я слышал, как мимо пробежали люди, раздался выстрел, другой. Я продолжал медленно идти к костру и понимал, что сейчас я во власти того, кто держит меня в луче фонаря и на прицеле. Скорей бы костер. Еще выстрел. Крик. Меня ударили в спину, подталкивая вперед. Через минуту я стоял у хижин.

Рядом стоял Вспольный. Он держал в руке полуоткрытую записную книжку. Кто-то осторожно посветил фонарем внутрь хижины. Другой вошел туда и вытащил Лами. За ней последовал еще один пленник — Володя.

Выстрелы со стороны реки умолкли. Я попытался через костер разглядеть тех людей, которые напали на нас. Обычные люди, без злобы или остервенения в глазах. Один из них перехватил мой взгляд и улыбнулся. Он был в куртке защитного цвета, перепоясанной наискось пулевыми лентами, и в обтрепанных зеленых брюках. На ногах солдатские башмаки. Но автомат он держал уверенно и даже щегольски, и автомат был направлен на нас.

И тут за его спиной я увидел еще одну знакомую фигуру. Наш старый знакомец директор Матур с синяком под глазом, без саквояжа. Моя надежда на то, что он приведет к нам людей, оправдалась, но странным образом.

Человек в армейской каске, с широким равнодушным лицом и висячими редкими усами приказал автоматчикам загнать нас в хижину, что и было сделано. Все произошло быстро, и единственным громким звуком был треск захлопнутой двери. Стало совершенно темно. Молоденький лейтенант, которому так и не удалось покомандовать, не вернулся. Я надеялся, что ему удалось бежать.

Дерзкий побег. Осужденный сдержал слово

«Когда судья Джа Уэлсо на основании вердикта присяжных объявил о том, что горец Па Пуо, задержанный речной полицией на катере, между двумя слоями обшивки которого было найдено более сорока килограммов опиума, и

оказавший вооруженное сопротивление, приговаривается к восьми годам каторжных работ, осужденный громко воскликнул:

— Ни дня не заставите меня работать!

На углу улиц Свободы и Сияна путь тюремному фургону, в котором перевозили из суда в центральную тюрьму Па Пуо и двух других осужденных по тому же делу, преградил грузовик. К остановившемуся фургону подбежали неизвестные в чулках, натянутых на головы, и под угрозой оружия заставили охранников открыть двери. Преступники скрылись.

В ходе суда Па Пуо, несомненно, связанный с одной из групп контрабандистов северных провинций (он родом с верховьев Кангема), не назвал ни одного имени.

Начальник полиции заверил журналистов, что бежавшие преступники будут задержаны в ближайшие дни. Дозволено ли нам поставить под сомнение эти полные обычного оптимизма слова?»

«Лигон дейли», 8.1. 1975.

Директор Матур

Когда я пришел в себя, я возблагодарил господина Будду за чудесное спасение. Но тут же понял, что нельзя терять ни минуты. Самолет был полон дымом, и в любой момент я мог сгореть. Какие-то люди бегали туда-сюда, толкая мое беспомощное тело. Общая паника парила на борту погибшего самолета. Я был единственным в этом аду, кто на первое место ставил заботу о долге.

Судьба была милостива ко мне. В дымной темноте мне удалось отыскать саквояж. В моем распоряжении было всего несколько секунд. И за эти секунды я должен как можно дальше отойти от места гибели самолета.

Почти ощупью, не обращая внимания на боль во всем теле и предательскую слабость в ногах, я нашел дверь. Каждый был занят собственным спасением, но некоторые при этом старались что-то вытащить из самолета, чтобы не уходить с пустыми руками. Два солдата взламывали багажное отделение — даже в такой страшный момент они думали о своем обогащении. Я понимал, что ничем не смогу помочь раненым или убитым, но, если до темноты доберусь до какого-нибудь селения, смогу послать сюда людей.

Я быстро миновал рисовое поле, на которое сел самолет, и увидел тропинку. Тропинка вела в лес. Я остановился на берегу мутной холодной речки и положил саквояж в тени бамбука. Спустившись к воде, ополоснул лицо и постарался привести в порядок одежду. Мои противоударные японские часы остановились — зря выброшенные деньги. Но судя по всему было около пяти часов пополудни. Я попытался представить себе где я нахожусь. Без сомнения, мы упали в округе Танги, в диких горах. Когда-то князь Урао, правда, с улыбкой говорил, что некоторые племена еще не отказа-

лись от дикого обычая охотиться за головами. Они ловят какого-нибудь случайного путника и, убив его, закапывают тело на ритуальном поле, чтобы обеспечить себе хороший урожай на будущий год. Хотя прошло уже много лет, обычай мог сохраниться. Правда, я рассчитывал на то, что знаю магическую фразу: «Сабао Урао Као», что означает — князь Урао Као. Если я скажу эти слова, меня должны пощадить. Ведь главное — спасти пакет, который доверил мне господин Дж. Сун.

Размышляя таким образом, я подобрал свой саквояж и поспешил по глухой тропинке, стараясь не шуметь, не наступать на ветки и при первом признаке опасности скрыться в зарослях бамбука и диких бананов, которые подступали к самой дорожке. Лес вокруг меня таил смертельные опасности — здесь водились дикие звери, и я в любой момент мог встретить тигра или слона. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить на змею.

Печальна участь одинокого путника в диком лесу. Он у всех на виду — сам же не видит никого.

Голоса птиц, царивших над рекой, в иных обстоятельствах пробудили бы в моем сердце любовь к прекрасному, преклонение перед вечно живой природой, к которой я так трогательно отношусь, но сейчас птицы казались мне разведчиками, указывающими на мое продвижение.

Внезапно я услышал впереди треск сучьев. Я замер. Треск приблизился. Я метнулся в чащу и, потеряв равновесие, упал на траву. Мне казалось, что шум, поднятый мной при этом неудачном отступлении, слышен на милю вокруг. Я замер, прижавшись к земле, и пролежал несколько минут. Так и не знаю, кто был источником треска — может, тигр или даже стая тигров, может быть, слоны, может быть, каннибалы. Я решил считать до тысячи, чтобы опасность миновала, но, когда досчитал до пятисот, ощутил движение совсем близко от моей головы. Я приподнял голову и замер: прямо на меня ползла небольшая, на вид смертельно ядовитая змея. Я не помню, как очутился снова на тропе, но именно быстрая реакция и решительность спасли меня: змея не успела броситься.

Время близилось к шести часам. Я не позволял себе отдыхать. Тропинка начала подниматься вверх, ветер, прилетающий с гор, не приносил прохлады, солнце достигло края муссонных облаков, висевших над хребтом.

Новая опасность — быть застигнутым темнотой в диком лесу — заставила меня забыть об усталости. Вскоре я вышел к развилке тропинок и свернул на более исхоженную и широкую. Это

вселило в меня надежду. Мне очень хотелось пить, но спуститься к реке я не мог — для этого пришлось бы продираться через заросли, кишашие змеями и хищниками. Еще через несколько минут ходьбы я позволил себе присесть на ствол, свалившийся поперек тропы. Почему-то мне показалось, что путешествие близится к концу. Мои мысли вернулись к сделке с Тантунчоком. Может, мне стоило согласиться на двести тысяч?

Наверно, я сидел так несколько минут, и тут меня вновь охватил страх. Надо самому оказаться в первозданном глухом лесу, чтобы понять этот страх. Пока светило солнце, лес не был так страшен, но теперь солнце скрылось в облаках... И в этот момент кто-то совсем рядом сказал:

— Руки вверх! Брось сумку!

Вот так, сидя на стволе, лишенный возможности убежать или оказать яростное сопротивление, я попал в плен к людям Па Пуо.

Их было пятеро. Они вышли из кустов и окружили меня. Па Пуо — крепкий зловещего вида человек в армейском шлеме, уса-тый и узкоглазый, обшарил меня и вытащил из карманов все мое добро. Другой, совсем еще молодой бандит, раскрыл саквояж и стал выбрасывать из него вещи.

Страх за судьбу пакета, адресованного князю Урао, вернул меня к жизни.

— Остановитесь! — уверенно сказал я бандитам.

К этому времени я уже понял, что эти люди не каннибалы. Они были облачены в европейскую одежду, у троих были автоматы, один держал на плече пулемет. Сам Па Пуо (так к нему обращались остальные) нацепил на пояс две пистолетные кобуры и выглядел очень воинственно. Не были они и военными. Одеты они были неодинаково и слишком небрежно, чтобы принадлежать к армии. Мой цепкий и быстрый ум оценил ситуацию, и у меня возникло правдоподобное предположение, что люди, схватившие меня, относятся к сепаратистским инсургентам, о которых немало писали в последнее время в газетах.

Когда правительство Джа Ролака после долгих колебаний под давлением левых пошло на рискованный шаг, решив урезать привилегии горных князей и вождей, в среде горцев произошел раскол. Некоторые из князей во главе с просвещенным и разумным Урао Као приняли эту весть, хоть и без радости, но со спокойствием, достойным их высокого наследного сана. Они предпочли путь парламентской борьбы и публичных выступлений, ука-зывая противникам, что лишение князей наследственной власти

наносит жестокий ущерб всему государству, ибо отныне князья не смогут должным образом контролировать своих беспокойных подданных и поддерживать авторитет. О, как они были правы! Ведь другая часть князей, менее цивилизованных, призвала своих подданных к оружию, и в горах возникли очаги сопротивления, а некоторые из горных старшин нашли общий язык с бандами коммунистов и торговцами наркотиками. Князь Урао не раз выступал посредником между правительством и мятежными князьями, однако в газетах начали появляться сообщения о нападениях на полицейские участки и автобусы. Был и другой тревожный знак. Стало известно, что у инсургентов есть и современное оружие, которое им доставляли контрабандисты и враги государства. Не секрет, что некоторые из князей не только поощряли выращивание мака на отдаленных горных плантациях, но и участвовали в большой контрабанде — через южные порты переправляли опиум в другие страны.

Положение было тревожным, и князь Урао приложил немало усилий, чтобы уговорить князей на мирные переговоры с правительством. Эти переговоры должны были начаться завтра, но князья не успели прибыть, как армия своим несвоевременным переворотом сорвала намечавшееся согласие между князьями и правительством, ибо в армии взяли верх радикалы, сторонники силовой политики.

Вот почему при виде вооруженных новенькими автоматами людей я предположил, что они подчиняются одному из горных владельцев. А раз так, то авторитет князя Урао должен быть для них непререкаем.

— Не смейте трогать саквояж! — воскликнул я. — Я иду к сабао Урао Као. Я его друг.

Па Пуо открыл взятый у меня бумажник и грубыми толстыми пальцами достал оттуда мою визитную карточку. «Господин директор Матур. Посредник, коммерсант». Он прочел надпись вслух, медленно, с трудом, он не производил впечатления грамотного человека.

— Ты? — спросил он, избрав наиболее уничижительное из многочисленных в лигонском языке местоимений. В переводе на английский его можно истолковать: «ты, слизняк».

— Я друг сабао Урао Као, — повторил я с достоинством.

Па Пуо, ухмыляясь, вытаскивал из бумажника записки, счета, квитанции и не спеша, получая от этого садистское удовольствие, пускал их по ветру. Я не выдержал и рванулсЯ, чтобы отобрать бумажник у бандита. Он держал фотографию моей супру-

ги и детей. Я не мог позволить издевательств над ними. Но один из бандитов ударил меня башмаком по колену, и я покатился по земле, крича от боли. Но ни на секунду я не потерял сознания. Я видел, как Па Пуо выбросил драгоценную фотографию и, найдя в бумажнике деньги, переложил их в карман зеленой куртки, а бумажник тоже бросил в кусты.

— Эй! — крикнул другой бандит, который копался в саквояже.

Он сидел, окруженный разбросанными по дороге рубашками, предметами туалета, носками, носовыми платками. Бандит нашел пакет, который я вез князю. Он рванул его длинными грязными ногтями, пакет разорвался, и на пыль тропинки полетели пачки денег. Не просто денег — долларов, пачки зеленых купюр. Клянусь, для меня это было не меньшей неожиданностью, чем для грабителей.

— Ого, — сказал Па Пуо.

Он приказал своим подчиненным собрать деньги. Моя жизнь катилась к своему завершению. Либо меня убьют бандиты, чтобы не оставлять следов, либо, если я чудом останусь жив, меня убьют люди Дж. Суна. Он никогда не простит пропажи.

Па Пуо вручил по пачке долларов каждому из своих спутников. Те протягивали грязные лапы и хватали добычу.

Па Пуо обернулся ко мне.

— Ты с самолета? — спросил он.

— Это деньги князя Урао, — сказал я. — Доставьте меня к князю. Если не доставите, он вас накажет.

Па Пуо усмехнулся, как тигр над куском мяса.

— Князь Урао? — спросил он, словно никогда не слышал этого имени. — Какой князь Урао?

И его прислужники расхохотались.

— Что с тобой делать, торгош? — продолжал представление Па Пуо. — Ты бежал из Лигона, спасая шкуру?

— Я не бежал. Это военный самолет.

Открыв рот, я сразу понял, что совершаю ошибку. Они слушали меня внимательно. Я осекся.

— Продолжай, — сказал Па Пуо. Он не ухмылялся.

Я молчал.

— Убей его, — сказал Па Пуо одному из бандитов. И сказал это спокойно, словно речь шла о цыпленке. Он хотел убить меня, умного, доброго человека, лишь чудом оставшегося в живых после ужасного крушения, он хотел убить меня и пресечь этим чудесную ткань мыслей и ощущений, картин мира и рифм, убить как собаку в диком лесу, где никто и никогда не узнает, что случилось со мной. Мне вынесли смертный приговор доллары, найденные в саквояже.

Меня следовало убить, чтобы никто не узнал, откуда они. И сплести мою смерть на ядовитую змею, тигра, на каннибалов...

Бандит поднял автомат. Я увидел черное отверстие, из которого должна была сейчас вылететь блестящая пуля. Вылететь и прервать мое земное существование...

«Лейтенант» Па Пуо

Я с людьми ждал в долине Лонги. Утром десятого пришел человек и сказал, что груз будет сегодня. Мы должны были расстелить на поляне знак. Вертолет придет с севера. Если его не будет до темноты, зажечь костры, как условлено. Ждать два дня. Парашюты закопать. Груз отнести к пещерам у озера Линили. Еще человек сказал, что ночью в Лигоне взяли власть военные. Армия. Это плохо. У них везде люди. Поэтому быть настороже. Ни с кем ни слова. Я сказал, что мои люди будут молчать. Если что — мы люди вождя Ма, который скрывается в лесу, потому что враждует с правительством. Я сказал, что мне понятно. Зачем повторять? Я был в армии сержантом, мои люди знают законы леса. Еще человек сказал, что военные могут знать о самолете с севера и тогда постараются его перехватить или выследить груз. Чтобы мы этого не допустили.

Я позвал людей, и мы пошли по тропе. Мы пришли на место в полдень. Мы расстелили знаки, установили пулемет и скрылись в кустарнике. Через долгое время послышался гул моторов. С севера прилетел вертолет. Он снизился над поляной. На нем не было опознавательных знаков. Вертолет кинул три тюка на парашютах. Мои люди побежали к тюкам. И тогда я услышал звук самолета. Он шел с юга. Я объявил тревогу. Этот самолет мог быть только лигонский. Самолет шел низко. Это был старый «вайкаунт», я помню их с армии. Парашюты лежали на поляне, и мы были на открытом месте. Я приказал стрелять. Мы успели дать две очереди. Я увидел, как из левого мотора пошел дым. Мы его подбили. Самолет резко снижался. Мы стояли и ждали взрыва. Мы думали, что самолет ударится в гору. Но взрыва не было. Мы поняли, что самолет ушел. Я приказал быстро грузить тюки на коней и закопать парашюты. Когда мы собирались уходить, услышали далекий взрыв. Один из моих людей сказал, что, наверно, это гром — пришли муссонные тучи. Но это не было похоже на гром. Я решил, что самолет все-таки сел, а потом взорвался.

Я оставил четверых людей, чтобы они ушли с вьюками к озеру Линили. С остальными и пулеметом мы быстро пошли в ту

сторону. Если самолет все-таки сел, то могли остаться люди. Им нечего делать в Танги.

Мы шли долго. Мы сделали больше десяти миль, перевалили через хребет и дошли до того места, где в реку впадает ручей Белого Нага. Мои люди стали ворчать, что мы ничего не найдем. В горах можно спрятать целый город. И тут нам повезло. Один из моих людей из племени синих фенов, хороший охотник, сказал, что он слышит человека на тропе. Мы остановились и потом пошли туда кустами. Толстый городской индус сидел на стволе дерева. У его ног стояла черная сумка. Это был человек с самолета.

Мы спросили, откуда он. Человек очень испугался и ничего не мог сказать. Я понял, что он торгош, который устроился на самолет, чтобы удрать от военных. Этот человек, видно, бывал в Танги. Он начал плакать и говорить, что он знает князя Урао. Это мне не понравилось. Если он думает, что мы люди князя Урао, то он думает, что самолет сбили люди князя Урао. Я хотел убрать его, но подумал, что человек выведет нас к самолету. Я решил его поугаать. Я взял у него бумажник и выкинул все листочки — они все равно ему уже не пригодятся. Потом я достал из бумажника деньги, чтобы взять их себе. Там было немного долларов. Когда торгош, которого звали Матур, увидел, что мы берем деньги, он стал драться, чтобы вернуть их себе. Мой человек его ударил. Матур сидел на земле и плакал, чтобы мы его не убивали. Он сказал, что это был военный самолет.

Тут человек, который искал в черной сумке, нашел пакет. В пакете оказались деньги. Очень много долларов. Когда Матур посмотрел, как я делю пачки долларов между моими людьми, а остальные беру себе, он понял, что он умер, потому что никто не должен знать про эти доллары. Он стал кричать, что это деньги князя Урао, и не понимал, что, если он прав, тем более ему не жить. Я не скажу князю, что взял его деньги. Все хотят жить, но судьба каждый день делит людей на тех, кто будет жить завтра, и на тех, кто не увидит восхода солнца.

Матур увидел свою смерть в моих глазах и от страха лишился чувств. Мои люди стали требовать, чтобы мы убили этого Матура, но он был нам нужен, чтобы провести нас к самолету до темноты. Я приказал облить Матура водой. Он пришел в чувство. Я сказал ему, что он будет жить, если приведет нас к самолету. Матур сразу встал. Мои люди смеялись и заставили Матура нести пулемет, но я приказал взять пулемет, потому что Матур мог умереть раньше времени.

Начало темнеть. Я спросил Матура, сколько там людей и как они вооружены. Матур думал, что я в самом деле сохранию ему

жизнь, и стал просить, чтобы мы отдохнули. Но я не позволил. Когда мы вышли с тропы на прогалину, уже почти стемнело. От реки поднимался туман. Я понял — мы на зимнем поле одинокого Ку-и. Его сына убили в драке, и он уехал в деревню Лонги.

Около пустого дома мы увидели костер. Мои люди хотели заткнуть рот Матуру, чтобы он не крикнул и не предупредил своих. Я сказал, что Матур мой лучший друг. Матур кивнул головой и соглашался. Он повторял, что я его лучший друг и он благодарен, что будет жить.

Мы спокойно подошли к костру и взяли их всех. Потом загнали в хижину. Была только одна ошибка — два человека были в стороне, и, когда они подходили к костру, один бросился бежать. Он был офицер и вооружен. Два моих человека побегали за ним. Офицер ранил в руку автоматчика. Поэтому его убили и отомстили его телу. Мне принесли его голову. Я показал ее тем, кого мы загнали в дом, чтобы им было страшно. Матура мы заперли с ними.

Мои люди хотели перестрелять их до рассвета, но я не люблю спешить. Если самолета хватились, все равно никто не знает, где он упал. Искать его в горах можно целый месяц. Но у меня был план. Не зря меня зовут хитрым Па Пуо. Я решил, что мы их убьем без пуль. Так, чтобы казалось, что они разбились в самолете. Когда самолет найдут, все будут думать, что они разбились. Их надо будет убивать дубинками. Мы решили ждать света. Когда темно, кто-нибудь может убежать. Никто не должен убежать. Мы сделаем все на рассвете и сразу пойдем к Танги. Скажем, что искали самолет, но не нашли. Я приказал моим людям не брать ничего из вещей. Даже отдал Матуру его золотые перстни. Если взять вещи, то могут подумать, что мы нашли самолет. А у нас много долларов. Все мои люди сказали: хорошо. Я подумал, что всех их оставлять в живых нельзя. Надо будет потом, по пути домой, двоих убить. Они из племени фен, а на людей этого племени нельзя положиться.

И еще я хотел поговорить с пленными. Я мог узнать что-нибудь интересное. Никогда нельзя отказываться от знания. Если ты открыл уши, то тебе откроется будущее. Среди этих людей были три англича. Зачем англизам в такой день летать на военном самолете?

Владимир Кимович Ли

Когда все это случилось, я был в темной хижине. Как назло у нас не оказалось ни одного фонаря, ни свечки, ничего. Отар ушел к реке с молодым офицером, я знал зачем. Они говорили о

пулевых дырках в крыле. Надо выставить охрану, будем дежурить по очереди — может, и в самом деле здесь начинается гражданская война, и нас под шумок пристрелят. Это было бы весьма грустно в свете тех приключений, которые мы уже пережили. Пожалуй, для рассказов дома их уже хватит.

— Когда мы пойдем к людям, в Танги? — спросила Лами.

Мне не было ее видно. Мы разговаривали тихо, по-английски, и наш словарный запас был почти одинаковым (примерно 300:200 в ее пользу), так что мы отлично друг друга понимали. Иногда она просила меня зажечь спичку, чтобы проверить, как себя чувствуют раненые. Солдат со сломанной ногой спал. Пилот не спал. Он лежал с открытыми глазами. Один раз он сказал что-то по-лигонски. Я спросил Лами, что он сказал, а та ответила:

— Он видел людей.

Но мы не поняли, когда и где он видел людей.

Мы беспокоились о майоре. Наверно, его придется оставить пока здесь. Я сказал Лами:

— Утром солдаты пойдут за помощью.

— Я пойду с солдатами, — сказала Лами. Я не стал спорить, а спросил:

— Вы учитесь?

— Да, — сказала она, — в университете.

— А ваши родители в Лигоне?

— В Танги. Мой отец болен. Я везу ему лекарство.

Тихо скрипнула кожа ее сумки. Теперь понятно, почему Лами не расставалась с сумкой. Там лекарство.

Майор застонал. Я достал коробок со спичками. Ну что мне стоило взять с собой зажигалку? Лами протянула руку к майору и нечаянно коснулась моей руки. Прикосновение было шелковым и прохладным.

Я зажег спичку. Майор морщил лоб. Наверно, ему было больно. Отар соорудил ему из палок лубки, к которым примотал сломанную руку.

— Набери воды, — сказала мне Лами.

Спичка погасла. Я ощупью нашел канистру и налил воды в крышку от термоса, которая стояла на канистре. Вода пахла бензином. Я подал сосуд Лами, зная, где встречу ее протянутые пальцы.

И в этот момент за дверью послышались голоса.

Мы замерли. Я сначала решил, что пришла помощь. Но думал так недолго. Ведь в отличие от Лами я знал о пулях и понимал, что к нам могли добраться и те, кто стрелял по самолету. Когда я хотел

встать, чтобы выйти наружу посмотреть, что происходит, она схватила меня за руку и задержала. Вода выплеснулась из крышки.

— Назад! — крикнул кто-то за хижинкой.

Потом яркий луч фонаря ослепил меня и, отпустив на секунду мои глаза, обшарил хижину.

— Выходите! — сказал невидимый голос. Он сказал по-лигонски, но у меня не было никаких сомнений в значении приказа.

Так мы и вышли, держась за руки. Я сразу посмотрел, здесь ли Отар. Отар стоял у стены хижины, мрачный как туча. Рядом был Вспольный с записной книжкой в руке. И несколько солдат. Не хватало только молодого офицера.

Со стороны реки из тумана донеслись выстрелы. Значит, офицер убежал. Хорошо бы его не нашли в тумане.

Мои глаза немного привыкли к свету. Люди, которые на нас напали, не были военными, и в то же время я бы сказал, что война была их профессией. Уж очень уверенно они держали автоматы...

Нас обыскали. Быстро и деловито. Потом один из них, наверно, начальник, с зеленой сумкой через плечо и двумя кобурами на поясе, уса́тый и широколицый, пересчитал нас, загибая пальцы. И нас загнали обратно в хижину.

Хлопнула дверь. В хижине было тесно. Все молчали. Выстрелы у реки тоже смолкли. Я сидел на полу, прижавшись к одному из солдат. Солдат шептался с невидимым мне соседом. Стенки хижины были такими тонкими, что слышно было, как переговариваются люди снаружи. Потом к разговору присоединился еще один голос, запыхавшийся и взволнованный. Услышав, что он говорит, сидевший рядом со мной солдат произнес короткую фразу.

— Что там? — спросил я в темноту. Ответил мне голос Вспольного:

— Они убили лейтенанта.

И тут же дверь распахнулась, и свет фонаря уперся в руку. Рука держала за волосы отрубленную голову лейтенанта. Я невольно отшатнулся. Кто-то там, снаружи, коротко засмеялся. Дверь снова закрылась. Я не мог дотянуться до Лами. Она сидела далеко от меня.

— Мне плохо, — прошептал Вспольный.

Вообще-то он не пищал и терпел наравне со всеми.

За стеной продолжали плести какой-то глухой, как во сне, рисунок непонятные голоса. Надо было что-то делать. Нельзя же быть овцами. Так нас всех перебьют.

— Нельзя же быть овцами, — сказал я вслух...

Майор быстро забормотал, словно в бреду. Плохо наше дело. В темноте зашевелились. Я не сразу понял, что Отар пробирается ко мне.

— Ты здесь? — Он коснулся меня.

— Может, убежим? — сказал я. — Ведь их всего пятеро. Разберем заднюю стену — и в туман.

— Прислушайся, — сказал Отар.

За задней стеной хижины были слышны шаги.

— Они ходят вокруг. Мы не можем бросить раненых.

— Эти люди — бандиты. — Я узнал голос Матура. — Бандиты и убийцы. Они всех убьют, как лейтенанта...

— Не паникуйте, — прервал его голос Вспольного. — Зачем им нас убивать? Это сепаратисты?

Вспольный лучше нас разбирался в обстановке.

— Может быть, — промямлил Матур.

— Я задал этот вопрос не случайно, — сказал Вспольный. — Если это сепаратисты, то их поведение нетрудно объяснить. Мы им нужны как заложники. Мы — это выкуп. Две недели назад в плен к сепаратистам попали два канадских инженера. Правительство пошло на то, чтобы заплатить выкуп. Дурные примеры заразительны.

Тогда я не знал еще о наркотиках, о долларах, отнятых у Матура, и потому доводы Вспольного мне показались резонными. Мне вообще понравилось, что наш толстяк не потерял присутствия духа и ведет себя спокойно, я бы даже сказал, с определенным интересом к окружающему, как мальчик из хорошей семьи, которого допустили поглядеть на настоящую драку между плохими мальчишками: он смотрит и не боится, что его заденут.

Вспольный обращался к нам по-русски, и Матур не понял его, но, как только Вспольный замолчал, он тут же повторил:

— Они нас убьют.

Я ждал, что скажет Отар. Он знал, что нас сбили из пулемета. Он сказал:

— Ложитесь спать. Это самый разумный выход.

Вспольный вздохнул, но промолчал.

— Как ты там, Лами? — спросил я.

— Плохо, — сказала Лами.

— Тебе плохо?

— Нет. Я думаю об отце.

— Спать, ребята, — сказал нам Отар по-английски.

В плетенье бамбуковых матов проглядывали звезды. Иногда их закрывала тень человека — нас сторожили. Костер уже угас

или его погасили, и его отсветы больше не проникали в щель у двери. Все замолкло вокруг. Я так устал и был так измотан за день, что мне совсем не хотелось спать. Почему-то вдруг захлопал директор Матур. Я подумал, что ему досталось больше, чем остальным. Куда-то делся его черный саквояж. Наверно, отобрали. Бормотал в бреду майор, звякнула крышка термоса о канистру — я догадался, что Лами дает ему напиться или смачивает лоб. Засопел, привалившись ко мне, солдат. Я старался думать о том, хватит ли нам оставшихся датчиков, но перед глазами все время маячили те последние минуты в самолете... и я заснул.

Юрий Сидорович Вспольный

Мне не спалось. Когда солдат зажег спичку, чтобы набрать воды из канистры, я увидел при этом неверном и слабом язычке пламени, что Володя Ли сладко спит и даже улыбается во сне. Я поразился счастью безмятежной молодости — умению забыться.

Я должен был поддерживать в моих спутниках оптимизм. Этим объясняется настойчивость, с которой я уверял их, что напавшие на нас люди — сепаратисты, заинтересованные в выкупе. Более того, я позволил себе небольшую ложь о двух канадских инженерах, будто бы похищенных и отпущенных инсургентами. Такой случай был, но в Бирме или Малайе. Не в Лигоне.

Я мог бы убедить и себя, если бы не смерть молодого офицера. Из слов, которыми обменивались инсургенты, я понял, что офицер в перестрелке ранил одного из преследователей и именно этот факт вывел их из себя. Я допускал, что инцидент с головой офицера был вызван желанием запугать нас. Но для чего? А убежденность Матура, что они нас убьют? Известно ли ему что-то, избегшее моего внимания?

Размышлять о нашей судьбе было бесперспективно. Но я не мог думать о чем-либо ином. Мне казалось, что я вижу все происходящее со стороны. Вот на склоне горы хижина. В ней в темноте и тесноте сидят и лежат разные люди, которые вчера и не подозревали о взаимном существовании. У них нет даже общего языка. И среди них человек по фамилии Вспольный, Юрий Сидорович, средних лет, рано располневший от сидячей жизни, не приспособленный ко всяким передрыгам. Он чуть было не погиб, упав с неба на землю. И может погибнуть завтра. Если люди, которые мирно беседуют за стеной, решат, что ему не следует больше жить на свете как лишнему свидетелю, как обузе — мало ли почему они могут решить, что Юрию Сидоровичу Вспольному не следует жить... Что-

бы не терять времени даром, я достал записную книжку и стал записывать в темноте события последних часов...

Не знаю, сколько я спал. Наверно, недолго. Я проснулся от голосов снаружи. Туманный рассвет проникал сквозь щели хижины. Пока я не очнулся и не вспомнил, где нахожусь, прошло несколько секунд в сладком неведении. Чувства, память обманывали меня, милосердно убеждая, что я в туристском походе в Карпатах — в институте я побывал в таком походе, и он остался в памяти прохладными туманными рассветами и черникой на склонах холмов. Но голоса за стеной были чужими, деловитыми. Язык, на котором они разговаривали между собой, был схож с лигонским, но отличался большим числом гортанных звуков.

В хижине все спали. Привалившись друг к другу, спали солдаты, сидя, опустив голову на руки, спал Матур. Клубочком у ног майора спала девушка Лами. Не спал лишь сам майор. Он лежал с широко открытыми глазами, прислушиваясь к голосам за стеной. Он встретился со мной взглядом. Я предостерегающе поднял ладонь. Но и без того майор молчал. Наверно, он давно лежал так и слушал, что происходит снаружи. Одна рука майора лежала на груди, закованная в самодельные лубки, другой он поманил меня. Я приподнялся, но тут дверь скрипнула и на фоне голубого прямоугольника появился силуэт человека с автоматом.

— Эй! — сказал он, и его голос показался мне настолько громким, что я чуть было не огрызнулся: «Вы с ума сошли, все спят». — Выходи!

Я выпрямился, подчиняясь его окрику, и решил, что если я сразу выйду, то не потревожу остальных. Но словно по уговору все начали шевелиться, поднимать головы, вытягивать затекившие ноги.

— Что там? — спросил профессор Котрикадзе.

— Меня просят выйти, — сказал я. — Хотят поговорить.

— Пошлите их подальше, — мрачно произнес Володя, как сонный ребенок, которому помешали спать.

Я понимал, что мы полностью во власти этих людей. Я положил записную книжку у стены и вышел.

Усатый начальник бандитов ждал меня у погасшего костра. Вокруг лежали какие-то тряпки, одежда, отобранная у нас вечером. В поле моего зрения попали ящики с грузом и тюки, которые мы с таким трудом оттащили от самолета. Ящики были взломаны и приборы частично разбросаны по стерне. Я обратил внимание на длинный ящик с пулеметными лентами. Ленты вылезли из него, словно змеи, достававшие головами до мокрых от росы стеблей.

— Имя? — сказал по-английски человек в каске.

— Вспольный, — ответил я.

— Вы кто?

— Культурный советник посольства Советского Союза, — сказал я, несколько преувеличив свою должность. Он не все понял «Советского Союза», — повторил он. Я перешел на лигонский:

— Советник Советского Союза. России.

Человек в каске был удивлен. Он понял.

Я увидел, как один из автоматчиков подошел к ящику с пулевыми лентами и начал разбрасывать их по земле. Другой вспорол тюк с книгами и листовками и, вытаскивая их наружу, бросал в сторону, словно пахарь семена. Я вспомнил, как тщательно собирал их вчера несчастный молодой лейтенант. Зачем они это делают?

— Почему летели? — спросил человек в каске.

— По приглашению правительства, — ответил я по-английски. Я понимал, что люди в хижине слышат меня.

Спутники человека в каске продолжали заниматься странной работой, уничтожая содержимое ящиков. Один из них вытащил прибор, принадлежавший геологам, и размахнулся, чтобы бросить его о землю.

— Стой! — крикнул я. — Что ты делаешь!

— Что он делает? — услышал я из хижины голос Отара.

— Молчать! — прикрикнул на меня человек в каске.

Но он совершенно не знал моего характера. Я патологически ненавижу ссориться с людьми, вступать в ненужные конфликты. Я даже кажусь многим чересчур осторожным и склонным к компромиссам. Но меня, простите за банальное выражение, нельзя загонять в угол.

— И не подумаю, — ответил я. — Существуют элементарные нормы человеческого поведения!

— Молчать! — повторил человек в каске.

Его вислые длинные усы шевельнулись, как у сома. Он вскочил с намерением ударить меня. Я инстинктивно выставил вперед руку. И я был так занят конфликтом с этим инсургентом, что не видел происходившего за моей спиной. Но человек в каске видел. Он вдруг остановился и начал расстегивать кобуру. Он глядел мимо меня. Я обернулся.

Сорванная с петли дверь повисла под острым углом. Над ней возвышался, придерживая здоровой рукой сломанную, майор Тильви. Майор был без фуражки, в распоротом мундире, но, несмотря на это, было очевидно, что молодой офицер — человек,

имеющий право, как судия, появиться в решающий момент драмы. Наверно, я был крайне возбужден, если вид бледного, шатающегося, оборванного майора показался мне столь внушительным. Но так показалось не только мне.

Я вновь бросил взгляд на главного бандита. Тот уже справился с кобурой, и в руке у него был пистолет.

И наступила какая-то длительная, почти бесконечная тишина, как будто вокруг разворачивался замедленный немой фильм. Я видел, как медленно-медленно поднимается рука человека в каске, и знал, что обязан что-то сделать, чтобы предотвратить убийство. Я должен был вмешаться, но мое тело протестовало против того, что ему предстояло сделать. По тому, как стали приближаться ко мне глаза бандита, я понял, что иду к нему, может, бегу, может, прыгаю, потому что я должен был остановить его, и в то же время я предпочел бы остаться на месте...

Я дотянулся до человека в каске в тот момент, когда он выстрелил. Нет, не в меня, в майора, но я потерял равновесие и упал, к счастью для меня, свалив и стрелка. Мы возились с ним на земле, как два хоккеиста, я понимал, что мне нельзя отпускать его, иначе он выстрелит еще раз и убьет не только майора, но и меня.

Владимир Кимович Ли

Я сел, протирая глаза, когда Вспольный вышел из хижины. Отар подошел к двери и слушал, о чем они говорят. Впрочем, в этом не было нужды — и так каждое слово проникало сквозь стену. Усатый в каске допрашивал Вспольного, иногда они говорили по-английски, иногда по-лигонски, и тогда я не понимал, но все равно догадывался. Говорили они мирно, и я даже ждал, когда поднимется разговор о выкупе. Почему-то мне хотелось, чтобы нас выкупили. Только поскорее, пока не началось землетрясение.

Майор вдруг поднялся. Поддерживаемый солдатом, он пошел к двери. Словно был намерен разобраться в происходящем безобразии. Ему было больно идти, даже пот выступил у него на лице, но он шел, опираясь здоровой рукой на плечо солдата, и пять шагов, отделявших его от двери, прошагал, как король по анфиладе к тронному залу. Молодец майор! Он что-то приказал солдату, и в тот момент я услышал, как за стеной голоса повысились. Вспольный был рассержен и отчитывал своего следователя.

— Что он делает! — сказал Отар в отчаянии.

— Молчать! — кричал тип в каске.

Солдат со всего размаха ударил плечом в дверь. И дверь (о

условность тюрьмы!)... слетела с самодельной петли и повисла под углом. Майор во весь рост стоял в проеме.

Я не видел, что там происходило. Но Отар был за спиной майора и все видел. За стеной раздавались голоса, майор тоже что-то громко крикнул, а потом я увидел, как Отар дернул майора на себя и они свалились внутрь хижины. Я услышал выстрел, и с потолка хижины посыпалась труха.

Когда я выпутался из кучи тел и выскочил на белый свет, неподалеку лежал Вспольный, впившийся ногтями в куртку человека с усами. Один из бандитов, видимо, и ударивший Вспольного, поднимал автомат за дуло и замахивался на Отара. Другой, отбежав назад, поднимал автомат, чтобы внести свою лепту в сражение с безоружными пленниками. Наше положение было безнадежно. Но это теперь ясно, тогда же я бросился к ближайшим врагам, не сообразив, что оно безнадежно.

Я только пригнулся, чтобы тому, кто стоял сбоку и целился в нас из автомата, было труднее попасть.

Но он не выстрелил. Выстрелы раздались с другой стороны.

Сначала я увидел, как человек, целившийся в нас, вдруг уронил автомат и начал медленно нагибаться вперед. Другой человек, стоявший неподалеку, обернулся к лесу, еще не сообразив, что произошло, а я уже знал, что и он упадет. Как в кино. В критический момент приходит возмездие. Славный шериф прискакал в последнюю минуту... Нет, конечно, в тот момент я ничего такого не думал. И еще я успел заметить, что главный бандит прилег за Вспольным, использовав нашего массивного друга в качестве естественного укрытия. Остальные бросились бежать по склону.

Кажется, наконец-то кино кончилось. Можно приступать к исполнению прямых обязанностей. Только предварительно следовало привести в чувство Вспольного.

Отар Давидович Котрикадзе

Вышедшие цепочкой из леса люди показались мне сначала выше ростом, красивее, чем на самом деле. Видно, такова привилегия спасителей. Их было человек десять. Еще несколько побежали к реке, вслед за убежавшими бандитами. Наши спасители, очевидно, разделялись на две категории. Большинство их было в военной форме, а человек пять были наряжены экзотично. Очевидно, это были горцы в национальной одежде, состоявшей из короткой черной юбки и накидки на плечах. На шее у них красовались ожерелья из белых ракушек. На цветных пере-

вязях висели короткие прямые мечи. Эти люди были вооружены длинноствольными старинными ружьями.

Последними появились два человека, командовавшие операцией. Один из них был офицером. Мое внимание привлек второй. Он был удивительно, тем более для этих мест, высок и худ. Наверно, более двух метров — находка для азиатского баскетбола. Из-за такого роста он шел, несколько согнувшись, как бывает с очень высокими людьми, привыкшими стесняться своих габаритов. Его фигуру несколько портил выдававшийся вперед животик. Голова его была непропорционально мала, однако изящно красовалась на длинной шее. Он был облачен в наряд для гольфа, правильный, без изъянов, вплоть до кепи, приобретенного в хорошем английском магазине. Только вместо клюшки в руке у него был армейский пистолет.

Цепочка спасителей мелкой рысью добежала до нас, стоявших, надо сказать, пассивно и не выражавших радости криками. Солдаты довольно бесцеремонно подхватили с земли начальника бандитов, покорного, как теленок. Один из его подчиненных (тот, что целился в Володю) был мертв, и, убедившись в этом, они забыли о нем. Второй проявил признаки жизни, и потому его бесцеремонно подняли и бросили на землю рядом с вождем.

Майор Тильви сделал шаг вперед.

— Майор Тильви Кумтатон, — представился он.

Последовал монолог по-лигонски. Я мог догадаться, что майор излагает события последнего дня.

Высокий господин в гольфах перебил майора, спросив его о чем-то. Тот ответил, и высокий господин тут же поспешил к хижине, откуда только что вышли Лами и директор Матур.

Матур выходил последним, еще не уверенный окончательно, что все беды позади. Из-за спины девушки он увидел высокого господина.

— О, сабао Урао Као! — возопил он, словно ему лично явилось божество, и он, стenea, как сотня плакальщиц, оттолкнул Лами и бросился к ногам высокого господина, треща словно пулемет и умудряясь при этом рыдать. Реакция высокого господина была быстрой, что выдавало в нем хорошо тренированного спортсмена. В мгновение ока он отшвырнул рвущееся к нему тело директора Матура и подхватил девушку. Девушка затрепетала у него в руках и вдруг вся обвисла. Только плечи ее дрожали.

Вы думаете, господин Матур обиделся на высокого господина? Ничуть не бывало. Он поднялся на колени и стоял, как суслик перед норой, сложив на груди ручки, и свет восходивше-

го солнца отражался в массивных перстнях, на которые почему-то не позарились бандиты.

— Профессор Котрикадзе, — оторвал меня от лицезрения этой сцены голос майора Тильви. Я обернулся к нему. — Профессор Котрикадзе, — повторил он, обращаясь к армейскому офицеру, краснощекому и упитанному.

Я поклонился. Наверно, я менее всего был похож на профессора.

— Комендант Танги капитан Боро.

Офицер взял под козырек.

Я выразил благодарность господину капитану, — Тильви был официален, как король на аудиенции, — за помощь в критических обстоятельствах.

— Благодарите господина князя Урао, — ответил офицер, показав мне, как много у него красивых белых зубов. — Если бы не его помощь, мы бы опоздали.

Господин князь Урао, высокий горный джентльмен, помог Лами сесть на распоротый тюк с пропагандистской литературой и соблаговолил прислушаться к жалобной речи директора Матура. Слушая его, он смотрел на девушку, положив по-отечески ей на плечо изящную руку.

Тильви Кумтатон

Когда-то дедушка Махакассапа, у которого мальчишкой я жил в монастыре, потому что матери было трудно с четырьмя детьми, собрался к настоятелю соседнего лесного монастыря. Это был проступок — лесной монастырь относился к другой, еретической секте, его монахи носили тогу через оба плеча, ели мясо и не верили в карму, то есть верили, но не так, как положено. Поэтому дед обманул всех, сказав, что уезжает совсем по другим делам. Дед не боялся ересей. С тем лесным еретиком они были из одной деревни, оба собирали старые книги на пальмовых листьях и любили спорить о путях к нирване и тонкостях винайи. Дед взял меня с собой, и мы поехали по горам в арбе на высоких, выше человеческого роста колесах, запряженной парой низеньких пони.

Мы ехали два дня, ночевали в горной деревне, где для нас освободили мужской дом, и вечером дедушка читал горцам проповедь, а они курили завернутые в кукурузные листья вонючие сигары, и перья на их головах покачивались, когда они соглашались с мудрыми словами дедушки. Из этой поездки я запомнил

синеву гор, схожую с синевой неба, мелькание форели в горных ручьях, холод прозрачных вечеров, иней на утренней траве, шум ветра в сосновых рощах и пение синих птиц над дорогой. И еще слонов, вереницей идущих по ущелью под звон цепей, которые свешивались с их серых шершавых боков.

Фельдшер сказал, что у меня сотрясение мозга и мне нужен покой. Он дал мне пять таблеток аспирина и велел не двигаться. Я смотрел в небо, на пушистые облака, менявшие очертания, словно сказочные животные, и мне казалось, что я снова еду с дедушкой в повозке...

Мы ждали вертолет. Единственный исправный вертолет улетел еще вчера на рубиновые копи.

На поляне все занимались своими делами. Князь о чем-то беседовал с директором Матуром. Князь возвышался над ним на три головы и смотрел не на собеседника, а вдаль. Матур всплескивал руками. Русские геологи разложили на стерне спасенные приборы и громко переговаривались на своем варварском языке. Все-таки зря я их взял. Завтра они бы добрались до Танги на поезде и на машине. Господин Вспольный из русского посольства с обмотанной бинтом головой сидел на плоском камне и заносил свои впечатления в черную записную книжку.

Я подозвал капитана Боро. Тот присел рядом на корточки. Солнце уже поднялось высоко, и стало тепло.

— Расскажи, брат, — попросил я, — как вы нас нашли.

— Вам вредно разговаривать, майор, — сказал капитан. — Фельдшер советует полный покой.

— Пусть твой фельдшер... — Я выразился не очень вежливо.

Капитан был предупредителен, но насторожен. Он один из хозяев гор и со временем уйдет в отставку обеспеченным человеком, если сумеет лавировать между центральной властью, местным губернатором, горными князьями, контрабандистами, инсургентами, да так, чтобы никого не разгневать. Для такого провинциального капитана любая смена власти опасна и нежелательна... При ней будут новые порядки, он окажется недостаточно умен, энергичен, честен... и мое появление в Танги тому доказательство. Надо спрятать концы в воду и показать свою деятельность в лучшем свете — может, пронесет.

Впрочем, возможно, я несправедлив. Если начинаешь строить в голове портрет незнакомого человека, строишь его из черточек, принадлежащих другим портретам.

— Мы только в пять часов узнали обо всем.

Я сочувственно прикрыл глаза. Я не хотел пугать этого офицера. Здесь мне нужны союзники, а не враги.

— Мы готовились к встрече. Даже написали лозунг. В городе все с удовлетворением приняли известие о приходе к власти нового правительства.

Этому я не поверил, но спорить не стал.

— Бывший господин губернатор нанес мне визит.

Интересно, какие дела они обделывали с губернатором?

— И вдруг с аэродрома сообщают, что самолет не прилетел. Вы знаете, город наш небольшой, сразу поползли слухи, что в гибели самолета виноваты духи гор, не желавшие вашего прилета, господин майор.

Капитан Боро показал в улыбке белые зубы и развел руками — такой, понимаете, темный у нас народ.

— Я сразу связался с полицией, чтобы они узнали по окрестным деревням, не видели ли там самолета. Население у нас редкое, места дикие. Самолет отклонился от курса — десять миль для самолета ничто, а для гор много. Другая долина, другой хребет...

Поздно вечером мне сообщили, что в деревне Лонги — это миль двенадцать отсюда, вверх по реке, — видели дым и слышали взрыв. Глубокой ночью я примчался туда. Я допросил людей, но не мог найти проводника.

— Почему?

— Ночь. Ночью они не выходят из деревни. Боятся бандитов...

— Этих? — спросил я, показав на связанных Па Пуо и его сообщника.

— Не знаю, — сказал капитан. — Они же не говорят. От них ничего не добьешься. Мы решили ждать рассвета. Это был единственный выход в нашем положении, правда?

Капитану хотелось, чтобы я согласился. Хотя он понимал, как прозвучит в Лигоне мое донесение: «Капитан Боро, не дойдя двенадцати миль до места аварии, остался ночевать в деревне, поставив тем под угрозу жизнь и безопасность...» Нет, пускай не боится, такого донесения я не пошлю. Ночью в горах нечего делать.

— Правильно, — сказал я.

— Ну вот. — Капитан был рад. — И тут нам повезло. В деревню приехал господин князь Урао Као.

— А что он там делал?

— Он искал вас.

Я не выказал удивления. Пусть продолжает.

— У князя Урао большое влияние в нашем округе. Князь уз-

нал, что самолет потерпел крушение в горах за Лонги, и, даже не переодевшись, вскочил в машину. Когда он увидел нас, то очень обрадовался. У него был человек, который знает эти тропы. Вот мы и решили объединить усилия. Три мили мы проехали вверх по дороге, а потом дорога кончилась, мы пять часов шли в темноте по тропам. Я сегодня за ночь ни минуты не спал.

Если он надеялся, что я повешу орден ему на грудь, он ошибался. Почему же князь так спешил? Какое ему дело до самолета? Но он знал, что на самолете летели Лами и директор Матур. Оба ему знакомы. Может, кто-то из них вез из Лигона важные вести. А впрочем, какое мне сейчас до этого дело? Мы спасены, и я надеюсь, что завтра смогу встать. Иначе придется Лигону прислать другого комиссара.

— Вы информировали Лигон, что мы живы?

— Первым делом, господин майор. Первым делом.

— А предводителя бандитов вы не знаете?

Капитан поглядел в сторону лежавшего у хижины связанного Па Пуо. Его лицо осталось равнодушным.

— Не знаю, — сказал он.

Вертолет прилетел после полудня. К тому времени часть людей ушла к деревне Лонги и ожидавшим там машинам.

Ушли князь Урао со своими телохранителями и два солдата, которые конвоировали пленных.

В два часа вертолет взял нас на борт, и вскоре мы были в Танги.

Танги. Резиденция князя Урао. 11 марта 1974 г.

Господину Дж. Суну, гостиница «Империял», Лигон.

«Уважаемый Сун!

Это письмо доставит Вам верный человек, которого я посылаю машиной. Так надежнее.

Письмо и деньги получил. Не сразу и не при тех обстоятельствах, на которые рассчитывал.

Частично о событиях Вы уже, наверно, знаете. Об остальном сообщу сейчас.

Известие о гибели самолета я получил с опозданием. Я находился в резиденции. Городские власти уже направили на поиски самолета своих людей, а я еще ничего не знал. Как Вы знаете, я должен был получить груз, для чего я отправил к озеру Линили группу Па Пуо. Дальше все было цепью совпадений — Па Пуо испугался, самолет прошел на небольшой высоте над посадочной площадкой, где лежал груз. Па Пуо открыл стрельбу по самолету из крупнокалиберного пулемета и (везет дура-

кам) подбил машину. Самолет упал неподалеку. Па Пуо, отправив часть группы с грузом, пошел к самолету. За это я его не виню. Они не добрались бы до самолета к ночи, но на их счастье (или несчастье — это диалектика, мой дорогой Сун) они встретили по пути уважаемого Матура, к которому Вы так строги. Они сообразили, что Матур с самолета, а когда обыскали его, нашли пакет, который Вы мне передали. Им бы убить Матура и спешить ко мне — сказали бы, что не нашли самолета, и, может, я бы им поверил (вернее всего, не поверил). Но они погнали Матура впереди как проводника. Их план был прост, но не гениален: перебить всех оставшихся в живых и изобразить, что они погибли при крушении. Утром, когда они принялись за исполнение своего жестокого и наивного плана, подоспели мы с комендантом.

Вы вправе спросить, почему я оказался там ранним утром, причем в такой странной компании. Все объясняется просто. Один из людей, оставленных Па Пуо с грузом, по собственной инициативе поспешил в Танги. Я не думал, что кто-нибудь остался жив после крушения, но Па Пуо мог найти деньги и письмо. Мне ничего не оставалось, как бросить все дела и самому ночью мчаться к месту падения самолета.

Наш край населен негусто, но падение самолета заметил не только Па Пуо. Слухи о взрыве дошли и до коменданта. Этот жулик опасался, что новое правительство дознается о его делишках, и ему хотелось отличиться — он тоже бросился искать самолет. И вот мы встретились в деревне. Пришлось дальше отправиться вместе.

Мы успели вовремя. Па Пуо как раз намеревался убрать всех свидетелей.

Матур рассказал мне о том, что Па Пуо забрал деньги.

О, власть денег! Она лишает тебя самых верных людей.

Я был искренне огорчен. Ведь этот подлец знал, сколько труда и денег стоило нам его освобождение. К сожалению, я не мог должным образом наказать Па Пуо, хоть он и заслуживал смерти. Он мне нужен.

Мы отправились по тропе вниз, к деревне Лонги. Миля через две мы устроили привал. Я сказал солдатам, что хочу допросить Па Пуо, и они отошли на несколько шагов.

— Ты знаешь, что тебя ждет, предатель? — спросил я его.

— Я не предавал вас, князь, — ответил он. — Я никому не сказал, что знаком с вами.

— Отдай мне сумку, — сказал я.

Па Пуо сразу понял, что я все знаю.

— Здесь все? — спросил я.

— Нет, — ответил Па Пуо. — Я отдал по пачке моим людям.

— Тогда ты и позаботишься, чтобы все деньги вернулись ко мне.

— Я так сделаю, сабао, — склонил голову бандит.

— Я не могу оставить тебя в руках солдат.

Па Пуо кивнул. Он тоже на это рассчитывал.

— Ты убежишь на развилке. Я отвлеку солдат. Будешь ждать моих распоряжений в пещере у Линили.

Если он и заподозрил, что я хочу его убить, то ничем этого не показал. Ему нельзя отказать в фатализме, столь свойственном этим простым людям.

Дальше все прошло по плану. Я отвлек солдат. Па Пуо и его человек бросились бежать. Их преследовали солдаты и мои телохранители. Солдаты беспомощны в лесу и вскоре прекратили преследование. Им казалось, что в лесу их поджидают враги. Последним вернулся мой телохранитель, передавший мне пачку долларов, которая до того оставалась у человека Па Пуо. Его щадить не стали.

На кого можно положиться в этом жестоком мире! Не считайте это за жалобу, почтенный Сун. Я провел несколько лет в цивилизованной Европе и отлично понимаю, что за внешним порядком там скрываются те же страсти и то же предательство.

Итак, все кончилось благополучно, несмотря на большие издержки. Полагаю, что гибель самолета свяжут с Па Пуо. Если ему будет здесь жарко, переправлю его в Лигон или за границу.

Ваше отрицательное отношение к директору Матуру я не разделяю. Он по-своему куда более верный человек, чем Па Пуо. Образование и привязанность к семейству заставляют его панически бояться смерти или моего гнева. В любом случае я убежден, что он никогда бы не посмел скрыть деньги. Семья Матура всегда остается заложниками в наших руках. В будущем надеюсь пригреть Матура. Вам же отводится роль пугала (не сердитесь на меня за этот чисто тактический ход). Пусть он бежит ко мне с жалобами на грубого и жестокого господина Суна.

Я благодарен Вам за заботу о Лами. Лекарства, переданные Вами, благополучно добрались до Танги. Хотя я ничего не имею против преждевременной смерти ее отца, но, если его жизнь угодна небу, пусть мы будем орудием спасения, а не орудием гибели. Благодарность Лами искренна и глубока. Но я не буду использовать ее в своих целях. Пусть все идет своим чередом.

Русские остались живы. Не могли бы Вы подробнее узнать в Лигоне об их истинных планах?

Майор Тильви Кумтатон пока в госпитале. Я поговорил со знакомым врачом, и тот обещал мне задержать его там как можно дольше. Пусть город пока остается без твердой власти: комендант Боро избрал путь полного невмешательства, что меня устраивает.

Полагаю, что в настоящий момент отправка груза в Лигон опасна. Следует подождать, пока энтузиазм военных несколько утихнет и они займутся драматическим дележом портфелей и выгодных должностей. В любом случае груз останется в пещере до тех пор, пока я не получу от Вас сообщения о возможностях его отправки. Осторожность — лучшая политика.

Завтра съезжаются соседние князья, чтобы решить, как вести себя с новым правительством. Некоторые горячие головы считают, что сейчас самое время объединиться со сторонниками Джа Ролака и поднять восстание. Мне придется потратить немало усилий, чтобы уговорить этих недалеких, трясущихся над своими эфемерными привилегиями людей воздержаться от самоубийственных акций. Полагаю, что военное правительство молит небо, чтобы мы восстали. Тогда нас удобно раз и навсегда привести к покорности. Нельзя давать им такого предложения. Еще раз напоминаю о русских.

Искренне Ваш Урао Као».

«Окрестности г. Танги представляют особый интерес для туриста. К сожалению, туда трудно добраться, если в вашем распоряжении лишь несколько дней, однако тому, кто располагает временем, эти места подарят чудесные воспоминания о горах и лесах Юго-Восточной Азии.

Танги (4.756 футов над уровнем моря) является центром этого края, и здесь турист может получить современные удобства. Город расположен среди покрытых соснами холмов, в 78 милях от железнодорожной станции Митили, связанной с Танги постоянным автобусным и автомобильным сообщением. Кроме того, по четным числам в Танги совершает рейс самолет местной авиалинии «Лигон Эйруэйз». Остановившись в Танги, турист может посетить некоторые места, представляющие интерес.

Отель «Эксельсиор» (телеграмма «Эксельсиор»). Лигонская контора: ул. Свободы, тел. 10747): 25 номеров, кондиционирования нет, центральное отопление. Отдельный номер — от 37 до 45 ватт, двойной — от 60 до 70 ватт (включая питание). Кухня: лигонская, индийская, европейская. Экскурсии к водопаду Колу, на озеро Линили — живописный водоем, где в окрестных деревнях можно приобрести серебряные изделия местных мастеров; в пагоду Пяти золотых будд, в которой находится семь древних священных изваяний. Их золотили столько раз, что они превратились в золотые шары. Знаменитый водный праздник на озере Линили проходит в начале октября...

Раз в пять дней в Танги бывает базар, на который собираются окрестные горцы, представляющие собой живописное зрелище».

«Нью Голден Гайд» — Южная и Восточная Азия»
Составление и редакция Даниэля Уолстона. Гонконг, 1969.

«Город Танги. Центр одноименного округа на севере Республики Лигон. Город основан в XIV в. князем Урао Справедливым, который в XVI в. признал вассальную зависимость от короля Лигона Партавар-мана VI. Город расположен на краю горного плато на высоте 1600 м над уровнем моря. Население 12 500 чел. (по переписи 1979 г.). Лигонцы, индийцы, китайцы, тайцы, представители местных народностей. Местная промышленность — механические мастерские, спичечная и ткацкая фабрики, лесопилка, кустарные мастерские. В городе заседает совет по делам горных народов, в котором большую роль продолжают играть горные феодалы...»

Справочник «Города Юго-Восточной Азии». М., Наука, 1980.

Владимир Кимович Ли

За окном нашего номера сквозь ветви сосны видна тихая улочка. Такая тихая и мирная, усыпанная желтыми листьями, что невозможно поверить, что мы живем на краю света, а не проводим отпуск в подмосковном доме отдыха. И листья на асфальте — осенние. А ведь обман: хитрые здешние деревья сбрасывают их, чтобы достойно встретить сезон дождей цветами и юными листочками. По удочке едет рикша на велосипеде с коляской. Рикша в шерстяной шапочке и пиджаке. Вон пастор в черном костюме — узкой полоской выглядывает белый воротничок. Домики здесь, в центре города, чистые, аккуратные, солидные, чужие. Сюда приезжали отдохнуть от жары долин скупающие английские чиновники.

Мы с Отаром весь день проспали. Старый лакей, сохранившийся с колониальных времен, не смог разбудить нас к обеду. Мы очнулись вечером, полные раскаяния за потерянный день (по крайней мере я был полон раскаяния, а Отар подвел под наш сон здоровую теоретическую базу, чем меня почти утешил).

У нас большая комната, высокий белый потолок которой разделен на квадраты темными деревянными рейками, что напоминает об английской таверне, где мне, правда, не приходилось бывать. На планках мирно спят маленькие ящерки — неужели они никогда не падают? Вспольный разместился за стеной.

— Разбудить его? — спросил я Отара.

— Даже не знаю, — сказал Отар. — Намаялся он....

Такое проявление нежности со стороны Отара — явление редкое.

Все-таки я, презрев условности, постучал к Вспольному.

— Мы идем ужинать, — сказал я ему.

— Я тоже, — откликнулся Вспольный. — Спасибо.

Он спал меньше нас. С вертолета он бросился на телефонную станцию и пробился в Лигон, чтобы лично доложить Ивану Федоровичу, что все обошлось.

В столовой, с такими же планками на потолке, было почти пусто. Наверно, не сезон. Или туристы поспешили домой. Туристы не любят переверотов — это нарушает график осмотра достопримечательностей.

За соседним столом сидел господин Матур. Синяк у него под глазом пожелтел. Вид был удрученный.

— О, дорогие друзья! — воскликнул он при нашем появлении.

По-моему, радость была искренней.

— Вы разрешите присоединиться к вам?

Вспольный, по-моему, был не рад, так как отвечал за нашу нравственность, а от Матура так и несло безнравственностью. Я сказал:

— Пожалуйста.

Все-таки мы вместе пережили все приключения. Матур успел как-то переодеться. Он был в темном, узком для него костюме, шея обмотана толстым шарфом.

— Ваш саквояж не нашелся? — спросил я.

— Эти бандиты выкинули мой саквояж. И деньги, представляете, деньги.

Я должен был бы спросить, много ли денег. Но вместо меня вопрос задал Отар:

— Вы знакомы с князем Урао?

— А что?

Матур был настороже. Не успел Отар что-либо добавить, как он уже заговорил, как отличник на экзамене:

— Мы с ним друзья детства. Вместе учились в колледже. В одном классе. Славное давнее время... Но потом князь получил настоящее образование в Кембридже.

— Это видно, — сказал я, вспомнив наряд князя.

Вспольный осуждающе фыркнул. Он уже успокоился, от его героизма и следа не осталось. По дороге в ресторан он успел сообщить мне, что от окна дует, что Иван Федорович беспокоится о нас, что атташе-кейс погиб при вынужденной посадке и он вновь оказался без носильных вещей.

— Знаете... — Матур наклонился к нам и понизил голос, хотя в зале не было никого, кроме официанта, перетиравшего вилки

в дальнем конце зала. — Бандиты убежали. Солдаты и телохранители князя гнались за ними по джунглям и, возможно, убили их. А если не убили?

Матур театрально оглянулся — он допускал, что бандит скрывается под столом.

— А кто они, не удалось установить?

Матур развел руками. Вспольный недоверчиво прищурился. Он-то знал, что Матур приспешник империализма.

Мы замолчали. Несколько часов, проведенных в мягких постелях, в чистой комнате с соснами за окном, превратили всю фантазмагорию последних суток в какой-то сон. И Матур напомнил о прошлом. Я даже ощутил к нему неприязнь, словно он хотел снова утащить нас в ночь, к выстрелам, взрывам и всяким противоестественным вещам. Видно, Матур почувствовал это.

— И когда вы приступаете к работе? — спросил он.

Директор Матур

Я с трудом досидел до конца ужина. Новости взывали к немедленным действиям. Я не понял деталей. Но для делового человека важнее охватить проблему в целом.

Разумеется, предсказать землетрясение нельзя. Но они не производят впечатления шарлатанов. Значит, стоит рискнуть? Поставить на темную лошадку?

Я подождал, пока русские поднялись к себе, и подошел к портю — замороженному англо-лигонцу из неполноценной расы гибридов, оставленных англичанами в память о своем многолетнем господстве.

— Я могу заказать телефонный разговор с Лигоном?

— Линия не работает, — ответил он внешне вежливо, но с внутренним вызовом, свойственным людям, когда-то обладавшим маленькой административной властью.

— У меня срочное дело, — сказал я.

— Линия отключена по распоряжению военного коменданта.

— Тогда примите срочную телеграмму.

— Не могу, — нагло усмехнулся портю. — Дойдите до телеграфа.

— Телеграф открыт? — спросил я, стараясь улыбаться.

— До восьми, — сказал портю.

Было двадцать минут восьмого. Скорее. Вторично я оказался обладателем информации, стоимость которой трудно переоценить. И я должен был отправить две телеграммы.

— Господин Матур, — догнал меня голос портье.

— Что?

— В Танги комендантский час. С шести вечера.

Я махнул рукой и выбежал на улицу. Комендантский час для тех, кто обладает документами, я же не обладаю ничем — я ограблен и гол. Мне нечего терять.

И с разумной осторожностью, скрываясь в тени деревьев, я побежал к телеграфу.

ТЕЛЕГРАММА

Лигон Экспорт импорт Тантунчок срочно

Согласен условия продажи утром завершите сделку моим братом телеграфируйте возможность вступления во владение
Матур

ТЕЛЕГРАММА

Лигон Серебряная долина 18 Саад Рахман срочно

Немедленно вступай переговоры Тантунчоком по известному делу принимай его условия жду результатов завтра утром
любящий брат Матур

Директор Матур

Я покидал телеграф со странным ощущением наготы — много лет я не выходил на улицу с голыми пальцами. Я стал беднее на два золотых перстня общей ценой не менее двух тысяч ватов. Телеграфист нагло улыбался мне вслед. Графа расходов росла. Доходов пока не предвиделось. Зато телеграммы ушли, минуя военную цензуру.

Городской дом князя Урао стоит на окраине Танги над самым обрывом. Из его сада с большими правильными газонами и аккуратно подстриженными деревьями, за которыми следит садовник, выписанный из Калькутты, открывается вид на много миль вперед — на горные хребты и долины, на голубое озеро Линили.

Но в тот сумрачный вечер долину скрывал туман.

Я чудом избежал встречи с патрулем. Пришлось просидеть несколько минут в колючем кустарнике. Перед воротами дома стоял, кутаясь в шинель, охранник.

— Скажи князю, что директор Матур по делу чрезвычайной важности.

Сторож знаком велел мне стоять в стороне, поднял трубку

телефона, стоявшего в нише у ворот, и через несколько минут я уже приближался к крытому широкому подъезду дома, принадлежавшего когда-то английскому вице-губернатору, который проводил здесь жаркий сезон.

Я шел по широкой бетонной дорожке и на полпути от ворот увидел, что дверь в дом отворилась и кто-то быстро пошел напрямик через газон. Я замер, приглядываясь. Мои глаза уже привыкли к темноте. Человек не видел меня, он шел быстро, он хорошо знал этот сад. Я его узнал и в ужасе замер. Это был бандит Па Пуо, убитый сегодня утром при попытке к бегству.

Я стоял, пока его шаги не смолкли в отдалении...

Князь встретил меня в обширном холле.

— Как себя чувствуешь, друг? — спросил он со свойственной ему любезностью. Князь был в халате, с трубкой и чисто выбрит, свеж и бодр, словно ему не пришлось провести всю ночь и часть дня в тяжелом горном походе. — Ты плохо выглядишь, Матур. Что тебя привело ко мне?

— Князь, — сказал я, стараясь унять дрожь, — в вашем саду я видел страшного человека.

— Кого? — спросил князь, не теряя хладнокровия.

— Разбойника Па Пуо. Он жив и подстерегает вас.

— Ты не ошибся?

— Я не мог ошибиться.

Князь хлопнул в ладоши. Мгновенно появился телохранитель.

— Прикажи обыскать территорию, — сказал князь. — Моему другу показалось, что здесь бродит убитый разбойник Па Пуо. Если найдете, ведите сюда. Но я полагаю, что это его дух, который жаждет мести.

Возможно, князь был прав. Телохранитель провел рукой перед лицом, отгоняя злых духов.

— Мы же с тобой, Матур, цивилизованные люди. Духи нам не страшны. Не так ли?

Я вынужден был согласиться с князем.

В библиотеке князь указал мне на кресло и спросил:

— Что будешь пить?

— Спасибо, ничего не хочется.

Я вообще не употребляю спиртных напитков и в это время дня предпочитаю чай с молоком.

— Тебе нужны деньги? Прости, я совсем забыл, что ты больше всех пострадал в горах. Вот, возьми сто ватов, и надеюсь, тебе хватит, пока ты не получишь от брата.

Князя нельзя обвинить в щедрости, но любой подарок друга — ценность. Я с благодарностью принял деньги.

— Я пришел не за этим, князь, — сказал я. — Помня о вашем всегдашнем расположении, я спешу сообщить новость, которую сегодня узнал от русских геологов. Эта новость настолько изумила меня, что я счел своим долгом, несмотря на военное положение, поспешить сюда.

— Рассказывай, дружище, — сказал князь, наливая себе виски.

— Через несколько дней в Танги будет землетрясение.

— Да?

— Сильное землетрясение.

Лигон. Дж. Суну

ШИФРОВАННАЯ РАДИОГРАММА

Немедленно вступи переговоры владельцем механических мастерских и отеля Эксельсиор аргументируй сведениями о близкой национализации плати наличными не более половины страховой цены телеграфируй результаты шифром

Урао Као

ТЕЛЕГРАММЫ

Танги коменданту гарнизона капитану Боро срочно

Сообщите состояние здоровья майора Тильви способность исполнять задачу обеспечить медицинскую помощь

полковник Ван

Танги майору Тильви Кумтатону

Положение сложное сообщите возможность продолжать работу необходимость подмены

полковник Ван

Танги комиссару Временного революционного комитета

По просьбе посольства СССР сообщите состояние здоровья русских геологов обеспечены ли условиями жизни исполняющий обязанности министра иностранных дел

полковник Джа Полни

Танги комиссару Временного революционного комитета майору Тильви Кумтатону

Обеспечьте наблюдение за резиденцией князя Урао возможны встречи сепаратистов

полковник Линиок

Танги комиссару ВРК Тильви Кумтатону

Вчера двенадцать сорок три пограничный пост в Оргале отметил прохождение неопознанного вертолета в направлении Тангийского округа вертолет предположительно прошел обратно в четырнадцать сорок срочно соберите расспросные сведения населения возможной посадке или выброске груза начальник разведуправления

полковник Линиок

Майор Тильви Кумтатон

Я окончательно пришел в себя часов в пять вечера. Мною владело чувство вины. Я не оправдал доверия господина бригадира Шосве и вместо того, чтобы проводить в Танги линию Революционного комитета, сам попал в плен и получил ранения. В дверях палаты гудели приглушенные голоса. Я повернул голову — там стоял капитан Боро с портфелем в руке. Медсестра в зеленой наколке не пускала его ко мне. И он не знал, настаивать ему или уйти.

— Проходите, — сказал я негромко, чтобы не разбудить соседа по палате — неподвижно лежавшего человека с забинтованным лицом. Когда меня днем привезли в палату, уже вымытого, перевязанного, запакowanego в гипс, он спал. — Я не сплю. Какие новости из Лигона?

— Все в порядке, — бодро и слишком громко ответил капитан. Для него я был хоть и немощным, но посланником божества и остальные окружающие интересы не представляли. — Все районы, кроме южной провинции, признали власть Революционного комитета.

— Южной провинции?

— Туда бежал министр внутренних дел. Но не сегодня-завтра сопротивление прислужников империализма и внутренней реакции будет раздавлено.

Он внимательно слушал лигонское радио. В его голосе звучали барабанные интонации управления пропаганды.

— Что еще?

— Я отправил в Лигон отчет о происшествии с самолетом. В отчете я указал, что виновны бандиты, задержавшие вас. Диаметр отверстий в крыле совпадает с калибром пулемета, отобранного у бандитов.

— И ни одного не удалось доставить в Танги?

— Ни одного. — Капитан был огорчен.

— Последних двух прикончил князь Урао. Это не дает вам повода для размышлений?

— Мы не докажем, что он к этому причастен, господин майор. Он старался их догнать, но солдаты тоже стреляли...

— Продолжайте.

— Тут у меня радиogramмы из штаба и из комитета.

Я проглядел радиogramмы. Большинство связано с аварией или русскими геологами. Я представил себе, какой шум поднялся в Лигоне, когда самолет пропал без вести. Нашему революционному правительству необходимо показать всему миру, что оно твердо держит в руках власть. Любое нападение на иностранцев будет расценено его врагами как доказательство слабости.

— Как они, между прочим?

Капитан Боро понял, о ком я спрашиваю.

— Мы их разместили в «Эксельсиоре». Хорошая гостиница. Они легли спать. Еще спят, наверно.

— Завтра дадите им охрану, которая будет полностью исполнять все их указания. Не забудьте о транспорте.

— Обязательно. Если не тайна, в чем их миссия?

— Они занимаются землетрясениями.

— У нас давно не было землетрясений.

— Они полагают, что скоро будет.

Боро был поражен и не пытался этого скрыть.

— Они в России об этом узнали?

— В России. А теперь можете идти.

— Что касается слежки за сепаратистами...

— У вас там нет своего человека?

— Как сказать...

Капитан Боро покосился на моего соседа с забинтованным лицом.

— Ничего, — сказал вдруг тот, словно ощутил взгляд капитана. — Я знаю, кто ваш человек у князя. Боюсь, что князь тоже об этом знает, но не трогает его, чтобы вы не подсунули нового.

— Господин Васунчок? Это вы? — ахнул капитан Боро.

— Он самый.

— Я совсем забыл! Как ваше драгоценное здоровье?

— В данный момент ему ничто не угрожает. — Голос моего соседа дрогнул, будто он хотел засмеяться.

— Ну, я пошел, — поднялся капитан Боро. — У меня много дел.

Когда капитан ушел, стало совсем тихо. Мой сосед молчал. Интересно, кем он был? Откуда у него такие сведения о князе Урао и делах военного коменданта?

В дверях появилась пожилая медсестра в зеленой наколке. На этот раз посетитель к моему соседу.

— Господин Васунчок, к вам пришли.

И я увидел мою спутницу Лами.

Я понял, что она уже была у этого человека утром, потому что их встреча была будничной.

— Лекарство помогает тебе, отец? — спросила Лами.

Тут она увидела меня.

— Господин майор! — воскликнула она. — Как я рада! Вы себя хорошо чувствуете?

— Отлично, — сказал я. — Значит, это твой отец?

— Папа, — сказала Лами торжественно, — майор Тильви нарушил правила ради того, чтобы взять меня на борт, потому что я сказала, что везу тебе лекарство.

— Скажи лучше, что он тебя чуть не погубил, — возразил ее отец. — Мое счастье, что они скрыли от меня дурные вести о самолете. Я благодарен тебе, майор. Я понимаю, что значит взять человека на военный рейс.

— Там была тетушка Амара, — сказал я. — Она страшней, чем военный трибунал.

— Представляю, — сказал Васунчок. — Она никогда не отличалась добротой к нашему семейству.

— Ко мне тоже, — сказал я.

— Это она помогла тебе достать лекарство?

— Нет, — сказала Лами тихо.

— А кто?

Лами покраснела. Мне был виден ее профиль. Она молчала.

— Почему ты молчишь?

— Я достала его... у чужих людей.

— Не хочешь — не говори. Я старый неблагодарный хрыч. Но должен с удовольствием заметить, что в столице ты не научилась лгать.

Я видел, что щека Лами стала малиновой. Она была готова провалиться сквозь землю. Но почему такая тайна?

Когда Лами ушла, ее отец сказал:

— Так неудачно получилось с моей раной.

— Я ничего не знаю.

— Я начальник полиции округа Танги.

Конечно, мне следовало об этом знать. Перед отлетом Ван дал мне список должностных лиц округа, но я не удосужился с ним ознакомиться.

— Ну что же, очень приятно познакомиться, — сказал я. — Комиссар ВРК майор Тильви.

— Знаю. Я знаю сейчас куда больше тебя, мой мальчик. И не

обижайся на такое обращение. Ты мой двоюродный племянник и в детстве бывал в нашем доме, только, конечно, не помнишь об этом.

— Нет, — признался я. — Прошло столько лет... Вот если бы вы не были забинтованы...

Он не удивился и не обиделся. Семья наша, как обычно в Лигоне, большая, двоюродных и троюродных дядей у меня десятка три.

— Я отдохну немного, — сказал он. — Устал.

Но молчал он недолго. Минуты через две я снова услышал его голос:

— Вы не уверены, что Па Пуо убит?

— Вы его знаете? — спросил я.

— Бывший десантник. Закоренелый преступник. В свое время он убежал из тюрьмы в Лигоне.

— Он связан с князем Урао?

— Не скажу. Не знаю. Па Пуо с верховьев Кангема, у них в деревне испокон веку живут контрабандой. Сам он служил когда-то в армии сержантом. Лет пять назад пытался организовать свою группу по перевозке опиума. Но большие акулы его вытеснили. Потом он к кому-то нанялся... но вряд ли к Урао. Тот у нас джентльмен и вряд ли рискнет связаться с такой фигурой, как Па Пуо.

Станный шел разговор. Два человека, ответственные за порядок в крае, лежали в больничной палате и рассуждали о преступниках. А те гуляли на свободе.

— Меня заинтересовало место, где был подбит самолет... — продолжал Васунчок. — Постарайся представить расположение горных цепей и долин: наш город на окраине плато. У подножия плато лежит широкая долина, по которой протекает речка Линили, впадающая в озеро с тем же названием. За долиной три параллельных невысоких покрытых лесом хребта. Между хребтами два ущелья, также дикие, почти ненаселенные, лишь в одном месте между двумя ближайшими к Танги хребтами ущелье расширяется и там лежит деревня Лонги, соединенная дорогой с шоссе Митили — Танги. Представляешь?

— Пока все понятно.

— Самолет на Танги должен лететь над долиной Линили и озером. Но самолет отклонился немного в сторону и пошел над тем ущельем, в котором стоит деревня Лонги. Вот там его и подбили. Снижаясь, самолет проскочил между вершинами второго хребта и упал в дальнем ущелье, между вторым и третьим хребтом.

— И что это значит?

— Люди, которые стреляли по самолету, почему-то оказались в первом ущелье. То есть их отделял от широкой и густонаселенной долины Линили лишь невысокий хребет. Хотел бы я поговорить с пилотом...

— Зачем?

— Важно точно знать место, где по самолету стреляли. У меня есть подозрение, что стреляли с поляны, от которой идет тропа к пещерам озера Линили... Это недалеко.

— А если так?

— Меня ранили у озера Линилн, когда мы шли за группой контрабандистов, надеясь отыскать их тайник. У меня были надежные сведения, что он находится в районе пещер. Но мы были неосторожны и попали в засаду.

Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г.

«Бессвязные слова тех людей, которые спаслись от гибели, сплетаются в рассказ одного существа: оно в это утро как бы поднялось над землей, и его взгляд, изощренный ужасом, охватил всю картину восстания стихий на человека.

Накануне катастрофы и всю ночь перед нею выл ветер, море яростно бросало на берега высокие волны; спасаясь от непривычного холода, жители Мессины и прибрежных городов Калабрии плотно закрыли двери и окна домов и спали крепким предутренним сном.

В 5 ч. 20 м. земля вздрогнула: ее первая судорога длилась почти десять секунд: треск и скрип оконных рам, дверных колод, звон стекол, грохот падающих лестниц разбудили спящих; люди вскочили, ощущая всем телом эти подземные толчки, от которых вдруг теряешь сознание, наполняясь уничтожающим разум диким страхом.

... Перекошенные двери невозможно было открыть во тьме, не попадало под руки ничего, чем можно было бы разбить их, выломать рамы и ставни. Колю люди вырывались в коридоры, их встречала густая туча мелко измолотой извести и ослепляла. В темноте все качалось, падало, с треском проваливаясь в какие-то вдруг открывшиеся пропасти. На месте лестниц зияли темные ямы, из них вздымалась эта страшная пыль разрушения; обезумевшие люди, хватая на руки детей, с криком бросались вниз, ища земли, ломали себе кости, разбивали головы, ползали по грудам обломков, поливая кровью камни и мусор, а вокруг все дрожало под толчками новых и новых ударов, а отовсюду доносился крик и стон десятков тысяч человеческих голосов. В сумраке одно за другим рушились с грохотом разорванные здания, прыгали камни, сыпалась известь, раздавливая и погребая разбитые, истекающие кровью тела полуголых, дрожащих от холода и ужаса людей.

...Земля глухо гудела, стонала, горбилась под ногами и волновалась, образуя глубокие трещины, как будто в глубине проснулся и ворочается века дремавший огромный червь, — слепой, он ползет там в темноте, изгибаются его мускулы и рвут кору земли, сбрасывая с нее здания на людей и животных... »

М. Горький. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии».

С.-Петербург, 1909.

Юрий Сидорович Вспольный

До поздней ночи за стеной слышались голоса — мои товарищи приводили в порядок пострадавшую аппаратуру. Я не стал им мешать. Только зашел, когда нам нанес визит капитан Боро, начальник местного гарнизона. Он обещал с утра предоставить машину, чтобы осмотреть окрестности Танги и выбрать места для приборов, а также прислать мастера — требовалось кое-что починить, а у наших товарищей не было нужных инструментов. По уходе капитана Боро Отар Давидович сказал, что вряд ли моя помощь понадобится сегодня, и посоветовал мне отдыхать. Я счел его соображения разумными и потратил остаток вечера на приведение в порядок записей.

Я лег спать пораньше, несмотря на то, что выспался уже днем. Поэтому я долго не мог заснуть, прислушиваясь к стуку дождика за окном, шуршанию сосен, отдаленной заунывной песне и неразборчивым голосам за стеной. Я старался гнать от себя мысли, которые возвращались с настойчивостью комнатной мухи, — мысли о близкой смерти, о том, насколько тонка грань между продолжением жизни и той случайностью, которая готова легким ударом разрезать ее нить. И если крушение самолета было событием, в котором я не принимал никакого участия, то, рассматривая в перспективе мое столкновение с бандитом Па Пуо, следует признать, что мой порыв, хоть и был оправдан в тех конкретных обстоятельствах, в принципе не типичен для моего характера и полностью расходится с моим представлением о себе. Чаще всего я лишь по истечении определенного промежутка времени нахожу правильное решение либо слова, в споре же и в действиях я скорее склонен к ошибкам и компромиссам. Я всегда боялся столкнуться с ситуацией по-настоящему критической, которая потребовала бы от меня единственно правильного и быстрого решения. Поясню: например, я не выношу детей, стоящих на краю платформы, и по мере сил стараюсь обратить на этот факт внимание их родителей или самому оттеснить ребенка от опасного места. Я не могу видеть, как дети или моя мама выходят на балкон. В таких ситуациях мое живое воображение немедленно рисует картину падения ребенка на рельсы или с балкона. И зная, что в такой обстановке я не решусь броситься на рельсы вслед за ребенком, я делаю все, чтобы критическую ситуацию устранить. Но как же тогда объяснить мое нападение на вооруженного озлобленного человека? Наверно, объяснение этому кроется в моей же трусости. Во мне действо-

вал тот же инстинкт, что заставляет отвести ребенка от края платформы. Я предотвращал опасный момент, хотя сам обращал на себя гнев бандита.

Я проснулся совсем рано, на рассвете, и голубой свет его настолько был похож на свет, проникавший вчера утром сквозь щели хижины, что я внутренне сжался. К счастью, страх длился всего мгновение. Я услышал за стеной голос Володи Ли и понял, что пора вставать.

В соседней комнате я обнаружил удивительную сцену. Казалось, они вообще не ложились спать. Пол был буквально устлан деталями, и посреди них, подобно мальчишкам, играющим в железную дорогу, сидели три человека — Котрикадзе, Володя и незнакомый мне молодой скуластый лигонец. Игра так увлекла их, что они не сразу заметили мое появление.

— Вы даже не завтракали? — спросил я. И тут же подумал, что мой вопрос неуместен — ресторан еще закрыт. И как бы в опровержение моих слов в дверь постучали.

— Войдите, — сказал Котрикадзе, не отрываясь от рассмотрения печатной схемы.

В раскрытой двери стоял солдат, лицо которого было мне знакомо. Нашитая на рукаве его куртки морда тигра подтвердила мои подозрения — этот отличительный знак носили солдаты, сопровождавшие нас в самолете. Автомат висел у него на плече, мешая нести термос ярко-оранжевого цвета с большими полосатыми пчелами на сверкающих боках. В другой руке он держал судки. Солдат кивнул мне, как старому знакомому.

— Ага, — сказал Котрикадзе, как будто ему всю жизнь приносили термосы солдаты с автоматами. — Поставьте туда же, сержант.

Я проследил взглядом за сержантом и увидел на столе уже два таких же термоса, а также ряд чашек с остатками кофе и недоеденные сандвичи.

Сержант поставил термос, постоял посреди комнаты, наблюдая за работающими, затем мирно положил автомат на диван, уселся рядом и задремал.

И я вдруг понял, что нет смысла укорять этих людей за неразумное использование своего рабочего дня. Они вежливо выслушают меня, но удивятся — по какому праву я вмешиваюсь в то, что они знают и умеют лучше меня? Я даже пожалел, что у меня нет технического образования, что в школе я по всем точным дисциплинам имел «твердую тройку», чем маму не столько

огорчал, сколько утверждал в мнении, что передо мной открывается карьера великого писателя или лингвиста. Эти люди играли в свои всегда запретные и завидные для меня игры, а я был только зрителем.

— Юрий Сидорович, — сказал Володя, — выпейте кофе, а то ресторан еще закрыт. Нам сержант Лаво из гарнизонной кухни носит.

Я поблагодарил и не отказался от кофе со свежим сэндвичем. Вкус местного хлеба показался мне более приятным, нежели в Лигоне, где он схож с ватой. Я сидел на диване рядом со спящим сержантом.

— Голова не болит? — спросил Котрикадзе, представив меня молодому лигонцу, оказавшемуся механиком по имени Фен Ла.

— Нет, спасибо.

Я инстинктивно поднял руку и ощупал шишку, оставшуюся у меня на лбу, как боевое отличие.

— В восемь придет машина. Вам, наверно, любопытно будет поехать с нами.

— Сочту своим долгом, — сказал я. — Пожалуй, мне следует переодеться?

Котрикадзе кивнул.

Переодеваться мне было не нужно. Да и во что переодеваться? Но я воспользовался этим предложением, чтобы избавиться от тягостного ощущения собственной ненужности, и покинул комнату.

Но к себе я тоже не попал. В коридоре меня подстерегал господин Матур.

— Доброе утро, господин советник, — приветствовал он меня. — Вы рано поднимаетесь. Значит, вы хороший работник. Лишь бездельники спят до полудня.

Я не мог обогнуть его в узком коридоре и избежать неуместных восторгов.

— И ваши друзья также работают? Меня всегда восхищало трудолюбие русского народа. Великие свершения социализма — это результат самозабвенного труда. И я, как прогрессивный человек, могу лишь восхищаться!

Новый костюм господина Матура был ему узковат. Куда-то делись сверкающие перстни. Неужели наш спутник разорился и сменил классовые позиции? Это маловероятно.

— Приехать для того, чтобы помочь маленькой далекой стране! Жертвовать жизнью и здоровьем ради нас — это гуманизм в высшем смысле, не так ли? И совершенно бескорыстно!

Он готов был заплакать от умиления. Шоколадные зрочки неустанно крутились в желтых с красными прожилками белках глаз.

— А мы и не подозревали, насколько близка к нам угроза страшного бедствия. Теперь же мы сплотимся вместе с вами и спасем нашу маленькую страну. Только бы успеть! Как вы думаете, мы успеем?

Он замер с полуоткрытым ртом. Ждал ответа.

— Еще рано говорить, — ответил я сдержанно, стараясь отыскать просвет между стеной коридора и тушей нашего друга. — Для того мои товарищи и работают. Но пока нельзя сказать ничего определенного.

— Но, может, приблизительно? С точностью до двух дней? Ведь необходимо предупредить население?

— Как только станет известно, мы тотчас же сообщим.

Я не решился спрятаться в своей комнате, куда он мог беззащитно проникнуть, а позорно отступил обратно к Котрикадзе, захлопнул дверь и с облегчением вздохнул. В комнате было по-прежнему. Володя и механик спорили на странной смеси языков, тыча друг другу в лицо какой-то деталью. Котрикадзе тестером проверял нутро вскрытого ящика, напичканного печатными схемами и проводами. Сержант Лаво спал на диване, положив на живот автомат.

Котрикадзе оторвался от своего дела, взглянув, кто пришел.

— Передумали переодеваться? — спросил он.

— Отар Давидович, — сказал я, — не забудьте, что мы должны предупредить власти о сроках землетрясения. Ведь предстоит принятие мер. Некоторые уже интересуются...

— Вы совершенно правы, Юрий Сидорович, — сказал Котрикадзе вежливо. — Мы это непременно сделаем.

Я стоял посреди комнаты, не двигаясь, чтобы не наступить на что-нибудь. Котрикадзе сжалился надо мной.

— Юрий Сидорович, — сказал он, — если вы не заняты, будьте любезны, помогите нам. Вон там в коробочке винты. Рассортируйте их по размерам.

Из записи показаний Дани Джа Думали, пилота государственной авиационной компании «Лигон Эйруэйз», взятых в муниципальном госпитале города Танги 12 марта 1976 года:

«...В 14 час. 10 мин. ввиду близости муссонного фронта было решено изменить курс с северо-северо-западного на северо-западный с таким расчетом, чтобы повернуть на тангийский аэро-

дром после пересечения дороги Митили — Танги. В Танги о перемене курса мы не сообщали. Мы следовали новым курсом до 14 час. 22 мин., после чего были обстреляны с земли из крупнокалиберного пулемета, в результате чего были повреждены левая плоскость и левый мотор.

— На какой высоте шел в это время самолет?

— Высота была чуть более 2400 м, однако по отношению к горной долине высота была 600 — 800 м.

— Не опасно ли было лететь так низко над горами?

— Нет. И мне, и первому пилоту эти места хорошо знакомы. Кроме того, мы хотели сэкономить время при посадке в Танги, выйдя к аэродрому на минимальной высоте.

— Вам удалось что-либо заметить на земле в тот момент, когда вас обстреляли?

— Да. Мы пролетали над узкой длинной поляной в ущелье реки Лонги, примерно в двадцати пяти милях вниз по течению от деревни Лонги. На поляне я видел разложенные парашюты, несколько человек и лошадей.

— Какова была ваша реакция?

— Я крикнул первому пилоту: смотри, парашюты! Но тут же с земли был открыт огонь — я не сразу понял, в чем дело. И мотор загорелся.

— О парашютах вы не говорили?

— Конечно, нет. Мы думали, как спасти машину.

— Но вы предположили что-нибудь, когда увидели парашюты?

— Я решил, что это контрабандисты. Здесь близко граница. Но в тот момент я думал, как посадить самолет. У нас было мало шансов спастись.

— Но, может быть, вы заметили что-нибудь еще?

— А что я должен был заметить? Знаки различия? Лица? Вы когда-нибудь пробовали сделать это с высоты чуть меньше километра при скорости четырехста километров в час?

— Нет, не пробовал».

Показания записал инспектор полиции г. Танги Е. Минтани. Показания прочитаны вслух пилоту Дани Джа Думали и подписаны им. Показания взяты по приказу начальника полиции г. Танги Джа Васунчока с согласия комиссара Временного революционного комитета.

«Страшно подумать, какому риску подвергает себя человек, живущий в Токио...» — признался бывший премьер-министр Японии Какуэй Танака после того, как в двухстах километрах южнее Токио, на южной части полуострова Ису, было зарегистрировано сильнейшее за последние девять

лет землетрясение. Оно было настолько сильным, что в столице зашатались небоскребы. Число убитых достигло 30 человек. 150 зданий были полностью уничтожены и свыше тысячи зданий пострадали частично. Это нагнало на людей страху, тем более что японцы еще не забыли 1 сентября 1923 года, когда в «землетрясении столетия» погибли более 143 тысяч жителей Токио.

Прогнозы японских и американских экспертов этот страх еще более увеличивают. Ученые предполагают, что в ближайшие годы Японии вновь ожидает сильное землетрясение, настолько сильное, что могут погибнуть около миллиона человек... Этим прогнозом не замедлил воспользоваться при написании своего бестселлера «Гибель Японии» известный автор Сакио Камацу. Своей книгой, а позднее и фильмом он вызвал настоящий ажиотаж: Камацу пишет о катастрофе, уносящей 40 миллионов жизней, а сама Япония вообще перестает существовать...»

Журнал «Живот», Братислава, 1974, февраль 1975.

ТЕЛЕГРАММЫ

Танги гостиница Эксельсиор директору Матуру срочно 12 марта 4.46 из Лигона

Получил телеграмму Тантунчок согласен твоих наличных недостаточно что делать
любящий брат Саад

Танги комиссару Временного революционного комитета майору Тильви Кумтатону срочно

Вашу просьбу присылке двух вертолетов не можем удовлетворить причине военных действий на юге страны обходитесь собственными силами
полковник Ван

Лигон Серебряная долина 18 господину Сааду 7.15 из Танги
Раз жизни риску собственными деньгами гарантирую десять процентов на вложенный капитал
любящий брат Матур

Лигон (ТАСС — ЛиГТА) 12 марта. В Лигоне опубликовано постановление Временного революционного комитета о национализации внешней торговли, а также о безвозмездной национализации собственности крупнейших иностранных компаний. В их числе «Лигон-Шелл корпорейшн», «Лигон-Бритиш Вольфрам Тангстен лимитед» и др. Лигонская общественность с глубоким удовлетворением восприняла решение революционного правительства о ликвидации позиций иностранного монополистического капитала. В своем выступлении, посвященном последним решениям Временного революционного комитета, его председатель бригадный генерал Шосве отметил, что шаг правительства направлен в первую очередь на укрепление экономической независимости страны и ликвидацию засилья иностранных монополий. Шосве

указал также, что в настоящее время Революционный комитет рассматривает вопросы, связанные с национализацией некоторых крупных предприятий национальной промышленности.

Майор Тильви Кумтатон

Я перевозмог недомогание, заставил себя утром встать и доплестись до комендатуры. Было рано. По улице шли женщины к спичечной фабрике, ребятишки бежали к миссионерской школе.

Запряженные буйволами повозки тянулись к базару. На широком газоне перед губернаторским дворцом, в который я еще вчера приказал перевести комендатуру, былолюдно. Два солдата у подъезда лениво переругивались с желавшими проникнуть внутрь. Чувствуя, что все взгляды обращены ко мне, я подтянулся. У самого входа несколько в стороне от солдат стояла группа молодых людей, по виду старшеклассников, с плакатами «Да здравствует революция!», «Долой угнетателей!», «Запрещается запрещать!» и «Наш вождь — Мао!». Я на ходу прочел лозунги, но не понял, одобряют эти молодые люди революцию или нет. Мои сомнения были развеяны их криками, в которых они называли меня милитаристом и реакционером и требовали, чтобы я покинул город и дал им возможность сделать свою революцию. Какая-то женщина в белой траурной одежде бросилась ко мне, протягивая лист бумаги. Она поклонилась, и я взял лист. И тут же ко мне протянулись другие руки с прошениями и жалобами. Один из солдат сошел со ступенек и начал оттеснять просителей.

— Ничего, — сказал я ему, — не беспокойся.

В коридоре, ведущем к губернаторскому кабинету, кучкой стояли отцы города. Вид у этих людей был растерянный, словно они собирались что-то сделать, предпринять, сказать, придумать, но ничего не придумали, а уйти им было неловко. Среди них были знакомые мне с детства лица — хозяин кондитерской у базара, директор школы, аптекарь... В маленьком городке люди живут подолгу и авторитеты, завоеванные давным-давно, сохраняются десятилетиями. Танги — не современный город, здесь мало фабрик или мастерских, сюда не тянутся энергичные люди, наоборот, они стараются уехать отсюда в долину, где можно выдвигаться.

Я поклонился отцам города и быстро прошел мимо. Настоящих хозяев этой горной страны среди них не было. Ни горных князей, ни губернатора, который лежал дома с дипломатическим радикулитом, ни господина Джа Дина, сенатора от округа

Танги, который выехал на своей машине к тайландской границе...

Я вошел в кабинет губернатора — теперь мой кабинет. За столом сидел капитан Боро. Капитан вскочил, не скрывая радости по поводу моего появления — теперь он мог снять с себя ответственность.

— Как ваше здоровье, господин майор? — осведомился он.

Голова у меня кружилась, рука ныла, и я ответил:

— Не будем говорить о моем здоровье. Вы выпустили политических заключенных?

— Я ждал официального подтверждения, господин майор. Ведь у меня было лишь ваше устное указание, а депеши из центра на этот счет я еще не получил. Кроме того, для меня неясен вопрос, кого мы будем относить к этой категории. У меня в тюрьме три коммуниста... — тут он достал листок бумажки, чтобы не перепугать, — красного флага, то есть пекинской ориентации, и шесть коммунистов желтого флага, то есть русско-вьетнамской ориентации, шесть контрабандистов, которые утверждают, что занимались этим делом ради освобождения народа фен, а также три участника позавчерашней демонстрации в поддержку Джа Ролака.

— Пускай пока сидят, — сказал я, — подождем инструкций.

В открытое окно влетали воинственные фразы песни, которую распевали экстремисты.

— А с ними что делать? — спросил Боро.

— Пускай пока попокут, — сказал я. — Принесите мне списки должностных лиц. А вы пока подумайте, кто может временно заменить гражданского губернатора?

— Может, бургомистр? — спросил Боро неуверенно.

Я согласился и выпил стакан воды, услужливо поданный капитаном.

ТЕЛЕГРАММА

Танги Эксельсиор директору Матуру срочно 12 марта принята 9 часов 6 минут из Лигона

Обстоятельства требуют наличия свободных средств каждый бья на счету ни в коем случае невозможно согласиться на десять процентов минимум пятнадцать

любящий брат Саад

Лигон. Рейтер. 12 марта. По сообщениям из Куала-Лумпура, военное правительство Лигона натолкнулось на упорное сопротивление в южной про-

винции, возглавляемое бежавшим туда министром внутренних дел Лигонской Республики. Вчера вечером к его частям присоединился прорвавшийся из Лигона батальон особой полиции. Сопротивление на юге может быть поддержано выступлениями северных горных князей. Представитель Министерства иностранных дел Великобритании на пресс-конференции в Лондоне заявил, что в свете возникших осложнений в Лигоне правительство Ее Величества воздерживается от признания де-факто Временного революционного комитета.

ТЕЛЕГРАММА

*Лигон Серебряная долина 18 господину Сааду
Скорблю бессердечии ближайшего друга и родственника со-
гласен пятнадцать процентов*

любящий брат Матур

Владимир Кимович Ли

В час ночи, когда мы собирались спать, появился присланный комендантом техник Фен Ла. Появился узнать, что за помощь нам нужна, и остался до утра.

Этот парень, Фен Ла, оказался горцем из племени фенов, которое живет по берегам озера Линили, ловит рыбу, разводит чай на склонах холмов и не подчиняется князьям. Но главное в нем то, что он псих по части техники. Он ведь зашел на минутку, договориться. При виде наших приборов в глазах у него возник хищный блеск, и Отар сказал мне: «Это наш человек. Мы его увезем к нам в институт». Конечно, Отар шутил, но в институт его взять было бы не грех. Бывает же у человека призвание, как у скрипача. А ведь этот Фен из племени фенов до десяти лет не видел ни одной машины сложнее велосипеда. Зато когда попал в город, начал мучиться неутолимой страстью к винтам, гайкам и триодам. Вспольный, когда сунулся к нам на рассвете, решил, что это мы с Отаром такие сознательные, ночей не спим, трудимся. Не станешь же объяснять нашему Пиквнку, что в этой компании самый сознательный — это взъерошенный и недокормленный представитель развивающихся стран, а вовсе не посланцы страны почти победившего социализма. Правоверный Пиквик в такую крамолу не поверит. А нам неловко было идти спать, когда господин техник Фен Ла золотыми руками спасает свою страну от стихийных бедствий.

В процессе ночных ремонтных работ Фен Ла осознал, зачем мы сюда приехали, и обещал познакомить нас с нужными людьми в механических мастерских, потому что и здесь самые краткие пути — окольные. У них тут не знают, к чему приведет пе-

реворот. Правда, на лучшее не надеются: это пятый переворот за последние десять лет.

С ночи в наш небольшой, но дружный коллектив влился коренастый сержант Лаво с автоматом, с которым он не расстаётся, как Вспольный с очками. Лаво — это наша охрана. Всю ночь он таскал нам бутерброды и термосы с кофе, а в свободное время похрапывал на диване.

К утру мы завершили кое-какой ремонт, отвезли остальное в механические мастерские, уверенные, что Фен Ла нас не подведет, и поехали искать точки для датчиков.

Ехали на армейском джипе. Сержант Лаво держал на коленях автомат и термос. Отар держал на коленях карту, выданную ему предупредительным капитаном Боро, Вспольный держал записную книжку, а я держал сумку Отара — все были при деле.

Джип не спеша катил через центр города, и я наконец смог разглядеть, куда мы попали. Я испытал искреннюю радость, увидев магазинчик с сувенирами. После гибели в самолете моих делийских слоников я чувствовал себя обездоленным.

Здесь прохладно и растительность странно смешивается в садах и между домами — тут и сосны, и пальмы, и кактусы, и лианы, и бамбуки. Представьте себе сосну, опутанную лианами с руку толщиной. При этом на лиане сидит маргитка, а под сосной дремлет мохнатый пес, родной брат нашей дворняги. Вот из-за этого город Танги показался мне сказочным, декоративным и несколько ненастоящим.

Специальность у меня довольно печальная. Редко удается побывать в мирно живущем городе. Чаще всего я приезжаю в места, уже пораженные землетрясением, разрушенные, подавленные бедой, разоренные и печальные. Мы — сейсмологи ближе всего к патологоанатомам, — имеем дело с неблагоприятно окончившейся болезнью. Сейсмологи должны сложиться на памятник Отару при жизни. Теперь мы будем приезжать в живые, здоровые города. Хватит анатомии, да здравствует лечение!

Мы подъехали к роскошной вилле, построенной, видно, еще в английские времена. Перед виллой стояли два или три армейских джипа и пятнистый бронетранспортер. Вокруг было довольно много народа, даже с плакатами. Над домом развевался лигонский флаг — синий с красной кривой полосой и большой белой звездой на полосе. Здесь наш джип притормозил, и шофер пошел к начальству получать талоны на бензин, чтобы заправиться по дороге. Пока мы его ждали, мои мысли потускнели. Чего же это я обрадовался? Да, теперь мы будем приезжать в живые города, но ведь в них, как в

больном теле, невидимый и неумолимый таится враг. И он убьет их. И этот дом, который простоял сто лет, рухнет, подняв к небу тучу известковой пыли, пальмы возле него покосятся, через ровный газон пробежит рваная трещина... Мы сделали шаг вперед, стали хирургами, учимся предсказывать болезнь, даже можем вовремя вывезти из города людей и машины, кровати и стулья. Но не умеем и долго еще не научимся предотвращать землетрясения. А хорошо бы. Завтра намечается землетрясение в районе Вальпараисо. И тут же я нажимаю кнопку и говорю: «Снять напряжение в районе Вальпараисо на глубине восемьдесят километров»... И Вальпараисо спит спокойно.

— Пессимистические мысли? — спросил Отар.

— Отражаются на челе?

Из дома вышел майор Тильви. Рука у него была на перевязи, но в остальном он выглядел молодым. Я обрадовался, увидев его. За Тильви бежал, не думая о солидности, капитан Боро. Отар распахнул дверцу джипа и прыгнул на землю. Мы со Вспольным последовали за ним. Обменялись приветствиями, как хорошие знакомые.

— Меня замучили из Министерства иностранных дел. О вашем здоровье беспокоятся, — сообщил нам Тильви.

— Я информировал посольство, — ответил Вспольный. — Все в порядке.

— Начинаете работать? Как с ремонтом?

— Все в порядке, — в тон Вспольному ответил Отар. — Мы уже многое сделали. Остальное отвезли в механические мастерские. Спасибо капитану Боро за помощь.

— Я пошлю туда человека, — сказал Тильви.

— Не надо, — возразил Отар. — Мы уже договорились.

Тильви посмотрел на профессора с любопытством.

— Кстати, — сказал он, — я полагаю, что пока не стоит широко объявлять, что будет землетрясение. Понимаете, в городе разные люди, кое-кто ударится в панику, кое-кто воспользуется этими слухами во вред Ревкомитету...

Отар кивнул. Но, видно, не хотел связывать себя обещаниями.

— Я понимаю, — сказал майор, — такую тайну не сохранить... — Он нахмурился. Еще землетрясения ему не хватало. Он спросил серьезно: — А может, удастся обойтись без землетрясения?

— Вряд ли, — так же серьезно ответил Отар.

— Я приду к вам завтра.

Люди с плакатами что-то кричали нараспев. Вернулся шофер с талонами. Мы снова залезли в машину.

— Счастливо, — сказал майор Тильви. Потом добавил: — Если землетрясение случается внезапно — это стихийное бедствие и никто в нем не виноват. Если о нем знаешь заранее, то уже несешь ответственность...

ТЕЛЕГРАММА

*Танги срочно комиссару ВРК майору Тильви Кумтатону
Сообщите время и масштабы землетрясения объем разрушений
предполагаемые средства эвакуации все сведения классифициро-
вать секретно во избежание паники учитывайте возможный про-
пагандистский эффект событий для антиправительственной про-
паганды связь стихийного бедствия с нашим взятием власти
ближайшие дни присылаем подкрепления*
председатель ВРК бригадир Шосве

Князь Урао Као

У моей матушки сидел отец Фредерик, ее духовный наставник и близкий друг. У них сохранились странные сентиментальные отношения с тех времен, когда молодой Фредерик появился в наших краях распространять слово Божие, и моя мать, тогда еще девушка, стала одной из наиболее преданных прозелиток в округе. Я подозреваю, что действительной причиной была влюбленность мамы в молодого иностранца — его фотография тех лет, умеренно аскетичная и умеренно скучная, висит в ее спальне. Я склонен рассматривать мамину набожность как выражение подавленных сексуальных эмоций. Несмотря на то что у нее было четверо детей, отец не баловал ее супружескими ласками и супружеской верностью. У него было по крайней мере три младшие жены, одну из них он открыто держал в Танги, и маму это шокировало не столько как ревнивую женщину, а как христианку, наблюдающую греховное падение человека.

Я не стал приближаться к старым друзьям, чтобы не подвергаться ритуалу приветствий, а с порога розовой гостиной информировал маму, что жду к вечеру гостей и полагаю, что ей не стоит выезжать сегодня в город: новая власть еще не установилась, в любой момент может начаться сопротивление, даже стрельба, на что мама ахнула, а отец Фредерик сообщил, что слушал радио из Бангкока и там говорилось, что правительственные войска терпят поражение в южной провинции. Я знал министра внутренних дел и не верил в серьезность его сопротивления. Старый

миссионер совершенно не разбирался в современной политике. Я решил подбросить ему приманку.

— Я слышал, что есть какой-то перст судьбы в том, что самолет, везший нового комиссара, разбился.

— Так говорят темные люди, — возразил Фредерик.

— Но говорят. Замечательный материал для проповеди.

— Негодный материал, — ответил смиренно отец Фредерик. — Военные привезли в город кусок крыла самолета. Он прострелен из пулемета. А пулемет такого калибра был у Па Пуо, который убежал от тебя, мой мальчик.

Про крыло я не знал. Мои люди проморгали то, о чем уже знает каждая старуха в городе. Это никуда не годится.

— Па Пуо убит, — сказал я.

— Дай Бог, — сказала моя мама. — На совести этого бандита было много грехов. Его именем пугали детей.

— Сплетни, — сказал я. В моей маме уживается христианское смирение с определенной долей мстительности — это от горных предков.

Значит, после того, как я ушел, они взяли с собой кусок крыла. Мне об этом говорить не стали. И подозревают, что это дело Па Пуо. Значит, на совести старого бандита еще одно преступление. Что ж, грехом больше, грехом меньше — не играет роли. Хорошо, что я послал его на Линили. Нечего ему болтаться у нашего дома. Отправим его с грузом в Лигон, там у него все шансы случайно погибнуть — большой город куда более уединенное место, чем дикие горы.

— Что делают русские геологи? — спросил меня отец Фредерик. — В городе много говорят о них.

— Странно, — сказал я. — Есть куда более важные темы.

— Ты такой информированный, Као, — вмешалась мать. — Правда, что они смотрят, чтобы не было землетрясения?

— Это русские, мама. — Я старался говорить нравоучительно. — Я бы скорее поверил в то, что они устроят нам землетрясение.

— Не поняла. — Мама наморщила напудренный лобик. — Как так?

— Земля, мама, единый организм, все в нем связано. Если у нас дожди, в Австралии засуха. Если Москве грозит землетрясение, то надо выпустить его силу в другой точке земли...

Мать и отец Фредерик смотрели на меня, приоткрыв рты. Я вошел в роль. Впрочем, наука достигла таких высот....

— Откуда ты можешь это знать? — воскликнула мама. — Это же, наверно, военная тайна.

Она не посмела усомниться в моих словах, я ждал возражений отца Фредерика.

— А зачем правительству...

Я не дал Фредерику закончить вопрос:

— Одним ударом без всяких забот они уничтожат основной оплот оппозиции. Все мы погибаем и лишаемся имущества. Край разорен, люди бедствуют — и тогда сюда входят войска из Лигона.

— Какой ужас! — воскликнула мама.

Я знал, что к ланчу мама ждет жену опального губернатора и кое-кого из знатных дам. Она не удержится, чтобы не поделиться с ними новостями. Поэтому я строго добавил:

— Мама, умоляю тебя, никто не должен знать, что я об этом говорю.

— Что ты, Као! — Мать зазвенела браслетами. — Никто никогда не узнает, что об этом рассказал ты.

— Иначе у меня будут неприятности. Меня даже могут посадить в тюрьму.

— И все-таки у меня остаются сомнения, — сказал отец Фредерик. Не хватало мне его сомнений. Хотя они даже полезны, они укажут на слабые места в моей теории.

— Какие сомнения, отец? — спросил я.

И произнеся это обычное, тысячу раз сказанное слово, я вдруг задумался о его значении. А вдруг он в самом деле мой отец? Вдруг поклонение и восторг моей матери в адрес молодого миссионера не были столь невинны, как принято считать? Ведь еще в Кембридже мне говорили, что я похож на европейца. А вдруг?.. Зачем этот старик вернулся после войны в наши края?

— Решение пригласить русских геологов было принято давно. Ведь не будешь ты утверждать, что Джа Ролак в сговоре с бригадиром Шосве.

— Не утверждаю. — Я внимательно взгляделся в морщинистое лицо моего духовного отца. Что ж, пожалуй, у меня больше сходства с ним, чем с широколицым покойным князем Урао Варо. — Но разве старое правительство любило нас? Разве политики Джа Ролака не мечтали разделаться с последним гнездом свободы в нашей стране? Разве буддисты не ненавидели нас, христиан и анимистов, не подсылали к нам миссионеров, лишая нас древних привилегий?

В гостиную сунулся лакей в идиотской ливрее, заимствованной моей мамой из иллюстрированного журнала, посвященного коронации наследника престола в Иране.

— Господин князь, вас ждут.

Меня ждал посланец с юга. Я оставил стариков пережевывать идиотские новости. Идиотские ли? В наши дни мало кто осмеливается смеяться над чепухой, если на ней висит этикетка: «наука». А кто разбирается в науке? Ученые? Нет, они лишь с удивлением и страхом глядят на джинна, выпущенного ими из бутылки. А чем моя теория хуже других? Давайте, умники, опровергайте отсталого горного феодала. Но, пока не опровергли, моя теория существует — она находится под защитой презумпции невиновности. Итак, для того чтобы избежать землетрясения, надо устроить такое же в противоположной точке земного шара. Разве не убедительно? Надо будет нанять какого-нибудь голодного учителя, чтобы он украсил ее уравнениями, как рождественскую елку.

Меня ждал усталый, запыленный, загнанный человек. Этот человек опоздал.

Позавчера вечером он вылетел из Порт-Эдуарда на вертолете. Это был последний вертолет защитников правительства, а так как он мог понадобиться для бегства в случае поражения, им не стали рисковать. Вертолет высадил связного в ста километрах к востоку от столицы и вернулся обратно. Трижды посланец чудом спасался от засад и патрулей, падал в пропасть, горел в машине... и вот он здесь, с опозданием по меньшей мере на сутки. Не трясись его начальники о собственной безопасности, все могло бы сложиться иначе. Князя, жаждущие схватиться за оружие, узнали бы о союзниках на юге вчера утром. Я вряд ли смог бы их удержать. И не знаю, стал бы я их удерживать. Нельзя плыть против течения горной реки. Но сегодня я уже знал, что министр внутренних дел с несколькими политиками и офицерами особой полиции намерен улететь из страны. Порт-Эдуард держат мальчишки из методистского колледжа и две сотни полицейских. Он падет через несколько часов. Я знал куда больше, чем серый от пыли и усталости связной, и мой приговор ему был вынесен до того, как я его увидел.

Он говорил мне о том, что наши братья бьются на юге, что каждая минута промедления... Наверно, я говорил бы то же самое, окажись на его месте. Ему нужно было оправдание тем невероятным усилиям и преданности проигранному делу, которые

он потратил на то, чтобы добраться до меня. Ему и не могло прийти в воспаленную голову, что наши интересы, интересы гор, заключаются сейчас в сохранении сил, в полном невмешательстве. Пока.

И еще я думал о том, что даже у самого безнадежного дела есть свои подвижники и герои. Ну что ему мешало отсидеться где-нибудь у родственников или сдать властям, ведь победители милостивы. В этом была какая-то недоступная моему развитому уму тупость. И этот герой проигранной войны был в моих глазах жалок.

— Идите отдыхать, — сказал я ему, потому что не время было говорить о бегстве его вождей. Мало ли чего он мог натворить в беспамятстве. — Я посоветуюсь с друзьями.

— Нельзя ждать...

Он был по-своему прав. Ждать было нельзя. Надо было изолировать посланца надежно, чтобы о его существовании не догадался кто-нибудь из горячих голов.

Я с чувством пожал мужественную руку связного и обещал ему принять решение в ближайшие часы. И, выйдя из комнаты, приказал обезвредить этого человека. Только без шума, уважая его преданность пустым идеалам.

Кстати, верю ли я в то, что русские могут предсказать землетрясение?

Лами Васунчок

Утром я пришла в больницу к отцу. Он был в палате один. Майор Тильви встал, поругался с врачом и ушел из больницы. Отец чувствовал себя лучше. Когда я была у него, он написал какое-то письмо и передал его с полицейским, который дежурил в коридоре. Потом при мне ему принесли еще одну записку, он подчеркнул в ней какие-то строчки и переслал в комендатуру майору Тильви.

Я покормила отца, потом он спросил меня о Лигоне, как там произошел переворот, а я ничего толком ответить ему не смогла, потому что в ту ночь и утром думала только о лекарстве для него.

— Майор Тильви спросил меня, — сказал отец, — любишь ли ты молодого князя.

Я испугалась, что покраснею, потому что даже отец не должен спрашивать о таком у девушки.

— А почему он спросил?

— Он уверяет, что, когда князь пришел, ты прямо бросилась к нему на шею.

— Ты считаешь, что князь плохой человек?

— Не мне судить о нем. Мы разные люди. Моя работа — охранять закон, а он не друг закона... А что у тебя за знакомство с молодым князем?

— Ты же знаешь, отец, что я с ним давно знакома...

— Я никогда не одобрял твое увлечение теннисом. Это не дело для молодой девушки.

— Но, к счастью, никогда не мешал.

— У тебя нет матери, и я в ответе за твое поведение.

— Отец, ты не любишь князя и его друзей.

— Мы принадлежим к разным мирам. Он — знатный горец, мы с тобой — выходцы из долины.

— Но я не могу сидеть дома и ткать юбки, как моя бабушка. Не надо было отдавать меня в колледж и готовить в университете. Я люблю играть в теннис, и княгиня была так добра, что давала мне читать книги из библиотеки.

Это был давнишний спор. Отец никогда не запрещал мне делать то, что я хочу, но его очень огорчало, что я бывала в доме князей Урао, так что я старалась не рассказывать об этом отцу. Хотя он все равно знал.

— Не вскружил ли тебе голову молодой князь своими английскими костюмами и английской речью?

— Нет, отец, клянусь тебе, нет. Но он добрый человек и помогал мне, ничего не прося взамен.

— Чем помогал?

Я не ответила отцу. Я не могла сказать, что князь написал мне письмо в Лигон, в котором говорил, что скучает без меня и если мне понадобится помощь, я могу обратиться к его другу господину Дж. Суну в гостинице «Империял». Я знала, что мой отец старается никому не быть обязанным. И, чтобы отец не говорил больше о князе, я сказала строго:

— Ты уже старый, отец. Когда ты перестанешь бегать по горам за бандитами?

— Когда уйду в отставку, — ответил отец.

Мы оба замолчали, думая о своем. Потом отец сказал:

— У меня к тебе просьба.

— Я рада выполнить любую твою просьбу.

— Я хочу, чтобы ты уехала на время из Танги.

— Я же так спешила сюда, ты болен...

— У тебя ведь сейчас нет занятий?

— Сейчас весенние каникулы. Но все равно в Лигон не летают самолеты. К тому же я никогда не сяду снова в самолет. Я уеду через Митили поездом.

— Я не прошу тебя вернуться в Лигон. Я хочу, чтобы ты поехала к почтенному Махакассапе.

— К бабушке?

— Да. Он стал совсем старый, никто не навещает его. Я хочу, чтобы ты отвезла дар монастырю в благодарность Будде, который не допустил моей смерти. Ты же знаешь, что, выйдя в отставку, я собираюсь постричься в монахи и поселиться в том монастыре и умереть хочу там...

Это была любимая тема моего отца после того, как умерла мама. Князь Урао говорил мне как-то: «У твоего отца гипертрофированное чувство долга. Он подобно христианским святым разрывается между двумя родами долга — долга перед правительством, который заставляет его носиться по горам, стрелять в контрабандистов, арестовывать воров, и долгом перед вечностью, который зовет его отряхнуть мирскую пыль и щадить все живое, включая надоедливых комаров». Тогда вечерело, вокруг звенели комары, и сравнение Као было очень образным.

Но я понимала, что отец думает не об одиночестве настоятеля и не о даре. Почему-то он считает, что мне небезопасно оставаться в городе.

— В городе беспокойно, и князья, которые недовольны Лигоном, в любой момент могут поднять восстание. Правда, я надеюсь, что Урао их переубедит.

— Вот видишь, отец, — сказала я. — Ты тоже думаешь...

— Урао умнее, а главное — образованнее остальных князей. Князья большей частью остались где-то в шестнадцатом веке, а он — детище нашего. И потому он опаснее их всех вместе взятых.

Отец поднял руку, останавливая мои возражения.

— Конечно, мне будет спокойнее, если ты в эти дни побудешь в монастыре. Но, помимо этого, мне нужно, чтобы ты передала настоятелю письмо, которое я не могу доверить никому больше, и узнала от него то, что он никому, кроме меня, не скажет. Почтенный Махакассапа отказался от суетного мира, но суетный мир близок к стенам его монастыря.

— И долго я должна быть в монастыре?

— Думаю, что нет. Несколько дней.

— Но тебе тоже опасно здесь оставаться. Если князья поднимут восстание...

— То меня защитит твой любимый князь. Он большой политик, и ты ему нравишься. А теперь расскажи о русских. Зачем они приехали? Что ты о них знаешь?

— Они очень приятные люди, — сказала я. — В городе я слышала, что они ищут золото, а потом военные построят здесь рудник и все золото отдадут русским.

— Быстро же они умудрились распространить нужные слухи, — сказал отец, но я не поняла, кого он имел в виду.

Когда отец убедился, что я покорилась, он достал из-под подушки уже заготовленное письмо, написанное неровным крупным почерком, положил его в белый конверт без адреса, заклеил и передал мне.

— Спрячь, — сказал он. — Я уже послал человека сообщить дедушке, что ты приедешь. Он ждет.

Отец заранее знал, что уговорит меня.

ШИФРОВАННАЯ РАДИОГРАММА

Танги комиссару ВРК Тильви Кумтатону срочно совершенно секретно

По нашим сведениям к князю Урао может в любой момент прибыть связной с юга с требованием немедленной помощи примите меры по перехвату связного усильте наблюдение

полковник Ван

Юрий Сидорович Вспольный

Наверно, лишь я смотрел на окружающее свежим взглядом человека, который получает удовольствие от окружающей красоты. Как только мы миновали окраины города, дорога пошла серпантинном вниз по крутому заросшему лесом склону плато. Иногда навстречу попадались старые перегруженные размазанные автобусы, на крышах которых громоздились корзины, ящики, тюки, и становилось страшно при мысли, насколько неустойчивы эти машины. На повороте дороги стоял рабочий слон и чего-то ждал. Володя ради него отвлекся от разговора с Отаром Давидовичем, с запозданием вытащил фотоаппарат и хотел остановить машину, чтобы сделать снимок. Отар Давидович совершенно справедливо отказал ему в этой просьбе как по причине узости дороги, так и потому, что мы еще не раз встретим рабочих слонов. Володя был разочарован, но его разочарование длилось ровно три минуты, после чего он с новым энтузиазмом включился в научный спор со своим начальником.

Иногда с поворота открывался вид на долину с громадным длинным озером. За озером поднимались лесистые отроги гор, и я вдруг понял, что именно там мы были вчера утром, именно там пролилась кровь и я пережил, быть может, самые напряженные секунды своей жизни.

Дорога распрямилась и пролегла далее через плоскую долину. По сторонам тянулись рисовые поля. Возле дороги в неглубокой канаве нежились буйволы. На их спинах дремали маленькие белые цапли. К счастью, Володя не заметил эти экзотические картинки, и мы благополучно миновали объект для съемок.

Через полчаса мы достигли небольшого городка, от которого расходятся под углом дороги на деревню Лонги и к отделенному от него хребтом озеру Линили. Мы остановились на несколько минут у небольшой лавки, перед которой в тени дерева стояли простые деревянные столы. Шофер и сопровождающий нас сержант Лаво попросили разрешения выпить чаю, и все с радостью согласились. Хотя я обычно не питаюсь в случайных придорожных заведениях, так как некачественное мытье посуды может привести к распространению амебной дизентерии, на этот раз я разделил с товарищами трапезу. Это не означает утери бдительности с моей стороны, но мне вдруг подумалось, что эта командировка принципиально отличается от предыдущих, ибо я выступаю в ней не только как сотрудник СОДа, но и как участник рискованного дела, и соображения гигиены отступают на второй план.

Пока милостивая девочка сомнительной чистоты руками собирала на стол, я заглянул в лавку, где продавались всяческая бакалея, лекарства, а также книги и журналы. Среди прочих выделялась обложка последнего номера журнала «Земля советская», издаваемого на лигонском языке нашим представительством. Знакомая обложка заставила на секунду сжаться мое сердце — это было похоже на нечаянную встречу с давнишним другом, который не бросил меня в этом далеком краю. Сентиментальное чувство принудило меня купить журнал и принести его на открытую площадку, где мои спутники уже принялись за сладкий с молоком чай, круглые кексики и слоеные пирожки, начиненные жгучей смесью мяса, лука, перца и других незнакомых мне ингредиентов.

— Вот, — сказал я, — занесло его сюда.

Я положил журнал на стол и тут же осознал, что мой жест может показаться хвастливым, но что поделаешь, если мои спутники занимаются здесь делом, а мне не хочется быть бездельни-

ком, мне желательно, чтобы чувствовалось, как я способствую развитию понимания и росту дружбы между лигонским народом и народами Советского Союза.

— Что это? — спросил Володя, глядя на изображенную на обложке девушку из балета на льду в кокошнике, украшенном блестками.

— «Собье Камзе», — прочел шофер. Это значило по-лигонски «Земля советская». — Хороший журнал, — сказал он.

Мне были приятны эти слова.

— Это вы здесь издаете? — спросил Отар.

— Надо же, — сказал Володя. И я понял по его тону, что ему, как часто бывает с представителями точных наук, наш скромный труд кажется более сложным и значительным, чем его работа. О, мир взаимных заблуждений и ложных представлений!

Чудесное это чувство: прохладное горное свежее утро, душистый чай, солнце, путающееся в листве старого дерева, темная поверхность влажных деревянных столов, домашние запахи жареного мяса и пряностей, долетающие из кухни, голубые горы, висящие, словно занавесы, со всех сторон, но не сужающие мир, а лишь подчеркивающие его законченность и совершенство...

Отар Давидович Котрикадзе

Вспольный принес журнал. Он был полон спокойной, достойной радости человека, который может показать нам, что и он не зря ест свой хлеб. Мы пили сладкий, крепкий, со сгущенным молоком чай, дул свежий ветерок, солнце пронзало лучиками листву старого дерева, и, если взглянуть вверх, казалось, что на дереве висят тысячи маленьких ярких солнц. Из кухни тянуло домашними вкусными запахами, и совсем близко зыбкой в утреннем тумане голубой стеной поднимались горы. Но меня раздражала эта тишь, этот слишком спокойный и тихий мир, потому что он был ненастоящим, непрочным и конечным во времени, и я не мог отделаться от гнетущего апокалипсического предчувствия, заставлявшего меня видеть эти домики в развалинах, эту девочку, вытирающую мокрой тряпкой соседний столик, бегущей в ужасе по улочке, эти яркие журналы летящими, словно тропические птицы в порывах бури, и потому я сказал:

— Кончайте пить чай, поехали, а то жарко будет.

Этим я, по-моему, расстроил наших солдат, мирно прихле-

бывавших чай и ведших какой-то тихий неторопливый деревенский разговор, и даже Юрия, настроившегося на созерцательное и благодушное настроение.

Юрий Сидорович Вспольный

Мы расплатились, вернулись к машине. Сухие раздраженные слова профессора Котрикадзе разрушили очарование утра, и я с некоторой грустью подумал о том, как черствеет душа человека, не способного ощутить красоту и благородство этого мира. Два старика, сидевшие за соседним столом, проводили нас равнодушными взглядами. По дороге мимо нас, не останавливаясь, проехал потрепанный «фольксваген». Я не заметил, кто в нем, но Володя вдруг поднял руку и помахал вслед машине. Мне показалось, что в ответ мелькнула в окне белая рука.

— Кто это? — спросил Котрикадзе.

— Это Лами, — сказал Володя. — Разве не узнали?.. Лами, — повторил он. Ему нравилось, как звучит это слово.

Котрикадзе попросил остановить машину на берегу реки, у нового бетонного моста. Они спустились с Володи к самой воде, а я остался в машине, открыл записную книжку, чтобы описать утренний чай в городке возле Танги и мои мысли по поводу окружающей природы. Стало теплее, над нами на головокружительной высоте парил орел. Сержант Лаво читал журнал «Земля советская», шофер копался в моторе. Когда геологи вернулись, Отар сказал:

— Было бы побольше датчиков, мы бы всю долину засеяли.

И мы поехали дальше, чтобы остановиться через два километра и стоять в задумчивости на краю обрыва, выбирая места для датчиков. Порой я выходил из машины вместе с геологами, порой оставался, стараясь им не мешать. К полудню, когда солнце начало жарить вовсю, а ветерок стих, мы оказались на юго-западном берегу озера Линили. Теперь лишь горный хребет отделял нас от тех мест, где наш самолет обстреляли бандиты.

Дорога поднялась на вершину пологого холма, и мы вышли из машины, чтобы поглядеть на открывавшийся вид.

Действительно, озеро Линили заслуживает того, чтобы его называли жемчужиной лигонских гор. Оно занимает дно плоской котловины и тянется с севера на юг километров на двадцать, стиснутое горным хребтом, у подножия которого проходит дорога, и обрывом плато, на котором расположен Танги. Его небесная голубизна, заросли тростника у плоского северного берега, где в озеро впадает река, редкие деревни по берегам,

квадратные паруса рыбацких лодок и белая пагода на островке, окруженная купами бамбука, подчеркивают первозданную красоту и покой, царящий над этим водоемом.

Капитану Васунчоку

«По моему мнению, Па Пуо жив. Его встретил в саду князя приезжий из Лигона директор Матур, который прошедшей ночью посетил князя. К князю приехал связной с юга с просьбой немедленно поднять силы княжеств для удара по военному правительству с двух сторон. Связного больше никто не видел. Полагаю, что князь не хочет, чтобы связной встретился с другими членами совета правителей. Поверьте моему опыту — князь не пойдет сейчас ни на какие открытые действия против правительства, так как понимает, что военные могут воспользоваться ситуацией, чтобы установить в горах прямое правление.

Без подписи».

Р а п о р т

Капитану Васунчоку

Следуя Вашему указанию, я лично в сопровождении капрала Кхун верхами отправился к известной поляне на реке Лонги с целью обнаружения на ней следов людей.

При обследовании поляны нами обнаружены в кустах два спрятанных и присыпанных листвой и землей парашюта, один из которых мы взяли с собой. Там же, в кустарнике нами обнаружены гильзы от крупнокалиберного пулемета и окурки. Я пришел к выводу, что на поляне недавно находились несколько человек, вооруженных пулеметом, из которого они стреляли. Мы нашли у реки следы, которые говорят, что эти люди пришли через перевал с озера Линили.

Подозрительных людей в Лонги и окрестностях в последние дни мы не встречали. Вернее всего, это люди из долины.

На Ваш запрос о самолете ответить точно не можем, некоторые в деревне говорили, что слышали самолет, но могли ошибаться. Тем более что, следуя Вашему приказу, я вел это расследование негласно.

*Начальник поста в уезде Лонги
сержант Фен Тони*

Направляю Вам:

- парашют неизвестного изготовления — 1
- гильзы от крупнокалиберного пулемета — 3
- окурки от сигарет лигонского производства — 2

Князю Урао Као

Сегодня полицейский начальник с капралом ездили утром по реке. Вернулись в полдень. Что-то привезли. Потом капрал с тюком поехал в Танги.

После приезда сержант спрашивал у людей, кто слышал или видел чужой самолет. У сержанта был приказ из Танги. Он так говорил. Сержант сам слышал самолет, но боится наших людей. Про Па Пуо он не скажет.

Лами Васунчок

Я ехала в монастырь в стареньком папином «фольксвагене», которым правил полицейский. Полицейский должен был завтра вернуться в Танги с ответом от дедушки Махакассапы. Мне было грустно уезжать из города, хотя ночью страшно спать одной в пустом доме. Я была расстроена, что не пойду вечером к старой княгине, приглашение которой мне передал князь Као, мне было жалко, что я больше не увижу молодого русского геолога, и не хотелось верить, что он ищет золото, чтобы потом украсть его у лигонцев.

Когда мы проезжали городок Линили, я увидела, что в тени за столиком пьют чай русские геологи. Мне показалось, что молодой геолог обернулся и узнал меня. За столом с русскими сидели солдаты, наверно, их охрана, а неподалеку стоял джип из комендатуры. Значит, правда, что военные заботятся об этих русских.

Мы ехали по берегу прекрасного озера Линили, с которым у меня связано столько хороших детских воспоминаний, когда мы все — папа, мама и я в воскресенье выезжали из города, потом брали лодку до деревни и смотрели, как рыбаки ловят рыбу, заходили в дом, где живет мастер, который лучше всех умеет делать серебряные браслеты со слонами и тиграми, а потом доплывали до островка, посреди которого стоит белая пагода, и отдыхали под темным деревянным навесом. Отец с матерью зажигали желтые свечи на покрытой оплывшим воском приступочке у пагоды, а я ставила в медный горшок привезенные из Танги цветы.

Мы миновали остров, но за деревьями не было видно, есть ли кто-нибудь у пагоды. Может, такая же, как я десять лет назад, девочка расправляет цветы, чтобы им вольнее было жить в медном кувшине, полном прозрачной холодной озерной воды. Но мне уже никогда не вернуться на этот остров и никогда уже не почувствовать этой безмятежности. Никогда после смерти мамы.

Дорога ушла от озера, и мы долго ехали в зеленом полутемном коридоре, а где-то за горами была та поляна...

Потом «фольксваген» сразу выехал на деревенскую улицу. Худая бурая свинья перешла дорогу, в тени дремали серые волы, и хромая собака бежала в пыли за машиной. За деревней потя-

нулись мандариновые деревья — это уже был монастырский сад. Когда-то в деревне жили монастырские рабы, но их лет сто назад освободили, они стали такими же крестьянами, как и жители других деревень, но все равно ухаживали за монастырским садом и ловили для монахов рыбу на озере, а за это брали себе часть урожая и возили мандарины на базар в Танги.

Машина свернула на дорожку за невысокую полуразрушенную старинную ограду и остановилась. Ворота в монастырь были открыты, и внутренняя ограда кое-как подновлена и даже побелена известкой. Я оставила в машине сандалии и сумку с даром отца — позолоченным Боддисатвой, который всегда стоял у него в комнате. Два молодых любопытных монаха в оранжевых тогах вышли на дорожку и смотрели на меня, как на кинозвезду. Полицейский возился со шнурками ботинок. Передо мной расстился устоявшийся мир буддийского монастыря, вокруг которого могут бушевать войны, пролетать столетия, а внутри меняются лишь лица монахов, и братья, племянники тех, кто провел здесь жизнь, будут сменять их и также будут выходить утром за подаванием или, раскачиваясь, твердить бесконечные сутры в большой прохладной комнате.

Дедушка вышел мне навстречу. Он стал совсем старенький, и на бритой его голове словно сияние реял редкий серебряный ежик волос, а борода из нескольких белых волосков стала длиннее. Я поставила перед дедушкой на землю статуэтку и низко поклонилась ему. Один из монахов подобрал статуэтку и стоял рядом, ожидая приказаний.

— Моя внучка будет жить в доме привратницы, — сказал пандит Махакассапа. — Как доехала? — спросил он потом.

Дедушка Махакассапа очень уважаемый человек. Его все знают в Танги, и, когда самые главные настоятели собираются в Лигоне, дедушка тоже ездит туда, потому что он пандит и знает наизусть всю трипитаку. Он мне не родной дедушка, а двоюродный или даже троюродный, но это неважно, он все равно как родной. И когда мой отец был послушником, и когда мои дяди были послушниками, они все жили в этом монастыре и учились в монастырской школе, потому что тогда не было городских школ. Когда-то дедушка был военным и воевал с англичанами, даже командовал отрядом, и англичане объявили большую награду за его голову. А после разгрома сопротивления дедушка скрылся в монастыре, принял постриг и изменил имя. Когда пришли японцы, он укрывал в мо-

настыре партизан, и японцы даже держали его в тюрьме и допрашивали в кемпетаи, но потомпустили, потому что за дедушку вступились влиятельные люди и японцы не стали с ними ссориться.

— Мне нужно поговорить с вами, дедушка, — сказала я.

— Знаю, — ответил он. — Идем ко мне в комнату.

«Почтенный пандит Махакассапа!

Да будет к тебе благосклонно небо!

Прости, что пишу кратко. В том виновата моя рана. Еще раз спасибо за то, что ты оказал мне помощь, когда меня ранили, и не дал мне умереть.

Я посылаю с этим письмом Лами, которая приехала из Лигона. Я не хочу, чтобы в такое сложное время она жила одна в городе, где у меня есть враги. Девочку могут похитить или обидеть. Я прошу тебя дать ей кров и защиту.

Когда я был ранен, ты обещал узнать о людях в пещерах и про груз. По моим сведениям, новый груз прибыл с севера днем 10 марта и был переправлен на Линили в тот же вечер.

Прости еще раз, почтенный пандит, за то, что беспокою тебя мирскими заботами, но дело тех людей непростое.

Надеюсь, что скоро смогу присоединиться к тебе в монастыре Пяти золотых будд и завершить тем самым круг моих земных страданий.

С уважением Васунчок».

Владимир Кимович Ли

Мы остановились в маленькой лесной деревеньке неподалеку от озера. Мотор заглох прямо посреди единственной тенистой улочки, и две женщины, шедшие от колодца с глиняными горшками на плечах, остановились, с любопытством глядя, как наш шофер по пояс исчез в моторе.

Наконец он высунулся оттуда и жизнерадостно информировал нас, что придется загорать. Я предложил было свою помощь, но мне было сказано, что обойдутся без нее. Сержант Лаво, способность которого к перманентному сну просто удивительна, продрал глаза и сообщил, что мы будем отдыхать в монастыре Пяти золотых будд, а тем временем наш шофер справится с временными трудностями.

По обочине пыльной дороги мы пошли вдоль ухоженного сада, мимо полуразрушенной кирпичной ограды и наконец ока-

зались у открытых ворот монастыря, где в тени стоял «фольксваген», в котором часа три назад я видел Лами.

Я это предчувствовал. Когда я увидел «фольксваген» у ворот монастыря, я вичуть не удивился.

Сверху, с горы налетел ветер, зашуршал листьями. Монах в оранжевой тоге стоял у ворот и смотрел, как мы снимаем ботинки (так положено у буддийских святых мест). Монах провел нас в большое деревянное здание. Дерево, темно-серое с серебристым отливом от старости, было покрыто грубоватой, но выразительной резьбой.

В большой пустой комнате (если не считать нескольких статуй, глядевших на нас с возвышения) стоял круглый низкий стол, вокруг которого были разложены циновки. Мы расселись вокруг, несколько монахов вошли в комнату и устроились на корточках возле входа, глядя на нас внимательно и иногда перешептываясь. Монахи были большей частью молодые, здоровые и бритые, как новобранцы. Старик в широких серых штанах до колен принес поднос с мутным оранжедом, что меня разочаровало — могли бы угостить чем-нибудь более экзотичным, чем синтетический городской напиток. Я все время поглядывал в широкие без стекол окна, на пересеченную полосами теней и солнца площадку перед белой пагодкой, надеясь увидеть Лами.

Чувствовали мы себя довольно неловко. Вспольный начал было читать нам популярную лекцию о распространении и роли буддизма в Лигоне, но скоро замолк.

Тут появился древний хрупкий сказочный старичок с редкой серебряной бородой в застиранной когда-то оранжевой тоге. Монахи сразу вскочили, как дети, которых учитель застал за бездельем, солдат низко поклонился старику, мы встали.

— Садитесь, — сказал старик по-английски. — Отдыхайте. Я рад, что вы пришли сюда. — У него был глубокий, звучный молодой голос.

Солдат стал объяснять старику, что у нас сломалась машина, и старик ответил, что знает об этом. Этот старик вообще обо всем знал, монахи и солдат принимали это как обычное проявление его всепроникающей мудрости, а я подозревал, что ему рассказала о нас Лами.

— Вы геологи, — сказал старик, усаживаясь на циновку, — из России.

Он не спрашивал, а констатировал.

— И что же вы ищете в наших краях?

Ну конечно же, Лами не знает, что мы сейсмологи. Я повернулся к Отару.

— Мы ничего не ищем, — сказал Отар. — Мы изучаем землетрясения, чтобы установить, не грозит ли новое бедствие.

Старик спросил:

— А вы не ищете золото в наших краях?

— Разве здесь есть золото?

— В горных речках находят золотой песок. Люди в Танги говорят, что вы ищете золото.

Здесь вмешался наш сержант. Он произнес длинную речь, полагаю, в нашу защиту, потому что Вспольный, который приподнялся было на циновке, сел обратно и согласно кивал головой, как мудрый слон.

— Правильно, — сказал старик, обернувшись к нам, когда сержант завершил свой монолог.

— Можно задать вам несколько вопросов? — сказал Отар.

— Я всегда готов ответить гостям.

— Скажите, когда здесь в последний раз было землетрясение?

— Большое или маленькое? — спросил старик.

— Расскажите обо всех.

Монахи переползли к нам поближе.

— Когда я был мальчиком, — начал старик, взяв в костлявый кулачок свою бородку, — неподалеку отсюда, за монастырем была большая скала...

Отар разложил на столе карту.

Минут через пять я осторожно поднялся с циновки и вышел наружу. Меня не задержали, только один из монахов выскочил вслед за мной и показал рукой на купу деревьев за площадкой, ложно истолковав мои желания.

Я подошел к воротам. «Фольксваген» стоял там. По теплomu песку дорожки было приятно ходить босиком. Я присел на камень и закурил.

— Здравствуйте, — сказала, бесшумно подойдя, Лами.

Она села неподалеку от меня на другой камень. На ней были широкие черные брюки и белая блузка. Она показалась мне давнишней хорошей знакомой, будто мы с ней познакомились в Ташкенте и теперь вот встретились на курорте. И мне было приятно, что она не стесняется...

— Вы зачем рассказали старому монаху, что мы ищем золото? — укорил я ее.

Потом мы с ней обулись и пошли гулять в сад. Она рассказывала о своем отце, я тоже ей что-то рассказывал. Мы не все

понимали, но нам было интересно. И, когда мы увидели, как к монастырю едет наш джип, я даже огорчился.

Мы попрощались с Лами в роще, нам обоим не хотелось, чтобы нас видели вместе, — это наше личное дело и никого не касается. Я узнал, что Лами несколько ближайших дней будет жить здесь, у дедушки Махакассапы, и обещал приехать. На берегу установлены наши датчики.

Джонсону, портье в гостинице «Эксельсиор»

«Займись наблюдениями за русскими. Ни в коем случае не мешай их работе. Сообщи, как только у них будут новости. Пусть работают спокойно. Скажи Ахмеду, чтобы установил микрофон в их номере. Обрати внимание на их встречи с майором. Держи меня в курсе дела. Записку сожги.

Као».

Князь Урао Као

Обед с князьями и вождями был длинным и утомительным. Я знал, что в конце концов уговорю их воздержаться от активных действий, но это далось нелегко. Хорошо еще, что я успел перехватить связного с юга. Его призывы могли оказать плохое влияние на горячую голову вождя Па Кратенга, который вооружил сотню молодцов и полагал, что с их помощью навсегда освободится от опеки Лигона.

Меня беспокоило отсутствие сведений из столицы. Сун молчал. Я знал, что по расписанию груз должен уйти на гонконгском пароходе 15-го числа, для этого ему нужно было покинуть пещеру еще сегодня утром.

После совещания меня позвала к себе мать, но я вынужден был сначала встретиться с человеком, которому я передал часть долларов, привезенных Матуром и чудом спасенных от моих же собственных недостойных бандитов. Оружие доставит делец из Сингапура, которому выгоднее быть честным. Мне надоело иметь дело с первобытными людьми, с первобытными инстинктами, первобытными страстями и современной ненадежностью. Как-то отец Фредерик доказывал мне, что беда моих соотечественников не столько в их отсталости, сколько в том, что они эмоционально разодраны между законами прошлых веков и современностью. В первую очередь это относится к тем воинственным молодцам, которых двадцатый век лишил естественных для них набегов, схваток и заставил искать другие занятия. Бывшие

воины пополняют городское дно, поставляют кадры в преступный мир и готовы наняться к кому угодно, лишь бы взять в руки винтовку и броситься за добычей... Отца Фредерика отличает определенный цинизм, прикрытый, я бы сказал, язычески понимаемой христианской моралью. Странно, что моя мать не раскусила этого разуверившегося во всем человека, который не нашел себе места в Европе и вернулся, чтобы убедиться, что и здесь его услуги никому не нужны...

От Матура тоже никаких вестей. Мне донесли с почты, что он обменялся несколькими телеграммами с Лигоном — решил в этой суматохе урвать кусок и для себя, а именно спичечную фабрику. Я на него не в обиде. Все-таки он прибежал ко мне и рассказал о землетрясении.

Меморандум

Мы, наследственные князья и вожди округа Танги, пограничных трактов и верховьев Кангема, торжественно объявляем о своей полной и безоговорочной поддержке Временного революционного комитета Республики Лигон и выражаем глубокую уверенность в том, что новое прогрессивное руководство страны будет действовать в соответствии с интересами всех племен и народов, ее населяющих, уважая традиции и обычаи всех без исключения граждан нашей многонациональной родины. Мы выражаем надежду на то, что трения и взаимонепонимание, существовавшие между горными народами и правительством Лигона, вытекавшие из вопиющих случаев нарушения внутреннего суверенитета этнических меньшинств, будут пресечены и новые пути к взаимопониманию и общему благосостоянию будут открыты перед нашими согражданами...

Князь Урао Као

Мне потребовалось два часа отчаянных уговоров, прежде чем они согласились подписать эту ничего не стоящую бумагу, дающую нам нужную отсрочку.

ТЕЛЕГРАММА

Международная из Москвы 12 марта 13 час 40 мин молния Лигонская республика город Танги профессору Котрикадзе (через Министерство промышленности и шахт) (по-русски латинскими буквами)

Дальнейшие замеры свидетельствуют критические напряжения эпицентром Танги Сидоров полагает очаг глубине сорок пять километров определяйте изосейты исходя этого предположения желаем успеха встревожены отсутствием вестей

Кологривов

С телеграфа

Князю Урао Као

«Из Лигона на имя профессора Котрикадзе пришла шифрованная телеграмма. Так как отправлена она через Министерство шахт, ее получил и повез русским майор Тильви».

Евразийский пояс

«...Третья ветвь не входит в тихоокеанский пояс. С нее начинается другой большой сейсмический пояс земного шара, а именно евразийский, или альпийский... От Зондских островов евразийский пояс проходит вдоль западного побережья Бирмы, достигает Гималаев и твердо поворачивает на запад вперед. ...Страдающие от землетрясений острова Ява и Суматра отвесно поднимаются над глубочайшими подводными впадинами. В том же районе находится одна из самых изученных геосинклиналий. Образовавшиеся в ней складки и разрывы лучше всего объясняют частые землетрясения...»

Пьер Руссо. «Землетрясения». Париж, 1961.

Директору Матуру

«Не пытайся скрыть от меня свои дела со спичечной фабрикой. Я недоволен очередным предательством. Постарайся поменьше думать о своей выгоде. Господин Сун зол на твое поведение в день переворота. Тебе придется всерьез подумать о ценности собственной жизни. Не могу же я вечно отводить от твоей головы опасность. Ближайшие дни полностью посвети русским геологам. Дружись с ними, будь им полезен, если нужно, перейди в коммунизм и ходи по улицам с красным флагом. Мне нужно (и тебе тоже) знать как можно скорее и точнее:

1. Действительно ли русские намерены предсказать землетрясение или они занимаются военной разведкой?

2. Если они те, за кого себя выдают, насколько им можно верить? Как известно, человек не может угадать день своей смерти и час землетрясения.

3. Когда начнется землетрясение? Сильное оно или слабое?

Внимательно следи, где они будут устанавливать свои приборы. Ты должен точно знать их расположение.

Ни в коем случае не появляйся больше в моем доме. Сведения передавай ночному портье в гостинице Джонсону. В крайнем случае обращай к комедианту капитану Боро. Однако, если его провалишь, лишишься головы. Несмотря на нашу старую дружбу, должен тебя предупредить, что государственные соображения застав-

ляют меня значительно выше ценить помощь капитана, чем твою, дорогой Матур.

Записку сжечь в присутствии моего посланца.

Урао Као».

Расписка

«Дана мною, капитаном Боро, князю Урао Као в получении от него десяти тысяч ватов для помощи бездомным детям и других благотворительных целей.

Капитан Боро, 12 марта 1976 г.»

«Дорогая Лами!

Моя мама вне себя от горя, что ты не нанесла нам визита и так неожиданно убежала из Танги. Только сейчас мне стало известно, что отец отправил тебя в монастырь Пяти золотых будд. Могу только приветствовать его мудрое решение — в такие тревожные времена лучше быть в стороне от событий. Зная недостаточно теплое (незаслуженное) отношение ко мне твоего отца, не смею предложить тебе гостеприимство нашего дома, однако будь уверена, что в любой момент двери его для тебя открыты. Как жаль, что ты лишилась верного теннисного партнера! Прими, пожалуйста, вместе с этим письмом небольшой букет роз из нашего сада. Считай его совместным подарком от меня и моей матери.

Вечно твой Урао Као».

Отар Давидович Котрикадзе

Мы вернулись вечером, выбрав точки для установки датчиков и определив на глазок сейсмически наиболее интересные места. Володя сразу уехал в мастерские. Меня ждал майор Тильви. Он принес телеграмму из Москвы. Я перевел ему телеграмму на английский, и это встревожило его. Я полагаю, что на него жмут из Лигона. Я чувствую себя в положении недоброго вестника. Когда-то таких гонцов немедленно убивали, как бы отождествляя их с самим бедствием. Я никак не хотел умалять интеллекта майора Тильви, но в его глазах явно горел зловещий огонек.

— Кто-то распустил новый слух по городу, — сказал он.

— Я знаю. Мы ищем золото, чтобы увезти его домой.

— Нет, хитрее. Вы собираетесь устроить, здесь землетрясение.

— Устроить?

— Да. Будто бы землетрясение должно быть в России, но если вы его выпустите здесь, то тогда избавитесь от беды у себя дома.

— Остроумно, — сказал я.

Майор подошел к окну и посмотрел на грозовые тучи, висящие над горами.

— Не сегодня-завтра начнутся дожди. Здесь они начинаются раньше, чем в долине. Горы как бы стена, о которую ударяются тучи. А где господин Ли?

— Он в механических мастерских.

— Нужна помощь?

— Капитан Боро все обеспечил.

Майор Тильви подошел к двери и потрогал пальцем шнур, ведущий к выключателю.

— Я хочу знать, где будут стоять ваши приборы. Человек, распускающий слухи о том, что вы хотите сделать землетрясение, знает, чего добивается. Если темные люди послушают его, они могут причинить, вам вред. Так я и знал...

Майор подковырнул ногтем тонкий проводок, бегущий параллельно основному проводу, и дернул за него. Клочок обоев отлетел, и в кулаке майора оказался черный жук. Он раскрыл ладонь и показал мне жука. Это был микрофон.

— Так что, я думаю, у нас нет от них тайн, — сказал он буднично. — Кто заходил в эту комнату?

— Кто угодно, — сказал я. — Нас не было весь день.

— Я разберусь, — сказал майор. — Итак, где вы будете устанавливать свои приборы?

Мы с Володи́ей договорились в принципе о распределении нашей поредевшей техники. «Искру-12-бис», один ультрасейсмоскоп и прочую вычислительную технику мы оставляем в Танги. Второй сейсмоскоп желательно установить на островке на озере Линили, там же — два или три датчика. Последний датчик мы установили на берегу за монастырем.

— Очень далеко вы все раскидали. — Майор был недоволен.

— Это минимальное расстояние. Без трех точек нам не обойтись. Один из нас останется в Танги, наверно, я. Володя отправится на озеро.

— Очень далеко, — повторил майор. Он не спорил, он был озабочен. Майор крутил в пальцах микрофон, думал... Потом сказал:

— Наверно, в гостинице неудобно ставить приборы. Тесно и слишком много ушей...

Я молчал.

— Я договорился об одном доме. Это дом начальника полиции. Он стоит на окраине города, совершенно изолирован, и мне легче его охранять.

— А как хозяин дома?

— Он порядочный человек, — сказал Тильви. — Он сейчас в госпитале. Он ранен контрабандистами.

— Хорошо, — сказал я.

Тильви повернулся, чтобы уходить, а потом вспомнил и от двери сказал:

— Этот полицейский начальник — отец Лами. Она везла ему лекарство.

— Она в монастыре, — сказала я.

— Васунчок говорил мне. Он считает, что у пандита ей безопаснее, чем одной в городе. Кстати, и я когда-то жил у него в монастыре...

— Он мне очень помог. У него отличная память. Он рассказал мне обо всех землетрясениях за пятьдесят лет и даже показал на карте наиболее сильные разрушения. Это очень помогло нам в выборе мест.

Майор попрощался, его башмаки застучали по коридору, и сквозь полуотворенную дверь я услышал высокий голос директора Матура:

— Добрый вечер, дорогой господин майор. Навещали наших общих друзей?

Я подумал, что придется провести ужин в компании Матура. Он наверняка подстережет нас, чтобы еще раз выразить свое восхищение успехами нашей великой страны.

Юрий Сидорович Вспольный

Как только я вошел в холл гостиницы, предупредительный портье господин Джонсон сообщил, что меня два раза вызывал Лигон, советское посольство, и будут снова звонить через полчаса. Я был весь в пыли и поту после утомительного путешествия, но не решился подняться к себе, чтобы не пропустить разговор с Лигоном.

Сидя у старого поцарапанного телефона в холле гостиницы, я обдумывал, что скажу Ивану Федоровичу.

Но, к моему разочарованию, я услышал в трубке голос Саши Громова.

— Как у вас дела, Пиквик? — спросил он. Слышно было

хорошо. Я подумал, что наш разговор обязательно прослушивают и его неуважительное обращение может быть ложно понято местными директивными органами, как выражение непочтения ко мне со стороны посольства.

— Вы, Саша, в своем репертуаре, — сказал я резко.

— Извини, Юрий Сидорович. Я забыл, что ты у нас начальник. Слушай, Иван Федорович беспокоится, как вы там, обеспечены ли всем необходимым, как работается?

— Все в порядке, — сказал я сухо. В разговоре с самим Иваном Федоровичем я был бы более многословен.

— Страшно было гробануться с небес?

— Умеренно, — сказал я. — Я об этом уже забыл.

— Счастливцев, — неуместно иронизировал Саша. — Другим только в самом конце жизни удастся разбиться в самолете. Иван Федорович интересуется, не прислать ли тебе кого-нибудь на подмену? Вернулся из отпуска Ногтев....

— Спасибо, — сказал я. — Справлюсь.

— А что, скоро намечается... событие?

— Скоро.

— Что передать Ивану Федоровичу? Нас не тряханет?

— Передай, что мы выполняем свой долг, надеемся, что не подведем тех, кто доверил нам важную задачу.

— Господи, Юрий, ты опять читаешь мне передовицу?

— Что в СОДе? — спросил я.

— Хорошо. Твой шеф вышел на работу. Передает тебе привет. Деньги нужны? Мы перевели на твое имя тысячу ватов. Говорят, в Танги очень дешевое серебро. Тут вот Люся моя просит — поищи ей браслетик.

— У нас одно осложнение, — сказал я, сделав вид, что не расслышал нетактичного намека. — Группа завтра разделяется. Профессор Котрикадзе остается в Танги, а товарищ Ли уезжает в горы, в монастырь, с частью аппаратуры.

— А в чем осложнение?

— С одной стороны, мое присутствие в Танги и связь в нужный момент с посольством могут оказаться весьма важными, кроме того, может возникнуть нужда в переговорах с местными властями...

— Котрикадзе хорошо знает английский?

— Отлично.

— А Ли?

— Посредственно.

— И там, в монастыре, он будет один?

— Разумеется.

— Я не могу тебе приказывать, но могу дать совет: наверно, Ли будет без тебя труднее, чем Котрикадзе. Ты сам как думаешь?

Мы попрощались, и я повесил трубку. Пожалуй, я зря поднял этот вопрос в разговоре с Громовым. В конце концов он не компетентен в подобных вопросах.

Владимир Кимович Ли

Утром тринадцатого марта мы переехали в пустой дом на окраине Танги. Дом был небольшой, но двухэтажный. Нам хватило гостиной внизу и веранды. Пока электрики тянули к веранде силовую кабель, а армейский радист устанавливал рацию, я поднялся наверх. Я не собирался ходить по чужим комнатам. Мне только хотелось увидеть ту, в которой жила Лами. Наверху было всего две комнаты. В одной, побольше, стоял письменный стол, на стене висели две фотографии — грустной женщины, похожей на Лами, и самой Лами, еще девочки, с двумя тугими косичками, торчащими в разные стороны. Это была комната ее отца. Во второй раньше жила она. Комната была пустой, прибранной, за окном на толстой ветке висели гнезда ткачиков, похожие на груши, и птицы сустились у подоконника. Лами мне рассказывала про этих птиц. В комнате сохранился ее необычный пряный аромат. Я спустился вниз.

Часов в двенадцать мы выехали на джипе к озеру. Вспольный всю дорогу дулся, видно, не хотелось ему уезжать из Танги, но чувство долга пересилило. С нами ехал радист, сонный Лаво с термосом и автоматом и еще один солдат.

В тесноте, но в согласии мы добрались до деревни у монастыря, оставили там сержанта Лаво договариваться о лодке, потом мимо монастыря по разбитой повозками безлюдной дороге проехали километра три. Здесь на широкой пологой террасе, с которой открывался великолепный, как в рекламном туристском проспекте, вид на озеро и горы за ним, в светлой звенящей содовой роще поставили палатку, в которой установили датчик. Это заняла около часа. Вспольный заявил, что, когда выйдет на пенсию, построит себе здесь дачу и будет писать мемуары. Я решил, что он смирился со своей участью. Оставив при приборах солдата — он тут же разложил небольшой костер и повесил на него мятый алюминиевый чайник, — мы вернулись в деревню, где застали в полном разгаре битву между сержантом Лаво

и местным старостой. Лаво заседал на старика, грозя всевозможными карами, но тот отвечал длинными убедительными речами, которые зарождались где-то в складках его живота и выползали наружу, как рокот отдаленного барабана. В конце концов Лаво сдался и отсчитал старосте пачку казенных ватов. Староста долго мусолил деньги, жалел, что не заломил больше, потом повел нас по узкой тропинке вниз, к озеру, где в бухточке стояла моторка, на корме которой спал здоровый молодой парень.

— Мой сын, — торжественно прогудел староста, звеня серебряными браслетами.

— Стал бы он торговаться за чужого, — прокомментировал это заявление мрачный Лаво, который переплатил и рассматривал свою оплошность как поражение армии.

Мы умаялись, перетаскивая аппаратуру из машины в лодку, но бережливый Лаво отказался привлечь на помощь физическую силу деревенских жителей.

Наконец перегруженная длинная моторка отчалила. Вспольный остался на берегу и объяснил мне, что не хочет перегружать корабль и топить аппаратуру. Борты были почти вровень с водой, и я понимал его опасения, хотя мнегодились бы на острове его лингвистические познания. Увидев, что мы бросили на берегу такого важного и такого белого господина, староста все-таки расчувствовался и пригнал (бесплатно) жалкий челнок, который предоставил в распоряжение Вспольного. На потном и красном от горного загара лице Юрия Сидоровича отражались душевные страдания. Староста смело ткнул веслом в воду, челнок черпнул воды, Вспольный зажмурился, и они отправились вперед на утлом суденышке, а наш моторист все еще дергал за шнур, вызывая к жизни мотор. Мы обогнали челнок метрах в ста от берега, Вспольный вяло помахал нам вслед и тут же вновь вцепился в тонкий борт.

Видно, люди редко приезжали на островок. Моторка подошла к шатучим деревянным мосткам, которые далеко выдавались в озеро. Какая-то птица умудрилась свить гнездо прямо на мостках, в широкой щели между досок. Она обиделась на нас за вторжение и кружилась над самыми головами, выражая недовольство криками. Полоска песка, отвоеванная волнами у травяного откоса, была чистой, лишь следы птичьих лап и маленькие холмики вокруг крабьих норок свидетельствовали о кипучей жизни. Усталая лопнувшими каменными плитами дорожка вела вверх, где в чаще коренастых деревьев стояла пагода,

давно некрашенная, с кирпичными проплешинами на белом теле. За пагодой берег острова обрывался скалой вниз и уходил глубоко в воду. Высота обрыва была метров десять. Дальше, до самых гор на том берегу, километров на семь-восемь протянулась ровная голубая поверхность воды, лишь кое-где потревоженная бурыми и белыми парусами рыбацких лодок.

Мы перетащили аппаратуру к пагоде. Здесь был покосившийся навес на резных столбах. Какой-то благочестивый человек, соорудивший для паломников этот навес, потрудился на славу, доставив сюда цемент и гравий — пол под навесом был бетонный. И хоть по бетону пошли трещины, сквозь которые лезли яркая трава и молодые кустики, он отлично подошел для установки аппаратуры.

Вскоре появился Вспольный. Он был бледен, наверно, не единожды прощался с жизнью по дороге сюда, но на мой вопрос, как он себя чувствует, сказал лишь:

— Я видел очень большую рыбу. Около метра длиной. Здесь, наверно, хорошая рыбалка.

Я подозревал, что он никакой не рыбак. Я спросил:

— Кстати, Юрий Сидорович, вы плавать умеете?

— Нет, — признался он, снял очки и долго их протирал.

Сокращенная расшифровка магнитофонной записи совещания у чрезвычайного комиссара ВРК майора Тильви Кумтатона

Строго секретно

14 марта 1976 г. 11 часов 30 минут утра.

Присутствовали:

Майор Тильви Кумтатон, комиссар округа Танги.

Капитан Боро Джа Па, комендант г. Танги.

Профессор Отар Котрикадзе.

Джа Локри, бургомистр г. Танги, временно исполняющий обязанности губернатора округа Танги.

Майор Т.: Мы собрались здесь для обсуждения важного вопроса. Может быть, самого важного в истории этого города. Уважаемый Джа Локри еще не имел чести встречать профессора Котрикадзе, приехавшего из Советского Союза, чтобы оказать нашей стране научную помощь. Я попрошу профессора Котрикадзе сделать нам краткое сообщение.

Профессор К.: Как известно, мы приехали сюда, так как наши изыскания с помощью новейших приборов привели нас к выводу, что в районе города Танги возникла опасность землетрясения значительной силы. Для того чтобы убедиться в точности нашего прогноза, требуется провести измерения на месте. В силу не зависящих от нас обстоятельств мы смогли установить наши приборы только вчера днем, и потому сведения, которые я сейчас сообщу, не окончательны. Но в целом они подтверждают наш прогноз.

Майор Т.: Значит, землетрясение все-таки будет?

Профессор К.: И очень скоро.

Майор Т.: Как скоро?

Профессор К.: Мне придется пояснить. Под поверхностью земли горные породы находятся в нестабильном состоянии. Они сжаты громадным давлением, они деформированы, и потому в зависимости от более общих процессов напряжение, существующее внутри земной коры, может ослабевать или усиливаться, требовать выхода. Земная кора эластична, и при росте напряжения горные породы деформируются. Чередование деформаций вызывает колебания, и они порой достигают поверхности земли. Может наступить такой момент, когда напряжение превысит предел сопротивления породы. В это критическое мгновение достаточно любого случайного толчка, изменения атмосферного давления, эха отдаленного землетрясения — и курок будет спущен.

Д.Л.: Значат ли слова уважаемого гостя, что земля под нашим городом напряжена и даже мой случайный шаг может оказаться роковым?

Профессор К.: Вчера наши приборы, которые регистрируют напряжение на заданной глубине, — а глубина потенциального очага землетрясения, которое мы ожидаем, около пятидесяти километров, — показали нам, что напряжение близко к критическому, и, возможно, нас отделяют от взрыва всего несколько дней. Мы ждем новых известий из Москвы, где установлены более сильные приборы, которые наблюдают за положением во всем районе. Но пока я могу сказать одно — землетрясение неизбежно. И произойдет оно через несколько дней.

Д.Л.: Каким сильным оно будет?

Профессор К.: К сожалению, гипотетический очаг находится сравнительно недалеко от поверхности. Это означает, что разрушения, которые оно может принести, будут невелики по площади, но значительны в эпицентре. Мы предполагаем, что землетрясение способно высвободить энергию порядка десяти в двадцать третьей степени эргов и его интенсивность в эпицентре может достичь десяти баллов.

Д.Л.: Не могли бы вы перевести эти данные на более понятный для непосвященных язык?

Профессор К.: Десятибалльное землетрясение означает частичное или полное повреждение почти всех зданий, трещины в земле, оползни, разрушение мостов. Возможны обвалы в горах...

Д.Л.: Не может быть! Это слишком жестоко! Вы хотите сказать, что город Танги будет разрушен?

Профессор К.: К сожалению, я не могу управлять стихией. Эпицентр находится в горах, у линии разлома, идущего вдоль прибрежного хребта. Расстояние по прямой до города Танги — не более двенадцати километров.

Капитан Б.: Но вы можете ошибиться?

Профессор К.: Наш метод, хоть и опробован на небольших возмущениях, впервые применяется вдалеке от нашей лаборатории, в полевых условиях. Так что вероятность ошибки существует. Но не обнадеживайте себя. Мы можем ошибиться в частности, но в главном сомнений нет.

Капитан Б.: Ваши приборы были повреждены при вынужденной посадке самолета и частично погибли. Может быть, приборы врут?

Профессор К.: В наши интересы не входит пугать вас или преувеличивать опасность.

Майор Т.: Мы понимаем. Поймите и вы капитана Боро. Ничто не

предвещает беды, которую вы пророчите. Нам трудно поверить в то, что на наш город обрушится такое бедствие. Нам очень хотелось бы, чтобы вы ошиблись. Но мы не имеем права действовать в надежде на вашу ошибку. Скажите, когда вы будете точно знать день и время землетрясения?

Профессор К.: Сегодня ночью мы продолжим обработку материалов. Завтра к утру из монастыря мне пришлют ленты датчиков. Полагаю, что завтра к вечеру, в крайнем случае послезавтра я смогу дать более точный прогноз. Пока я могу сказать — в течение семи-восьми дней.

Капитан Б.: Может быть, вы отложите его хотя бы на неделю!

Майор Т.: Не будьте наивным, капитан. Это стихия, а мы всего-навсего люди.

Д.Л.: Мы должны будем сказать людям, чтобы они вышли из домов и вынесли свое имущество. Я не знаю, как я скажу это людям. Многие не поверят, потому что полагают, что землетрясение — это гнев богов.

Майор Т.: В горах большинство населения — язычники, которые верят в злых богов и злых духов.

Д.Л.: Кроме того, мы должны предупредить людей, которые живут в деревнях. Вы можете начертить на карте тот район, которому грозит разрушение?

Профессор К.: Такую карту я представлю завтра утром.

Капитан Б.: Гнев людей может обратиться против военного комитета.

Майор Т.: Мы с вами находимся здесь для того, чтобы осуществлять власть правительства.

Капитан Б.: Мы должны связаться с Лигоном.

Майор Т.: Мы выражаем признательность профессору Котрикадзе, который не жалеет времени и усилий для того, чтобы помочь нам избежать грозящей беды, и надеемся, что профессор Котрикадзе в будущем будет проявлять такое же старание. Я немедленно информирую Лигон о положении дел. Как только будет известен срок, мы созовем совещание представителей партии и национальных групп, чтобы обсудить проблемы эвакуации. Большое спасибо за внимание.

Расшифровал и записал лейтенант Кальмичок

Отпечатано в трех экземплярах

ТЕЛЕГРАММА

Лигон Временный революционный комитет бригадному генералу Шосве полковнику Вану из Танги 14 марта 12 часов 50 минут.

Предварительные данные русских геологов подтверждают близкое бедствие предсказано полное разрушение города максимум через неделю вскоре сообщу точную дату немедленно повторяю немедленно требуется помощь опасаясь возмущения против военного правительства попыток антиправительственных сил распространять порочащие слухи прошу вертолеты грузовой транспорт полагаю операция в Танги более существенна чем ликвидация сопротивления на юге

комиссар майор Тильви Кумтатон

Князю Урао Као

«Прилагаю записанные мною по памяти разговоры, которые шли сегодня у майора Тильви в моем присутствии. Русский профессор убежден, что землетрясение будет через неделю. Как только он получит ленты или пленки с озера Линили, точно скажет день и час. Надеюсь, никто не узнает о том, что я сообщил, ибо подозрение неизбежно падет на меня.

Преданный друг».

Шифровка

Князю Урао Као

Задержка с грузом опасна. К. сообщил, что готовится отправка подкреплений в Танги. Послезавтра груз следует отправить вниз к Кангему. На той неделе будет корабль. Положение здесь трудное. Национализация задела крупных людей, многие недовольны. Надеюсь, что правительство долго не продержится. Тем не менее будь осторожен, не спеша с выступлением. Указания о покупке недвижимости в Танги выполняю. Завтра жду результатов. Привет Матуру. Когда-нибудь я сам оторву его глупую голову.

Преданный Дж. Сун

Директор Матур

Утром я наконец получил подтверждение от Саада, что спичечная фабрика моя. Я нанес туда визит. Я медленно шел по территории, мимо лесного склада, мимо сушилен и цехов, а сам с печалью думал о том, что через несколько дней этой фабрики не будет. Ни ее, ни этих машин, режущих древесину, клеющих коробки, размешивающих серу... Если, конечно, у русских получится их землетрясение.

Я поднялся в контору и спросил у китайца управляющего, получил ли он подтверждение из Лигона о моем вступлении в права владения. Управляющий этого не знал, но был со мной вежлив, и я подумал, что, может быть, оставлю его в этой должности. Тут же сообщил ему об этом и пообещал прибавку к жалованью.

Китаец проводил меня до ворот, и я должен признаться, что это было мне приятно. Пройдет пять лет, и люди будут кланяться мне везде. Если только военное правительство не отнимет у людей их собственность. Нет, пора готовиться к отъезду отсюда, в какую-нибудь тихую страну, где нет армии, где уважают бизнесменов. В Сингапур?

— Работайте, — сказал я по-отечески управляющему.

— А что слышно о национализации?! — крикнул он мне вслед. Ах, как не вовремя вспомнил!

Я остановился.

— Это ложные слухи, — сказал я.

И решил, что не буду повышать ему жалованье. Жаль, что я не нанял машину. Хоть это и дорого, зато производит впечатление. Тогда бы управляющий не посмел кричать мне вслед.

И тут рядом со мной замерла новенькая «тойота». В ней сидел шофер в синей фуражке. Шофер спросил:

— Вы господин Матур? Господин князь ждет вас.

Садясь в машину, я бросил взгляд назад. Управляющий глядел вслед. Ну и поделом ему, будет знать, с кем имеет дело. Понятно, что друзья молодости не забывают тебя, ценят и нуждаются в твоей помощи.

Мой друг Урао Као ждал меня в гостинной.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал князь, — потому что ты один из самых верных моих друзей... — Он задумался, наморщил свой высокий лоб и добавил грустно: — А может быть, единственный верный друг.

— Ты никогда не расскажешь в этой дружбе, — заверил я князя.

Мы сели в мягкие кресла. Со стены на меня глядела голова тигра, которого убил отец князя в 1939 году.

— Только что майор совещался с русским профессором. Русские наметили землетрясение на конец недели. Но, к счастью, они пока не решили, в какой день. Майор запросил подкреплений. Ты понимаешь, что это значит для нас с тобой?

Я понимал. Я хорошо соображаю.

— Проблема не только в твоей спичечной фабрике, которую ты перекупил у меня под носом.

— И не в механических мастерских, и не в текстильной фабрике, — добавил я с улыбкой.

Князь не рассердился на эту вольность. Он продолжал:

— Не в моих интересах, чтобы правительство смогло бахвалиться на весь мир, что обезвредило природу. Нельзя, чтобы военные были сильнее неба, которое посылает землетрясение на грешников.

Я подумал, что князь преувеличивает. Он еще в школе отличался живым воображением, и стоило ему соврать кому-нибудь из учителей и товарищей, в оправдание лжи он с удивительным умением изобретал новые кучи небылиц, чтобы за ними забылась первая ложь. В конце концов он так запутывал своего собеседника, что тот не знал, чему верить. Князь, как образованный человек, не считал землетрясение наказанием судьбы и готовил речь для другой аудитории.

— Пусть же, — сказал князь, — все идет своим ходом. Если

землетрясению суждено погубить наш замечательный город, значит, так и будет.

Если дело касалось наших только что приобретенных фабрик, то князь был совершенно прав. Мы с ним оба рисковали. В любой момент их могли национализировать. Мы оба были заинтересованы в том, чтобы фабрики были разрушены. Без всякой эвакуации. Я заплатил за спичечную фабрику двести тысяч. За будущую неделю я выдам еще несколько тысяч на зарплату рабочим, и вряд ли я могу рассчитывать на реализацию накопившихся на складе спичек. Следовательно, из страховки в триста пятьдесят тысяч мне останется чуть более ста. А может, и меньше. На моих плечах семья, дети, неразумный Саад.

— Но пускай люди будут спасены, — сказал я.

— Я не изверг, — сказал князь. — Люди, разумеется, будут спасены. Но есть дела, которые я не могу доверить своим телохранителям, ибо для их исполнения требуются интеллект и сообразительность.

ТЕЛЕГРАММА

Танги комиссару Тильви Кумтатону из Лигона 19.45

Принимаем срочные меры колонна грузовиков вышла из Лигона час назад составе двадцать машин три вертолета из резерва главного командования будут направлены вам завтра транспортом командует подполковник Кензи который придается вам оперативное подчинение составьте план эвакуации подготовьте аэродром приему транспортных самолетов немедленно по получении сведений о землетрясении информируйте население горных трактов вертолетами высылаем двести палаток которые необходимо установить заранее в безопасном месте обеспечьте заготовку продуктов медицинское обслуживание ни в коем случае повторяю ни в коем случае не допустите человеческих жертв несете личную ответственность перед Революционным комитетом

бригадир Шосве

Майор Тильви Кумтатон

Получив эту пространную телеграмму, я понял только одно — подкрепления будут, но пока их нет. Помощь будет, но пока ее нет. Землетрясение будет, но неизвестно когда.

Я не мог побороть раздражения против современной науки и профессора Котрикадзе, хотя отлично понимал, что без него земле-

трясение обрушилось бы на меня внезапно и если бы я сам остался жив, то мне пришлось бы не эвакуировать, а считать трупы. Через полчаса после первой телеграммы я уже получил следующую.

ТЕЛЕГРАММЫ

Чрезвычайному комиссару ВРК срочно из Лигона 20.15

Обеспечьте эвакуацию оборудования предприятий госпиталя складов информируйте рудники несете ответственность за гибель достояния республики начальник экономического комитета

бригадир Пери

Майору Тильви Кумтатону Танги срочно из Лигона 20.50

В палатках отправленных грузовиками не учтены шесты и колья немедленно организуйте заготовку кольев и шестов
полковник Ван

Начальнику полиции Васунчоку

«Сегодня в полдень князь объявил, что уезжает в горы. Он уговорил свою мать переехать в летний домик в горах.

Можно предположить, что князь опасается землетрясения. Хочу обратить Ваше внимание, дорогой друг, что князь приказал найти и привезти к нему директора Матура.

Возможно, что груз находится на озере, но теперь придется спасать его от землетрясения. Они будут спешить. Жаль, что Вы, мой друг, сейчас не можете лично руководить операцией. Я бы на Вашем месте не очень доверял (не обижайтесь за прямогу) Вашим людям. Среди них несколько (Вы и сами об этом знаете) получают зарплату не только у Вас.

Ваш друг».

Князю Урао

«Они установили свою машинку в роще над монастырем близко к пещерам. Охраняет машинку один солдат, и он много спит. Сегодня приезжал молодой русский, взял из машинки какие-то длинные бумаги и уехал. По пути к озеру, где он живет, останавливался в монастыре. К его машине выходила известная Вам особа, и они разговаривали. Когда он уезжал, держались за руки. Второй русский оставался на острове. На всякий случай я проколол две шины у джипа.

Па Пуо».

Майор Тильви Кумтатон

Поздно вечером я получил очередную телеграмму из Лигона, на этот раз из управления информации и пропаганды. Они известили меня, что завтра в Танги вылетают два корреспондента, чтобы должным образом осветить события. Я готов был головы поотрывать там, в пропаганде. У них нет свободных машин, но они находят вертолет для двух бездельников, которые будут болтаться под ногами и задавать глупые вопросы. Мною овладел гнев, и я составил резкую радиограмму в Лигон.

И тут же позвонил мне профессор Котрикадзе.

— Что еще? — рявкнул я в трубку по-лигонски.

— Простите, майор, что так поздно, — сказал он, — но мне только что позвонил с острова Ли. Связь все время нарушается...

Конечно, нарушается. Радиотелефоны, которые я отыскал на складе и отдал русским, наверно, побывали под танком, а затем были кое-как скреплены проволокой.

— ...Но я понял, — продолжал профессор, — что кто-то проколол шины у джипа, оставленного в деревне. И у них нет машины, чтобы привезти ленты с датчиков и бумаги, подготовленные Ли. Вы не могли бы помочь?

Его правильный английский язык и спокойная вежливость в этот момент были невыносимы. Мне показалось, что он улыбается, разговаривая с нами, дикарями.

— Разумеется, профессор. Я дам распоряжение, чтобы туда выслали другую машину.

— Спасибо, майор, спокойной ночи.

— Где капитан Боро? — спросил я, выйдя во внешнюю комнату, где дремал дежурный капрал.

— Спит, наверно, — ответил тот.

— Поднимите его и приведите ко мне. И пошлите трех автоматчиков к дому начальника полиции, где живет русский профессор.

— Но там уже стоит часовая.

— Не возражать!

Вот теперь я стал настоящим начальником. Я заставлю этого добродушного Боро наладить в городе порядок, а затем поеду в госпиталь.

«Я сердит на твое непослушание. Неужели ты не понимаешь, что теперь майор пошлет туда солдат, чтобы охранять эти машины? Ты вызвал подозрения раньше, чем следовало. Может

быть, поставил под угрозу наше дело. Предупреждаю, это твоя последняя ошибка. Ни в коем случае не трогай машинку на горе без моего указания.

Као».

Владимир Кимович Ли

Я считал весь вечер при свете голой электрической лампочки, питавшейся от аккумуляторов, и рой летучих тварей устраивал такие массовые танцы под ней, что она казалась укутанной в густую черную вуаль. В этих условиях компьютер годится только, чтобы колоть им орехи. Расстроенный сержант Лаво долго клял нерасторопного шофера, который не уследил, как прокололи шины, и предложил отправиться в город пешком, чтобы искупить свою вину. Но Отар позвонил мне и сказал, что майор обещал прислать другую машину. Вспольный опух от комариных укусов, но получал некоторое удовольствие от того, что живет на необитаемом острове и что где-то неподалеку бродят коварные недруги и завтрашний день сулит новые приключения.

— Какие планы на завтра? — спросил он меня, признавая мое главенство на острове.

— Завтра, как рассветет, отвезем данные в Танги.

Было еще не поздно, и я думал, что через час управлюсь.

— Кто повезет данные? — спросил Вспольный, сверкнув очками, и смахнул с носа черного жука.

— Я, а кто же?

— Почему? — строго спросил Вспольный. Он стремился к настоящему делу.

Я отложил ручку.

— Отару трудно одному. Мы вместе быстрее просчитаем.

— А датчики? — Голос Вспольного приобрел стальное звучание.

— Датчики?.. Ими займетесь вы.

— Я? — Он был польщен и немного напуган. — Но я этого еще не делал.

— Утром объясню. Надеюсь, они догадаются прислать запасную резину для нашего джипа.

И я снова занялся расчетами.

Вспольный некоторое время бродил вокруг, выходил на обрыв, вглядывался в смутную полоску огоньков Танги, потом что-то записывал в свой блокнот. Наконец сказал:

— Пора спать, Володя. Завтра нам рано вставать.

— Ничего, потом отоспимся, — возразил я в лучших традициях скромных героев. — Вот вам надо бы выспаться.

Он словно ждал приказа. Тут же улегся на циновку, закутался в одеяло, чтобы его не сожрали комары, и отключился.

Я просидел до рассвета, и спать мне в сущности не хотелось. А когда стало светать, я положил плоский камень на стопку бумаг, дополз до циновки и заснул, как только коснулся ее... Через мгновение меня разбудили.

Было уже совсем светло, солнце косо резало лучами листву, надо мной стояли два солдата и негромко выясняли вопрос, будить меня или подождать.

— Доброе утро, — сказал я им по-лигонски. И оглянулся, чтобы разбудить Вспольного.

Но не тут-то было. Вспольный вышел из-за кустов с полотенцем в руке.

— Не забудьте, Володя, в спешке, — сказал он голосом отличника, — проинструктировать меня по части снятия показаний с датчиков.

Отар Давидович Котрикадзе

В семь утра меня разбудил телефон. Звонил майор.

— Доброе утро, профессор. Я жду вашего звонка.

Я воспринял этот упрек без обиды. И не стал объяснять майору, что поздно лег спать.

— Извините за задержку, — сказал я. — Изосейсмическая карта готова. К сожалению, у нас не было подробной геологической карты района, а сведения о прошлых землетрясениях я наносил со слов вашего дедушки.

— Я пришлю за картой машину.

— Не надо, — ответил я. — До комендатуры десять минут пешком. А я привык утром делать прогулку.

— Хорошо, — сказал майор, — тогда мы вместе позавтракаем. Вы не возражаете?

— Спасибо.

Я умылся и вышел из дома.

К моему удивлению, оказалось, что моя охрана за ночь увеличилась. Два солдата стояли у ворот, еще двое мирно спали на веранде, и над ними суетливо летали птички, гнезда которых были прикреплены к столбам веранды.

Когда я выходил из ворот, один из солдат поднялся и пошел шагах в трех сзади.

Улица была по-утреннему деловита. Мне встретился монах, того которого была туго обмотана вокруг тела. Монах прижимал к животу черный горшок, из которого высовывались маленькие судки. Под мышкой у него торчал длинный темно-красный зонт. Две девочки в одинаковых синих юбках и белых блузках остановились, глядя, как солдат с автоматом ведет куда-то дядю в мятом костюме.

Я свернул за угол, к комендатуре, и тут меня ждало неожиданное потрясение. Какой-то человек кинулся на меня так неожиданно, что я инстинктивно отшатнулся, прикрывая лицо руками. Этот момент растерянности чуть не стоил мне черной папки с картой для майора. Человек вцепился в нее и рванул к себе. Я, скорее со страху, чем из излишнего мужества, еще крепче вцепился в папку, и мы несколько секунд изображали собой статичную группу борцов.

Ситуацию разрядил сопровождавший меня солдат, который вышел из-за угла и сразу сообразил, что к чему. Он не догадался бросить стебель сахарного тростника, который жевал с увлечением, и этот стебель помешал ему схватиться за автомат. Нападающий оказался проворнее всех. Он зигзагами побежал по улице и нырнул в кусты. Солдат наконец выбросил драгоценный тростник и бросился за бандитом. А я, никем более не задержанный, дошел до комендатуры.

Майор, насколько понимаю, наблюдал за моим приключением из окна и встретил меня на лестнице мрачнее тучи.

— Солдат будет наказан, — были его первые слова.

Я поспешил успокоить майора. Я протянул ему черную папку.

— Карта здесь.

Майор овладел собой.

— Завтрак готов, — сказал он. — Я еще раз приношу извинения за прискорбный случай.

Когда мы сидели за письменным столом майора, покрытым белой жизнерадостной клеенкой с изображенными на ней плодами и ягодами, и пили чай с молоком, я спросил:

— А машина на озеро?

— Машина ушла еще ночью, — сказал майор.

Задумчиво хрустя гренком, он добавил:

— Если известие об этом нападении дойдет до Лигона...

— Не дойдет, — успокоил я майора. — В следующий раз буду внимательней.

Майор ничем не показал, что рад ответу. Он отставил недопитую чашку.

— Мне не нравится, — сказал он, — что человек, который приказал этому бандиту напасть на вас, много знает.

— А что именно?

— Он знает, что вы сегодня должны были принести мне карту. Он знает про джип с озера. И он почему-то очень заинтересован в том, чтобы мы не были готовы к землетрясению.

Капитан Васунчок

Рано утром ко мне пришел майор Тильви. У него болела рука, и он был обеспокоен. Он принес мне карту, полученную от профессора Котрикадзе. Если ей верить, хуже всего придется деревням по западному берегу Линили, да и сам город Танги может быть разрушен. Русский обещал ему дать точную дату к обеду — он ждал, когда приедет его спутник с озера и привезет свои записи.

Пока не подойдет помощь из Лигона, Тильви было трудно что-либо предпринять. Договорились, что, как только станет известна дата, я пошлю полицейских по окрестным деревням, чтобы они предупредили людей.

Потом майор заговорил о другой своей тревоге. Он считал, что у него есть враг, который хочет, чтобы землетрясение произошло неожиданно. Он рассказал мне о случае с картой, о том, что кто-то проколол шины у джипа на озере, о микрофоне в комнате русских геологов.

— Вы знаете людей, дядя Васунчок, — сказал он. — Вы можете подсказать.

— А кто знал о карте? — спросил я.

— Кроме нас с русским профессором, бургомистр Джа Локри и капитан Боро. Они были на совещании.

— А подслушать вас не могли?

— Я велел Фену Ла проверить мою комнату и комнату русских.

— Фен Ла простой механик.

— У меня нет специалистов. У меня никого нет, особенно теперь, когда Боро с двумя взводами умчался на рубиновые копи. У меня два десятка солдат и один джип.

— Зачем Боро уехал на рубиновые копи?

— Он получил телеграмму. На копи напали люди вождя Вао. Если так — значит, кто-то направил их...

— Иди, Тильви, — сказал я ему. — Я буду думать. Вернешься после обеда.

Как только Тильви ушел, сестра сказала, что перед госпиталем сидит какой-то монах, который хочет меня видеть.

— Впусти его, — сказал я.

Монах выглядел молодо, его оранжевая тога была вся в пыли, он явно устал. Я спросил его:

— Ты шел пешком из монастыря Пяти золотых будд?

— Да, — ответил он. — Я вышел ночью и пришел только сейчас. Но в гору я поднялся на автобусе.

— У тебя ко мне письмо?

— Нет. Почтенный Махакассапа не дал мне письма. Он сказал, что письмо могут отнять, а то, что лежит в моей голове, не видно чужому глазу.

— Говори.

— Почтенный Махакассапа сказал, что то, чем интересуется господин начальник полиции, хранится в пещере за сосновой рощей. Оно сейчас там.

— Хорошо, — сказал я. — Почтенный Махакассапа знает, в какой из пещер груз?

— Да, — ответил монах. — Он знает.

— Еще что-нибудь он передавал?

— Почтенный Махакассапа думает, что вчера один охотник из деревни видел Па Пуо. Только Па Пуо сбрил свои знаменитые усы. Но его можно узнать.

— Как моя дочь?

— Твоя дочь живет в доме привратницы. Мы по очереди незаметно смотрим за ней, чтобы чего-нибудь не случилось. Почтенный Махакассапа думает, что сердце Лами расположено к молодому русскому, который сейчас живет на острове. Русский приезжал к монастырю, и Лами выходила к нему. Они разговаривали в саду.

— Скажи сестре, чтобы тебя накормили.

— Спасибо, господин, — ответил монах. — Я пойду обратно. Только зайду на базар, потому что почтенный Махакассапа велел мне купить орехового масла для монастыря.

— Да не осквернят деньги руки монаха.

— У меня нет денег, — ответил монах. — Масло мне даст торговец, который обещал подарить его монастырю.

— Я пошутил, святой монах, — ответил я. — Я знаю, что у вас в монастыре строгие правила.

Монах ушел.

Я должен был думать о делах, но беспокоился о Лами. Я знал, что князь смотрит на нее с вожделением и оказывает девочке знаки внимания. Она равнодушна к вниманию, хотя ее сердце не отзывается на чувства князя. Князь не любит меня так же, как и я не люблю его. Я знал, что в меня стреляли у озера люди князя. Но пока я не могу никому доказать, что князь торгует опи-

умом. Я убежден в этом, мой друг, близкий к князю, убежден в этом, но что толку, ведь не поймает тигра за лапу, когда он крадет курицу. Князь слишком силен в Танги, а майор, которому я мог бы доверить тайну, слишком занят своим землетрясением. Па Пуо там, у монастыря. Значит, князь знает обо всем... Я почти не сомневался, что именно князь хочет помешать майору. Старый губернатор, которого сместили военные, сидит у себя дома и с утра до вечера совещается со сторонниками Джа Ролака. Он меня не беспокоит, он не мог приказать проколоть шины или поставить микрофон — старые политики трясутся от страха. Капитан Боро? Он слишком продажен. Он может выполнять приказы князя или губернатора, но сам не решится ни на что.

Кто еще? Торгаш Матур? Зачем-то он купил спичечную фабрику и вчера объявился там. Зачем человеку покупать фабрику, когда все хотят продавать? Но у Матура нет в Танги корней, нет сообщников. А вот князь мог его использовать... Опять князь.

Я вызвал полицейского, что сидит у двери в палату, и приказал созвониться с рубиновыми копиями и узнать, почему не сообщили оттуда о нападении людей вождя Вао, который, как мне известно, с небольшим отрядом две недели назад ушел к тайландской границе.

Господину Сааду Матуру, Серебряная долина, 18, Лигон.

«Дорогой и любимый брат!

Обстоятельства моей жизни сложились таким образом, что я снова стою перед трудным для меня решением. С одной стороны, моими действиями руководит искренняя и бескорыстная дружба, а также забота о моей семье и, в частности, о тебе. С другой — я понимаю, что ввергаю себя в трагическое положение. Может произойти так, что это письмо станет моим завещанием. Но верь мне, что, какие бы слухи ни распространяли враги, я всегда думал лишь о благе друзей и родных.

Дорогой Саад, если со мной что-либо случится, прошу взять на себя заботу об Эльвире и детях. Я не хочу обременять тебя оставшимся после меня наследством, которое, как я уже распорядился, достанется моим детям. Однако твоя преданность моей жене и мне лично заставит тебя, надеюсь, стать достойным опекуном, учителем и вторым отцом малышам.

Что касается спичечной фабрики, то ей, вероятно, придется тем или иным способом погибнуть (национализацию я также рассматриваю как гибель). Я же сделаю все, чтобы гибель ее не повлекла за собой убытков.

Сумму страховки ты разделишь соответственно сделанным нами с тобой вкладам и, надеюсь, не станешь грабить своих племянников.

Прощай еще раз.

Твой старший брат Матур

Если же нарушишь свой долг, будь уверен, тебя достанет карающая рука судьбы».

Владимир Кимович Ли

Майор прислал полный джип автоматчиков во главе с бравым лейтенантом, который тут же выставил посты на острове и погнал двух солдат наверх, в сосновую рощу. Когда я уезжал в Танги, лейтенант сидел на ящике из-под пива под развесистым деревом и допрашивал старосту о том, кто продырявил шины у джипа. Староста нависал над ним как гора и гудел, призывая в свидетелей своей невинности всех богов и духов гор.

Вспольный проводил меня до машины. Он сообщил мне, что намерен отпускать бороду. Я думаю, что это была его давнишняя тайная мечта, но сначала мама не позволяла, потом начальство смотрело косо на бородатых, и наконец он и сам отказался от такой революционной мысли.

Когда я забрался в машину, он подошел поближе и прошептал: — Я загляну в монастырь, посмотрю, все ли там в порядке. Не беспокойтесь, Володя.

Он может быть трогательным.

Я сидел впереди, рядом с шофером. Новый шофер оказался человеком суровым. Он положил автомат на пустое заднее сиденье и время от времени оглядывался, чтобы убедиться, что он никуда не сбежал.

Я никак не мог понять кому может быть польза от того, что наша работа не получится. Кто мог проколоть, шины? В конце концов я пришел к не очень утешительному, но трезвому выводу о том, что виной всему местные суеверия — если слухи о том, что мы ищем золото, овладеют местными массами, то нас могут и побить.

Мы миновали городок Линили, в котором останавливались на пути к монастырю, затем дорога начала взбираться наверх, к Танги. Она была узкой, а перегруженные автобусы неслись как очумелые, забывая сигналить, и порой нам приходилось, пролетая мимо них, повисать колесами в воздухе. Я не стал объяснять шоферу, что люблю тихую и размеренную езду по подобным дорогам. «Водитель, помни, что тебя ждут дома» — такую над-

пись на скале я видел где-то под Хорогом. Справедливое замечание.

И тут машина резко затормозила.

В этом месте дорога делала крутой поворот. На повороте, чудом не улетев в пропасть, упершись смятым радиатором в дерево, стояла только что разбившаяся машина.

Ее передняя дверь была открыта, и из нее вывалился головой вперед мой старый знакомый директор Матур. Видно, его прижало рулем, так как он мог только простирать руки в нашу сторону.

— Стой! — крикнул я шоферу, который намеревался игнорировать, катастрофу.

Я бросил портфель с моими расчетами и лентами датчиков на заднее сиденье и на ходу выскочил наружу.

— Спасите! — призывал Матур слабым голосом. — Спасите! Я погиб!

— Погодите, — постарался успокоить его я, подбираясь так, чтобы взять его под мышки и выволочь наружу. — Сейчас все обойдется. Ничего страшного.

Когда я потянул Матура на себя, он вдруг взвыл таким страшным голосом, что я с перепугу его отпустил.

— Ноги! — закричал Матур. — У меня сломаны ноги!

— Да помогите же мне! — крикнул я водителю, который стоял у джипа, не принимая участия в спасательных работах.

Матур присоединился к моему призыву по-лигонски.

Водитель поглядел на нас, потом наверх, не идет ли какая-нибудь еще машина, протянул руку внутрь, взял с заднего сиденья автомат, словно выполнял неизвестные мне статьи устава лигонской армии, требовавшие обязательного применения автомата при выволакивании из машины пострадавших на горных дорогах.

Я ждал водителя с нетерпением, уговаривая господина Матура немного потерпеть, чего он не хотел делать.

Наконец шофер присоединился ко мне, и мы начали тянуть Матура вдвоем. Матур криками выражал возмущение нашими действиями. Пришлось мне открыть заднюю дверцу и влезть в машину так, чтобы обойти Матура с тыла. Мне не следовало при этом смотреть в окно машины, потому что прямо за ним открывался слишком выразительный вид на стометровую пропасть, подстеленную мягкими на вид вершинами деревьев, растущих на дне. Мне показалось, что машина опасно покачивается. Но отступить было некуда, и я продолжал продвижение впе-

ред, через спинку переднего сиденья, чтобы высвободить сломанные ноги господина Матура. Мало ему было авиационной катастрофы, мало ему было пленения бандитами — нет, он еще умудрился покалечиться на горной дороге.

Наконец я подобрался к ногам господина Матура. Шофер по моему приказу, послушно переведенному Матуром, начал тянуть пострадавшего наружу, а Матур пытался между криками и стонами объяснить, что ехал по своим делам на железнодорожную станцию Митили, но какой-то негодяй чуть не сшиб его с дороги.

Вместо того чтобы нам помогать, Матур сопротивлялся, будто мы хотели выбросить его в пропасть. Но, несмотря на это, мы извлекли господина из машины и, запыхавшись, как после восхождения на Эверест, уложили на траву. Мимо промчался очередной автобус с корзинами мандаринов на крыше, и его пассажиры как один повернули к нам головы и криками выражали негодование, полагая, что мы и есть виновники несчастья господина Матура.

— Как ноги? — спросил я Матура, ощупывая их в некотором страхе натолкнуться ладонью на торчащую кость.

— Больно, — информировал меня Матур. — Я в шоке.

Он закатил глаза и ушел в глубокий обморок.

— Придется взять его на нашем джипе в город, — сказал я шоферу и подкрепил слова пантомимой. Шоферу такая перспектива не понравилась. Он ответил мне длинной тирадой, но я был тверд. Но когда мы попробовали было поднять грузного, килограммов на четыреста живого веса, господина Матура, тот вдруг открыл глаза и сообщил, что ему уже лучше. Он сказал:

— Помогите мне встать.

— Но ваши ноги?

— Я постараюсь, — сказал Матур, и на его глазах выступили прозрачные желтоватые слезы. — Вы не понимаете, — упрекнул меня господин Матур, — что я взял эту машину напрокат и должен буду теперь оплатить всю ее стоимость. Я разорен.

— Ну, ремонт небольшой, — постарался я его утешить. — Радиатор помят, а так все в норме.

— Но кто мне поверит! — возопил Матур, поднимаясь тем временем на ноги и переступая по траве, чтобы убедиться, что ноги в самом деле его держат. — Здесь же нет дорожной полиции.

— Так что же вы предлагаете?

— Ничего. Я останусь здесь и буду ждать грузовик, который вытянет машину на дорогу и отбуксирует наверх.

— Я предпочел бы отвезти вас в госпиталь.

— Ни в коем случае. Я уже почти пришел в себя.

В доказательство этого Матур притопнул и готов был пуститься впрыска. Я остановил его.

— И если я уеду от машины, то какой-нибудь хулиган наверняка столкнет ее вниз. Вы совершенно не знаете дикарей. Я попрошу вашего шофера, и он вызовет грузовик.

Матур обратился к шоферу со страстной речью, всовывая ему в руку какую-то купюру. Шофер отказывался. Я отвернулся, чтобы не смущать собеседников. Когда я вновь взглянул на них, шофер был уже совращен, купюра исчезла, а Матур оперся о свою покоренную машину и поднял руку, благословляя меня в путь.

— Я буду ждать, дорогой друг, — сказал он с чувством. — Я никогда не забуду бескорыстной помощи, которую оказал мне советский гражданин.

Нам ничего не оставалось, как проследовать дальше.

Забираясь в машину, я посмотрел на часы. Была половина девятого. Мы потеряли на спасательных операциях около получаса.

— Поехали, — сказал я шоферу и обернулся к заднему сиденью, чтобы забрать портфель. Но портфеля не было.

Юрий Сидорович Вспольный

Проводив Володю, я собрался в горы. По договоренности с ним я должен был сначала снять ленты с датчика, находившегося в сосновой роще, затем вернуться на остров и проделать там такую же операцию. Более того, я должен был лично проглядеть все ленты и, если пики на них пересекут красную линию, связаться с городом и сообщить обо всем Отару Давидовичу.

Утро было прекрасное, свежее, правда, меня смущали тяжелые облака, вновь нависшие над хребтом.

Двухдневная поросль на щеках зудела, и я некоторое время обдумывал, не сбрить ли мне щетину, однако отказался от этой мысли как по причине спешки, так и потому, что надеялся на защиту дополнительного волосяного покрова от докучавших мне комаров, которые омрачали мое в целом полное интереса существование.

— Я пойду в гору, — сказал я новому лейтенанту.

— Подождите, сэр, — ответил мне лейтенант, который уже допросил старосту и ничего от него не добился. — Сейчас мы кончим чинить джип и отвезем вас на машине.

Я посмотрел на шофера нашего старого джипа, который с помощью сержанта Лаво, отстраненного от командования, латал камеры. На мой взгляд, они лишь приступили к работе и не завершат ее раньше обеда.

— Благодарю за внимание, — сказал я лейтенанту. — Я пройду пешком. Тут всего три мили, а утро хорошее.

— Слушаюсь, сэр, — сказал лейтенант, но когда я прошел десять шагов, то услышал за собой топот. Это был сержант Лаво. Я понял, что без эскорта мне не обойтись, и послушно пошел рядом с сержантом, воспользовавшись случаем для того, чтобы попрактиковаться в разговорном лигонском языке.

Минут пятнадцать мы шли деревней и садом, пока наконец не поравнялись с оградой монастыря. Я вспомнил о своем обещании Володе Ли навестить Лами и узнать, как она живет. Я остановился возле ограды, но в монастыре было пустынно, лишь из-за деревьев доносился нестройный речитатив монахов, распевавших сутры. Я не стал заходить в монастырь и нарушать их дневной распорядок, отложив визит на возвращение.

Пыльная узкая дорога шла в гору. Тревожные облака не застилали солнца, но придавали освещению несколько зловещий оттенок. Я представил себе, с какой сокрушительной силой ударят по этим горам муссонные ливни.

Лаво цокнул языком. Я оглянулся. Лаво стоял, замерев, глядя в кусты, близко подступающие к дороге.

— Что случилось? — спросил я. — Зверь?

И мое сердце невольно сжалось в предчувствии встречи с тигром. Я даже подумал, что хорошо, что Лаво вооружен.

— Нет, — прошептал Лаво, прыгнул в сторону и исчез в кустах. Я остался стоять на дороге. Лес загадочно молчал. Молчали птицы, молчали грозные тучи над головой.

Рядом послышался треск ветвей. Потом крик. Наверно, это Лаво крикнул: «Стой!» Снова тихо. И тут неожиданно раздалась очередь из автомата. Я сделал шаг к стволу большого дерева, чтобы не стоять на открытом месте. Снова тишина.

Минуты через три выше меня на дороге показался Лаво.

— Что же там было? — спросил я спокойно.

— Там люди, — сказал Лаво. — Чужие люди.

— Может, из деревни? — сказал я.

— Нет, не из деревни.

Мы отправились дальше.

— Вы думаете, что это те люди, которые повредили нашу машину?

— Может быть. Но они убежали. Я не стал бежать за ними, потому что я должен идти с вами

Это прозвучало почти укором.

Я немного утомился, потому что дорога шла в гору. Несколько

раз мы останавливались отдохнуть, и Лаво терпеливо ждал, пока я приду в себя. Я подумал о том, что за эти дни я наверняка сбросил килограммов пять. И если дело так пойдет дальше, то к возвращению в Лигон я стану стройным. Это была приятная мысль.

В конце концов, после полутора часов ходьбы, мы вышли на открытое место. Перед нами была пронизанная солнцем сосновая роща, за которой отвесно поднимались освещенные солнцем светлые скалы.

В роще поднимался белый дымок. Солдаты, сторожившие датчик, сидели у костра и играли в карты. Но наше приближение они заметили издали и приветствовали нас, словно соскучились по людям. Датчик был в порядке. Линии не пересекли красную полосу.

Князь Урао Као

Я отправил мать в летний дом. Мать настаивала на том, чтобы ее сопровождал отец Фредерик. Но тот наотрез отказался, потому что считал, что в случае землетрясения его помощь может понадобиться здесь. При миссии была небольшая начальная школа.

Проводив мать, я стал рассуждать о последовательности необходимых действий.

Первое и главное — сделать так, чтобы русские не смогли предсказать землетрясение. К этому было два пути: первый — вывести из строя их приборы. Путь наиболее простой и логичный. К сожалению, перестаравшийся Па Пуо, которого я на свою голову пожалел, закрыл мне этот путь. Повредив джип, он взбесил майора, и тот, чтобы сохранить свое лицо, окружил датчики такой стеной охраны, что для выведения их из строя пришлось бы начать небольшую войну, которая не входила в мои планы. Второй путь заключался в том, чтобы лишить русских документов, на основании которых они делают свои расчеты. К счастью, в этом мне помог капитан Боро. Я знал и о карте (она мне нужна, чтобы представить себе масштабы землетрясения и воспользоваться этим), и о том, что они утром должны были привезти с озера необходимые им для расчетов данные.

С картой ничего не вышло. Зато толстый Матур, который отлично понимает, что, если им удастся эвакуировать предприятия, наша страховка улетучится как дым, постарался на славу. Он так сыграл роль погибающего в автомобильной катастрофе, что русский геолог и его шофер совершенно позабыли, что их машина осталась без присмотра, и унести оттуда портфель бы-

ло делом несложным. Как слабо разбирается в людях старина Сун!

Нет, поистине во мне погиб полководец. Я люблю и умею представлять мир как поле боя, людей — как солдат или офицеров, обыденные и мирные действия — как военные вылазки, разведку боем. Вот и сейчас, облачившись в старый, добрый, привезенный из Лондона халат, взяв в зубы трубку из шотландского вереска, я планирую бои.

Спасибо отважному Матуру — и назовем его отважным, ибо отвага свойственна лишь робкому сердцу. Что за цена храбрости, если носитель ее не осознает всех опасностей, связанных с его поступком. Воспоем же славу трусливому Матуру.

Итак, мы выиграли время. Майор не сможет рапортовать в Лигон. Лигон не даст санкции на эвакуацию.

Я строю свой расчет на том, что чиновник остается чиновником, даже если он одет в мундир. Чиновнику нужны письменные основания для энергичных действий. Представляю, как сейчас буйствует молодой Тильви, как растеряны его русские советники. Небольшая тактическая вылазка с моей стороны лишила их возможности дать лигонскому чиновнику в руки бумажку с точной датой.

Ведь для полковников в столице русские сейсмологи все же злые колдуны! Все обойдется, уговаривают себя полковники!

Подумаем теперь, каковы резервы у противника? Чем он может ответить на мой удар? Объявить эвакуацию сейчас, собственной властью, майор не в силах.

Майор сейчас разрывается в нерешительности, я наблюдаю за ним со стороны, я холоден сердцем. Инициатива в моих руках. Я знаю, что подполковник Кенги, командующий колонной грузовиков, многим мне обязан, и потому он уже сделал важное упущение — он забыл взять запасные бочки с горючим. Я знаю, что капитан Боро, хоть и страшно боится разоблачения, еще с ночи отправил два взвода на рубиновые копи (оправдательную телеграмму мы ему сделали), на которые якобы напал вождь Вао. Этим он обескровил маленький гарнизон Танги и лишил майора возможности подготовить аэродром для приема транспортных самолетов.

Пусть же майор останется без людей и помощи из Лигона, это увеличит его растерянность.

Я буду ждать, когда вздрогнет земля и уничтожит мою собственность, застрахованную от стихийных бедствий! Разорви меня, о небо! Я — игрок, я ставлю на зеро!

Р а п о р т

Капитану Васунчоку

Наш пост из рубиновых копий сообщает, что никакого нападения вождя Вао на копи не было. Капитан Боро на двух грузовиках с бронетранспортером прибыл сюда полчаса назад. Он введен в заблуждение. Никто не посылал телеграммы о нападении.

Дежурный по полицейскому посту сержант Фен Кха

Юрий Сидорович Вспольный

Я заглянул в палатку. Датчик был в порядке, я даже нагнулся и слышал шорох перематываемой ленты. До десяти, когда нужно сменить ленты, оставалось чуть больше часа. Мы пришли слишком рано.

Чайник закипел, один из солдат достал банку сгущенного молока и примерился ножом, чтобы вспороть ее.

Ощущение внутренней тревоги не покидало меня. Час, который мне предстояло провести здесь, казался бесконечным. Я представил, как Отар Давидович и Володя сейчас уже склонились над привезенными лентами, высчитывая дату. Сколько дней, часов, минут отделяет нас от беды? Мне никогда не приходилось попадать в землетрясение. Я читал об этом, но сам никогда не ощущал того ужаса, который охватывает людей, когда самое надежное, что есть на свете, — земля предает тебя и уходит из-под ног, образуя страшные трещины и провалы, сжирающие целые города. Я представил себе, как трещина проходит вот здесь, у меня под ногами, заставляя падать высокие золотоствольные сосны, обнажая корявые корни.

Ответ таился в лентах, которые медленно перематываются в датчике...

Не в силах выдерживать далее напряжение, я медленно пошел вверх по склону, к отвесным скалам.

— Господин! — крикнул мне сержант Лаво. — Сейчас будем пить чай.

— Спасибо, — сказал я, — пейте. Я немного пройдуся.

Лаво нехотя поднялся, чтобы последовать за мной, но я отмахнулся. Он с облегчением снова уселся у костра.

Роща была прозрачная, я отошел далеко, но дымок костра и солдаты, сидящие у него, были отлично видны. Я посмотрел на часы. Прошло всего десять минут.

Роща незаметно кончилась, я шел по открытому лугу, отделившему деревья от скал. Луг был крутой, кое-где по нему были разбросаны каменные глыбы, оторвавшиеся от скал и скатив-

шиеся вниз. Я присмотрелся, стараясь обнаружить в скалах пещеры, о которых говорил сержант Лаво, но ничего не различил. Я решил подойти поближе.

У скал трава лишь кое-где проглядывала сквозь каменные осыпи. К счастью, я вышел на узкую тропинку, протоптанную охотниками или оленями, и пошел по ней вдоль скалистого обрыва. Я не боялся диких зверей или разбойников — был день и местность была открытой. Поэтому, когда я услышал впереди голоса, то совсем не испугался, хотя отступил за громадный обломок скалы и притаился в тени. Что мною руководило? Простая осторожность. Я полагал, что увижу охотника или крестьянина, возвращавшегося с горного поля.

Но человек, показавшийся из-за камня, рассеял мое мирное настроение. Я сразу узнал его, хотя он сбрил усы, и это повергло меня в ужас. Да, я не боюсь этого слова — при виде Па Пуо, бандита, который грозил нам смертью, я испугался. Мне захотелось слиться с камнем. Я поборол внезапно возникшее паническое желание закричать, чтобы прибежали солдаты, но я понимал, что никакие солдаты не помогут, если Па Пуо меня увидит.

И сразу клочки многоцветного одеяла моих подозрений встали на свои места. Вот кто он, наш тайный недоброжелатель, вот кто проколол шины у джипа, кто таился в лесу, когда мы с Лаво шли к приборам...

Па Пуо обернулся к тем, кто шел сзади, и прошипел:

— Тише, здесь же полно солдат.

Встреча с землетрясением

«Мы с женой долго путешествовали, прежде чем помимо своей воли повстречались с одним из самых сильных землетрясений в истории Земли. Нашей целью был сбор образцов флоры в Гималаях для Лондонского музея естественной истории...

Темнота опустилась на долину Верхнего Люнта в восточном Тибете. Наш простой ужин был закончен, и моя жена уже улеглась спать. Я поглядел на часы — было ровно восемь часов.

Неожиданно возник совершенно невероятный грохот, и земля начала яростно содрогаться. Разрывая мертвую вечернюю тишину в этом отдаленном горном убежище, грохот превратился в неумолчный рев. Казалось, что обрушивается само небо. Встревоженный, потрясенный, но тем не менее не потеряв любопытства, я вскочил и высунул голову из палатки. Вокруг стояла полная темнота, и мне показалось, что черный гребень гор на фоне неба задрожал. Лес на склоне горы трепетал, как под бурей.

Мы выскочили из палатки, но новый толчок бросил нас на землю.

...Землетрясение продолжалось. Громадные горы попали в лапы силе, которая трясла их, как терьер трясет крысу. Порой кто-то словно начинал

молотить по земле гигантским паровым молотом. Казалось, что земля, на которой мы лежим, не более как тонкая оболочка, протянутая через долину и укрепленная концами за бока гор.

...Прошло несколько недель, прежде чем мы узнали о размахе землетрясения. На пространстве более тысячи квадратных миль оно превратило местность в сплошной хаос. Вся связь была прервана. Лавины погребли под собой целые деревни и перекрыли реки. А когда эти плотины прорвало, разрушительные потоки хлынули вниз по долинам, сметая все на своем пути...»

Ф. Кингдом Уорд, «Пленники Ассамо-тибетского землетрясения»,
«Нейшнл Географику». Нью-Йорк, март 1952 г.

Капитан Васунчок

— Ну, что будем теперь делать? — спросил меня майор Тильви, присаживаясь у моей кровати. Рука его беспокоила. Он произвольно поглаживал ее здоровой рукой. Он вернулся рассказать мне о новой беде.

Я посоветовал ему отпустить Матура — ничего его задержание не даст. Он к портфелю не прикасался.

— Я его отпустил, — сказал Тильви.

Он чуть улыбнулся. Я знал, что он не поверил ни единому слову директора.

— Что обещают русские? — спросил я.

— Профессор обещал все уладить.

— Как?

— Он сказал, что его помощник помнит основные цифры.

— Когда они дадут ответ?

— До обеда.

— Но теперь они могут ошибиться.

— На озере остался советник из посольства. Он прочтет записи, которые приборы сделали за сегодняшнее утро, и через час передаст их сюда.

Мы помолчали. Тильви уже несколько раз связывался с Лигоном, но бригадир Шосве вылетел на юг, где еще держались сторонники Джа Ролака, а как бывает в такие моменты, бригадир был единственным человеком, который мог принять решение. Его военные помощники были настолько поглощены делом жом власти, что землетрясение в далеком горном районе казалось им не стоящим внимания, которое уделял ему бригадир. Они настаивали, чтобы Тильви сообщил им точный срок землетрясения.

— Вернулся капитан Боро, — сказал Тильви.

— С солдатами?

— Нет, один. Оказалось, что тревога преувеличена. Правда,

кто-то ночью стрелял, но кто и почему — не выяснили. Он оставил солдат с лейтенантом, а сам вернулся.

— А где вождь Вао? — спросил я.

— Боро говорит, что он скрывается в том районе. Поэтому он и оставил солдат.

— Вождь Вао уже две недели как перешел тайскую границу и не возвращался обратно! — воскликнул я. — Каждая сойка в горах об этом знает.

— Значит, Боро ошибся, — сказал Тильви равнодушно. Голова у него была занята другими проблемами. Пока у меня не было уверенности в том, что Боро состоит на жалованье у князя, я не считал себя вправе говорить об этом.

— Ты же остался без людей, — возмутился я.

— Полчаса назад спустился транспортный самолет с двумя саперными взводами из первой гвардейской дивизии. Эти солдаты получше, чем гарнизон Боро.

Я решил. Такого момента больше не представится. Мне ведь нужен всего один день...

— Значит, у тебя есть люди... Ты не дашь мне на день десять человек?

— Откуда у меня... — и тут же он рассмеялся. — А зачем тебе?

— Ты знаешь, с севера из Китая и Таиланда через округ Танги идет опиум. Контрабандисты имеют сильных покровителей, и мы не можем обратиться к людям в горах: некоторые из них сами вовлечены в эту торговлю, большинство боятся рот раскрыть — здесь такой клубок больших денег, мелкой политики и опасных интриг...

— Я понимаю, — сказал Тильви. — И знаю, почему ты, дядя, оказался в госпитале.

— Так вот, — сказал я, — у меня есть сведения, что известный тебе Па Пуо жив, что он состоит на службе у князя Урао и что груз контрабанды, спрятанный у озера Линили, был виной гибели твоего самолета...

Приказ по гарнизону округа Танги. 14 марта. 10 час. 10 мин.

Команданту города капитану Боро

Приказываю Вам немедленно проследовать в район сосновой рощи в трех милях южнее монастыря Пяти золотых будд, взяв с собой отделение солдат 1-й гвардейской дивизии, а также группу полицейских.

В пещерах за сосновой рощей Вы должны захватить и доставить в Лигон находящийся там груз опиума.

Вы должны принять все меры к задержанию лиц, охраняющих этот груз, и в первую очередь скрывающегося в этих местах известного бандита Па Пуо. Указываю на необходимость взять Па Пуо и его сообщников живыми.

Операцию проводить по мере сил скрытно. В случае необходимости можете воспользоваться поддержкой группы, охраняющей приборы геологов на озере Линили.

Транспорт в количестве двух машин предоставляется полицейским управлением.

В составе полицейской группы будет находиться проводник.

Исполнение приказа немедленно по получении.

Комиссар округа Танги Тильви Кумтатон

Князю Урао Као

«Пишу в спешке. Только что меня вызвал Тильви Кумтатон. Дает десять солдат и посылает с полицейскими к пещере за монастырем. Он получил сведения от полицейского капитана, что в пещере груз. Выезжаю немедленно на полицейских машинах. Особый приказ — поймать живьем Па Пуо, который, как они думают, скрывается в пещере. Майор сердит за то, что я оставил солдат на рубиновых копиях. К нему только что прибыл самолет с двумя взводами из 1-й дивизии. Вечером будут еще самолеты. В ближайшие дни нам лучше не встречаться.

Без подписи».

ТЕЛЕГРАММА

Танги срочно комиссару ВРК майору Тильви Кумтатону из Лигона 10.40 14 марта

До сих пор не имеем сведений сроке объясните причину задержки сведений в ином случае приостанавливаем высылку средств транспорта необходимого в других местах

полковник Ван

Князь Урао Као

Что ж, в ответ на мои вылазки враг предпринял меры. Я сидел в библиотеке, держа в руке донесение Боро.

В дверь сунул голову слуга и сказал, что меня хочет видеть отец Фредерик.

Отец Фредерик мог входить ко мне без предупреждения, но никогда не пользовался этим правом, и каждый раз мы разыгрывали небольшую светскую комедию.

— Что привело вас ко мне, наставник? — спросил я.

— Вряд ли я имею право считаться твоим наставником, — ответил старый миссионер. — Наставник тот, кто может похвалиться плодами своего труда, я же не имел возможности и вре-

мени уделять внимание твоему образованию, Као. И не таким я хотел тебя видеть.

— Лучше?

— Это субъективный вопрос. Для кого лучше? Наверно, если бы я мог, то создал бы из тебя человека, негодного к реальной роли, которую ты играешь в горах.

— Вы бы испортили меня?

— Боюсь, что искалечил бы тебя морально.

— Поясните, отец.

— Понятия добра и зла невероятно разнятся. Ты смешение двух культур. Твой отец — буддист — он не знал греха и не знал Бога, его жизнью руководила неумолимая карма, накапливавшая сумму деяний для последующего рождения. Твоя мать — христианка, вечно одержимая страхом перед Богом, для которой грех очевиден и наказание за него конкретно. Твои подданные буддисты...

— Среди них немало анимистов.

— Не в этом суть. Ты формально буддист и остался им, хотя приобрел не свойственный для буддиста цинизм, рожденный Западом. Что бы дало тебе мое воспитание? Груз христианского страха перед Богом или внутреннюю борьбу с грехом? Вернее всего, лицемерие, рожденное из неестественного симбиоза.

— Но почему так пессимистично?

— Я верю, что ты мог стать неплохим правителем для своего народа, не вторгнись западный мир в твои горы. Но ты не сможешь быть им, потому что ты забыл о буддийском равнодушии к деньгам и власти.

— Много вы знаете буддистов, которые отвечают вашему идеалу?

— Я говорю о психологии вообще, не о конкретных людях. А знаешь ли ты собственный народ? Ты европеец в том, что эти люди для тебя лишь средство для достижения земных целей. Но в тебе нет Бога, страх перед которым удерживал бы тебя.

— Вы говорите, как буддийский проповедник.

— Я признаю мудрость буддизма. Я очень долго жил в этой стране. И мне горько видеть тот средний путь между мирами, который ты избрал. Он ведет к бедам не только тебя, но и твой народ.

— Не говорите об этом матери, — попытался я отшутиться. — Она разочаруется в вас. Она во мне души не чает.

— Зачем? Ты мне как сын. Но сын, на которого я иногда готов призвать кару Господню.

— Как сын? Скажите, отец, меня мучает мысль...

— Мысли не мучают тебя, а забавляют. Не будем говорить об этом...

— О чем же тогда говорить? Зачем вы пришли?

— Я скажу.

Я видел, что старик взволнован. Его серые щеки порозовели, мешки под глазами, темные от лихорадки, которая не раз трепала старого миссионера, набухли, и я подумал о том, как близок этот старик к концу своего существования, к итогу жизни, не принесшей ни славы, ни удовлетворения. Он пытался совратить наш народ в чужую для него веру, и хоть успехи его были невелики, даже то, что удалось, обернулось в конце концов против него самого. Ну что же, он белый человек, и ему нечего делать в нашей стране. Я в более выгодном положении. Я знаю и понимаю белых людей, я знаю и умею повелевать моими соотечественниками. Мне пришлось потерять на этом пути некоторые иллюзии, которые старик называет моральными достоинствами. Не мне скорбеть об этом.

Славная идея родилась между тем в моей голове. Мне следовало обезвредить моего главного врага — нет, не наивного майора, а Васунчока. И я догадался, как мне пресечь его назойливую и бессмысленную деятельность...

— Говорите, отец, — сказал я, призвав на помощь свою кембриджскую выдержку. — Продолжайте.

— Я хотел сказать о твоём участии в контрабанде наркотиками.

— Что?

— Не надо удивляться. Я думаю, что ты не так наивен, чтобы полагать, что твоя тайна нечто большее, чем секрет полишинеля. Если бы это была контрабанда, скажем, золотыми часами, я не стал бы вмешиваться в твои дела — не потому, что я аморален. Я знаю, насколько трудно изменить обычаи гор. Контрабанда — вечная беда этих мест. Но контрабанда наркотиками — особое дело.

— Почему?

— Потому, что ты несешь смерть тысячам молодых людей в других странах, ты бросаешь их на дно человеческой жизни ради денег, которых у тебя и без того довольно.

Старик распалился и являл собой жалкое зрелище. Я не хотел бы, чтобы его хватил удар в моей библиотеке. Но я не мог оставить его обвинения без ответа.

— Слушайте, — сказал я сдержанно. — Во-первых, мне нет дела до хлюпиков, которые травят себя. Во-вторых, если я не буду заниматься этим, найдется другой — вы не можете пресечь торговлю наркотиками... И третье — мне нужны деньги. И не для себя, а для освобождения моего народа от власти лигонцев...

— Ах, чепуха!.. — сказал старик, и этим так разгневал меня, что я встал и вышел из комнаты, чтобы не видеть этого дряхлого моралиста. И выйдя, я вспомнил, что побудило меня к этому. Я должен был отдать распоряжения.

Когда я вернулся через десять минут в библиотеку, остыв и не сердясь более на отца Фредерика, который, как и любой человек, имеет право на убеждения, старика уже не было. Ну ладно, пусть его христианский Бог убережет его от апоплексического удара. Я подобрал со стола донесение Боро. Надеюсь, что отец Фредерик достаточно тактичен, чтобы не читать чужих записок.

Я разорвал записку Боро в мелкие клочки и поджег ее в пепельнице.

Теперь наступила моя очередь вступать в бой. Я приказал подать машину. Надеюсь, Боро еще не выехал к озеру. Иначе он не стоит тех денег, которые я в него вложил.

Юрий Сидорович Вспольный

Я не потерял способности рассуждать трезво и спокойно. Если я побегу за солдатами, находящимися от меня более чем в полукилометре, то к этому времени бандиты скроются в скалах. Значит, я должен проследить, куда они идут. Я последовал за ними, перебегая от камня к камню и ни в коем случае не показываясь на открытом месте, так как понимал, что бандиты знают здесь каждый камень. Я же городской житель, и лишь уверенность бандитов в себе может обеспечить мне некоторую безопасность.

Тропинка вышла на открытую осыпь, и бандиты направились наверх, к расщелине в скалах.

Я подождал, пока они скрылись, и избрал иной и более трудный путь, чтобы добраться до скал, не пересекая открытого пространства. В некоторых местах мое продвижение было сильно затруднено препятствиями, и я даже разорвал последние брюки и сильно оцарапал себе руку. Однако через несколько минут пути я дошел до расщелины и присел на корточки, прежде чем заглянуть за поворот, так как полагал, что часовой, если таковой там есть, смотрит на уровне своих глаз и меньше шансов, что он заметит мою голову, выглянувшую у самой земли.

Мои опасения оправдались, и я похвалил себя за осторожность, которая оказалась нелишней. Совсем близко, метрах в трех от меня в расщелине стоял часовой с автоматом поперек груди. Он курил большую завернутую в кукурузные листья сигару и смотрел на озеро.

Я отпрянул назад. Просто чудо, что он не услышал моего приближения. Я постарался отойти, но из-под моих ног посыпались камешки, и я замер, с ужасом чувствуя, как осыпь под моими ногами предательски движется, стягивая меня вниз.

Капитану Васунчоку

«Дорогой друг!

Должен сообщить тебе грустные новости, которые еще раз заставляют меня усомниться в людской доброте. Только что мне попала на глаза записка, сочиненная тем, кто получил приказание от майора Тильви немедленно отправиться с солдатами в горы, к пещере. Этот офицер успел переслать изложение приказа князю, и тот в курсе дела. Я наконец-то решился высказать князю кое-что об аморальности торговли наркотиками, но князь со свойственной ему легкостью цинично опроверг все мои доводы.

Боюсь, мой дорогой друг, что уважаемому Махакассапе, к которому я питаю глубокое и искреннее уважение, может грозить опасность.

Не хотел бы тебя беспокоить, зная, что ты не оправился от раны, но положение серьезно».

ТЕЛЕГРАММА

Танги комиссару ВРК Тильви Кумтатону срочно из Бангони 11.35

Колонна грузовиков задержана в Бангони нехватки бензина ожидаем бензовоз вызванный с авиационной базы прибытие транспорта задерживается принимаем все возможные меры

*командир колонны подполковник
хозяйственного управления Кенги*

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТЕЛЕГРАММА

*Танги профессору Котрикадзе из Москвы 9. 20 14 марта
Зарегистрирована критическая точка в районе Танги события развиваются скорее чем хотелось бы надеемся вы в курсе
Сидоров*

Отар Давидович Котрикадзе

Ах, Матур, ах, лукавец! Уж очень быстро ты забыл о своих переломанных ногах...

Положение осложнилось тем что я сомневался в памяти Во-

лоди. И вот почему. Он утверждал, что резерва времени у нас почти не осталось, всего день, может, чуть больше. Володя был непреклонен. Он себе верил.

— Когда будет звонить Вспольный? — спросил я.

— В час. Он снимет ленты с датчика в роще, потом вернется, проделает то же на острове и позвонит нам.

Я решил дозвониться до острова. А вдруг Вспольный вернулся раньше? Мне помогал наш связист, а потом и подошедший Тильви, которому не сиделось у себя, наверно, не только из-за наших дел, но и от желания избавиться от нескончаемого потока телеграмм, распоряжений, указаний и советов, исходящих из столицы. Остров долго не отзывался. И когда в конце концов связист сказал: «Есть», я не поверил своему счастью.

— Вызывайте Вспольного, — сказал я Тильви.

Тильви заговорил. Мне нравится лигонский язык — он певуч, и когда двое разговаривают, кажется, что они ведут речитативом сложный оперный дуэт.

Тильви обернулся ко мне, прикрывая трубку ладонью.

— Господин Вспольный уехал утром в горы.

— Я так и думал, — успокоил я Тильви. — Он должен проверить приборы в сосновой роще за монастырем.

— Где?

— В сосновой роще.

Тильви был встревожен.

— Только не вешайте трубку, майор, — сказал я. И спросил у Володи: — Телефон далеко стоит от датчика?

— В двух шагах. Под тем же навесом.

— Отлично. Вы с кем разговариваете, майор?

— Со связистом.

— Спросите его, видит ли он серый блестящий ящик, похожий на передатчик.

— Да, видит.

— На той стороне его, где три окошка со стрелками, внизу ряд переключателей.

— Да, он видит.

— Пускай он повернет вправо крайний левый переключатель. Раздастся щелчок.

Тильви перевел мои указания. Через минуту сказал:

— Он так сделал.

— Теперь, отведя вниз кнопку, он может открыть сбоку крышку.

— Он сделал.

— Внутри он увидит кассету. Вы сможете объяснить ему, что такое кассета от магнитофона?

Снова пришлось ждать. Пока мы ждали, я растолковал Тильви, как отмотать ленту.

— Мне нужно только одно, — сказал я, — чтобы ваш связист внимательно следил, разматывая ленту, за тем, как идут нарисованные на ней черные зигзаги. Как только он увидит, что острый пика достало до тонкой красной линии, идущей вдоль ленты, или пересекло ее, он должен сообщить нам, какая цифра соответствует этой точке. Цифры идут по нижнему краю ленты и сверху, над красной линией. Нижние цифры — черные, верхние — синие, они могут быть напечатаны не совсем ясно. Если у него возникнут сомнения, пускай скажет нам соседние.

Тильви долго объяснял связисту, это было похоже на детскую игру в испорченный телефон, и, когда посреди монолога Тильви связь все-таки прервалась, острый упрямый подбородок майора еще более выдался вперед, ноздри раздулись, он боролся с техникой, как с драконом, и я отлично представил себе Тильви лет через двадцать в чине генерала, возглавляющего еще какой-нибудь переворот или как минимум большие маневры.

Когда связь наконец восстановилась, Тильви на всякий случай повторил все инструкции, и еще минут через пятнадцать мы начали получать сведения с озера.

Пиков за пределами критических было куда больше, чем я ожидал, и больше, чем мы имели в Танги, — информация шла из эпицентра. Связь еще раза два прерывалась, и когда наконец мы кончили запись, я взглянул на часы и понял, что прошло больше часа.

— Спросите их, — попросил я Тильви, — Вспольный еще не возвращался?

— Я уже спросил, — сказал Тильви. — Может, у лодки сломался мотор...

— Передайте, чтобы, как только вернется, сразу нам звонил.

— Я уже сказал.

Майор сел на стул в углу и задумался, глядя прямо перед собой.

Ему пришлось ждать еще минут двадцать. Я хотел быть совершенно уверен.

— Ну вот, майор, — сказал я. — Должен вас огорчить. Землетрясение начнется завтра примерно в шестнадцать часов по местному времени.

Если я ожидал бурной реакции — возмущения, паники, растерянности, я ошибался. Тильви буднично спросил:

— А раньше может быть?

— Нет, это самый ранний срок. Девяносто процентов за то, что землетрясение будет после шестнадцати часов.

— Пускай так, — сказал майор. — Лучше, если будет еще светло. — Он встал. — Я пошел, — сказал он. — У меня чуть больше суток.

— Да, — согласился я, — чуть больше суток.

Когда майор ушел, Володя сказал:

— Я поеду обратно. Куда-то Вспольный запропастился.

— Перекуси сначала. На столе кофе и сандвичи.

ШИФРОВАННЫЕ РАДИОГРАММЫ

Лигон ВРК бригадир Шосве полковнику Вану из Танги 12.20

Точный срок события шестнадцать часов 15 марта подтвердите разрешение срочной эвакуации населения и ценностей ускорьте прибытие колонны грузовиков где второй транспорт с саперами жду медиков и припасы сообщите меры помощи

комиссар ВРК Тильви Кумтатон

Танги комиссару ВРК Тильви Кумтатону из Лигона 12.45

Подтверждаем получение радиограммы отдан приказ переброске горючего колонне грузовиков вертолетами с авиационной базы подполковник Кенги отозван Лигон транспортный самолет саперами и медиками вылетает через три часа готова ли посадочная площадка обеспечить прием и размещение предлагаем начать немедленно эвакуацию госпиталя школ промышленных предприятий обеспечить поддержку политических организаций совета горных феодалов

бригадир Шосве

Князь Урао Као

— Вы не будете возражать, уважаемый господин капитан, — сказал я, входя в палату, — если я отниму у вас пять минут драгоценного времени? Я очень спешу, но счел своим долгом навестить вас.

— Что же, — сказал Васунчок, — я ждал, что вы придете, князь. Одну секунду... Капрал, эту записку немедленно пошли с нарочным майору Тильви Кумтатону.

Он протянул полицейскому конверт. Дорого бы я дал, чтобы узнать, о чем доносит Васунчок новому хозяину.

— Как ваше здоровье? — осведомился я. — Когда мы можем надеяться увидеть вас снова здоровым?

— Боюсь, что я уже не вернусь на свой пост, — ответил мне старый шакал. — Уйду в монастырь и там закончу свои дни. Надо взяться за мое дело кому-то помоложе.

— Ну что вы, капитан, — возразил я. — Кто может быть энергичнее вас? Именно ваша непреклонность вызывает наше искреннее восхищение и желание видеть вас на этом ответственном посту еще многие годы.

Голова полицейского была забинтована так, что он казался старушкой из горного селения, укутанной в платок. Кожа лица была желтой, болезненной, но глаза блестели и не отрывались от моего лица. Его даже пули не берут. Я взглянул на часы. Времени было в обрез. Капитан Боро уже в пути. Мои резервы на исходе, а враги в любой момент могут получить подкрепление из Лигона. Поэтому я начинаю штурм их линии обороны. Ее фортов. Один из опорных пунктов — этот немощный старик.

— Какое же дело заставило столь занятого человека снизить до больного старика? — спросил капитан.

Я оглянулся. Полицейский стоял в дверях. Капитан ценил свою скромную персону, не смел остаться без охраны.

— Прикажите полицейскому выйти, — сказал я.

— Выйди, — сказал капитан. — Постой в коридоре.

— Я несколько раз старался найти с вами общий язык, — сказал я.

— Меня нельзя купить.

— Я не о деньгах. В интересах округа, чтобы между нами царило понимание.

— У вас было полное понимание с губернатором. Это мешало мне, потому что я не раз получал приказ остановиться на полпути.

— Губернатор — это наше прошлое. У меня с ним были свои разногласия, я никогда не считал его своим другом. Зато вам теперь повезло. В качестве комиссара вы получили родственника.

— Это не относится к делу.

— Мы квиты. Однако я все еще надеюсь, что мы договоримся. Хотя бы перед лицом бедствия, которое надвигается на наш город.

— Вы хорошо информированы, князь, — сказал капитан. — И когда же, по вашим сведениям, оно нагрянет?

— Неизвестно, — сказал я печально. — Русский геолог, ко-

торый вез бумаги в Танги, умудрился потерять их по дороге. Теперь русские говорят, что не могут сказать точного срока.

— А мне сказали, что документы у русского геолога кто-то украл. И, возможно, не без помощи Матура.

— Ну вот, видите, как легко распространяются в нашем городе слухи. Мне горько сознавать, что подозрение пало на достойного человека, который приехал сюда по своим делам, не имеющим отношения к землетрясению.

— Покупать спичечную фабрику?

— Как заблуждаются те, кто считает вас больным и немощным. Вы, господин капитан, как орел, с высоты обзирающий мелочную суету и человеческие деяния.

— Меня удивляет это решение господина Матура. Он делец, а никто из дельцов не стал бы покупать фабрику, которую могут в любой момент национализировать.

— Предположим, что господин Матур плохой делец, предположим наконец, что в страхе перед национализацией старый владелец продал ее Матуру за бесценок.

— Тантунчок? За бесценок?

Я предпочел оставить эту тему. Старик умело уводил меня от главного разговора.

— Господин капитан, я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать сделки господина Матура.

— Почему же? Господин Матур ваш близкий друг...

— Я мог бы подружиться с вами, но никогда с бенгальским торговцем... Я пришел к вам с просьбой.

— С просьбой?

— Как вы знаете, мое сердце давно раскрыто в сторону вашей прекрасной дочери. Более того, Лами привлекла к себе симпатии моей матери, что сделать нелегко. Я, как вам известно, веду себя по отношению к Лами как джентльмен. Ни разу не воспользовался влиянием для того, чтобы привлечь Лами. Мне хотелось бы, чтобы ее сердце открылось навстречу моему по доброй воле...

Он не отвечал. Может быть, устал. Я продолжал:

— Склоняясь расположением к вашей уважаемой дочери, господин капитан, я рассматриваю вас как моего отца. Я не обращаю внимания на ваше нерасположение ко мне, потому что оно мотивируется служебным долгом. Через своих людей с громадным трудом я достал и передал с Лами лекарство для вас...

Капитан поморщился. Не сдержал злости, шакал.

— Я так и думал, — сказал он тихо. — Она обманула меня.

— Не сердитесь на Лами за ложь. Я лично просил ее не открывать правду. Что за радость мне добиваться вашего расположения подарками! Мы оба мужчины и понимаем, что лишь наши достоинства могут нас сблизить.

Я уже потерял пятнадцать минут. Машины капитана Боро едут к сосновой роще.

— Я пришел просить вашего согласия на то, чтобы Лами стала моей женой.

Ну сколько можно молчать! Ни один полицейский капитан в Лигоне не мог мечтать о такой чести. Я мог сделать предложение в Лондоне любой баронессе, я мог, наконец, жениться на правнучке последнего короля Лигона, но я делаю предложение дочери капитана полиции. Во мне бушевал восточный князь. Западный же джентльмен понимал, что среди сотен невест, которых подсовывали мне соседние вельможи или благонамеренные родственники, не было ни одной женщины, которая могла бы составить мне пару не только в этих диких горах, но и в любом европейском городе, которая была бы не традиционной дурой-супругой, сидящей в горном доме и плодящей детей, а дамой, достойной встать рядом со мной на самой высокой платформе под лучами юпитеров — подобно Жаклин Кеннеди. Ибо выбор жены в наши дни — это не вопрос престолонаследия. Старые феодальные традиции — фикция, которую могут стереть с лица земли росчерком пера чиновник в Лигоне или демонстранты с дурацкими лозунгами. Женитьба — это союз, который должен хорошо смотреться на экранах телевизоров.

— Что стоит за вашей просьбой? — нарушил молчание капитан.

— Я вас не понял.

— Почему вы пришли за этим сейчас, в спешке, когда в любой момент может начаться землетрясение?

— Именно поэтому, отец, — сказал я. — Мы переживаем дни, которые могут прервать нить нашей жизни. И я хочу успеть...

— Неубедительно, князь, — сказал капитан. — Давайте вернемся к разговору через месяц.

— Могу ли я считать, что мои слова приняты благосклонно и я впредь могу именовать вас отцом?

— Подождите, князь. — Старый шакал не верил в мою искренность. И был прав. — Мы еще не спросили Лами.

— Я сам спрошу ее.

— Вы не увидите ее в ближайшие дни.

— Я надеюсь увидеть ее сегодня. На озере. Вам не скрыть красавицу от воина, едущего на боевом слоне... — Я весело засмеялся.

— Хорошо, князь. Я не могу вас останавливать. Вы хотели еще что-нибудь сказать?

— Да, отец. Только два слова. Комендант Танги капитан Боро вместе с вашими полицейскими уехал в сосновую рощу за монастырем. Кто-то сообщил полиции...

— Продолжайте, князь, — сказал полицейский. — Что уж таиться между родственниками. Боро вам сам доложил. Сколько он получил от вас в последний раз? На помощь беспризорным детям?

— Хорошо же, — сказал я, стараясь, чтобы угроза в моем голосе не была слишком очевидной. — Меня тоже устраивает откровенный разговор. Капитан Боро, вернее всего, не сможет отыскать пещеру с грузом.

— Чем же я могу ему помочь?

— Ничем. Но остаются ваши полицейские. Капитан Боро — трус. При них он не сможет действовать, решительно. Я же не могу рисковать грузом. В нем будущее нашего с вами народа.

— Там наркотики. Опиум, который вы получили десятого марта. Там же лежит не отправленный ранее груз, из-за которого я получил три пули от ваших людей.

Полицейский говорил размеренно и тихо. И я понял, что он ненавидит меня. Это было неприятно. Я предпочитаю, чтобы люди относились ко мне хорошо, и потому, если приходится причинять кому-нибудь боль, я делаю все возможное, чтобы мое имя с этим не было связано.

— Нет, отец, — сказал я, — вас обманули. Там лежит оружие. Вернее всего, оно не понадобится. Но если груз обнаружат, это будет великолепный повод для военной хунты обрушиться с репрессиями на горцев и лишить нас остатков самостоятельности.

— Нас — это князей?

— Нас — это народы гор. И потому я униженно прошу вас, отец, во имя наших родственных отношений, во имя справедливости, послать записку — три слова вашим полицейским, отзывая их назад. Вот и все. Полицейские очень нужны в городе, потому что приближается землетрясение и надо следить за порядком. Я сам передам им записку.

— Нет, — сказал капитан.

Я почувствовал почти непреодолимое желание вытащить пистолет, висящий у меня под мышкой, и всадить пулю в эту желтую голову. Но это слишком рискованно.

— Хорошо, — сказал я, поднимаясь, потому что князь Урао Као не может просить об одном дважды. — Я уезжаю. Надеюсь, что вы сохраните наш разговор в тайне.

Капитан не ответил.

— Надеюсь также, — продолжал я, — что вы пошлете мне требуемую записку с нарочным. У вас же есть дежурный мотоциклист.

— Нет.

— На этот раз я не прошу. Я просто выражаю надежду. Я надеюсь, что ради счастья и безопасности вашей дочери вы сделаете это. А также ради безопасности старого Махакассапы, которому не стоило на старости лет становиться осведомителем. И чтобы у вас не оставалось сомнений, я заявляю, что отныне беру на себя безопасность Лами. Сведения о ее местонахождении я сообщу вам в обмен на записку. Иначе мне придется расправиться и с полицейскими, и с некоторыми другими людьми.

И тут нервы капитана не выдержали.

— Стойте! — крикнул он. — Сержант! Задержи его!

Я быстро направился к двери. Сержант влетел в нее и в растерянности замер на пороге. Я отшвырнул его. Серебряная серьга в правом ухе сержанта указывала, что он из племени Лоз, которое уже триста лет вассал моего княжества. Сержант не смел задержать меня, но крики капитана подстегивали его. У выхода я обернулся. И моим глазам предстало неприятное зрелище.

Я видел, как капитан, похожий на привидение, обмотанный бинтами, в простыне, волочащейся за ним по полу, цепляясь за косяк двери, пытается выйти в коридор. Он тянет ко мне желтую руку, и пальцы дергаются в воздухе, как у мартышки, которая никак не может схватить банан. Он захрипел, и струйка крови прочертила подбородок. Сержант бросился к нему. Надеюсь, теперь капитан одумается, подумал я, подбегая к машине. Мои телохранители на заднем сиденье смотрели на меня, разинув рты. Они никогда не видели, чтобы их повелитель так спешил.

Пока что я двигался на шаг впереди моих оппонентов. Но это преимущество уменьшалось с каждой минутой, и, если я не буду энергичен, оно может исчезнуть вообще.

Я приказал шоферу пересесть назад, и он едва успел это сде-

лать, как я рванул машину вперед. Времени оставалось в обрез. А мне еще надо было заехать в монастырь свести кое-какие счета с неблагодарным человечеством.

Майору Тильви Кумтатону

«Сейчас получил сведения: без всякого сомнения, капитан Боро — человек князя. Он сообщил ему о твоём приказе.

Васунчок».

Майор Тильви Кумтатон

В комендатуре я сразу пошел к связистам. Минут двенадцать я читал радиogramмы, полученные в мое отсутствие, и составлял ответы. Когда я вышел оттуда и поспешил к себе в кабинет, меня догнал полицейский, который сказал, что у него ко мне записка от капитана Васунчока. Я взял конверт, и тут же меня отвлек связист, получивший новую радиogramму из Лигона. Я сунул конверт в карман и принялся за радиogramму. А потом, к стыду своему, забыл о конверте. Если бы я прочел записку сразу, то мог бы избежать многих осложнений.

В кабинете меня ждал бургомистр Джа Локри. Он сидел за моим столом, черкая что-то на бумаге. Я поглядел с неприязнью на его высушенную клерковскую фигурку, на большие очки. Я подозревал, что кто-то из близких мне людей информировал противников о наших планах. Скорее всего им был бургомистр.

— Что у вас? — спросил я с порога.

Рука болела. Было такое ощущение, словно кто-то загонял в нее острые иглы. Я боялся, что началось воспаление.

— Я принес план эвакуации, — сказал бургомистр смиренно. Мой воинственный вид его смутил. — Как мы договаривались.

— Вы никому не рассказывали?..

— Даже жене, клянусь вам.

Я подошел к столу, и бургомистр быстро поднялся, чтобы уступить мне место. Это еще более разозлило меня. Я заранее был готов к тому, что его план — чепуха.

— Вот список того, что надо эвакуировать в первую очередь, — сказал он, протягивая мне лист бумаги, исписанный ровным аккуратным писарским почерком.

Пока я пробежал взглядом список, он спросил:

— Срок еще неизвестен?

— К сожалению, известен, — сказал я, подчеркивая крас-

ным карандашом некоторые строчки... Карандаш шел криво, царапая бумагу, и я испытывал странное удовлетворение от того, что разрушаю произведение каллиграфического искусства, над которым бургомистр корпел всю ночь.

— Срок — четыре часа пополудни. Завтра.

— Ох, — сказал бургомистр. — Я так надеялся...

И вдруг вся моя злость испарилась. Передо мной стоял худой пожилой человек в очках с толстыми стеклами. Человек этот был расстроен и подавлен диагнозом, в который он до последней минуты старался не верить. Это был его город, в нем жили его друзья и родственники, здесь ему был знаком ~~каждый~~ каждый дом и почти каждая семья. Для него смерть этого города была подобна смерти близкого человека...

— Садитесь, господин бургомистр, — сказал я ему. — К сожалению, мы не можем ничего изменить.

— Да-да, конечно, — сказал бургомистр, садясь напротив меня. — Но всего один день... Я не предполагал...

— И я не предполагал.

— Здесь в списке...

— Погодите, — сказал я, отпирая ящик стола и доставая карту, принесенную мне профессором Котрикадзе.

Карта была разрисована концентрическими кругами, которые были похожи на изображение возвышенности на военной схеме. Вершина этого холма — самый маленький круг — у западного берега озера Линили, он захватывал островок на озере, деревню и монастырь Пяти золотых будд. Это эпицентр землетрясения, где толчки будут самыми сильными. Второй круг проходил через городок на северном берегу озера и длинным неровным овалом охватывал все озеро, прибрежные деревни и часть хребта на западном берегу. Город Танги и западная оконечность плато попадали внутрь третьего эллипса, на котором было написано: «8 — 9 баллов», что означало почти полное разрушение города.

— Мы должны, — сказал я, — решить, куда мы будем эвакуировать людей и имущество.

— Я полагаю, вниз, к железной дороге.

— До железной дороги сто миль. Кроме спуска с плато к озеру, на пути еще два перевала. Боюсь, что мы ничего не успеем сделать. Посмотрим в другую сторону.

Я провел карандашом линию по дороге, которая вела из Танги на плато, на восток, к рубиновым копям. Когда карандаш вышел за пределы последнего круга, я поставил точку.

— Нет, — сказал Джа Локри. — Все равно придется ехать почти сто миль по плохой дороге.

— Что же вы предлагаете?

— Вот здесь, — сказал он, показывая на точку примерно на середине красной линии, проведенной мной, — стоит большая деревня Моши. Она расположена в широкой высокогорной долине. Я знаю эти места. По вашей карте землетрясение здесь будет силой 3 — 4 балла. Это опасно?

— Я спрошу профессора.

— И дорога до Моши приличная, без перевалов.

— Часть палаток уже прибыла, — сказал я. — Штук сто. Они восьмиместные, солдатские. Сегодня же надо отправить в Моши взвод саперов, которые будут устанавливать палатки.

— Это капля в море, — сказал бургомистр.

— Сколько жителей в Танги?

— По моим расчетам, более десяти тысяч. Не считая, конечно, деревень по берегам озера, вдоль дороги. Наверно, наши заботы, господин майор, должны распространиться на двадцать тысяч человек.

— Двадцать тысяч! — Только тогда до меня дошла необъятность этой цифры. Одних палаток нужно больше двух тысяч! А если вспомнить, что этих людей надо везти, кормить, обогревать, потому что в горах ночью холодно... — Ну что стоило русским сообщить мне об этом хотя бы два дня назад!

Бургомистр никак не реагировал на восклицание, не делавшее мне чести. Он, наверно, знал, что лишь три дня назад мы с русскими чудом выбрались из долины Лонги.

— Хорошо, — сказал я, скорее, чтобы утешить себя. — Мы не одни. Лигон нам уже помогает.

Бургомистр покорно кивал головой.

— Значит, куда вывозить людей, мы решили, — сказал я. — Теперь список. Я просмотрел его.

Я прочел вслух то, что подчеркнул сам.

Госпиталь, родильный дом, муниципальная школа, миссионерская школа...

ТЕЛЕГРАММА

Лигон срочно бригадиру Шосве из Танги 13.50

При первых же подсчетах обнаружилось что опасность обвалов и прекращение связи со станцией Митили приведет к острой нехватке продовольствия и медикаментов обеспечьте перевозку продовольствия в течение суток учитывайте опасность того что

авиационная связь временно прекратится количество присланных палаток недостаточно до сих пор не прибыла колонна грузовиков после обследования района Моши куда намечаем эвакуацию двадцати тысяч человек присланные войска недостаточны для обеспечения порядка требуется еще одна рота после возвращения из Моши немедленно сообщу дальнейшие потребности и планы

майор Тильви

Директор Матур

Обнаружив пропажу портфеля, шофер машины, мрачный и грубый солдат, опасаясь, что ему попадет от начальства, заставил меня под угрозой физических действий забраться в джип и привел в комендатуру, где лишь моя настойчивость спасла меня от дальнейшего задержания. Я был искренен в своем неведении. Я не видел, кто и когда взял портфель: я выполнял маленькую роль в этом спектакле — отвлекал внимание мистера Ли и шофера.

Меня в конце концов отпустили, но, разумеется, с той минуты я потерял доверие русских геологов и господина майора. И я глубоко убежден, что в интересах князя было лучше сберечь мою репутацию для более важных дел.

Выйдя из комендатуры, я некоторое время сидел на краю зеленого газона. Мне никуда не хотелось идти. Я был одинок и никому не нужен. Всю свою жизнь я пекся о благе других людей, порой забывая о своих интересах, и мой идеализм в результате приводит к горьким разочарованиям. Да, я сделал большое дело, возможно, помог спасти значительную часть состояния моему другу князю Урао Као. Но сам я был использован и выброшен, словно грязная зубочистка.

Размышляя так, я наблюдал за происходящим вокруг. Куда-то поспешил майор Тильви, и мне подумалось, что он слишком легкомысленно относится к собственной безопасности — многие бы люди в Танги не пожалели денег и усилий для того, чтобы избавиться от этого слишком деятельного человека. Через несколько минут джип майора снова промчался мимо дворца, на этот раз в сторону госпиталя. Еще раз — на аэродром, еще раз — к дому геологов. Как тщетны его усилия, как бессмысленна жизнь!

В поле моего зрения попал медленно бредущий по газону человек, в облике которого ощущалось чрезмерное покорство судьбе. Это был Чин Цзоу-ши, хозяин кинотеатра «Кинг». Китаец узнал меня и поклонился.

— Чем вы опечалены, уважаемый Чин? — спросил я старика.

— Тяжелые времена, господин директор, — сказал он.

— Да, — согласился я, — тяжелые времена.

— Вы слышали, — спросил Чин, — что национализировали иностранные компании? Что будет дальше?

— Дальше? Дальше будет еще хуже. — Я не хотел пугать старика, я сам в это верил. — Они дойдут до того, что национализируют все вплоть до разносчиков лимонада, а потом лопнут, как обожравшийся москит.

Я был мрачен. Старик совсем растерялся. Он вцепился пятерней в свою бородку и тянул ее книзу, словно хотел оторвать. Он был похож на старичка с древней китайской картинки. Такие прогуливаются по садам и смотрят на сосны. На самом деле это был довольно жадный и коварный старик.

— Но у меня лигонский паспорт, — сообщил он мне, словно это могло спасти его от бед.

— Паспорт! — Я вложил в это слово все возможное презрение. — Уже у моего деда был лигонский паспорт.

— И они все отнимут? — спросил Чин, желая, чтобы я его разубедил.

Тут меня осенила мысль. Это была случайная мысль, рожденная за момент до того, как превратилась в слова.

— Вы еще можете что-то спасти, — сказал я.

— Как?

— Продавайте. Продавайте все немедленно.

— Но кто купит мой кинотеатр?

— Да. Кинотеатр — это плохо. Армия намерена в первую очередь взять в свои руки все идеологические учреждения.

— И он старый, я собирался его ремонтировать, но совсем нет свободных денег...

Чин — мелкий делец. Мне понадобилось всего девять минут, чтобы узнать, что кинотеатр застрахован на сто двадцать тысяч. И старик готов с ним расстаться тысяч за тридцать. Но я не мог предложить свои услуги. Как только я выражу желание купить этот кинотеатр, старик тут же заподозрит неладное. Что же делать?

Я распрощался с китайцем, поклявшись, что буду весь день думать, где отыскать покупателя на кинотеатр. В моей жизни возникла цель. И я побежал на телеграф.

ТЕЛЕГРАММА

Лигон Серебряная долина 18 Матуру Сааду

Под залог моих акций Бритиш Петролеум срочно вышли сорок тысяч ватов а также телеграфом от имени нашего дяди Джа

Раджендры согласие на покупку собственности в виде кинотеатра Кинг в Танги уполномочивая меня вести переговоры и заключать сделки прибыль гарантирую

любящий брат Матур

Лами Васунчок

Я верю в предчувствия. И сколько бы я ни училась в университете и ни читала бы книг, я все равно останусь в глубине души девочкой из горной деревни, верящей в злых духов, которые живут на деревьях, и в вестников судьбы, приходящих к людям во сне и наяву.

В то утро я проснулась сама не своя. Всю ночь мне снились кошмары, но я их не запомнила. Когда я проснулась, то решила, что плохо с Володей. Мой отец в госпитале, там вокруг люди, отцу ничего не грозит. Дедушка Махакассапа сказал, что местные крестьяне видели человека, похожего на Па Пуо, и поэтому я боялась за Володю, который ездит по горам совсем один. Но в то утро я неправильно разгадала предчувствие.

Я ушла из монастыря, миновала сад и остановилась под деревом недалеко от деревни, чтобы видеть, как Володя поедет в город. Он сказал мне вчера, что с утра уедет в город, но скоро вернется. Я стояла долго, но меня никто не заметил. Потом я увидела Володю. Он был вместе с толстым русским господином в очках. Они говорили, стоя возле машины, потом Володя уехал. Он не увидел меня и не чувствовал, что я смотрю на него. Я еще постояла немного, и мне было лучше, потому что Володя веселый и здоровый. Потом я пошла к дедушке Махакассапе. Я хотела, чтобы он меня успокоил, он знает слова, которые могут вернуть душе покой. Но пришли люди из деревни Лонги, которые хотели посоветоваться с пандитом, потому что слышали, будто новое правительство отбрет землю у Фена Мо и отдаст китайцам.

Я взяла книжку из библиотеки дедушки. Это была старая книжка джатак, многие из них я помнила с детства. Мимо ворот прошли пешком русский в очках и солдат. Они шли в сосновую рощу, чтобы посмотреть на приборы.

Я знала, что здесь будет землетрясение, но меня это не пугало. Мне даже хотелось, чтобы землетрясение обязательно было, иначе люди подумают, что Володя и высокий профессор их обманывают.

Потом я снова ходила в сад и ждала, когда вернется Володя, но Володя все не возвращался.

Я не знаю, сколько я стояла в саду, наверно, долго.

Наконец я услышала, что едет машина.

Но это был не Володя. Это была большая машина Као. Као сам правил ею. Шофер сидел сзади вместе с телохранителями из племени Урао, которым Као велел одеваться в древнюю боевую одежду воинов. В этом не было нужды, но Као всегда опасается, что другие феодалы будут над ним подсмеиваться, потому что он учился в Англии, играет в гольф и одевается, как иностранец. Као всегда беспокоится, что скажут о нем люди, и из-за этого иногда совершает поступки, над которыми люди смеются. Мне иногда кажется, что есть два Као — один добрый, интеллигентный, который играет со мной в теннис и говорит о новых книгах, а другой — чужой и холодный, погруженный в политические интриги и какие-то темные дела.

Као остановился у ворот монастыря, выскочил из машины и, снимая ботинок, побежал внутрь. Видно, что-то случилось. Као всегда гордится тем, что никогда не теряет присутствия духа. Он говорил мне, что из него вышел бы хороший генерал, и даже в шутку спрашивал меня, не прельщает ли меня роль жены боевого генерала?

Я подошла к воротам как раз в тот момент, когда Као, не найдя меня, снова выбежал на дорогу.

— Лами, дорогая, как хорошо, что я тебя нашел! — воскликнул он. — Я мчался к тебе от самого Танги.

— Что случилось? — спросила я, чувствуя, как сжимается сердце.

— Твоему отцу стало хуже, — сказал Као взволнованно. — Отец просил меня быстро привезти тебя к нему.

— Ой, Као! — воскликнула я. — Подожди минутку, я только переоденусь.

— Неужели ты будешь терять время из-за таких пустяков? — укорил меня князь. — Я мчался...

Я без слов направилась к машине.

— Сядешь впереди, рядом со мной, — сказал Као.

— Постойте, молодой человек, — услышала я голос бабушки Махакассапы, который был недоволен тем, что князь даже не поздоровался с ним. — Вы привезли какую-нибудь записку от господина Васунчока?

— Заткнись, грязный доносчик! — крикнул вдруг Као так громко, что, наверно, было слышно в деревне.

Старик даже пошатнулся. Я никогда не думала, что кто-нибудь может оскорбить пандита Махакассапу. Монахи, стоявшие поодаль, ахнули.

Као уже был в машине и включил зажигание.

— Как ты мог, Као... — сказала я.

— Молчи! — ответил он. — Я знал, что говорил. Этот монах — грязный полицейский доносчик.

И я замолчала. Као был так взволнован, что я боялась, что он может натворить что-нибудь страшное. Дедушка сделал шаг, чтобы встать на пути машины, но Као успел рвануть руль в сторону, я ударилась головой, машина подпрыгнула и помчалась вверх, в гору. Машина проехала, наверно, полмили по лесной дороге, прежде чем я настолько пришла в себя, что сообразила, что мы едем не в ту сторону.

— Као, — сказала я, — ты хотел отвезти меня в Танги.

— Конечно, — ответил князь. — Но сначала я должен захватить в сосновую рощу и встретить там человека.

И в ту же секунду небо наказало Као. Если бы он поехал в Танги, как обещал, его шина не напоролась бы на острый камень или гвоздь. Вдруг машину занесло, что-то застучало, князь стал тормозить, и машина остановилась, уткнувшись носом в кювет.

— Шина! — крикнул князь, распахивая дверцу и выскакивая наружу.

Из задней двери уже вылезали шофер и телохранители. Князь был так возбужден, что, несмотря на свою тревогу, я заметила, как он похож на журавля, который гонится за змеей и никак не может схватить ее клювом.

Шофер открыл багажник, чтобы вытащить запасное колесо. Я спросила князя:

— Что с отцом?

— Его арестовал майор, — сказал князь, не глядя на меня. — Прямо в больнице. И отцу плохо с сердцем.

— Тильви?

— Да. Он объявил твоего отца реакционером и грозит его расстрелять.

— Но Тильви... — Мне хотелось думать, что это еще одна выдуманная князем история.

— Тильви с его русскими готовит в Танги землетрясение, — сказал Као, глядя, как шофер крутит ручку домкрата. — Капитан Васунчок хотел им помешать.

Как хорошо, подумала я, что Као опять лжет.

— Као, — сказала я, — раз ты задержался, я вернусь в монастырь и переоденусь. На обратном пути ты меня захватишь.

— Ты что думаешь, — взвился он, — что я буду тормозить перед логовом этого мерзавца?

— Даже твоим людям стыдно слушать богохульство, которое ты извергаешь, — сказала я.

Наш спор оборвался, потому что снизу загудела машина. Я подумала, что это возвращается Володя, и испугалась. Он один, а князь со своими людьми...

— Сейчас же в машину! — сказал Као, открывая дверцу. — И не шевелиться!

Я не посмела послушаться. На этот раз меня втолкнули на заднее сиденье, и один из телохранителей сел рядом. Телохранитель был молодой парень, на его щеках были наведены белой краской боевые узоры, перья на голове упирались в потолок машины, и у него был идиотский вид, словно он ехал на съемки фильма про индейцев. Но в руке у него был самый настоящий автомат.

Я замерла. Я думала, что для Володи будет лучше, если он меня не увидит. А то он встревожится за меня, начнет спорить с князем, и ему будет угрожать опасность.

Я осторожно обернулась. Через заднее стекло я увидела, что нас догнали два голубых полицейских джипа. В передней машине рядом с водителем сидел капитан Боро.

Князь вышел на дорогу и поднял руку. Но джипы и без того уже остановились.

Князь сказал что-то капитану, тот засмеялся, и солдаты, выскочившие из второго джипа, тоже засмеялись. Князь с капитаном давно знакомы. Капитан Боро иногда приходит на корт князя. Но он плохо играет в теннис, даже я с ним играю с гандикапом.

Потом князь обнял Боро за плечи и склонился к нему, потому что был на две головы выше. И они пошли в нашу сторону, подальше от солдат, и остановились шагах в десяти от машины, на краю леса.

Князь, видно, забыл, что окно в машине опущено и мне все слышно.

— Мы не спешили, — говорил капитан Боро. — Я даже приказал свернуть с дороги и вымыть машины в озере. Но я не мог совсем не ехать. Полицейские мне не подчиняются. Они обязательно донесут своему капитану...

Так и есть, ничего с отцом не случилось. Но если бы я в тот момент знала о том, что Као убил моего отца, разве я бы осталась в машине? Я бы выскочила наружу, я бы так кричала, что капитан Боро взял бы меня к себе в машину. Он не посмел бы при солдатах и полицейских подчиняться князю. Но я ничего не знала и послушно сидела в машине.

— Я сравню тебя с землей, — тихо и страшно сказал князь, — если ты посмеешь своевольничать.

— Я могу арестовать вас, князь, — ответил Боро.

Он стал малиновым. Густые брови напоззли на узкие глаза.

— Арестуй, — сказал князь. — И долго ли ты проживешь после этого?

— Я пошутил, — сказал Боро почти шепотом, и его брови полезли вверх.

— Я тоже люблю шутки, — сказал князь.

— Но я не могу ослушаться приказа.

— Выполняй свой приказ. Но дай мне еще полчаса.

— Как?

— Не мне тебя учить. Объяви привал, допроси солдат, не видели ли они чего-нибудь подозрительного.

— Ясно, князь, но ведь я не один.

— Я рискую большим. Ты останавливался. А это что такое? — Князь словно увидел привидение.

Я оглянулась и увидела, что с солдатами стоит староста из монастырской деревни.

— У меня были инструкции, — сказал капитан, — взять этого человека в деревне. Махакассапа велел ему показать нам пещеру.

— Этого еще не хватало!

— Я ничего не могу сделать, — сказал Боро. — Я же между двух огней.

— Мой жжет сильнее, — сказал князь. — Ты не останавливался в монастыре?

— Нет. Староста ждал меня в деревне.

— Старосту не слушайся. Скажи, что сначала ты должен поговорить с солдатами в сосновой роще. Иди.

Князь подошел к машине.

— Готово? — спросил он. — Пошевеливайся.

— Да, — раздался голос шофера откуда-то снизу. — Сейчас только подкручу.

— Отдыхайте! — крикнул Боро солдатам. — Привал десять минут.

Не замечая меня, Као сел за руль. Шофер гремел багажником, укладывая туда колесо. Князь крикнул:

— Брось колесо на дороге! Потом заберем!

Шофер послушался. Као рванул машину вперед, и она помчалась к роще, оставив позади полицейские джипы.

Не доезжая до сосновой рощи, Као свернул на широкую тропу, и, ударяясь о корни, наша машина начала продираться вверх.

Мне казалось, что она вот-вот разобьется или застрянет. Но Као, закусив нижнюю губу, упрямо вел машину в гору. Только бы Володя не приехал, повторяла я. Пускай он не спешит...

Отар Давидович Котрикадзе

На веранде слышались голоса, шум, женский плач, и мне пришлось оторваться от компьютера. Там стояла медсестра с узлом в руке, вся в слезах.

— Что случилось? — спросил я хрипло.

Неожиданное появление человека, связанного с миром болезней, ран и смертей, всегда вызывает тревогу. Но сестра с помощью солдата объяснила мне, что в госпитале умер хозяин этого дома — капитан полиции. Медсестра принесла домой его пожитки, а взамен ей надо было взять какие-то вещи из его комнаты, чтобы одеть мертвого. Они с солдатом поднялись наверх. Я слышал их шаги над собой. Потом вдруг понял, что этот капитан — отец Лами, в которую влюбился мой Володя. Я вспомнил, как Лами везла ему лекарство из Лигона, как трогательно старалась спасти в самолете сумку с лекарством... И я минут пять сидел, ничего не делая, прислушиваясь к шагам и голосам наверху и думая о том, как ты соприкасаешься с другими людьми, приближаешься к ним, иногда даже временно превращаешься в часть их мира, чтобы потом уйти дальше, потерять этих людей и потеряться для них...

Потом я заставил себя вернуться к вычислениям. И тут же появился майор Тильви, который хотел, чтобы я подтвердил выбор деревни Моши для эвакуации и, если возможно, съездил бы туда сам. Поездка, сказал Тильви, займет часа два. И может, я на всякий случай поставлю там свой ящик? Он имел в виду датчик. Он показал мне это место на карте. По моим расчетам, деревня находилась вне четырехбалльной изосеймы. Я быстро собрался и сказал майору:

— Оставьте здесь кого-нибудь, знающего английский язык на случай, если позвонит Володя.

— Хорошо, — сказал майор.

В этот момент сверху спустилась медсестра. Тильви спросил ее, что она здесь делает. Сестра заплакала и объяснила, в чем дело. И тут я понял, как молод наш майор и как он устал. Он сделал шаг назад, нащупывая спинку стула, опустился на него, подняв к глазам сломанную руку, и серая перевязь закрыла его лицо подобно парандже...

Через час с небольшим я был в деревне Моши, широко рас-

кинувшейся в пологой горной котловине. Место было удачное. Даже если толчки здесь превысят расчетные, эвакуированным ничего не угрожает.

На большой поляне солдаты окапывали четырехугольники и ставили большие армейские палатки. Голые мальчишки кружились стаями в восторге от такого развлечения, а поодаль стояли в ряд женщины в коротких черных накидках и с множеством бус.

Я установил датчик на зеленом склоне, за деревней.

ТЕЛЕГРАММА

Танги комиссару ВРК Тильви Кумтатону из Лигона 15.20

Ускорьте эвакуацию собственными силами подчеркиваем политическое значение дополнительные палатки перешлем сообщите прибытие колонны грузовиков информируйте нас трудностях

полковник Ван

Юрий Сидорович Вспольный

Меня хранили духи местных гор. Когда я почувствовал, что камни предательски поползли из-под ног, я несколько секунд старался сохранить равновесие, буквально царапая ногами скалу, но не удержался и на животе поехал вниз. Я ничего не слышал и не видел, мне казалось, что мое падение привлекло внимание не только часового, но и каждой мухи в радиусе десяти километров. Камни резали мне живот, сдирая одежду и кожу...

Мое скольжение вниз прервалось столь неожиданно, что я не сразу понял, что остановился.

Оказывается, я пролетел по крутой осыпи метров двадцать и задержался за скалу, которая поднималась над осыпью. Эта скала имела глубокую выемку с той стороны, где я находился. Так что, когда, больно ударившись в камень ногами, я замер, обнаружилось, что я был прикрыт скалой от часового, который услышал шум моего падения, но, выглянув из своего укрытия, меня не заметил.

Это везение имело и отрицательную сторону. Я был в ловушке. Ниже меня метров на сто тянулась голая осыпь без единого крупного камня. Подняться на двадцать метров вверх к обрыву или отползти в сторону я не мог, потому что осыпь была крутой и эти двадцать метров я преодолевал бы так долго и шумно, что часовой за это время меня бы раз двадцать подстрелил.

Помимо этих соображений, было еще одно, личного поряд-

ка, которое также препятствовало моему уходу из этого укрытия. Оно заключалось в том, что при падении с откоса я разорвал камнями всю переднюю сторону моей одежды. Даже трусы были разорваны в клочья. То есть я, оставаясь одетым сзади, был спереди совершенно обнажен. Осознание этой беды повергло меня в глубокое расстройство, ибо, помимо физического неудобства, я был лишен достоинства представителя нашего государства.

Не думая пока об отступлении, я присел за скалой и, преодолевая резкую боль в исцарапанном теле, постарался из остатков брюк соорудить себе набедренную повязку. Затем, все так же соблюдая осторожность и таясь за скалой, я снял пиджак и рубашку (то есть спину пиджака и спину рубашки), надел рубашку таким образом, чтобы она закрывала мне грудь, а поверх натянул пиджак, прикрывающий спину. Теперь мой вид был почти приличным. Тут я понял, что разбил очки. В погнутой оправе осталась лишь половинка одного из стекол. Покрутив остатки очков в руках, я умудрился сделать из стекла и дужки нечто вроде монокля, который приходилось держать в руке.

В таком положении я скрывался за скалой, беспокоясь размышляя о том, как мне вернуться в рошу. Ведь подошло время менять ленты в датчиках и возвращаться обратно, а сделать этого я не мог.

Вокруг стояла тишина. Солнце палило сверху, и маленький кусочек тени у скалы постепенно передвигался вверх. Я не имел возможности последовать за ним, так как немедленно оказался бы в поле зрения часового. Я понял, что непременно обожгу неприкрытые ноги, так как моя белая кожа плохо поддается загару. Надо мной кружились надоедливые мухи, которые почуяли запах крови, сочившейся у меня из царапин на груди и животе и ссадин на коленях. Прошло больше часа, но никто не шел мне на выручку. Я уже подумал о том, чтобы сломя голову побежать вниз, а там будь что будет, но откинулся от этой мысли во избежание дипломатического скандала.

Внезапно мое внимание было привлечено натужным ревом автомобильного мотора. Я понял, что со стороны монастыря приближается машина, что было странно, так как дорога проходила значительно ниже, более чем в километре. Может, это ищут меня? Однако вскоре шум мотора оборвался, и я снова оказался в полной тишине, если не считать назойливого жужжания мух. В вышине надо мной кружили орлы или какие-то другие, схожие с ними птицы, которые, очевидно, рассчитывали, что я ско-

ро умру и стану их добычей. Это вконец меня расстроило. По причине своего легкомыслия я оказался не в состоянии выполнить задание товарища Ли, тогда как советские ученые возлагали на меня большие надежды.

Еще через несколько минут я услышал голоса — кто-то шел по тропе, ведущей к расщелине. Надеюсь, что это мои союзники, я со всей осторожностью лег на камни и пополз вниз, чтобы заглянуть за скалу.

По тропе поднимался князь Урао Као, тот высокий джентльмен в гольфах, который пришел к нам на выручку после катастрофы. На этот раз он был облачен в обычный костюм. За ним следовала девушка Лами, наша спутница по самолету. Шествие замыкали два телохранителя князя. В первый момент я ощутил радость по поводу того, что я спасен, но тут же меня пронзила мысль: зачем эти люди идут именно к расщелине? Там же бандиты! Я открыл было рот, чтобы криком предупредить их, но остановился, ибо склонность к логическому мышлению подсказала мне, что их выбор именно этой тропинки не случаен. И в этом моем подозрении меня укрепило то, что девушка шла к расщелине не по своей воле.

Не надо быть опытным психологом, чтобы убедиться в этом. Один из телохранителей шел за девушкой, и его автомат упирался ей в спину. Господи, подумал я, как я расскажу об этом Володе?

Процессия скрылась за скалой, и мне пришлось переползать так, чтобы оказаться по другую ее сторону. Когда я осторожно высунул голову в открытое пространство между скалой и обрывом и приставил к глазу запылившийся монокль, я понял, что был совершенно прав в своих подозрениях. Как это ни странно, горный аристократ князь Урао был союзником бандита Па Пуо. Вот он, союз бандита и феодала, подумал я, вот он, путь, по которому идет местная реакция!

И как бы желая наглядно проиллюстрировать мой тезис, из расщелины навстречу князю вышел Па Пуо и поклонился феодалу. Тот остановился, показав знаком своим телохранителям, чтобы они провели Лами в расщелину. Мне видно было, как девушка бросила последний взгляд вниз, словно надеясь, что я приду к ней на помощь. Князь и бандит еще некоторое время советовались. Мне следовало немедленно организовать освобождение Лами. Несмотря на срочность смены лент датчиков, на первое место мы обязаны ставить проблемы гуманности.

Однако мне не сразу удалось оставить свое укрытие. Часо-

вой снова вышел на площадку у расщелины и стоял там, поглядывая в сторону рощи. Возможно, ему было с высоты видно что-то, укрывшееся от моего взора. Мне пришлось опять заползти за скалу. Ноги начало щипать — они обгорели. Я представил, какие муки ждут меня ночью. Положение было отчаянным. Еще немного, и я невзирая ни на что побежал бы вниз. Но снова слышались голоса, из расщелины показался князь Урао. Он вел под руку Лами, и могло показаться, что они мирно беседуют, но руки девушки были связаны. За князем следовали телохранители и бандиты с Па Пуо во главе, они тащили тюки. Лишь часовой остался на месте. Это заставило меня предположить, что они вернутся. И в самом деле, не прошло и пятнадцати минут, как бандиты показались вновь. Они так спешили, что бежали рысцой. На этот раз часовой тоже взял тюк и покинул расщелину. Я знал, что они далеко не уйдут. Дождавшись, когда последний бандит скрылся за стеной кустарника, начинавшегося за осыпью, я поднялся и побежал, поддерживая остатки моего костюма, в другую сторону.

И лишь когда я миновал открытое пространство и приближался к сосновой роще, навстречу мне вышли солдаты во главе с капитаном Боро и сержантом Лаво.

При виде меня они замерли, и мои призывы срочно следовать за мной остались без внимания, так как они стояли как вкопанные. Прошло несколько секунд, прежде чем я догадался, что виной тому мой внешний вид. Ведь сержант Лаво расставался со мной, когда я был одет вполне прилично, а сейчас перед ними стояло чудище, подобного которому им, наверно, не приходилось видеть.

Князь Урао Као

Убедившись, что груз перенесен в резервную пещеру и надежно укрыт — сыщикам Васунчока его не найти, я решил возвратиться в Танги. Существует высшая мудрость командира — пребывать в штабе и оттуда руководить операциями.

Я оставил Лами под охраной Па Пуо, заверив несчастную девушку, что он ни при каких обстоятельствах не причинит ей зла. Более того, я сказал ей о том, что только сегодня, несмотря на занятость, я просил ее руки у отца. Наконец мне пришлось прибегнуть к последнему аргументу: любая ее попытка убежать плачевно закончится для ее отца. Я не лицемерил. В тот момент я не подозревал, что капитана Васунчока уже нет в живых.

На обратном пути я доверил руль шоферу, чтобы спокойно подумать. Меня беспокоило, что до сих пор не появился гонец от капитана Васунчока с приказом полицейским вернуться в Танги. Неужели жалкая принципиальность старика доведет его до аморального решения пренебречь безопасностью единственной дочери? Значит, я плохо разбираюсь в людях. Все равно капитан полиции у меня в руках. В случае если он окажется слишком непреклонным и попытается поднять на меня лапу закона, я всегда оправдаюсь безумной любовью к его дочери, которую я, как дозволено возлюбленному, унес на руках в джунгли. И общественное мнение будет на моей стороне...

Монастырь показался мне обезлюдевшим, мертвым, заброшенным. Мне как-то пришлось набрести в горах, куда я порой удаляюсь с ружьем и телохранителем, на заброшенный монастырь. Нечто патетическое было в растрескавшейся пагоде, в облезлых, пятнистых, опутанных лианами фигурах Хранителей у ворот, в провалившейся кровле зала Посвящений — сик транзит gloria мундис. Так проходит людская слава — учили меня наставники в миссионерском колледже.

В деревне у поворота к озеру стояли два армейских джипа. Возле них о чем-то возбужденно разговаривали незнакомый мне офицер и молодой русский. Не его ли видел Па Пуо с Лами? Ну что ж, тебе придется прекратить свои свидания с невестой самого князя Урао.

Я спешил вернуться в Танги, потому что не хотел обольщаться временными удачами. В любой момент положение могло измениться к худшему.

Когда мы проезжали городок Линили, я обратил внимание на необычную суету на улицах. Случилось нечто, заставившее людей покинуть свои дома. У меня мелькнула надежда, что военное правительство пало и власть вернулась к сторонникам закона и порядка. Толпа людей стояла у наклеенного на стену дома объявления. Один из мужчин, размахивая в такт рукой, читал его вслух. Я протянул было руку к шоферу, чтобы остановить машину, но затем передумал и сказал:

— Гони.

У въезда в Танги я увидел одинокую фигуру, стоящую у дороги. При виде моей машины фигура замахала руками, привлекая внимание. Я узнал Матура.

— Какое несчастье, князь! — закричал толстяк. Он бежал машину вокруг, и я опустил стекло.

— Что случилось?

— Плохо. Очень плохо! Полчаса назад по городу расклеили объявления, в которых сообщается, что завтра в городе ожидается землетрясение... Вот, смотрите, я сорвал... Что делать, что делать? — повторял Матур убитым голосом, и его мокрые красные губы дрожали, как у обиженного ребенка,

— Заткнись, не мешай читать! — оборвал я его.

**Гражданам города Танги и горных трактов Линили,
Лонги, Фен, Вао, Тхань
от военного комиссара округа Танги
и временного гражданского губернатора Танги**

О Б Р А Щ Е Н И Е

Согласно научным прогнозам, в районе города Танги и округов Лонги, Линили, Фен, Вао и Тхань ожидается землетрясение большой разрушительной силы. Землетрясение начнется завтра, 16 марта, во второй половине дня, примерно в 4 часа пополудни.

В связи с опасностью для жизни и имущества граждан по поручению Временного революционного комитета объявляем:

1. Все без исключения жители указанных трактов и населенных пунктов, расположенных на них, должны после полудня 16 марта покинуть помещения и находиться по возможности дальше от горных склонов, скал, ущелий, осыпей и других мест, опасных для людей во время землетрясения.

2. Население города Танги и окрестных населенных пунктов немедленно эвакуируется в район деревни Моши, для чего магистрат и военное правительство предоставляют транспорт, помогают жильем, обеспечивают продовольствием и одеждой.

3. Помимо населения, из города Танги по возможности вывозятся все ценности, включая оборудование фабрик, мастерских, школ, больниц и т.д.

4. Все население должно деятельно помогать правительственным органам в осуществлении указанных мероприятий по ликвидации опасности для людей и ценностей.

5. Время, последовательность и маршруты эвакуации будут разъяснены последующими приказами.

6. Для обеспечения порядка эвакуации создается специальный комитет общественного спасения во главе с чрезвычайным комиссаром Временного революционного комитета майором Тильви Кумтатоном. Указания и распоряжения комитета являются обязательными для всех жителей округа Танги.

7. Для обеспечения полной безопасности и порядка, для пресечения в корне злонамеренных слухов, попыток саботажа, грабежа оставленного имущества и т.д. в округе Танги с 17.00 15 марта объявляется чрезвычайное положение. Любой нарушитель законности и порядка подлежит наказанию по законам военного времени.

Граждане Танги, мы надеемся, что за короткий срок с помощью населения нам удастся полностью нейтрализовать стихию! Не поддавайтесь панике и унынию! Впервые в истории нашего государства мы намерены обезвредить

бедствие, ранее вызывавшее ужас у населения. Подобный результат стал возможен лишь после прихода к власти Временного революционного комитета. Сохраняйте спокойствие! Доверьтесь своему правительству!

*Комиссар ВРК майор Тильви Кумтатон
Временный гражданский губернатор Дджа Локри*

Владимир Кимович Ли

Вспольного на острове не было. Так мне сказали солдаты у дороги. Все-таки я добрался до острова, снял показания сейсмоскопа, проверил датчики, поискал, нет ли записки от Юрия Сидоровича. Мне хотелось думать, что он пьет чай в сосновой роще и не спешит возвращаться, потому что жарко. Но утешить себя было трудно.

Радиотелефон на острове, конечно, не работал, и хоть я потратил еще полчаса на попытки добиться от него толку, ничего из этого не вышло. Отар ждет меня с лентами, а Вспольный пропал. Надо ехать в рощу, разыскать Вспольного и ленты, а оттуда срочно в Танги. Пятнадцать минут до рощи, час с небольшим до города. К закату мы с Вспольным будем в Танги. О возможных осложнениях думать не хотелось, потому что их уже хватало по горло — скорей бы прошло это проклятое землетрясение, и можно будет свободно вздохнуть. Вот уж не думал, что научная экспедиция превратится в драматическое действие.

Когда я стоял на дороге, договариваясь с лейтенантом о машине, мимо проехал «кадиллак», не гармонировавший с патриархальной обстановкой деревушки. Знакомая птичья голова князя Урао повернулась в мою сторону, и в его взгляде я прочел: «А ты что здесь делаешь?»

Над головой пролетел большой самолет, описывая круг, чтобы опуститься в Танги. В городе уже тревога. Мне приходилось бывать в городах, которые эвакуировали после землетрясений, но эвакуация перед землетрясением — это что-то новое. Чистое небо над головой, земля тверда как никогда, а тебе велят собирать скарб, снимать со стены любимые дедушкины часы и отправляться в добровольное изгнание. Не завидую я майору Тильви, который и сам верит нам лишь по долгу службы. Он рискует — а что, если землетрясения не будет? Это же конец его карьеры и сильный удар по его правительству — вот уж князя и другие враги посмеются над военными, которые умудрились выселить целый город, потому что им это подсказали сумасшедшие русские. Меня такие сомнения не одолевали. Часом позже, часом раньше, но землетрясение состоится.

У монастыря я велел шоферу остановиться и побежал к дому настоятеля. Старик, поддерживаемый под руку молодым монахом, шел мне навстречу. Мы остановились в двух шагах друг от друга. Я не знал, как здороваются с настоятелями, и поздоровался по-английски.

Старик что-то ответил. Молодой монах смотрел на меня злыми глазами, словно я хотел причинить старику зло.

Я попытался собрать воедино мой словарный запас.

— Завтра будет землетрясение, — сказал я. — Вы понимаете?

— Понимаю, — сказал старик, как будто я сообщал ему о завтрашнем дожде.

— Надо принять меры, — сказал я.

— Лами, — сказал наконец старик, — увез князь Урао.

Странно, в машине князя Лами не было.

— Он увез ее в Танги? — спросил я.

— Нет. — Старик показал в сторону сосновой рощи.

Плохо. Вспольный уехал в рощу и пропал, Лами уехала в рощу и не вернулась.

Я попрощался со стариком и бросился к джипу. Только забравшись в него, я понял, что бежал по монастырю, не разувшись.

В роще никого не было, на полянке догорал костер, над ним выкипал чайник. Рядом стояли два голубых джипа. Солдатская куртка валялась на траве. Я заглянул в палатку. Там отщелкивал информацию датчик.

Тайна «Марии Целесты» возродилась в новом издании. Никаких следов солдат, сержанта Лаво, Вспольного, Лами... — все исчезли. Солдаты, приехавшие со мной, были удивлены не меньше меня. Я подобрал с травы черную записную книжку Вспольного, с которой тот никогда не расставался. Раскрыл ее — вдруг она оставлена с умыслом, для меня? Но последняя запись была помечена вчерашним днем... Солнце уже спустилось к самому хребту.

Майор Тильви Кумтатон

Оппозиция была довольно разрозненной. Некий шок, возникший от делового тона нашего воззвания и появления на площади колонны из двадцати армейских грузовиков, наконец достигшей Танги, заставил ее притихнуть. Стало ясно, что землетрясение — не пропагандистская забава. Мне впервые приходилось проводить такую эвакуацию. Поэтому учились мы на ходу. Например, выяснилось, что люди, узнав о землетрясении, сразу начали связывать в узлы и готовить к отправке все свое добро.

Для такой операции мне не хватило бы и Ноева ковчега. Пришлось дать разъяснение, что с собой можно брать только самое необходимое. Остальное надо выносить из домов и складывать на открытых местах. Мы же гарантируем сохранность имущества. А откуда взять людей для такой охраны? Мы решили в первую очередь отправить грузовики к госпиталю, родильному дому и школам. Детей и больных размещать не в палатках, а в монастыре деревни Моши. Бургомистр, который переехал в Моши и не отходил от телефона, сообщил мне, что настоятель монастыря согласился разместить у себя больных, а вот староста деревни требует, чтобы за школьников ему заплатили. Денег в городской кассе не было, а мы не могли отправить по домам ребятишек с горных трактов, живших в интернатах муниципальной школы и в школе миссии. Мне очень хотелось арестовать этого корыстного старосту, а пришлось добиваться в Лигоне дополнительных ассигнований. Вдруг обнаружилось, что на спичечной фабрике и на лесопилке никого из рабочих нет на месте. Хозяин лесопилки распорядился выдать внеочередную зарплату. Я заподозрил неладное. Ведь на лесопилке работают в основном горцы. Если буддиста не удивит таким подарком, то горец редко задумывается о будущем. Есть сегодня деньги — их надо потратить. До сих пор в некоторых горных деревнях не сеют, если в прошлом году выдался хороший урожай. Зачем?

Я попросил клерка дать мне список всей недвижимой собственности в городе с указанием владельцев. Через час список лежал на столе.

Механические мастерские принадлежали князю Урао Као. Лесопилка — его матери, вдовствующей княгине Урао Валомире. С помощью клерка я выявил у князя еще полдюжины оформленных через подставных лиц владений, в том числе мастерскую серебряных изделий, два магазина и ресторан «Горный воздух». А спичечная фабрика была куплена господином директором Матуром не больше не меньше как в день переворота, и документы на это поступили лишь вчера. А что касается кинотеатра «Кинг», клерк сказал:

— Сегодня в магистрат подано уведомление о передаче прав на кинотеатр господину Джарадхе из Лигона. Интересы его представляет господин Матур.

Здесь крылась тайна, но найти верную ниточку я не мог. И не мог посоветоваться со старым капитаном Васунчоком. Чем князь настолько вывел из себя старого полицейского, что тот поднялся с постели, чтобы догнать квязя? Тело Васунчока родственники повезли в Моши.

А что делать с Лами? Вызывать ее или скрыть эту весть до завтра? В конце концов я написал записку для дедушки Махакассапы. Записку отвезут с приказом об эвакуации.

Владимир Кимович Ли

Время шло. Я послал солдат поглядеть, нет ли людей за рощей и в той стороне, где скалы, а пока суть да дело, извлек из датчика ленты и быстро проглядел их. Ленты мне не понравились. Похоже было, что землетрясение не дотерпит до завтрашнего вечера. Солнце уже скрылось за хребтом. Тишина мне казалась зловещей. Мои солдаты вернулись, никого не найдя.

Вдруг земля дрогнула под ногами. И еще раз. Пролетела испуганная птица. Солдаты замерли, взволнованно перекидываясь словами. Я спокойно ждал еще одного толчка и не дождался. Мелкие толчки, предвещающие большой взрыв, случаются подобно звонкам перед началом спектакля. Это еще не землетрясение.

Солдаты подошли к нашему джипу. Им хотелось поскорее убраться отсюда. Я последовал было за ними. Послышались голоса. Потом шуршание камней.

— Идут, — сказал я.

Мы встретили их на краю рощи. В сумерках люди казались бесплотными тенями, лишь огоньки сигарет вспыхивали, освещая лица и руки.

— Вспольный! — позвал я.

— Я здесь, Володя.

На нем была слишком узкая армейская куртка и армейские брюки, которые не доставали до щиколоток и не сходились на животе. Владелец этих брюк в одних трусах ежился от вечернего холода в двух шагах сзади.

— Что случилось?

— Я так виноват... Когда землетрясение?

— Завтра днем. Так что же случилось, Юрий Сидорович?

Вокруг было много людей, человек двадцать. Я всматривался, надеясь увидеть Лами. Но ее не было. Почему-то рядом со мной оказался краснощекий капитан Боро. А он здесь почему?

— Пусть он сам расскажет, — сказал Вспольный, показывая на капитана Боро, который шел в двух шагах от нас, готовый к объяснениям.

Капитан Боро подошел еще поближе.

— Мы приняли все меры, — сказал он мне, словно я был его

начальником. — Но, к сожалению, обнаружить преступников не смогли.

Капитан Боро был глубоко огорчен.

— Не слушай его, — сказал Вспольный.

Луч карманного фонарика скользнул по его лицу, и я увидел, как он осунулся за день. По щеке шла кровоточащая царапина.

— Он и не хотел искать, клянусь тебе. Все время ухлопал на пустую пещеру, несмотря на все мои уговоры.

— А где Лами? — вырвалось у меня.

— У них, у людей князя. Слушай по порядку...

Пока мы добрались до деревни, Вспольный поведал мне о своих приключениях, о том, как они с Боро и Лаво в течение трех часов безрезультатно лазили по скалам, но ничего не нашли. Несколько раз Боро порывался свернуть операцию и вернуться, и лишь настойчивость Вспольного и полицейского сержанта останавливала его. В конце концов он воспользовался сумерками — и был таков.

Слушая Вспольного, я уже принял решение, которое не стал доводить до сведения Юрия или Отара. Они запретили бы мне и думать об этом. И были бы правы.

Я передал Вспольному все ленты и сказал, что ему надо с машинами капитана Боро вернуться в Танги. Я же останусь здесь. Он попытался было спорить, но я объяснил ему, что в госпитале ему промоют раны, иначе можно получить столбняк. Это его сразило, и он покорился.

«Первую помощь пострадавшим подали команды отряда миноносцев, который стоял в порту Мессины, граждане Катании, прибывшие на пароходе «Вашингтон», и русская эскадра. Она крейсировала неподалеку от берегов Сицилии. Разделяясь на небольшие отряды, наши моряки, не обращая внимания на ежеминутные обвалы все еще падавших зданий и новые, хотя и слабые толчки, сотрясавшие землю, храбро лазили по грудам мусора и кричали:

— Эй, синьор, синьор!

И если в ответ им раздавался стон или крик, они принимались за работу, покрикивая выученные слова:

— Субито! Корраджо.

...Матросы с «Макарова» увидели в развалинах женщину: почти обнаженная, она сидела среди обломков, держа в руках оторванную от туловища детскую голову, прижимала ее к груди своей и напевала какую-то грустную песенку... Матросы позвали итальянцев, и те сказали, что женщина эта — жена офицера, считалась одной из первых красавиц Мессины, а в руках у нее голова сына, мальчика Уго, и она поет колыбельную песню... Вся семья этой женщины убита.

Лял дождь, было холодно, на площадях жались раненные, не имея ни хлеба,

ни воды. Те из уцелевших, кто мог работать, присоединились к морякам, указывая, где под развалинами живые, вызывая криками ответы засыпанных...

Страшную картину представлял разрушенный город: все еще вздрагивали развалины, падали и, погребая живых и мертвых, вызывали на площадях панический ужас, дикие крики».

М. Горький. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии».
С.-Петербург, 1909.

Директор Матур

Князь выслушал меня, не вылезая из машины. В ином случае меня бы это не возмутило — разница в нашем происхождении и общественном положении настолько значительна, что я не мог рассчитывать на равенство в отношениях. Но я был взволнован и находился буквально на грани нервного срыва.

— Что же делать? — спросил я князя.

— Это входит в план моей кампании, — ответил князь, изображая хладнокровие. — Экономит нам силы...

— Как?

— Теперь мне не надо уничтожать их приборы, и я могу уделить внимание более насущным проблемам.

Человеку пятый десяток, а он играет в солдатиков. Благо это позволил бы себе кто-то, не имеющий живых солдатиков в своем распоряжении. В тот момент я впервые усомнился во всемогуществе и мудрости князя Урао.

Князь поднял руку, и шофер, увидев этот жест в зеркальце, тут же рванул машину вперед. Я не мог рассчитывать на помощь. И я побрел в город.

Вокруг творилось нечто невообразимое. В какой-то момент мне показалось, что землетрясение уже произошло. Под закатным солнцем сверкали кастрюли и тазы, громоздились матрасы и циновки, одеяла, шторы, кресла, диваны, шкафы — вещи, извлеченные из пыли забвения, оставшиеся с английских времен и чуть ли не с королевских.

Среди гор имущества увлеченно резвились дети, для которых это было веселым приключением. Я возблагодарил Бога за то, что землетрясение грозит Танги, а не Лигону, ибо в том случае я был бы подавлен зрелищем моих собственных детей, вынужденных покинуть родной дом. Если в Танги и был сейчас человек, торопящийся землетрясение, то этим человеком был я. Пускай люди уйдут отсюда, пускай не будет человеческих жертв. Но мое имущество должно погибнуть — такова воля неба, и не мне, маленькой песчинке в потоке мироздания, бороться с этим.

Наступил короткий мягкий вечер. Я поспешил к своей спичечной фабрике. Как там дела?

По улице медленно ехали три грузовика, возглавляемые машиной скорой помощи. В грузовиках стояли больничные койки. Зеленые и синие наколки медсестер покачивались над ними. Перевозили госпиталь. Я подумал, что в этом есть определенное отсутствие гуманизма, так как больным трудно выдержать длинную дорогу к Моши.

Я ожидал увидеть фабрику тихой, покинутой всеми, ибо сейчас все заняты собственным спасением. Мое удивление было безграничным, когда я, подходя, понял, что фабрика полна народа, что там горит свет, слышны громкие звуки и крики. Может, какие-то злоумышленники, пользуясь беспорядком и анархией в городе, пытаются нажиться на моем добре? Я побежал, спеша выяснить, в чем дело.

Никто не охранял ворота. В вечернем сумраке по двору носились люди, во всех окнах горел свет, из распахнутых ворот главного цеха кучка людей, схожая с муравьями, выволакивала нечто сверкающее под лучами фонарей.

Так как я был один, без охраны, я осторожно, стараясь оставаться незамеченным, подошел поближе. Похитители были плохо одеты. Станок, который они пытались выволочь наружу, был очень тяжел и громоздок, и в тот момент, когда я приближался, один из тросов порвался и те, кто тянул за него, упали на землю. Это происшествие вызвало взрыв хохота со стороны остальных.

Кто-то тронул меня за плечо. Я быстро обернулся и узнал управляющего.

— Какое счастье, что вы пришли, господин хозяин, — сказал он. — Я обыскался вас по городу, никто не знал, где вы. Нам нужен еще один грузовик. Вы близки с господином майором и сможете это сделать.

— Грузовик? — спросил я, осознавая, что мой управляющий замешан в этом акте вандализма.

— Конечно. Мы вытаскиваем крупные станки из главного корпуса, а распиловочный корпус решили разобрать. Видите?

Подняв голову, я, к своему ужасу, убедился, что несколько человек, взобравшись на крышу соседнего помещения, разбирают ее.

— О! — вырвался у меня вопль сожаления.

— Не правда ли, великолепная идея? — спросил идиот управляющий. — Этим мы защитим пилораму от пожара или повреждения упавшими балками... Моя идея.

Он ожидал, что я поглажу его по головке за этот разбой.

Я наконец обрел дар речи.

— Что все это значит?! — воскликнул я, перекрывая общий гам. — Кто позволил губить мою фабрику?

Полагаю, что в тот момент я был страшен. Я редко позволяю себе впасть в гнев, но не советую кому-нибудь сталкиваться со мной в эти минуты, как нельзя сталкиваться в джунглях с бешеным слоном.

При звуках моего голоса постепенно наступила тишина. Люди бросали работу и медленно, с некоторым страхом, подходили поближе, чтобы послушать, что происходит.

— Разве вы не знаете, господин, — спросил меня управляющий, — что завтра у нас в Танги землетрясение?

Он сказал это так, словно в Танги раз в месяц бывало землетрясение и по этому поводу устраивались подобные развлечения.

— Ну и что? — поинтересовался я.

— Если будет сильное землетрясение, то вся фабрика погибнет.

— Кто вам сказал, что будет землетрясение?

— Но это везде написано. Уже вывозят людей.

— Людей, — повторил я. — Людей. При чем здесь моя фабрика? Пускай все люди спешат домой, чтобы позаботиться о своих близких. Зачем вы их отрываете от семей?

Я в самом деле был возмущен небрежением управляющего к нуждам рядовых тружеников.

Я сделал над собой усилие и закончил спокойно:

— Я благодарю всех, кто не пожалел времени, чтобы помочь моему хозяину, и я не забуду ваших стараний. Можете идти по домам.

Никто не двинулся с места.

— В чем дело? — спросил я управляющего.

Из толпы выдвинулся человек в рваных джинсах и повязке на голове. В руке у него был разводной ключ.

— Не беспокойтесь, хозяин, — сказал он. — Тем, кто спасает оборудование, с самого утра будут поданы грузовики. Детишек уже отправили, а добра у нас немного.

— Нам потом обещали дома построить! — крикнул кто-то из толпы. — Новые дома.

— А за сверхурочные хозяин заплатит?

Это было уже открытой провокацией. Этих наивных людей водят за нос.

— За что платить? За то, что вы фабрику разрушили?

— Но ведь завтра землетрясение, — подсказал мне растерянно управляющий, словно я забыл об этом.

— Вас обманули, — сказал я так, чтобы все слышали. — Все это обман, чтобы нас разорить и погубить! Военные хотят поселить здесь людей из Лигона. У них тесно, они давно хотят захватить наши горы.

— А ты сам, хозяин, разве не из Лигона?! — крикнул кто-то, и в толпе захихикали. Но я не сдавался:

— Вот вас выселят из Танги, а обратно не пустят.

— Если так, то зачем им фабрику разбирать? — спросил идущий управляющий.

— Вы его не слушайте, — сказал, обернувшись к остальным, человек с разводным ключом. — Мы его не знаем. А то завтра тряхнет — и нет фабрики. И все мы без работы.

— Я ваш хозяин, это моя собственность. Я призываю вас разойтись. Тех, кто не подчинится, увольняю.

Толпа растерянно молчала. Чаша весов колебалась. Но опять вмешался мой основной оппонент:

— Им лучше, чтобы все погибло, только бы не досталось правительству. А нам что на хозяина работать, что на правительство. Правительство даже будет больше платить. Это я вам точно говорю.

Толпа зашумела одобрительно, и я понял, что мое дело проиграно. Мне было ясно, что за этим скрывается жестокая и коварная рука майора Тильви.

— Господин хозяин, — шептал мне на ухо управляющий, — лучше уйдите отсюда. Люди злые, они могут вас обидеть. Они боятся остаться без работы. Уйдите.

— Нет, — произнес я твердо. — Я забочусь об интересах рабочих. Их обманывают. В этот момент их семьи гонят в горы, а они, наивные, разбирают машины, чтобы военным было легче увезти их в Лигон.

— Гони его! — крикнул кто-то. Но более осторожные прислушивались к моим словам. Другой голос возразил:

— Надо проверить. Какой смысл хозяину свою фабрику губить? Может, он знает что-то.

К сожалению, решение, к которому пришли эти люди, оказалось совершенно неприемлемым для меня. Какая-то горячая голова предложила послать одного из них в комендатуру узнать, как там дела, заглянуть по домам. А меня, пока суть да дело, запереть на складе.

Я сопротивлялся как тигр. Но эти темные озлобленные люди,

столь далекие от понятий законности и порядка, сволокли меня к темному складу, и я услышал, как звякнул засов. Лишь зарешеченное окошко связывало меня с миром. И меня охватил ужас. Я почувствовал себя погребенным заживо. Меня не успокоил даже шепот управляющего, который вскоре подошел к окошку и сказал:

— Я вас, как только станет потемнее, выпущу.

Он не понимал, что мне не к кому бежать, некого молить о помощи. Снаружи слышались голоса, крики, и я на всякий случай удалился в дальний угол склада и спрятался там, ибо опасался, что, вернувшись, посланец принесет приказ перевести меня в тюрьму. Я слышал, как он вернулся и как возбужденно переговаривались рабочие. Потом они вновь принялись за разрушение фабрики, забыв обо мне. Лишь через час до меня случайно донеслись слова:

— А что с хозяином делать?

И ответ:

— Пускай сидит, отдыхает.

И взрыв хамского хохота.

Когда управляющий, не нарушив своего слова, открыл засов и выпустил меня, было уже за полночь... Последние рабочие, завершая уничтожение фабрики, возились у разобранного цеха, закрывая станки дерюгой. Управляющий вывел меня задами на пустырь и прошептал:

— Простите, хозяин, что так вышло... Простите, хозяин...

Майор Тильви Кумтатон

Вечером я побывал в доме у русских и говорил с советником Вспольным. Военный фельдшер так обработал его йодом и зеленкой, что он стал похож на воина племени Урао, вышедшего на тропу войны.

Господин Вспольный был мною разочарован. Его близорукие светлые глаза в желтых ресницах сердито блестели на красном, обожженном горным солнцем, небритом лице. Профессор Котрикадзе не участвовал в разговоре. Он сидел за столом и просматривал ленты, привезенные Вспольным с Линили. Ли не было. Он остался на озере.

Господин Вспольный, наверно, думал, что, узнав о роли князя Урао и поведении капитана Боро, я тут же прикажу объявить мобилизацию и отправлюсь восстанавливать справедливость. Он ошибся, и это его огорчило.

К сожалению, я ничего не мог поделать, хотя знал больше Вспольного.

Участники неудачной экспедиции на Линили уже разошлись по домам и, полагаю, сейчас помогали своим семьям готовиться к отъезду. Все мои солдаты были заняты — или здесь, или в Моши. Им следует выспаться перед завтрашним днем. Я бы тоже с радостью прилег на час, но в комендатуре меня ждали.

Да и как объяснить русскому, что я только час назад и то случайно обнаружил у себя в кармане последнюю записку Васунчока, в которой он сообщал мне о предательстве Боро! Если бы я прочел ее вовремя, Лами была бы в безопасности, а груз опиума — в наших руках. Как объяснить Вспольному, что Боро не явился ко мне с докладом об экспедиции на озеро, что его нет дома, что его нет в городе? Что же его спугнуло?

Не могу я бежать сейчас в дом князя Урао. Он готов к моему визиту. Я не могу устраивать осаду и штурм резиденции председателя совета горных правителей и поднимать на восстание горные племена за несколько часов до землетрясения... Я вежливо поблагодарил господина Вспольного за рассказ о событиях в горах.

Вспольный покраснел. Профессор Котрикадзе чуть улыбнулся, не поднимая головы от бумаг. Даже в трагедии бывают смешные детали. Вспольный подтянул слишком длинные брюки, пожертвованные ему профессором, и покинул комнату.

Я спросил профессора:

— Ничего нового?

— Прогноз остается в силе. Но постарайтесь все закончить к четырем часам.

— Постараемся, — сказал я. — Спокойной ночи.

Несмотря на поздний час, губернаторский дворец гудел, как городской базар. Носились по коридорам клерки и военные телеграфисты, в коридорах сидели и стояли неизвестные мне люди, кто-то ругался с запыленным лейтенантом из транспортных войск. У дверей моего кабинета кто-то прислонил прибитый к фанере плакат «Долой милитаристское правительство!». Под плакатом стоял мужчина с разводным ключом в руке. Вид у него был мрачный, и моя рука непроизвольно потянулась к кобуре.

Но мрачный человек был делегатом со спичечной фабрики. Оказывается, туда заявился паршивец Матур и пытался сорвать эвакуацию. При этом лгал несусветно о наших целях и намерениях. Люди заперли Матура на складе, но все-таки решили послать кого-нибудь ко мне, развеять сомнения — не будем ли мы переселять в опустевшие дома людей из Лигона? Я поклялся, что этот план родился в жадной голове Матура. Но почему? Это же его фабрика — так помогай, спасай ее.

В кабинете у меня сидели два князя с верховьев Лонги и настоятель местного монастыря. Ждали своей очереди корреспондент «Лигон дейли» и еще человек пять. За час отпустив их, я попросил ординарца принести мне чашку кофе и таблетку аспирина. Глаза слипались. Но ведь осталось меньше суток...

Кофе был теплым, из термоса, да и на чем его сейчас разогреешь? Я пил его медленно, стараясь убедить себя, что уже не хочу спать.

Я думал не о землетрясении, я думал о Лами и Васунчоке.

Будь я европейцем, то есть цивилизованным человеком (и хотя это ложь: лигонская цивилизация старше европейской на тысячелетие), я бы выбрал самое главное и без колебаний занялся бы спасением города. В конце концов в пещере лежит не первая и не последняя партия опиума, и, если получше подготовиться, мы их обязательно поймем. Да и с Лами, вернее всего, ничего дурного не случится — думаю, что князю она нужна как заложница. Со смертью капитана шантаж теряет смысл, и девушка скоро вернется обратно. Но я дал слово капитану, что выполняю его просьбу. Его просьба задержать груз оказалась предсмертной. Духи предков никогда не простят мне, если я это слово нарушу. И не будет мне успокоения ни в этом, ни в последующих рождениях. А если я оставлю без защиты дочь капитана, то семь кругов ада откроются для меня и семь кругов неба навсегда останутся для меня закрыты. Я говорю не как майор армии и бывший студент университета — называйте это национальной психологией, чем угодно, но клянусь: окажись на моем месте сам бригадир Шосве, он сказал бы то же, что и я. А раз так...

Вошел скучный клерк из отдела имуществ, который составлял для меня списки собственников недвижимости. Я взглянул на часы. Первый час ночи.

— Что привело вас ко мне? — спросил я, вновь услышав голоса и шум моторов за окном, мычание волов, лай собак, плач детей.

— Я думал, господин майор, — сказал он, — над вопросом, который вы мне задали днем.

— Вопросом?

— Да. Вы сообразовали спросить, кому и зачем нужно, чтобы срок землетрясения остался в тайне? Может быть, вы и не связывали эти свои слова со сведениями, которые я для вас подбирал, но я осмелился тоже думать об этом, господин майор.

— Ну и что?

Это был старый клерк, высохший от сидения над бумагами в окружном управлении, бумажная крыса, на которую никто ни-

когда не обращал внимания. Он трепетал от служебного страха передо мной, но еще более от крамольности пришедшей ему в голову мысли.

— Садитесь, — сказал я ему.

— Я проставил возле каждого из порядковых номеров сумму, на которую застрахована эта собственность. И оказалось, что, как правило, она превышает сумму, уплаченную новыми хозяевами.

Так, думал я, господин директор Матур был на дороге, когда пропал портфель. Господин директор Матур прибежал на спичечную фабрику и начал кричать на рабочих...

— За сколько куплена спичечная фабрика? — спросил я.

— Двести тысяч ватов, — сказал клерк, ткнув узловатый палец в нужную строчку.

— А страховка?

— Триста пятьдесят тысяч...

— Механические мастерские?

— Стоимость неизвестна, плюс модернизация цехов... но сумма страховки почти миллион ватов...

Я готов был обнять эту бумажную крысу. Все становилось на свои места, как кубики в детской игре.

Я рванул телефонную трубку.

— Соедините меня со спичечной фабрикой... Никто не отвечает? Тогда с механическими мастерскими. Там должны оставаться люди, которые демонтируют оборудование... Срочно.

Я, прикрыв ладонью телефонную трубку, сказал таким голосом, что клерк тут же бросился к двери:

— Срочно наряд солдат! В машину!

Директор Матур

Я недалеко отошел от фабрики и осторожно присел в кустах у обочины. Отсюда мне были видны дорога и выходявшие из ворот фабрики люди. Они смеялись и громко разговаривали, словно то, что они делали сегодня, было добрым делом, которое зачтется им в будущем. Я смотрел, как мимо меня проходили орудия злого гения майора Тильви, не понимавшие, что отнимают кусок хлеба у моих детей. На фоне синего неба освещенные луной стояли ободранные, без крыш и стен, корпуса фабрики. Я терпеливо ждал. Я не намеревался сдаваться на милость грабителей.

Далеко, на башне церкви св. Иуды часы пробили двенадцать. Над городом пылало зарево огней. Электростанция работала на полную мощность. Наверно, ее владельцы заплатили немалые

деньги за то, чтобы их не трогали. Они-то свою страховку получают полностью.

Последний рабочий прошел мимо меня. Наступила тишина, прерываемая иногда вспышками шума, долетавшими от центра города. Над воротами горела лампа. Я надеялся, что они не догадались оставить сторожа.

Какая-то паршивая, хромая собачонка из тех, что стаями бродят по улицам, увязалась за мной. Я кинул в нее камнем, собака взвизгнула и отстала.

Как назло у ворот маячила фигура сторожа — старого гурки с изогнутым кукри за поясом армейской куртки. Наверняка это приказал сделать майор Тильви. Пришлось обходить фабрику вдоль трухлявого забора, рассчитывая найти в нем дыру. Я рисковал наступить на змею или провалиться в яму. Я попал в колючки и еле выбрался из них, порвав пиджак и оцарапав ногу. Но я упорно шел, пока не нащупал место, где доски разошлись. Собачонка вернулась и следила за мной, и я сильно пнул ее ботинком. Собачонка завизжала так, словно фабрика принадлежала ей. Я замер, опасаясь, что сторож услышит вой. Но все было тихо.

Я был скрыт от сторожа штабелями леса и потому осмелился зажечь спичку, чтобы, разглядеть, где я нахожусь. К сожалению, я не успел изучить расположение моей собственности и не был уверен, как мне лучше пройти к складу, в котором меня держали в заточении. Там за часы позорного плена я, не теряя даром времени, собрал в кучу валявшиеся на земле щепки и мусор. Я не знал, горит ли сера, сложенная на складе, но рассчитывал, что она должна загореться, так как горит на спичках.

Вот и дверь на склад. Я остановился, прислушиваясь. Сторож, стоявший ярдах в ста от меня, что-то мурлыкал себе под нос. Жаль, что у меня нет с собой керосина. Ведь никто не будет исследовать причин пожара — завтра землетрясение все сровняет землей. Засов громко скрипнул, я замер, но сторож продолжал петь. Меня вдруг охватило раздражение против сторожа. Я словно раздвоился. Во мне жил хозяин этой фабрики, возмущенный тем, как плохо ее охраняют, и поджигатель, который не хотел, чтобы сторож исполнял свой долг.

Я вошел в непроницаемую темноту склада. Где же здесь подготовленный мной костер? Я представил себе, как вспыхнут сухие доски и фанера... Оказалось, что я ошибся дверью. Это был совсем другой склад. На полках лежали запасные части, винты, подшипники, инструменты. Это поджечь нелегко. Я вышел наружу и стал думать, где же нужно мне помещение?

Я услышал дребезжащий голос:

— Кто здесь?

Я различил фигуру сторожа, который щелкал выключателем старого карманного фонаря, пытаюсь зажечь его, и при этом дрожал от страха.

— Кто? Кто? — повторял он. Рядом с ним виляла хвостом хромая собачонка, которая и привела его сюда.

Я хотел броситься в сторону, скрыться в темноте, но при первом же шаге натолкнулся на штабель досок и остановился, потому что понял, что сторож лучше ориентируется здесь и мне от него не убежать.

— Свои, — сказал я. — Не беспокойся. Свои.

В этот момент фонарь все-таки загорелся, хотя я молил небо, чтобы он не зажигался.

Солнце уперлось мне в глаза. Я зажмурился.

— О, это вы, хозяин, — сказал сторож с облегчением.

— А кто же? Мой дух, что ли?

— Может, дух. — Сторож боялся их больше, чем людей.

— Отведи фонарь, — сказал я ему. — Не слепи меня.

Луч фонаря дрогнул и отошел в сторону, упершись в деревянную стену.

— Все в порядке? — спросил я. — Никто не приходил?

— Все в порядке, господин. А как вы миновали меня?

— Я проверял тебя. Хорошо ли ты сторожишь. А ты сторожишь плохо.

— Да, господин, — покорно согласился со мной сторож. — Мне велено никого не пускать на фабрику, но ведь забор совсем старый.

Мы с ним вышли из-за штабелей и оказались на широкой площадке, где стояли станки. Сюда доставал свет лампы у ворот. Сторож приободрился.

— Такой день, хозяин, — сказал он. — Меня сменят в шесть часов, чтобы я мог собраться.

— Дай сюда фонарь, — сказал я.

Он подчинился.

Это был старый тяжелый армейский фонарь. Таких теперь уже не делают. Я взвесил его в руке. Сторож меня узнал. Я теперь не могу отпустить его отсюда.

Сторож отвернулся, глядя вслед побежавшей к воротам собачонке. Я резко размахнулся и, призвав на помощь небо, изо всех сил ударил сторожа по голове. Мне никогда раньше не приходилось бить человека, я оставался и остаюсь принципиальным про-

тивником насилия, даже стараюсь щадить мух и комаров. Но я был в безвыходном положении, ведь сторож меня узнал.

Сторож ухнул, будто выпустил воздух, как продырявленный воздушный шарик, и медленно-медленно, словно в воде, опустился к моим ногам.

Я подхватил его под мышки, стараясь не потерять фонарь, и потащил за штабеля. Сторож был не лигонцем, он был гуркой — невелика потеря для человечества. Но я тут же дал себе слово, что, если со сторожем что-либо случится, я обязательно позабочусь о его семье. С помощью фонаря я без труда разыскал дверь в склад, где я был заточен. Куча щепок и горючего хлама словно ждала меня. Я вернулся к штабелям дров и подтащил к ним все, что мог отыскать вокруг, чтобы огонь занялся скорее и ярче. Мусором я завалил тело сторожа — пускай его никто не узнает. Я надеялся на то, что в эту ночь некому будет тушить пожар — пожарные бегут в Моши. Но рисковать я не мог.

Когда я уже вернулся на склад и только чиркнул спичкой о коробок, проводя в жизнь смелый и рискованный план, я вдруг услышал в тишине ночи, прерываемой лишь треском цикад и мычанием лягушек, что к фабрике приближается машина. Я замер, сидя на корточках на складе, молясь, чтобы машина проехала мимо. Моя рука между тем поднесла спичку к ветоши, щепкам, бумаге, и огонек быстро побежал по мусору, набирая силу.

Машина взвизгнула тормозами у ворот.

Я бросил догоревшую спичку и начал чиркать второй, чтобы поджечь кучу с другой стороны. Спичка сломалась.

У ворот были слышны голоса.

Я зажег вторую спичку, метнулся к штабелям, присел за ними, вновь и вновь чиркая спичкой по коробку.

Чирк! Занялась бумага. Огонек побежал по щепкам.

За моей спиной послышался треск — я успел! Огонь разгорается!

И тогда я бросился к дырке в заборе, чтобы с помощью провидения скрыться в гостеприимном и глубоком сумраке ночи. О, эта проклятая собачонка!..

Владимир Кимович Ли

Я думал, что лучше бы мне до рассвета поспать, но сон не шел. Я выкурил пачку сигарет, пересчитал звезды над островом, потом спустился к берегу и искупался в парной воде сонного озера. По-

том я сидел на берегу и глядел на черный склон горы, стараясь увидеть там огонек костра или отблеск фонарика. В деревне забрежали собаки. Снова гудящая цикадами тишина. Гулко плеснула рыба недалеко от берега... И тут меня разбудил звонок.

Оказывается, я задремал, сидя на песке и положив подбородок на колени. Я вскочил, спросонья решив, что я дома и кто-то звонит в дверь. Зуммер гудел сверху — заработала наша при-скорбная связь. Я стрелой взлетел на холм, занозив по дороге пятку. Это был Отар.

— Вы чего не спите? — удивился я. — Четвертый час.

— Я сплю, — сказал Отар. — Просто захотелось узнать, как ты там.

— Не беспокойтесь. Ничего нового.

— Извини, что разбудил. Ты датчики смотрел?

— В полночь. Все по-старому.

Я не поверил Отару. Я знал, его беспокоило, намерен я совершать глупости или нет.

— Спокойной ночи, — сказал я. — Скоро рассвет.

— Только без глупостей, — сказал Отар.

Небо над Танги начало светлеть. Связист, проснувшийся от вызова Отара, снова заснул, закрыв голову от комаров курткой. Я зажег фонарик и еще раз проверил приборы. Я был зол на Матура, ведь каждый сантиметр нашей пленки — невероятная ценность для науки. Это ведь первый в мире подробный и достоверный рассказ о том, как варится настоящее землетрясение, шаг за шагом, минута за минутой. Эта пленка ценнее, чем все его банки, заводы и пароходы. А вот теперь по милости его друзей важного куска этой информации не существует. И в музее, где будет выставлена эта лента рядом с надкусанным яблоком Ньютона и бочкой Диогена, появится пробел, на котором печатными буквами наши потомки напишут: «По халатности некоего В.К. Ли эта часть данных для науки пропала».

Пленки меня порадовали, как радуют мрачные результаты анализов врача, поставившего правильный диагноз. Земля вела себя как надо — землетрясение состоится в шестнадцать часов столько-то минут, и местные жители получают право с теплым чувством вспоминать некоего В.К. Ли со товарищи — своих спасителей.

Ну ладно, почти рассвело. У меня тоже хобби — встречать рассветы в Лигоне. Я спустился к берегу, стараясь не разбудить связиста и второго солдата, охранявшего датчики, и потихоньку отвязал лодку.

Легкая лодочка, которую я с вечера предусмотрительно отвел за скалу, чтобы какой-нибудь любитель ранней рыбной ловли не спер ее в решающий момент, глубоко осела под моим сравнительно нетяжелым телом. Разбирая весла, я дебатировал сам с собой вопрос, не украсть ли у мирно спящего солдата автомат, но затем отказал себе в таком соблазне — если что-нибудь случится, для недругов майора Тильви и прочих плохих людей нет ничего приятнее, как растрезвонить на весь мир о том, что вооруженный легким стрелковым оружием русский «так называемый геолог» шляется по горам мирного Лигона и устраивал геноцид.

Я причалил к кустам на берегу, в полукилометре у деревни, где на высоком обрыве над берегом виднелись черные на расвете верхушки мандариновых деревьев. Привязав лодку, я поднялся наверх и, стараясь не поднимать больше шума, чем это необходимо в данных обстоятельствах, пересек мандариновый сад и оказался перед воротами монастыря. Я рассчитывал в этих краях на одного союзника — старого настоятеля дедушку Махакассапу.

Я разулся у ворот. Монастырь только-только просыпался. У колодца плескались голые до пояса здоровые молодые монахи. Оранжевыми знаменами сушились их тоги на веревках за колодцем. Я подошел к купальщикам и поинтересовался, где их наставник. Монахи сделали вид, что пять утра — самое удобное время для укрепления международных связей. Один из них, совсем мальчишка, побежал в большой серый от старости деревянный дом с резной многоярусной крышей, где нас когда-то, Впрочем, не так давно принимал почтенный пандит.

— Иди, — показал мне появившийся на ступеньках монах.

Солнце еще не вышло из-за гор, и откуда-то от дальних строений, где жила монастырская прислуга, белой змеей полз вкусный дымок. Стаей пролетели большие летучие мыши, возвращаясь домой после трудовой ночи.

Старик Махакассапа сидел на циновке. Перед ним горела керосиновая лампа, отчего сумрак в комнате казался гуще.

— Здравствуйте, пандит Махакассапа, — сказал я. — Простите, что побеспокоил.

— Садись, молодой человек, — сказал старик. — Что за новости ты принес?

Как всегда в таких случаях, несколько монахов вошли в комнату, присели на корточки у двери и, хотя они вряд ли понимали хоть слово по-английски, сразу придали нашей встрече характер конфе-

ренции на высшем уровне. Иногда кто-нибудь из них громко зевал, разгоняя сон, порой они начинали громко перешептываться.

— Кроме меня, вам еще кто-нибудь говорил о землетрясении, Махакассапа?

— Да. Сегодня ночью в деревню приехал человек из Танги. Он привез бумагу. Раньше я не видел таких бумаг.

Мне хотелось напомнить, что появление ее — результат, в частности, моего скромного труда, но старик не дал мне такой возможности.

— Это вы узнали со своим начальником, слушая шорохи земли? — спросил он.

— Да.

Я подумал, что он удачно сказал — именно шорохи.

— Вы правы, — сказал старик. — Сегодня ночью беспокоились собаки и земляные крысы покинули свои норы. Так бывает перед землетрясением. Я пошлю человека к роднику — поглядеть, поднялась ли там вода. Вода в роднике всегда поднимается в день бедствия.

Старика ничем нельзя было удивить. У него был научный склад ума. Старик замолчал, ожидая, что я скажу.

— Землетрясение будет после полудня, — сказал я. — И очень сильное.

Старик кивнул.

— Люди в деревне предупреждены, — сказал он. — Они вынесут вещи на улицу.

— Может, лучше уйти отсюда в безопасное место?

— Нет. Сюда не достанут осыпи. Зато тебе лучше убрать свои приборы из сосновой рощи. Там опасно.

— Я обязательно это сделаю, — сказал я. — Еще есть время. А как вы?

— Я выйду на улицу. Не беспокойся, молодой человек.

Что ж, можно переходить к сути дела. Мне надо было повести разговор так, чтобы старик не удивился, что я вмешиваюсь не в свои дела.

— Лами, — начал я, — жила в вашем монастыре.

— Да, — сказал старик, не меняясь в лице, — ее покойный отец поручил ее мне.

— Покойный?

— Капитан Васунчок умер вчера. Ты не знал об этом?

— Нет. Он же чувствовал себя лучше. Лами мне говорила.

Старик не ответил.

— И Лами не знает об этом...

— Лами не знает об этом, — сказал старик. — Если ей не сообщил князь Урао. Но я думаю, что князь Урао тоже не знал. Он украл ее, потому что думал, что капитан жив. Чтобы капитан его слушался.

Наступила пауза. Я прервал ее:

— Вчера солдаты из города и полицейские искали контрабандистов Па Пуо. Но не нашли их.

— Солдат вел староста деревни, — сказал старик. — Но князь Урао успел перенести груз в другую пещеру.

— Мой друг, который был там, сказал, что капитан Боро не очень хотел найти груз.

— Я знаю, староста тоже так думает. Но он не стал спорить с солдатами.

— Но там Лами...

— Я знаю, молодой человек, что ты выделяешь Лами среди других девушек. Но ты приехал сюда, чтобы делать свою работу. Твоя работа важная. У тебя есть свой начальник. Он разрешил тебе идти сюда?

— Нет, — сказал я. — Он ничего не знает.

— Тогда почему ты не сказал ему?

— Потому что он, как мой начальник, не должен был бы разрешить мне идти в горы.

— Ты сказал правду. Но не пострадает ли твое дело от того, что ты отправился в горы искать девушку?

— Нет, — сказал я. — Мы уже точно знаем, что землетрясение будет после полудня, и сейчас люди покидают Танги.

Вошел молодой послушник и поставил передо мной чашку чая. На блюде лежала лепешка.

— А вы? — спросил я.

— Мне не надо, — ответил старик и улыбнулся.

Что же он скажет? Я отхлебнул чая. Чай был горячий и сладкий.

— Князь Урао оскорбил меня, — сказал старик. — Он оскорбил в моем лице всю сангху. Оскорбление наполнило меня печалью за участь князя. Он плохой человек и не сможет стать хорошим.

За окном, словно по сигналу, запели птицы.

— И потому, — закончил Махакассапа, — я беспокоюсь за Лами.

Я допил чай и поставил чашку на блюде.

— Ты хочешь пойти в горы?

Как будто не было предыдущего разговора.

— Да. Но вряд ли я буду полезен Лами без вашей помощи.

— Ты поступил разумно. Сейчас придет староста деревни. Я жду его. Староста знает, где Па Пуо.

— Если будет землетрясение, опасно оставаться в пещере. Надо, чтобы Лами ушла оттуда как можно скорей, — сказал я.

Майор Тильви Кумтатон

К тому времени, когда мы заперли визжавшего, перепуганного Матура в комендатуре, сдали медикам обожженного сторожа, расставили посты у механических мастерских, лесопилки и в других важных точках города, чтобы грустные события не повторялись, ночь уже перешла через экватор. Город немного притих. Я доплелся до кабинета и, не раздеваясь, прилег на диван. Я лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к тому, что происходит на улице, и не спал. Наконец я решил подняться и узнать у связистов, что нового сообщил мне Лигон. Но подняться с дивана не было сил, и я продолжал лежать в тяжелом полусне, стараясь перечислять дела на завтра, чтобы ничего не забыть.

Мне показалось, что по коридору кто-то идет. Медленно, осторожно. Шаги остановились у двери. Я знал, что люди, которые идут на все, чтобы помешать мне, могут решиться меня убить. Это не значит, что я трус, но нет ничего позорнее, чем стать жертвой нападения, лежа на диване.

Я вскочил, стараясь не поднимать шума, взял со столика кобуру и на цыпочках подбежал к двери так, чтобы, когда она откроется, оказаться за ней.

В дверь тихо постучали костяшкой пальца, словно проверяя, здесь ли я. Я молчал. Я видел, как медленно опускается ручка двери, и это напомнило мне кадр из какого-то фильма ужасов. Я вынул пистолет из кобуры.

Дверь медленно открылась, и я поднял пистолет так, чтобы он был на уровне груди вошедшего.

Я не сразу узнал человека, потому что свет от настольной лампы почти не достигал двери. Этого человека я меньше всего ожидал увидеть здесь ночью. При виде его меня охватил стыд за то, что я, комиссар округа, прячусь за дверью, словно царь, опасющийся заговорщиков.

Отец Фредерик сделал шаг внутрь и остановился, осматриваясь.

— Вам не спится, святой отец? — спросил я, выходя на середину комнаты.

— О, господин майор, вы меня так испугали!

— Как вы прошли мимо солдата?

— Солдат спал, и я не стал его будить.

— Хорошо, — сказал я, проходя за стол и указывая миссионеру на стул напротив. — Что привело вас, святой отец, ко мне в такое необычное время? Если вы беспокоитесь за участь вашей школы, то не сомневайтесь — детей вывезут с утра. Церковное добро пускай выносят ваши прихожане. Это не дискриминация. То же самое я сказал буддистам.

— Я знаю, знаю... Я очень благодарен. Я пришел совсем не за тем.

Я осторожно выдвинул ящик письменного стола и положил пистолет внутрь.

Лишь важное дело могло заставить миссионера заявиться ко мне в четыре часа ночи. Как странно, думал я, разглядывая его длинное белос лицо. Вот я был мальчишкой и бегал по улицам, мы дрались с учениками миссионерской школы, а отец Фредерик разнимал нас, и он был точно таким же старым. Прошло двадцать лет, появились новые государства и города, сколько людей умерло и родилось, а миссионер все шагает по улицам Танги, направляясь к белой словно сложенной из детских кубиков церкви с острым длинным шпилем. Враг ли он моей стране? В университете мы устраивали демонстрации, чтобы изгнать из Лигона всех миссионеров и христианских епископов, ведь они здесь чужие. Они пришли сюда с англичанами и воспитывали рабов. Но отец Фредерик настолько сросся с нашим Танги, что трудно было считать его колонизатором.

— Вы знаете, майор, — сказал отец Фредерик глубоким грудным голосом. Он говорил по-лигонски не хуже меня, я даже как-то видел написанную им грамматику лигонского языка. Он знал и языки горцев, — что я провел в этом городе большую часть жизни. И я люблю эту страну и надеюсь, что похоронят меня здесь, у церкви.

Я молчал.

Миссионер на несколько секунд замолк. Потом продолжал, без связи с предыдущим:

— С возрастом становится все меньше и меньше друзей, как воды в реке к концу засухи. Моим самым близким другом был капитан Васунчок.

— И семейство князей Урао, — добавил я.

— Что ж, вы правы. Я много лет знаком с вдовствующей княгиней. Она моя прихожанка. И в свое время я возлагал большие надежды на князя Као. Мне хотелось, чтобы он вырос полезным для своей страны человеком.

Я посмотрел на часы. Четверть пятого. Мне так и не удастся поспать. Отец Фредерик заметил мой взгляд.

— Я буду краток, — сказал он. — Ведь я пришел не для воспоминаний. Я давно знал, что князь имеет дополнительный источник доходов, чтобы финансировать свою политическую деятельность. Он в сущности избалованный сорокалетний ребенок, воображающий себя диктатором. Он обладает достаточными способностями, чтобы пользоваться влиянием среди горных феодалов.

Я не перебивал отца Фредерика. Я был с ним согласен.

— С моей точки зрения, контрабанда наркотиков — самое низменное из человеческих занятий, придуманное дьяволом, ибо наркотики отнимают у человека не только тело, но и душу. Я долгое время не хотел в это верить, несмотря на доказательства, которые приводил мне покойный капитан Васунчок, но, когда я убедился наконец в этом, я попытался поговорить с вдовствующей княгиней.

— Она сказала, что в первый раз слышит об этом? — перебил я его.

— Примерно так. И я ей поверил. В дела сына она не смеет вмешиваться. Несмотря на то что она христианка, она остается горной княгиней, рабой мужа, а после его смерти — старшего сына. Потом я попытался поговорить с князем, который поднял меня на смех и тут же придумал фантастическую историю, полностью обелявшую его в моих глазах. Версия князя была очень изобретательной и убедительной. Полгода назад я пришел к тяжелому для себя, но единственно возможному решению. Я решил сделать все, чтобы пресечь торговлю наркотиками. И спасти этим не только тех людей, которым предназначается опиум, но и самого князя. К сожалению, я не мог обличать князя в проповедях или на улицах, вы же знаете, какой властью он пользуется в городе, какое число людей в той или иной степени зависит от милостей князя.

— Включая военного коменданта капитана Боро, — добавил я.

— И, разумеется, капитан Боро, — сразу согласился отец Фредерик. — Я знал лишь одного человека, обладавшего смелостью, чтобы бороться с князем. Это был капитан Васунчок. И с тех пор я передавал ему все, что мог почерпнуть из разговоров с князем или из тех слов, которыми князь и его приближенные обменивались в моем присутствии, не считая меня опасным. С моей помощью капитану удалось узнать, когда с севера прибывает очередной груз опиума, и Васунчок попытался перехватить его. Это было за две недели до вашего прилета. К сожалению, капитана постигла неудача. Он был ранен. Затем мне удалось узнать еще об одном грузе. Вчера отряд солдат уезжал к сосновой роще, но я не знаю, чем это кончилось. Думаю, что ничем, потому что во главе отряда был ка-

питан Боро, который вряд ли посмел что-либо предпринять без разрешения князя.

— Вы правы, — сказал я.

— Вчера Васунчок умер. Я глубоко убежден, что виновником его смерти, как ни тяжело это говорить, был князь Урао. Он вывел капитана из себя.

— Да.

— Тогда я решил прийти к вам. Вы здесь новый человек, и вряд ли князь успел опутать вас, как других.

— Нет, — сказал я, не улыбаясь. — Он даже и не пытался этого делать.

— Я знаю, — сказал отец Фредерик. — Я позволил себе говорить так долго, чтобы вы постарались понять меня и поверить мне. То, что я скажу, — правда, но вам придется сделать усилие над собой, чтобы поверить в нее, так как эти сведения исходят от меня, белого миссионера.

— Я верю вам, отец, — сказал я. — Я ведь сам из Танги. И мой отец был с вами в одном японском концлагере.

— Да, я помню его. Он погиб там... Довольно давно, может, полгода назад в доме князя было совещание с другими сепаратистами. Я никогда не вмешивался в их дела, так как полагал, что каждый народ сам избирает себе правление и в случае, если правительство ему не нравится, некого винить, кроме самого себя. Тогда, может, вы помните, была вспышка сепаратистских настроений в связи с очередной попыткой правительства лишить князей их привилегий. Князья готовились к восстанию, которое сорвалось из-за их разногласий, но, когда обсуждалось, как обороняться от лигонских войск, они решили заминировать некоторые мосты и здания в Танги...

— Что?! Вы знали об этом и молчали?!

— Я думал тогда, что это не более как похвальба князей. Об этом открыто говорилось на обеде, который давал князь Урао своим сторонникам. На этом обеде, кроме меня, был и тогдашний губернатор, и капитан Боро. Они даже имели название для этого плана: «Треугольник».

— Но что заставило вас изменить...

— Судите сами. Вечером я навестил княгиню Валомиру в загородном доме, а затем ездил на своей машине в Моши, чтобы поглядеть, как будут размещены школьники. По дороге из Моши я встретил гроб с телом капитана Васунчока. В подавленном состоянии я вернулся в город и поспешил к князю, так как его мать просила узнать, когда он покинет город. Слуги отлично меня знают, и пото-

му я прошел к дому без предупреждения. Князь находился в библиотеке с двумя своими помощниками. Так как я в последние недели взял за правило останавливаться у дверей и слушать, о чем говорит князь, то и на этот раз я услышал о том, что они намереваются привести в действие операцию «Треугольник». Я сразу вспомнил о бахвальстве князей на обеде, и меня охватило страшное подозрение, что князь намерен взорвать что-то в Танги. Я попытался успокоить себя тем, что такие действия не входят в интересы князя. Войны нет... Но чем больше я думал, тем больше тревожился. Что я знаю об истинных интересах и намерениях Урао? А вдруг в своей дьявольской игре он хочет, чтобы землетрясение сильнее ударило по городу, чтобы вы не смогли вывезти ценности и людей, а затем свалить вину на военное правительство. Может так быть?

— Да, — сказал я. — Это одна из причин. Есть и другие. Но вы узнали, когда и что он намерен взорвать?

— Нет, — сказал Фредерик. — Я ничего не знаю. Когда я вошел в библиотеку, они прервали разговор. В последние дни мне кажется, что князь о чем-то догадывается. Может быть, у меня на старости лет разыгрались нервы. Мне даже казалось, что за мной следили, когда я шел сюда.

В тот момент я не придавал значения последней фразе отца Фредерика. Я был поражен этой новостью, хотя ничего необычного в ней не было. В самом деле, полгода назад князя готовились к восстанию, и с их точки зрения было логично заминировать пути подхода к Танги. Директор Матур хотел поджечь свою фабрику, но никаких попыток напасть на лесопилку или механические мастерские не было. А это подозрительно. Князь тоже заинтересован в том, чтобы спасти свои деньги.

— Вам надо подумать, — сказал отец Фредерик. — Вы разрешите мне уйти? Не хотелось бы, чтобы меня видели около этого дома.

— Спасибо, отец, — сказал я. — Конечно, идите. И не беспокойтесь за ваших учеников. Грузовик будет в восемь у школы.

Я проводил миссионера до двери и остановился, размышляя, с чего начать. Действовать надо было быстро. Я подошел к окну, чтобы посмотреть, стоит ли у подъезда дежурная машина. Машина стояла. Уже начало светать, и отец Фредерик, широко шагающий по дорожке вдоль газона, был до колен скрыт утренним туманом. Я смотрел ему вслед и думал о «Треугольнике», о том, что надо поднимать дежурное отделение, снова куда-то нестись. Хороший старик, подумал я вдруг об отце Фредерике, всегда давал нам, мальчишкам, конфеты. Это было давно, но вкус конфет сохранился. Тогда были голодные времена, и больше нам никто не давал конфет.

Сверху, со второго этажа, мне были видны и газон, и окружающие его кусты, и проходящая дорога, и даже деревья вдали, за дорогой. За кустами стоял человек, так же, как и отец Фредерик, по колено в тумане. Человек выбрался из-за кустов и пошел сбоку к отцу Фредерику. Миссионер не видел его, он шел, опустив голову и задумавшись. Я вдруг понял, что миссионеру грозит опасность. Я хотел крикнуть ему, но окно было закрыто, и я вместо того, чтобы выстрелить прямо сквозь стекло, стал возиться с запорами, чтобы открыть окно. Я увидел, как сверкнул маленький, сверху нестрашный огонек. Отец Фредерик, не останавливаясь, прошел еще три шага и со всего роста упал вниз, в туман. И исчез.

Убийца побежал к кустам и скрылся в них. Глядя на солдата, выскочившего снизу, от подъезда, и побежавшего к кустам, я подумал, что отец Фредерик все-таки был прав. Его похоронят в Танги, около церкви, если она останется стоять после землетрясения. Я бросился вниз по лестнице. Последний день Танги начался с выстрела.

ТЕЛЕГРАММЫ

Танги комиссару ВРК майору Тильви Кумтатону срочно из Лигона 6.20.

Ваш запрос сообщаем ВРК принял специальное постановление разрешающее комиссару властью ВРК национализировать любое предприятие или собственность в случае если владелец препятствует нормальной эвакуации вопрос компенсации будет разобран при решении вопроса о национализации предприятий масштабе страны

полковник Ван

Танги комиссару ВРК майору Тильви Кумтатону из Лигона 6.40

Глюкоза шоколад сухое молоко одеяла направлены вертолетами ВВС вылетающими восемь часов из Митили

командующий ВВС полковник Джа Поли

Срочно, господину князю

«Сегодня утром, в пять часов, я следил, как Вы приказали, за отцом Фредериком. От Вас он пошел к себе и некоторое время находился в своем доме. В пять часов отец Фредерик вышел из дома совершенно одетый и, оглянувшись несколько раз, поспешил по городу. Я шел за ним на некотором расстоянии. Вскоре я понял, что он идет к дому комиссара. Я не мог его догнать, потому что он шел быстро, а на улице встречались люди, кото-

рые не спали. Когда я догнал его, он уже входил в дом коменданта. Так как Вы сказали, что он ни в коем случае не должен туда войти, я вынужден был выстрелить. Не знаю, мертв он или нет, потому что после выстрела я вынужден был бежать.

Джонсон».

Князь Урао Као

Есть ли высшая справедливость, подумал я, прочтя в постели записку портье Джонсона. И кто направляет безжалостную руку судьбы? Клянусь всем святым, что у меня и мысли не было убивать отца Фредерика, в котором я угадывал собственного отца, хотя этот человек оказался предателем.

Зная человеческую натуру и умея смотреть в будущее, я подозревал, что миссионер побежит с доносом к майору. Я полагаю, что отцом Фредериком руководила не корысть, а неправильное понимание чувства долга, а может, просто страх перед смертью и воображаемым Высшим судьей — проявление старческого маразма. Подозревая покойного Фредерика, я приказал следить за ним, ибо полагал, что он мог подслушать наши разговоры. Вряд ли он что-либо понял, но... И я приказал следить.

И вот записка.... Что ж, мои руки чисты, думал я. Будем считать отца Фредерика праведником, мучеником идеи, позаботимся о его погребении и щедром даре на его школу. Субъективно я был возмущен поступком Джонсона. Объективно судьба поступила правильно: гибелью Фредерика оберегая права и независимость горных княжеств, оберегая мое Дело, мою Идею. Рассудив так, я собирался вновь заснуть, но не прошло и четверти часа, как оказалось, что я совершил ошибку, свойственную многим великим людям и связанную с благородством и доверчивостью моего характера. Почему-то я решил, что предательство отца Фредерика исчерпало на сегодня чашу человеческой подлости. Будь я более подозрителен, я бы с самого начала усомнился в правдивости записки Джонсона. Но я мог предположить все что угодно, кроме правды: что Джонсон не решился задержать Фредерика, когда тот шел к майору, убоявшись моего гнева, и напал на него, когда уже было поздно, когда миссионер сделал свое черное дело.

Итак, я лежал в постели, размышляя о том, насколько лучше было бы для Фредерика и христианской церкви, если бы он умер в японском концлагере и попал в число мучеников. И в этот момент я услышал — ночью слышно далеко, — что кто-то подье-

хал к воротам и препирается со стражником. Я лежал спокойно, пытаюсь сообразить, кто бы мог примчаться ко мне так рано. Кто-нибудь из соседних князей, напуганных слухами о землетрясении? Или отряд с гор, который я ожидал с минуты на минуту? Перебранка у ворот смолкла, и слышно было, как машина тормозит у дверей. Я сел, протянул руку, чтобы достать халат. В коридоре раздался знакомый резкий голос, но я не сразу сообразил, кому он принадлежит.

— Ничего, — произнес голос. — Мы его разбудим.

Дверь распахнулась, и ко мне в спальню, словно в свою казарму, вторгся майор Тильви Кумтатон с левой рукой на перевязи, с пистолетом в правой руке, а за ним два автоматчика в форме гвардейской бригады. Из-за их спин выглядывали виноватые, растерянные рожи лакеев. Вот так, подумал я, попал в плен и Наполеон. Никто не захотел жертвовать жизнью ради своего маршала — ни одна сволочь даже не крикнула, чтобы предупредить меня.

Я встал и накинул халат.

— Чем обязан, — спросил я, — такому вторжению?

— Вы останетесь здесь, — сказал майор. В его глазах сверкал фанатизм догматика.

Я стоял, возвышаясь над ним и сохраняя свое превосходство. Главное было не поддаваться на провокацию. У меня здесь слишком мало людей, и эти люди ненадежны. Мои верные горцы придут утром.

— Вы понимаете, какую ответственность берете на себя, врываясь среди ночи в дом члена высшей палаты парламента? — спросил я.

— Парламент распущен, — ответил майор. Вся сущность простолоудина таилась в этом ответе. Он был холуем, которому дозволено поизмываться над помещиком, перед которым он пресмыкался всю свою рабскую жизнь.

— Тем не менее я надеюсь, что в этом государстве сохранились хоть какие-то правовые нормы, — заявил я.

— Если вы взяли на себя право убить беззащитного старика Фредерика, довести до смерти Васунчока, если вы с помощью бандитов торгуете наркотиками...

— Остановитесь! — воскликнул я. — Вы пожалеете о своих словах. Я надеюсь, что присутствующие здесь выступят, когда мы будем судить вас за клевету.

— Не тратьте время на парламентские речи, — съязвил майор. — Где находится план операции «Треугольник»?

— Что? — вырвалось у меня. — Он был у вас?

— Если вы имеете в виду отца Фредерика, то он успел мне все рассказать.

— Подлец! — не выдержал я. И майор не понял, что я имел в виду жалкого убийцу Джонсона. Нет, не отца Фредерика, ибо я ему не судья.

— Отец Фредерик подвергся нападению человека, опознанного нами как портье гостиницы «Эксельсиор» Самуэль Джонсон. Надеюсь, когда мы его задержим, он не станет скрывать, кто отдал приказ?

— Он будет рад оклеветать меня, — ответил я, взяв себя в руки. — У вас есть ордер на мой арест?

— Вы арестованы без ордера, — позволил себе усмехнуться майор. — В связи с чрезвычайным положением. Вы сами расскажете нам, какие объекты города заминированы вами, или придется обыскивать дом?

— Я не знаю ни о какой операции «Треугольник».

Я попытался бровями приказать лакею, глядевшему на нас, как на актеров в бродячем театре, чтобы он бежал за помощью. Тот сделал вид, что не понимает.

— Дайте ключи от сейфа.

Майор попал в точку. Планы операции хранились там. О, легкомыслие и доверчивость, которые могут стоить жизни!

— У меня нет ключей от сейфа.

— Тогда мы взорвем его.

— Не удастся, грабители!

Но, обвиняя майора, я знал, что не должен перегибать палку. Он может приказать своим подручным расстрелять меня и потом сумеет оправдаться перед начальством. А может, он уже готов это сделать?

— Ключи, — приказал майор.

Я молчал.

— Неужели вы в самом деле хотели взорвать город?

Я молчал.

Предательство порождает предательство, как лавина тянет за собой все новые камни.

— Ключи у него в кармане пиджака, господин майор, — раздался голос от двери. Это был голос лакея, тупого парня, которого я кормил десять лет. — Разрешите, я достану?

Я стоял, парализованный очередным предательством, глядя, как мой лакей подошел к гардеробу, открыл его и протянул майору связку ключей. Он протягивал их, как протягивал мне бокал с виски, — так же подобострастно и угодливо. А я молчал.

— Проводите меня к сейфу, — сказал майор лакею.

Солдаты остались у дверей.

Я сделал шаг к гардеробу, чтобы одеться, но один из солдат ярвкнул: «Назад!», словно я был простым воришкой.

О подлость и одиночество!..

Директор Матур

Я сидел на железной койке на гауптвахте и чувствовал, что из меня вытащили кости. Меня жестоко толкали и ударяли солдаты, пока везли сюда, и я ждал, что в любой момент меня расстреляют, как последнюю собаку. Я был разорен и обесчещен, я был унижен и раздавлен, дети мои будут нищими ходить по улицам, протягивая ручки за подаванием, а моя жена, которую покинет мой любимый брат Саад, будет вынуждена выйти на панель... Как я докажу этим людям, что я не желал никому зла, что я хотел, чтобы все были довольны и добры друг к другу? Как мне доказать священную истину, что я в душе поэт и всю свою жизнь старался жить честно и достойно памяти моих родителей? Неужели я когда-либо осмелился бы поднять руку на моего брата — человека, если бы не был в помрачении рассудка, насланном на меня злыми духами? Как я объясню им, что главной моей целью было после завершения дел на фабрике вынести несчастного сторожа в безопасное место? Если мне дадут возможность нанять адвоката, я надеюсь, что мой дядя Дауд не пожалеет денег для спасения чести семьи. Ведь я ничего не сделал: фабрика цела, сторож жив...

В моей голове пролетали образы, воспоминания, я вновь прожил всю свою недолгую и неудавшуюся жизнь.

Вдруг меня настигло жуткое подозрение: они хотят оставить меня здесь на время землетрясения, потолок обрушится на меня и заживо погребет под развалинами. Я просидел несколько минут, ожидая первого толчка, а потом, не в силах вынести ожидания смерти, которое страшнее самой смерти, я бросился к железной двери и начал молотить в нее, отбивая кулаки и взывая к состраданию тюремщиков.

Кто-то услышал мои призывы, и тяжелые сапоги застучали по коридору. Я отпрянул от двери, она распахнулась, и вместо того, чтобы выпустить меня наружу, солдаты втолкнули нового пленника. Это был князь Урао. Его, видно, подняли с постели — он был в красном стеганом халате, подпоясанном золотистым шнуром с кистями. Несмотря на унизительное состояние, князь старался сохранять высокомерный вид, но это ему не удавалось.

Появление князя столь удивило меня, что я забыл о надвигающемся бедствии. Нет, я не злорадствовал, во мне проснулся философ. Где твоя спесь, князь Урао, который заставлял меня, бедного мальчишку, давать ему списывать контрольные работы и избивал меня в уборной миссионерской школы, если я осмеливался ему не подчиниться? Где твоя спесь, князь, который не захотел узнать меня, когда я нанес визит ему после возвращения из Кембриджа, и который третировал меня, полагая, что я, гордый наследник брахманов, принимаю эти унижения как должное?..

Глаза князя привыкли к темноте. Он сидел на койке так, словно проглотил длинный шест, и его птичья взлохмаченная голова, которую я впервые увидел не приведенной в геометрический порядок домашним парикмахером, поворачивалась вокруг оси, как у грифа, попавшего в клетку.

— Ты здесь, Матур? — спросил он без выражения.

— Да, князь, — сказал я. — Мы здесь. И мы равны.

— Равны ли? — спросил князь. Он подумал немного и добавил, не притворяясь, просто потому, что пришел к такому заключению: — Нет, мы с тобой не равны.

Я внутренне улыбнулся.

— Что привело вас сюда? — спросил я.

Князь пожал плечами.

За решеткой светлело, и в этом туманном синем свете я разглядел, что у князя какие-то мутные, пьяные глаза, словно он не понимает, что происходит.

— Я член верховной палаты парламента, — сообщил он мне доверительно. — Я пользуюсь неприкосновенностью.

— Вы сообщили об этом майору Тильви?

— Он жестоко поплатится.

В голосе князя не было убежденности. Ничего не было, пустой голос человека, который смотрит на рушащийся вокруг мир и не осознает, что сам он часть этого мира.

— Отец Фредерик умер, — сказал князь, запахиваясь потуже в халат. В камере было прохладно. — Мы скорбим.

Я не понимал, к чему он это говорит. Ну, умер миссионер. Надо же было ему когда-нибудь умереть.

— Как майор осмелился посадить вас сюда?

— Он боится меня.

— Это наркотики? — спросил я. — Они перехватили груз?

Князь поманил меня пальцем. Я приблизился.

— Меня скоро освободят, — сказал он шепотом. — Но не

смей доносить об этом. Я тебя убью. Меня все предали. Но ты не посмеешь.

— Я не намерен вас предавать, — сказал я. — Я всегда оставался вашим верным другом. — Мне стало страшно.

— Знаю, знаю, — отмахнулся князь и продолжал шепотом: — Мои люди сейчас спускаются с гор. Мы выгоним этого майора, и я уеду с Лами в Европу. У меня капиталы в Швейцарии. Мне больше нечего делать в этих диких горах. Лами ждет меня. Только тише, ниному ни слова.

ТЕЛЕГРАММА

Лигон бригадиру Шосве срочно из Танги 7.40

Первые партии эвакуированных достигли Моши жду вторую колонну грузовиков медикаменты вертолет обещанный из Митили пресечена попытка князя Урао взорвать дорогу к Танги мост механические мастерские у Танги задержан грузовой с горцами племени Кха шедший в город поддержку князю Урао представители национально конституционной партии выразили поддержку ВРК отмежевались выступлений комитета спасения демократии властью ВРК мною национализированы промышленные предприятия в городе и собственность князя Урао который арестован на допросе признал участие контрабанде опиума полагаю основанием для дальнейшего задержания

Тильви Кумтатон

«Вот что писал житель Катанин:

«...Со всех сторон просили о помощи. На каждом шагу лежали мертвые, массы раненых, улицы стали неузнаваемы, да и не существовало их больше, вместо них стояли остатки домов и горы обломков.

Когда я шел по улице Мессины, я заметил, как один грабитель пытался сломать ящик, я прицелился в него из револьвера, приказывая ему бросить банковые билеты, которые он уже держал в руках. В ответ он стал что-то бормотать, грозя ножом, но тут показались солдаты, схватили его и увезли.

Когда его вели солдаты, все встречающиеся плевали на него, а жители хотели убить этого жалкого человека...»

«Только когда мне удалось пригласить с собой двух русских моряков, стала продуктивнее моя работа...

Среди этих моряков я видел много контуженных, раненых, продолжавших работать, рискуя своей жизнью при каждом случае спасения. Они взбирались на такие места, где, казалось, смерть несомненно угрожала им, но они побеждали и спасали людей...

На остатке балкона пространством не более метра, зацепившись рубашонкой за изломанную решетку, висит девочка лет шести. Только половина ее тела на обломках, а голова и грудь в воздухе: девочка молчит и смотрит вниз. Снять ее почти невозможно: обломки стены едва держатся, достаточно толчка лестницы,

приставленной к ней, и тяжести человека, влезającego по лестнице, стена упадет и ребенок погибнет.

Матросы действуют словно акробаты, они ставят лестницу, не касаясь ею стен, на вершину ее влезают двое, один садится верхом на другого, горизонтально вытягивает свое тело и снимает девочку. Это было сделано так ловко, что среди стонов боли и криков о спасении раздался, может быть, и неуместный, но неудержимый крик победы и радости».

М. Горький. «Землетрясение в Калабрии и Сицилии».

С.-Петербург, 1909.

Владимир Кимович Ли

Староста пришел, когда уже взошло солнце. Он был в выцветшем армейском мундире с тремя медалями на груди. Махакассапа был недоволен его опозданием и что-то строго выговаривал здоровяку. Тот оправдывался. Потом они обратились ко мне, и Махакассапа сказал:

— У старосты свои счеты с Па Пуо. Вчера он не посмел спорить с капитаном Боро. Он думает, что знает пещеру. Если они за ночь не ушли дальше.

Мне хотелось спросить, что мы можем сделать вдвоем со старостой, но я не стал задавать лишних вопросов. Эти люди были моими союзниками. Если бы мне отказали в помощи, я побежал бы в горы один.

— Идите, — сказал старик.

Я поднялся и на прощание еще раз попросил Махакассапу после полудня покинуть дом.

Тот только улыбнулся.

На монастырском дворе под деревьями сидели в ряд с десятком крестьян из деревни. У двоих из них были длинные, по-моему, капсульные ружья, остальные были вооружены бамбуковыми палками, за поясами у них были заткнуты чуть изогнутые ножи. При виде этой маленькой армии у меня отлегло от сердца. Староста и Махакассапа были не так наивны, как я предположил.

Совсем уж неожиданное подкрепление мы получили, когда наш отряд вышел из ограды монастыря. Там, за оградой, стоял джип, в котором сидел, рот до ушей, сержант Лаво. При виде меня сержант Лаво соорудил такую зверскую рожу, что я предположил, что сейчас меня скрутят и отправят в Танги, чтобы я не занимался самостоятельной охотой на контрабандистов. Но оказалось, что мое бегство с острова было замечено, и, решив, что я собрался по холодку проверить приборы в роще, Лаво сел в джип, чтобы меня сопровождать. Что ж, пускай сопровождает.

Я думаю, что Лаво быстро сообразил, что меня на самом деле влечет в горы, но остался с нами. Не доезжая до сосновой рощи, мы свернули в заросли на тропу. В одном месте мы пересекли низинку, где по сырой земле протекал ручеек. Там я увидел следы легкой машины. Все правильно, здесь проезжал вчера князь Урао.

Минут через пять наш джип остановился, крестьяне, слишком громко разговаривая и смеясь, гурьбой пошли вверх. Мне это не нравилось, но вряд ли я смог бы втолковать им, что надо быть осторожными, преследуя врага. Мы имеем дело с профессионалами. Я завидовал Лаво, у которого был автомат. Я чувствовал себя беззащитным, но тем не менее я принадлежал к этому веселому войску. И когда один из крестьян хлопнул меня по плечу и предложил толстую, в кукурузных листьях, сигару, я раздал оставшиеся у меня полпачки «Шипки», и боевой союз еще более укрепился.

— Эй! — крикнул ушедший вперед сын старосты, который столько раз перевозил нас на остров.

Лаво, пригнувшись, перебежал к сыну старосты. Впереди кусты расступились, неподалеку поднималась серая скала. Они смотрели вправо. Меня подмывало подойти поближе, и я даже сделал шаг в ту сторону, но вдруг услышал хлопок выстрела и увидел, что Лаво и сын старосты присели в кусты. Мне видно было, как Лаво медленно поднимает автомат. Еще один выстрел справа. Упала ветка дерева. Лаво дал очередь из автомата. Староста крикнул что-то крестьянам, затрусил к кустам и стал пробираться сквозь них, звеня медалями. Лаво дал еще одну очередь из автомата. Никто не ответил. Он выпрямился, сделал шаг вперед, но тут же новый выстрел заставил его отпрянуть. Не знаю, сколько времени прошло в этой непонятной мне перестрелке. Ни Лаво, ни другие не выказывали желания двигаться вперед. Я попытался знаками показать, что, может, нам лучше наступать, но солдат велел мне оставаться на месте.

И он оказался прав. Через несколько минут далеко справа раздался гортанный крик. Сын старосты откликнулся.

— Пошли, — сказал Лаво.

Он выпрямился и смело вышел на открытое пространство. Мы прошли метров сто по тропинке под самой скалой и увидели старосту. Он сидел на большом плоском камне. Я огляделся. Никаких пещер, никаких контрабандистов. Что же дальше?

Увидев нас, староста поднялся и пошел вперед. И только поравнявшись с камнем, я вдруг увидел, что за ним, вытянувшись во весь рост, лежит человек. Он лежал, отвернув от меня голову,

словно его сморила усталость, но гравий около его головы потемнел от крови. Крестьяне проходили, не глядя на него, словно он был плодом моего воображения. У старосты в руках был новенький автомат.

Тропинка шла по густому кустарнику, поднимаясь все выше. Потом староста отвел куст в сторону, и я увидел широкий и низкий вход в пещеру.

Староста заглянул внутрь и крикнул. Голос его отразился от скалы и вернулся, усиленный втрое. Лаво отцепил от пояса карманный фонарь и посветил внутрь. На каменном полу лежали смятые пожухшие ветки — видно, на них спали. Луч фонаря задержался на нескольких окурках, на забытой веревке, на кучке утлей.

— Они ушли, — сказал Лаво, словно извиняясь передо мной.

Директор Матур

Часы мои остановились. Я не знал, сколько времени. Меня могли бы и покормить, ведь заключенных следует кормить. Князя Урао увели, и он долго не возвращался. Я попытался выглянуть в зарешеченное окошко, для чего подтянул к нему койку. Но все равно видел только покрытое тучами мрачное небо. Сюда почти не доходили звуки, хотя я очень прислушивался, потому что мне казалось, что все уже ушли из города и меня забыли.

Стоя на койке, я не заметил, что дверь открылась и вернулся князь Урао. Солдат, толкнувший его в камеру, не обратил на меня внимания и тут же ушел.

Я пригляделся к князю, стараясь обнаружить на его лице следы побоев, но следов не нашел. Князь уселся на койку. Он казался совершенно спокойным.

— Слезьте, Матур, — сказал он. — Вы загромождаєте мне свет.

Я подчинился, потому что и в самом деле нелепо разговаривать, стоя на кровати.

Князь казался подавленным.

— Что-нибудь еще? — спросил я, стараясь проявить сочувствие.

— Тактическое отступление, — ответил князь, не глядя на меня. — Вынужденное отступление.

Я ждал, что он еще скажет.

— Операция «Треугольник» провалилась. — Князь загнул палец. — Заводы эвакуируются... — Второй палец замер в полусогнутом состоянии. — Но ведь Джонсона они не поймали. Они ничего не могут со мной сделать. Минирование проводил не я... — Палец разогнулся.

Князь прислонился головой к серой плохо оштукатуренной стене и закрыл глаза. Я осмелился нарушить его размышления.

— В любой момент, — сказал я, — может начаться землетрясение. И мы будем погребены здесь заживо. В любой момент.

Князь ответил мне, не открывая глаз:

— До землетрясения еще несколько часов. К тому времени меня здесь не будет.

— Вас выпустят?

— Конечно, выпустят. Они не посмеют, — говорил он, словно твердил латинские спряжения. — Скоро придут воины из племени Кха, и эти солдаты разбегутся как крысы...

— А если не придут?

— Меня все равно отпустят. Меня нельзя здесь держать.

— Князь, — сказал я с достоинством, — возьмите меня с собой. Я здесь нахожусь по ошибке. Вы же меня знаете много лет. Обо мне нельзя сказать ничего плохого.

Он думал о своем. Я никак не мог размягчить жесткую броню, в которую было заковано его маленькое сердце.

Внезапно он открыл глаза.

— Я ему обещал, — сказал он. — Я отойду от политики. Я уеду из Лигона. Да, я возьму Лами и уеду из Лигона. Мы будем жить в Швейцарии и кататься на лыжах. Матур, ты никогда не катался на лыжах. На этих условиях они выпустят меня из страны.

Такой разговор никуда не вел.

— Вы должны помочь мне выбраться отсюда, — настаивал я. — Меня будут пытать. Я не выдержу. Я все расскажу. И о Суне, и о подполковнике Кенги...

— Ах, какое мне до этого дело! Ты зачем, Матур, убил отца Фредерика?

Я был в отчаянии. Он ничего не слышал и не понимал. Он был вне себя.

— При чем здесь отец Фредерик!

— Да, при чем?

Мне показалось, что князь заснул.

За окном было тихо. Конечно, все уже ушли из города. Сейчас начнется...

Я метнулся к князю.

— Очнитесь! — умолял я его. — Очнитесь. Мы должны уйти отсюда.

Князь вяло попытался стряхнуть мою руку. Я бросился к двери. Я стучал в нее, но шум лишь улетал куда-то по коридору и замирал там, в пустоте. Все ушли...

Наконец я влез на койку и, встав на цыпочки и прижав лицо к решетке, принялся звать на помощь... Никого...

Вдруг в дверь постучали. Три раза.

Услышали!

Приоткрылся «глазок», и кто-то заглянул в камеру. Не слезая с кровати, я закричал:

— Сюда, скорее!

Кто-то возился с засовом. Я подбежал к двери, чтобы быть первым.

Дверь отворилась, и человек прошипел:

— Тише!

Открывавшаяся дверь отодвинула меня в сторону. Я узнал капитана Боро. Он закрыл за собой дверь и сказал:

— Князь, скорее! Я рисковал всем, пробираясь к вам.

Князь открыл глаза.

— А-а! — сказал он спокойно. — Это вы, капитан. А где мои люди из племени Кха?

— Им рассказали о землетрясении, они сели в грузовик и поспешили к себе в деревни.

— Только ты? — спросил князь. — Ты не предал меня?

— Скорее, князь, — ответил Боро. — В любой момент они могут вернуться. У них мало людей, их всех отправили на аэродром разгружать самолеты с продовольствием. Они могут вернуться.

— Идем, — сказал князь.

— В машине моя жена и дети. И вещи. Я всю ночь скрывался в сарае, меня ищет майор Тильви. Но я счел своим долгом...

— Я не забуду, Боро, — ответил князь. — Ты можешь и в будущем рассчитывать на мое покровительство.

— Мне придется бежать из Лигона.

— Не беспокойся. Ты уедешь со мной в Швейцарию.

— Но у меня нет места для господина Матура.

— Не расстраивайся, капитан. Он остается здесь.

— Вы не имеете права! — закричал я.

Капитан Боро пропустил князя вперед. Я попытался пробиться к двери, но капитан Боро вытащил пистолет и прицелился в меня. Мне пришлось отступить.

— Прибить его? — спросил Боро, словно речь шла о бродячей собаке.

— Пускай живет, — сказал князь. — Вы же знаете мою доброту. Он ничего не скажет. И запомни... — добавил он, стоя в дверях и запахивая свой халат, словно тогу императора. — Если ты заговоришь, то будешь иметь дело со мной. Когда все кончится, мы снова станем друзьями.

И он улыбнулся своей застенчивой и зловещей улыбкой испорченного мальчика, показав красивые белые зубы.

Хлопнула дверь, звякнул засов. И я остался один.

Я не знаю, сколько я простоял посреди камеры, опустив руки, не в силах сделать ни шага. Я был обречен, я был забыт, я был брошен, я никому не был нужен.

Владимир Кимович Ли

В глубине пещеры я нашел смятую открытку с Василием Блаженным. Я подарил ее Лами. Может, она надеялась, что я ее буду искать, и оставила открытку в пещере. Я показал открытку Лаво:

— Лами!

Староста взял открытку и расправил ее.

— Они пошли в горы, — сказал он.

— Мы пойдем? — спросил я.

Я боялся, что он откажется. У него в деревне остались родные, о них надо позаботиться. Если бы он сказал «нет», я бы не мог возражать.

— Немного пойдем, — сказал староста, подбирая английские слова. — Если близко стоят — найдем.

У контрабандистов тяжелый груз, а мы шли налегке. Тропинка бежала все время вверх; иногда повисая над скалами, порой спускаясь вниз, в узкие щели, прорезанные ручьями. Солнце поднялось высоко. Я старался не думать о том, что скажет Отар и как разгневается Вспольный, потому что я веду себя неподобающим образом для человека, присланного в служебную командировку. Охотники громко переговаривались, шутили, курили, но я уже обратил внимание, что всегда один из крестьян шел шагах в пятидесяти впереди.

На седловине горы, покрытой густой невысокой травой, мы остановились передохнуть. И как раз вовремя. Еще бы двадцать метров, и я бы свалился от усталости. Я рухнул на траву, спугнув какую-то змею, но так устал, что не обратил на это особого внимания. Змея как змея. Представьте себе, как бы я начал прыгать, если бы такое случилось со мной под Москвой, в мирной обстановке! Минут через пять я отдышался и смог сесть.

Остальные уселись в кружок, курили. Мне не следовало расслаживаться здесь, словно я слабее других. Я поднялся и начал взбираться за старостой к недалекой вершине горы. Идти было не так трудно, дул свежий ветерок, и подъем был легкий. Но, наверно, прошло не меньше получаса, прежде чем я догнал их у

вершины. Отсюда открывался вид на долину, по дну которой, появляясь в зеленой спутанной вате деревьев и снова исчезая, текла узкая извилистая речка.

Лаво достал из футляра на поясе большой армейский бинокль и начал внимательно разглядывать долину.

— Эй! — сказал он, показывая вниз, туда, где речка пересекала зеленое пятно поляны. Я ничего не видел. Лаво протянул мне бинокль. Староста положил ручищу мне на затылок и повернул голову так, чтобы я смотрел, куда следует.

— Лонги, — сказал староста и показал рукой направо. — Деревня Лонги.

Деревню отсюда не было видно, но места были почти знакомые. За следующим хребтом мы встретились с Па Пуо.

Махонькими точками вдоль реки передвигались людишки. Воздух был чистым, но от жары колебался, и потому люди словно плыли сквозь прозрачный поток.

— Мы пойдем туда? — спросил я неуверенно. До тех людей было так далеко...

Староста пожал плечами и молча стал спускаться к своим спутникам.

Лаво трусил под горку рядом со мной и что-то объяснял извиняющимся тоном. Я понимал, что он оправдывает старосту, который не может так далеко вести людей. Я обратился к последнему аргументу.

— Мы с тобой, — сказал я, — пойдем вдвоем?

Лаво улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Нас убьют. Вдвоем плохо.

Староста стоял, окруженный крестьянами. Когда мы с Лаво подошли, они достигли компромисса.

— Он, — сказал староста, показывая на сына, — и Лаво. Здесь. Смотрят. Ты, — он показал на меня. — Танги, телефон. Самолет...

Он был прав. Конечно, он был прав. Но уйти отсюда, находясь в двух шагах от Лами, я не мог.

— Я останусь здесь, — сказал я. Голос у меня был пасмурный, как у младенца, вымаливающего конфету.

— Быстро! Быстро! — Староста подгонял своих спутников, они подбирали копы, ружья, подтягивали пояса. Автомат он оставил сыну.

Староста первым повернул к озеру, вниз, где пеной зеленого прибоа нас ждал лес.

Мы вошли в лес, когда солнце уже перевалило через зенит. Староста шел рядом, покачивал своим обширным брюхом, солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, отражались от медалей,

босые ноги ступали крепко. Наверно, я выглядел погано, и староста утешал меня, повторяя:

— Самолет прилетит. Быстро. Лаво смотрит, куда идти. Далеко не уйдут. Ты не думай, далеко не уйдут.

Я повторил про себя: «Далеко не уйдут», но это меня никак не утешало, потому что я оставил Лами. Я украдкой достал расправленную открытку, перевернул ее, словно искал послание от Лами, но она не могла оставить никакого послания, потому что ей нечем было писать.

Староста остановился. Я натолкнулся на его спину. Вокруг замерли другие крестьяне. Лес был дневным, шумным, и я, наверно, последним услышал, что кто-то, не скрываясь, круша сучья, поднимается навстречу.

Юрий Сидорович Вспольный

Я устроился внизу, в гостиной, на узком плетеном диванчике, подстелив серое солдатское одеяло. Отар Давидович работал. Я проваливался в зыбкий сон и, неудачно повернувшись, просыпался от боли в обожженных ногах. Лампа все так же горела на столе, рука профессора мерно нажимала на какие-то кнопки компьютера, словно он играл на беззвучном фортепьяно, а я вновь забывался на несколько минут, бежал по горам, светило солнце, в меня стреляли, за мной гнались... Толком я заснул уже под утро.

Когда я очнулся, солнце ослепительно светило в окно, в листе дерева сустились золотистые пичужки, под верандой громко разговаривали солдаты. Отара Давидовича не было. Его раскладушка была убрана.

Поднявшись, я с трудом расправил затекшие, ноющие члены моего тела и добрался до стола, на котором обнаружил записку.

«Дорогой Юрий Сидорович!

Я уехал в Моши. Вернусь к одиннадцати. Попытайтесь дозвониться до Володи. Если Володя придет без меня, он знает, что делать. Будьте дома к одиннадцати. Надо будет вытащить аппаратуру, важно, чтобы приборы работали непрерывно. Кофе в термосе.

Котрикадзе».

Я читал записку, поднеся ее к самым глазам. Без очков я почти инвалид. Как грустно, что все так неладно получается. Я долго разыскивал мой самодельный монокль. Потом догадался поглядеть на часы.

Было без двадцати одиннадцать.

Меня охватил горький стыд. Оказалось, я постыдно, преступно проспал все утро, а мои товарищи трудились. Я бездельничал в часы, когда должен был метаться по улицам с фотоаппаратом, записной книжкой, наконец, просто смотреть, впитывать, запоминать это неповторимое, уникальное событие — драму и скрытый оптимизм титанической борьбы мысли со стихией.

Меня охватило почти неодолимое желание, несмотря на свой недостаточный туалет и раскрашенное лицо, бежать на улицу, чтобы ничего не пропустить, но я понимал, что это невозможно. Я нужен здесь.

Я отвинтил крышку термоса, налил кофе и начал дозваниваться на остров. Безрезультатно.

Это, разумеется, меня встревожило. Мне хотелось бы уверить себя, что Ли возвращается в Танги, но в это я не верил. Теперь, когда срок землетрясения точно установлен и участие молодого человека в последующих событиях будет лишь пассивным, он может позволить чувствам овладеть собой, взять верх над долгом... Это привело бы к нежелательным последствиям. Но вправе ли я, даже осознавая это, осуждать возможные поступки Владимира Кимовича?

Эту моральную проблему я решить не смог...

Отар Давидович не вернулся ни в одиннадцать, ни в двенадцать. Я старался не терять времени даром. Я убедил охрану вынести из дома вещи Васунчокова и даже частично снять железную крышу. Следует сказать, что это занятие не из легких. Несмотря на то что солдаты меня не допустили к непосредственному сниманию железных листов, я принимал участие в разборке дома, подхватывая и складывая в стопку снятые железные листы, и к моим ранам прибавились новые — все руки были изрезаны в кровь, и, что хуже всего, в двух местах порвались новые брюки Отара Давидовича.

Лишь когда солдаты, уморившись, спустились с крыши и отправились умыться, я позволил себе обмотать правую руку носовым платком, чтобы не испачкать трубку телефона. Я уже несколько раз пытался дозвониться до острова. Каждая проезжавшая машина казалась мне машиной Володи, но мои надежды рушились, не успев окрепнуть.

Отар Давидович вернулся в половине первого. Он сразу спросил: — Володя не приезжал?

— Нет.

— И не звонил?

— Нет.

— Так, — сказал Отар Давидович. — Займемся аппаратурой.

Около часа мы перетаскивали приборы в сад. Отар Давидович молчал, да и я не разговаривал, потому что, несмотря на кажущуюся простоту, разборка аппаратов, переноска их и установка на новом месте требовали больших физических усилий и крайней осторожности.

Работа была в разгаре. Отар Давидович сказал:

— Дальше я один справлюсь. У меня к вам большая просьба, Юрий Сидорович. Возьмите, пожалуйста, машину и найдите майора Тильви. Я очень беспокоюсь за Володю. Я рассчитываю на его здравый смысл, но тем не менее...

— Я сделаю все возможное, — заверил я Отара Давидовича. — Будьте совершенно спокойны.

Мне пришлось идти пешком: капот джипа, на котором вернулся Котрикадзе, был откинут, и шофер задумчиво знакомился с устройством мотора.

Через десять минут я уже был в губернаторском дворце, где мне пришлось вступить в длительную дискуссию с дежурным капралом, который не желал пропустить меня внутрь, видимо, смущенный моим внешним видом — одеждой не по размеру, ободранными и нечищенными ботинками, пятнами пластыря и йода на лице. В конце концов мне удалось добиться от него, что майора нет — он уехал в механические мастерские. Я решил сходить туда пешком, благо все расстояния в Танги сравнительно невелики.

Я двинулся напрямик, через газон. Когда я приблизился к кустам, обрамляющим его, я обратил внимание на то, что в одном месте трава измята и залита кровью. Я осторожно обошел это место, раздумывая, какая трагедия разыгралась недавно перед дворцом? Возможно, недоброжелатели пытались ночью завладеть штабом округа и случилась перестрелка с охраной?.. Наверно, я никогда не узнаю правды: лишь малая часть чужих судеб, как вершина айсберга, открывается постороннему наблюдателю.

Дорога вывела меня на боковую улочку. С минуту я простоял, глядя, как какая-то семья покорно и вроде неторопливо грузит свой нехитрый скарб на повозку, запряженную низкорослыми пони. О чем думают эти люди, покоряясь приказу и, возможно, не веря в горькую правду? Малыш вышел из дома, неся в руке блестящий алюминиевый чайник. В его памяти останется лишь туманное воспоминание о ярком весеннем дне, о том, как он, папа, мама, сестры ехали в повозке в горы, и ему будет казаться, что это был не более как веселый пикник, и он никогда не задумается о том, что его хрупкая жизнь была спасена, в частности, молодым человеком по имени Владимир Ли, который в данный момент пробирается сквозь джунгли в поисках похищенной девушки. До чего сложна жизнь!

Дальше мой путь лежал мимо маленькой церкви, подобной тем, что изображаются на немецких или швейцарских рождественских открытках. Белый кубик под двухскатной крышей и над ней четырехугольным столбиком колокольня со шпилем. Дверь в церковь была открыта. Оттуда доносился чей-то монотонный голос. Любопытство заставило меня заглянуть внутрь. Свет из узких высоких окон освещал старика, лежащего в гробу. Его лицо являло собой зрелище полного умиротворения и покоя, словно этот человек долго шел, устал и заснул. Я подумал, что смерть ~~настигла~~ его во сне. Какая-то женщина в темной одежде стояла у гроба. Я пошел дальше. Люди рождаются, умирают, и город, доживающий свои последние часы, кажется постоянным и вечным, куда постояннее живущих в нем людей. И это тоже лишь видимость...

В механических мастерских было пусто. Несколько рабочих покрывали брезентом вытасченный во двор пресс. Один из них спросил, кого я ищу. Я ответил, что майора Тильви. Рабочий сказал, что майор уехал на аэродром, а это в двух милях от города. Я поблагодарил его и пошел дальше. Раз два меня обгоняли повозки с домашним скарбом. У домов городской окраины был странный вид, словно все жители собирались выехать на дачу: вещи стояли на улице, в палисадниках — шкафы, кровати, сундуки, но сами дома были пусты. На крыше одного из домов сидел человек и снимал черепицу. Два других подхватывали плитки, которые он ловко кидал им, и складывали в аккуратный штабель.

На маленьком аэродроме мне сказали, что майор только что был здесь, а какой-то лейтенант с повязкой Красного Креста на рукаве вмешался и поправил:

— Вон он.

Я взглянул на поле и увидел, что майор Тильви, которого я издали узнал по руке на перевязи, направляется к вертолету, стоящему в стороне от взлетной дорожки.

Я понял, что майор намеревается улететь в Моши, и бросился через поле к вертолету.

Когда я добежал до машины, винты уже вертелись, поднимая пыль и сухую траву. Я стал отчаянно махать руками, чтобы привлечь внимание пилота. Вертолет завис над землей, словно раздуваемая, в какую сторону ему лететь, дверца в нем открылась, и оттуда вывалилась веревочная лестница, как бы приглашая меня подняться. Я подбежал к лестнице и остановился. Блестящее брюхо вертолета нависало надо мной, и когда я, вцепившись руками в боковины лестницы, поставил ногу на ступеньку, прогнувшуюся под моей тяжестью, меня сразу понесло куда-то вбок, я потерял равно-

весне и, перекрутившись в воздухе, тяжело рухнул на землю. Но тем не менее я тут же поднялся, подумав, что на моем израненном теле появится еще один синяк, и вновь направился к лестнице. Из люка высунулся сам майор Тильви и знаком показал мне, чтобы я отошел. Вертолет мягко опустился на землю, и вскоре его винты, прекратив вращение, опустились вниз, как уши подбитого зайца.

— Входите! — крикнул мне майор Тильви. — Мы теряем время. Вы что, никогда по лестнице не поднимались?

— Простите, — сказал я, — профессор Котрикадзе обеспокоен судьбой товарища Ли...

— Я говорю, входите!

Я подчинился. Майор Тильви является представителем законного правительства этой страны, и я должен с уважением относиться к его просьбам.

Внутри вертолет оказался просторным. Мне никогда ранее не приходилось совершать путешествия на вертолетах, и потому я их недооценивал. Вдоль боковых стен тянулись скамейки, на которых сидели солдаты. Один солдат сел на пол, и майор Тильви показал мне на освободившееся место. Я хотел все объяснить майору, но в этот момент с оглушительным треском заработал мотор, и продолжать разговор стало невозможно.

ТЕЛЕГРАММА

*Танги отель Эксельсиор директору Матуру из Лигона 12.50
Ознакомился условиями страховки стичечной фабрики кинотеатра другой недвижимости ущерб от землетрясения полисом не покрывается имей в виду заключение других сделок телеграфируй подтверждение рекомендации дальнейших действий в ином случае взыскиваю тебя убытки через суд*

любящий брат Саад

«Почему до сих пор не боятся от землетрясений? Ведь боятся же от штормов, и страховые компании готовы в таких случаях трезво оценивать риск. К сожалению, иное отношение проявляется к землетрясениям. Условия страхования и сумму страховой премии можно уточнить лишь тогда, когда статистические данные позволяют дать точную количественную оценку вероятности ущерба. Что касается страхования жизни, то всем известно, какими точными стали статистические данные по этому вопросу. Когда же нужно застраховаться от землетрясения, все подсчеты оказываются несостоятельными.

Вот почему в 1906 году страховые компании, которые согласились оплатить ущерб, нанесенный землетрясением в Сан-Франциско, сели на мель. То же самое произошло и в 1925 году, когда им пришлось выплатить 6 662 650 долларов после катастрофы в Санта-Барбаре. Вот почему в наши дни такой риск обычно не находит

отражения в полисах Нетрудно догадаться, что пожары как следствие землетрясения не учитываются в обычных полисах страхования от огня».

Пьер Руссо. «Землетрясения».
Париж, 1961.

Владимир Кимович Ли

Из кустов вышли и замерли от неожиданности князь Урао и капитан Боро с толстой сумкой в руке.

В первый момент меня более всего поразило одеяние все-сильного князя: пурпурный стеганный халат, подпоясанный золотым витым шнуром, и разорвавшиеся от ходьбы по камням домашние туфли.

За капитаном Боро шла толстая, грустная, когда-то красивая женщина, которая несла на руках ребенка, второй семенил за ней, вцепившись в ее длинную юбку. Шествие замыкал потный солдатик, волочивший два чемодана и толстый мягкий тюк, перекинутый через плечо.

Все молчали. Ну просто остоленели. Староста обернулся ко мне, словно я сейчас дам ему ценный совет.

Светлые узкие глаза князя последовали за взглядом старосты и замерли на моем лице. Теперь староста смотрел на меня, крестьяне смотрели на меня, князь и капитан Боро смотрели на меня, даже дети смотрели на меня.

— Их надо задержать, — сказал я старосте.

Князь все понял.

— Так, — сказал он. — Я вас не сразу узнал. Вы так не похожи на европейца.

В словах его звучало определенное презрение ко мне, как к самозванцу, укравшему европейский паспорт.

— Теперь я понимаю, кто стоит за всеми действиями майора Тильви.

Князь был склонен к театральным эффектам и в этот момент изображал византийского императора.

— Вот кому майор Тильви продал наши горы! Вот кого он пригласил разрушить наши дома!

После этого князь отвернулся от меня и сказал небольшую, но страстную речь по-лигонски, наверно, апеллируя к гордости и свободолюбию местных жителей. Местные жители неуверенно переминались с ноги на ногу, потому что одно дело гоняться за контрабандистами, другое — обидеть князя, который принадлежит к роду, правящему этими местами тысячу лет.

После окончания страстной речи князя ничего не произошло. Крестьяне все так же стояли, стараясь не глядеть на грозного владыку, ребеночек заплакал. Видно, князь разгневался, он повысил голос и начал сурово корить крестьян. В тот момент я не догадывался, что мои спутники из монастырской деревни — бывшие рабы из долины, так что князь для них авторитет относительный.

Капитан Боро взял князя под локоток и начал его успокаивать. Я воспользовался паузой для последней попытки повлиять на старосту.

— Если мы задержим их, — сказал я, — они отдадут Лами. Ведь они заодно с Па Пуо.

Староста отрицательно покачал головой.

— Мои люди, — сказал он, — не будут этого делать.

Кстати, почему комендант бежит из Танги вместе с князем? Неужели Вспольный был прав в своих подозрениях?

Князь, не вняв увещаниям Боро, протянул длинную руку к кобуре капитана и начал расстегивать ее, чтобы добыть пистолет. Боро испугался, стал отдирать пальцы князя. Они молча боролись за оружие, сопя и тяжело вздыхая. Зрелище могло бы быть смешным — маленький круглый Боро и длинный князь в пурпурном халате, но никто не смеялся. И я с некоторым облегчением увидел, как один из охотников поднял длинное ружье и наставил его на дерущихся. Охотники не хотели, чтобы в них стреляли.

Староста сказал две или три фразы. Довольно громко. Он велел князю и Боро идти своей дорогой. Иного перевода я не придумал.

От этих слов князь сразу отрезвел. Его рука опустилась. Боро снова застегнул кобуру и прикрикнул на женщину и маленького солдатику, который поставил было чемоданы на землю. Солдаты мне было жалко.

Мы стояли, а они проходили между нами, как сквозь строй, и не глядели по сторонам, даже дети. Князь прихрамывал, видно, разбил ноги в кровь, но шел, задрав голову (если бы я ему сочувствовал, то сказал бы: «подняв голову»).

Один за другим они пропадали в кустах. Я вдруг представил себе, сколько им еще идти, и понял, что им не успеть выйти из ущелья до начала землетрясения — остался час, может, два, и они могут погибнуть под обвалом.

Я оглянулся на старосту. Что толку стоять, если все равно отпустили князя? Но он стоял.

— Пошли? — спросил я.

— Нет, — вдруг ответил староста. — Слушай!

Вертолет, летевший совсем низко, появился неожиданно, как ревизор в известной пьесе Гоголя.

Очевидно, никто не осознал, что ревизор — это лицо, облеченное правом опускать занавес. Мы задрали головы, глядя наверх, а машина, наклонившись, начала быстро спускаться на седловину. Ее винты прижали к земле траву.

Вертолет еще не коснулся земли, как люк в нем открылся и оттуда стали выпрыгивать солдаты в голубых беретах, быстро и четко, как на учениях. И тут же разбегались веером, так, чтобы охватить нас кольцом.

Опомнившись, капитан Боро почему-то подхватил один из чемоданов и бросился в мою сторону. Он размахивал пистолетом, забыв о его прямом назначении, и несясь, как носорог. Я не хотел вмешиваться в схватку, но должен признаться, что дороги я ему не уступил, а стоял точно на его пути. Капитан врезался в меня, и мы оба покатались по траве. Удар был настолько силен, что я на секунду выключился. А может, прошло больше секунды, потому что следующее, что я помню, — это участливое, ужасно разрисованное и заклеенное пластырями лицо добрейшего Юрочки Вспольного, который склонился надо мной и спрашивал:

— Вы не ушиблись, Владимир Кимович? А то Отар Давидович очень беспокоится.

Отар Давидович Котрикадзе

Это было похоже на немецкую сказку. Помните, там все по очереди идут в подвал, видят кувшин, который может упасть, начинают плакать и обратно не возвращаются! Так было с Володей, теперь со Вспольным.

В два сорок я, так и не связавшись с островом, не дождавшись вестей от Вспольного, пришел в гадчайшее состояние духа. Но работа остается работой, и, кроме меня, ею некому было заняться.

Я проверил, нормально ли работают приборы. Они работали почти нормально. Но если верить им, землетрясение уже началось. Потом я тщательно зарядил кинокамеру, сунул в сумку запасные пленки и вышел из дома. Солдат я отпустил полчаса назад. Они уехали на грузовике, который подбирал оставших. Со мной остался только шофер моего джипа, полагавший, что ему и его любимой машине безопаснее с господином профессором, который ни за что не станет подвергать риску свою драгоценную жизнь.

— Поехали? — спросил он, когда я с камерой вышел из ворот. — В Моши?

— Нет, — сказал я. — Я останусь в городе. Я буду снимать кино. Довезите меня до центра и уезжайте.

— Нет, — улыбнулся шофер, раскусив мою хитрость. — Здесь хорошо, там плохо.

Я надеялся, что, если мы не будем приближаться к зданиям, ему ничего не угрожает.

Мы медленно ехали по улицам не только мертвого, но и выпотрошенного города. Когда-нибудь, подумал я, будут издаваться специальные справочники «Методика подготовки к землетрясению и эвакуация населения и оборудования». В них обязательно будут сноски: «Как показывает опыт проведения (почему бы не ввести это слово?) землетрясения в округе Танги в марте 1974 года, оправдал себя съем кровель с несейсмостойких сооружений»... Последнее я внес в предполагаемый справочник, когда увидел двух спокойно бредущих по улице солдат. Один из них заглянул в пустой дом, другой остановился перекинуться парой фраз с моим шофером. Я воспользовался остановкой, чтобы снять панораму улицы и ободранных домов. Солдат появился из дома, таща за хвост кошку. Кошка мяукала и норовила вырваться. Неужели она не понимает? Считается, что животные предчувствуют землетрясение. Но город пуст: в нем нет птиц, нет всегдашних собак, даже как будто нет насекомых — город покинуло все живое. В подтверждение моих мыслей две большие черные крысы выскочили откуда-то и быстро побежали через дорогу. Чувствуют. Чтобы крысы бегали по улицам днем... этого не бывает в Танги.

— Не подходите больше к домам. Скоро начнется, — сказал я солдатам, прекращая съемку. Они не поняли, шофер перевел им, и солдаты засмеялись.

— Хорошо, хорошо, — сказал один из них, и они пошли дальше, поглядывая по сторонам, видно, полагая, что приказ командования охранять пустой город вздорен. Но от этого не перестает быть приказом. Один из них все еще нес кошку.

Мы выехали на центральную площадь. Здесь меня ждало еще одно удивительное зрелище: посреди площади, чувствуя себя неудобно, но тем не менее не намереваясь сдаваться, стояли два подростка с большим плакатом «Да здравствует свобода от любого насилия!» Им было страшно, и потому я сказал им лезть в машину.

— Нет! — закричал мне тот, кто помоложе, совсем мальчишка, обрадовавшись появлению хоть какой-нибудь аудитории. — Мы умрем за свободу от законов!

Я подумал, что им ничего не грозит посреди площади. И не стал больше настаивать.

Я снял площадь, и дворец губернатора, и подростков. В панораму попала церквушка. Когда она была в объективе, я услышал звон колокола. Какой-то сумасшедший сидел на колокольне — вот кто наверняка погибнет. Поднялся ветер, тучи опустились к крышам.

— Давай к церкви, — сказал я шоферу. Он понял.

Мы подъехали к открытым дверям. Я вбежал внутрь и замер. Посреди церкви между двумя рядами скамеек стоял открытый гроб. В гробу лежал старик миссионер, я его видел раньше. Все убежали и забыли о нем. Я подумал сначала, что надо бы вынести гроб, но время было слишком дорого, чтобы тратить его на мертвых. Оно нужнее живым. Наверно, этот старый священник не имел здесь ни друзей, ни учеников, он был чужим этому народу и остался один, когда люди ушли. Я обогнул гроб и заглянул наверх, на колокольню, куда вела по стене винтовая лестница. Но там было пусто. Оказалось, что колокол отвязан и его раскачивает ветер. Я потерял еще три минуты, снимая панораму города сверху. Это мне следовало сделать раньше, но все было недосуг. Я заставлял руки вести камеру медленно и уговаривал себя, что время еще есть, и в то же время критик, живущий во мне и следящий за каждым моим шагом, нещадно клял меня за легкомыслие. Наука обойдется без этой панорамы, а вот быть погребенным под развалинами церкви — неразумно.

Кончив снимать, я сбежал вниз и только хотел уйти из церкви, как заметил за гробом нечто черное. За постаментом, на котором стоял гроб, сжавшись в комок, пряталась женщина. Я попытался поднять ее. Женщина повисла у меня на руке, бормоча по-лигонски.

— Идемте отсюда, — говорил я ей как можно спокойнее. — Сейчас здесь нельзя оставаться...

Женщина подняла ко мне лицо. Она была стара, но лицо почти без морщин, широкое, гладкое, усталое.

— Нет, молодой человек, — сказала она по-английски. — Я останусь с ним.

— Но он мертв.

— Я останусь с ним.

— Скоро церковь рухнет.

— Хорошо, — сказала женщина. — Я останусь с ним.

Господи, ну что же делать в такие минуты? Женщина не притворялась, она хотела остаться с миссионером.

Я попытался потянуть ее за рукав. Она вцепилась в край гроба. Быстро выйдя из церкви, я бросил камеру на сиденье машины и сказал шоферу:

— Пошли.

Он послушно спрыгнул с машины и побежал за мной. Не

хватало еще сейчас начаться землетрясению. Будут три невинные жертвы.

Женщина сидела у гроба, закрыв лицо руками.

— Берись, — сказал я шоферу. — Быстро.

Мы подхватили жутко тяжелый гроб и, надрываясь, потащили его к выходу. Я шел первый, спиной к входу, и видел, что женщина, как сомнамбула, поднялась и последовала за нами.

Мы опустили гроб шагах в двадцати от входа в церковь. Я бы не смог пронести его ни шагу дальше.

Шофер стоял по ту сторону гроба, смотрел на меня, шевеля пальцами, чтобы восстановить кровообращение. Видно, я казался ему идиотом. Я показал за его спину. Шофер обернулся. Женщина, наклонившись над гробом, гладила спокойное лицо старика.

Неожиданно для меня шофер поклонился женщине.

— Поехали, — сказал я.

Шофер подчинился. Он подал машину задом, и мы попятись к улице. Шофер сказал, не отрывая глаз от уменьшающейся фигуры женщины в темном:

— Княгиня Урао Валомира...

Мы проехали мимо одноэтажного здания военной комендатуры, потом мимо бараков. Бараки были из гофрированного железа, жить в них, наверно, было жарко. Я снял их потому, что важно было потом проверить, как такие строения будут реагировать на толчки. Вдруг послышался отдаленный крик.

Я выключил камеру. Крик послышался снова.

— Слышите? — спросил я шофера.

Тот кивнул и направил джип в открытые ворота. Мы миновали плац. Крик, как будто кричал исплакавшийся голодный ребенок, доносился из забранного решеткой окна.

— Скажите ему, чтобы выходил оттуда, — попросил я шофера.

Тот перевел мои слова. Из-за решетки донесся невнятный ответ.

— Что он говорит?

— Он не может выйти. Это военная тюрьма.

Я взглянул на часы. Пять минут пятого. Наши коллеги в Москве сейчас сидят, не отрываясь от сейсмоскопов, ждут, когда пойдут большие пики.

Мы побежали с шофером по длинному коридору. Три дальние двери были скованы железом. Узник, догадавшись помочь нам, молотил в среднюю дверь. К счастью, она была не заперта, лишь закрыта на засов. Шофер отошел назад, когда я отодвигал засов. Наверно, ждал, что оттуда покажется страшный преступник.

К нашим ногам мешком вывалился старый знакомец — ди-

ректор Матур. Он пытался подползти к моим ботинкам с явным намерением их облобызать, но я успел отступить.

Мы подхватили грузного, потного, обессиленного директора под руки и поволокли к выходу.

— Спасибо, — бормотал он, узнав меня. — Я никогда не забуду бескорыстной помощи Советской страны...

— Лучше старайтесь идти.

— У меня нет ног...

Первый толчок застал нас у самого выхода из здания. Он, к счастью, был не сильным — земля дернулась из-под ног, словно кто-то живой шевельнулся там, в глубине, вырываясь наружу. Утробный гул поднимался изнутри.

Ноги директора Матура ожили и рванули его вперед.

— Куда ты? — крикнул я. — В машину!

Но он не слышал, он несясь по улице, движимый паникой, которая далеко не всегда подсказывает лучший путь.

Я выхватил из машины камеру. Шофер стоял у меня за спиной.

— Поедем? — спросил он.

— Нет, — сказал я. — Ложись!

И тут последовал второй толчок. Я еле успел отпрыгнуть от машины. Джип подскочил на полметра и покатился вперед, набирая скорость, пока не врезался в стену барака. Барак подался, и джип исчез, словно суслик в норе.

Шофер упал на землю. Но я еще держался на ногах.

Во мне сидела одна мысль — снимать процесс разрушения. Таких кадров еще не было. Не обращая внимания на гул и грохот, на ураган, налетевший на город, я побежал по улице, держась середины. Любопытно, что я уговаривал землетрясение, чтобы оно не спешило с толчками, дало мне использовать пленку. Шофер бежал за мной.

На центральной улице меня настиг третий толчок — он был сильнее первых. Я в этот момент снимал, но толчком меня бросило на землю и покатило словно сухой лист. Остановил меня шофер, вцепившийся мне в ботинок.

Дальше я снимал сидя, стараясь не слышать и не видеть ничего, что не вмещалось в видоискатель.

Потом, когда фильм все-таки был проявлен и мои коллеги в Москве после просмотра пожимали мне руку, уверяя, что ничего более драматичного и умело снятого им не приходилось видеть, я старался не улыбаться. Камера прыгала в руках, порой в кадре оказывалось одно небо, я думал лишь о том, чтобы не поддаться приказам собственного тела, которое желало одного: вжаться в землю, держаться за нее, предательскую, неверную, коварную землю, стараю-

щуюся стряхнуть с себя дома, деревья, горы, людей — все лишнее, включая директора Матюра, который ползал по площади кругами неподалеку от нас.

Я не в первый раз был в землетрясении. Правда, к таким толчкам я не успевал, лишь видел их последствия, но должен признаться, что первобытный ужас, овладевающий человеком, необорим, как сон после трехсуточного бодрствования. Мне помогло только то, что в моем мозгу сидела упрямая мысль: ты должен снимать, никто до тебя никогда не снимал этого...

Юрий Сидорович Вспольный

Через пять минут после встречи с Володей мы уже снова поднялись наверх.

Володя сидел, держась за лоб, на котором выросла шишка. Капитан Боро пытался все время что-то объяснить майору, но солдаты его придерживали. Князь был совершенно безучастен, он сидел на полу, закутавшись в красный халат, и смотрел в одну точку. Раньше он мне казался значительно моложе, как бывает с женщиной, которая вечером, при свечах, под слоем грима, кажется чуть ли не юной красавицей, но не дай Бог увидеть ее утром... Это был потрепанный жизнью, изношенный фат лет за сорок.

Вертолет опасно кренился, спускаясь в ущелье, и я не стал выглядывать в окно, чтобы не zakружилась голова.

Сержант Лаво крикнул что-то, пилот положил машину на бок, князь потерял равновесие и пополз к стенке машины, чуть не натолкнулся на меня. Я едва не потерял монокуляр. Потом машина выпрямилась, один из солдат распахнул люк, и они все начали вставать и выпрыгивать наружу. За грохотом винтов ничего не было слышно. Я тоже поднялся и вслед за Володей побежал к двери. Земля была близко. Я прыгнул и очень удачно, даже не ушибся. Но, оказалось, опоздал к главным событиям.

Посреди поляны, подняв руки, стояли несколько человек. Их окружили солдаты в синих беретах. Володю я увидел чуть в стороне. Там была куча тюков, возле них на земле сидела Лама, протянув к Володе связанные руки, а Володя пытался зубами разорвать узлы. Я подошел к ближайшему от меня солдату и потянул у него из ножен широкий солдатский нож. Солдат взглянул на меня дикими глазами.

— Не волнуйся, — сказал я ему по-лигонски. — Мне нужно развязать девушку.

Я подошел к Володе и, протягивая ему нож, сказал:

— Так будет удобнее.

Девушка меня не заметила. Она смотрела на Володю и молча плакала.

Володя взял у меня нож и начал осторожно перепиливать веревки.
— Спасибо, — сказал он.

— Конечно, можно и зубами, — пошутил я. — Однако это требует времени.

Володя не слышал. Он сидел перед девушкой на корточках и массировал ей руки. Пожалуй, эта сцена показалась мне более будничной, нежели хотелось бы для финала.

Но это был не финал. Внезапно горы зашатались. Я говорю буквально. Горы зашатались, я видел это собственными глазами, земля ушла из-под ног, и я оказался на тюках с опиумом. Следующий толчок отбросил меня в сторону, и мне пришлось вцепиться в траву. Монокль куда-то улетел, и все происходившее было усугублено тем, что мир для меня был окутан туманом.

Но хуже всего был грохот, гул, рвущий барабанные перепонки... Время стало бесконечно длинным. Мне казалось, что земля может расступиться и поглотить меня. Именно поглотить, потому что я тогда понял на своей шкуре, как тонка твердая оболочка нашей планеты.

И все-таки, лежа на земле, без очков и даже монокля, я многое заметил и запомнил.

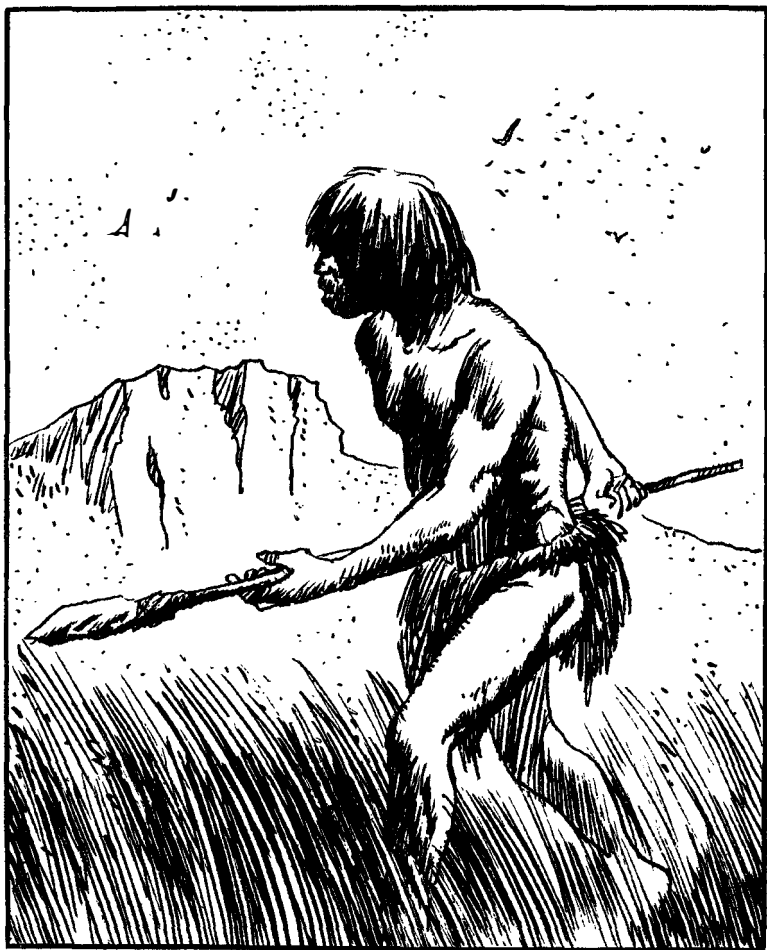
Я видел, как первым или вторым толчком опрокинуло набок вертолет, я видел, как Володя распластался по земле так, чтобы прикрыть своим телом девушку, я видел, как над лежащими и кричащими от ужаса людьми (а может, это кричали горы) стоит, пытаясь удержать равновесие, майор Тильви, я видел, как из опрокинутого вертолета красным пятном вывалился князь Урао и, падая и снова поднимаясь, побежал к склону горы, к деревьям, я видел, клянусь вам, как упавший на землю майор Тильви стреляет вслед князю, но тот, словно тропическая бабочка, удаляется от нас, я видел, как князь карабкается вверх по откосу и как навстречу ему несется жидкий и легкий поток камней, я видел, как камни встретили князя, отбросили его назад и скрыли под собой, лишь языками пламени высовывались из-под них полы красного жалата.

А потом, когда все стихло и земля лишь вздыхала, сжимаемая вялыми судорогами, пошел тяжелый холодный дождь...

Лигон. 16 марта (ТАСС — ЛигТА). Вчера в горных районах Республики Лигон произошло сильное землетрясение. Почти полностью разрушен город Танги и ряд окрестных населенных пунктов. Озеро Линили вышло из берегов, волнами смыты две прибрежные деревни. В горах произошли обвалы. Однако благодаря своевременно принятым мерам число человеческих жертв невелико.

ГОЛЫЕ ЛЮДИ

Фантастический роман

От составителя

Мне выпала честь описать некоторые невероятные события, имевшие место в государстве Лигон, где я проработал несколько лет на ниве укрепления культурных и дружеских отношений между лигонским и советским народами. Помимо научно-популярных и документальных очерков, моему перу принадлежит документальная повесть «На днях землетрясение в Лигоне», изданная под псевдонимом Кир Булычев, однако почти незамеченная за пределом узкого круга специалистов-сейсмологов, от которых я получил весьма лестные отзывы.

События, имевшие место в Лигоне и описанные в моей документальной повести «На днях землетрясение в Лигоне», произошли в 1974 году, в дни военного переворота во главе с бригадным генералом Шосве, который захватил власть под популистскими лозунгами и ввел жестокое военное правление. Революционный комитет под руководством Шосве, присвоившим себе звание фельдмаршала, так и не выполнил своих громогласных обещаний улучшить жизнь населения, победить коррупцию и провести свободные выборы. Неудивительно, что уже осенью 1975 года этот антинародный режим пал после массовых выступлений студенчества и молодежи. К власти пришло коалиционное временное правительство Джа Восенвока.

Драматические события, связанные с находкой дикого племени, помимо моей воли, втянули меня в свою орбиту. И я вынужден в интересах истины вновь взяться за перо. Но не более чем в качестве составителя нижеследующего сборника. Хотя по мнению ряда объективных свидетелей, моя роль куда значительнее, чем функция историографа.

Ожидая, что ко мне обратятся с просьбой поделиться воспоминаниями о драматических коллизиях, ныне известных всему

миру, я решительно отказывался давать интервью представителям прессы до возвращения на родину. В настоящее время опубликованы уже статьи, очерки и книги почти всех моих спутников, в том числе пухлый том, принадлежащий бойкому перу директора Матура. И если в работах Аниты Крашевской, Питера Никольсона и профессора Сери Мангучока встречаются лишь отдельные неточности, вызванные недостаточной осведомленностью, то труд господина Матура в целом оставляет желать лучшего.

Еще находясь в долине Пруи и затем, по возвращении в Лигон, я не только беседовал со всеми пожелавшими общаться со мной свидетелями и участниками событий, но и просил их представить свои воспоминания в письменной форме либо наговорить их на магнитофонную пленку. Некоторые мои скромные достижения в области лингвистики позволили мне добыть информацию, недоступную остальным. Таким образом, по получении внеочередного отпуска и возвращении в Москву мне предстояло лишь систематизировать записи и пленки, снабдить их комментарием и несколькими связующими разделами (моими личными впечатлениями), и настоящий манускрипт, хоть и не обладающий большими литературными достоинствами, зато имеющий преимущество аутентичного документа, был готов к публикации. В таком виде, не меняя стиля отдельных параграфов, я представляю его на суд читателей.

Вспольный Ю.С.,
заместитель представителя Союза
обществ дружбы СССР в Республике Лигон
Лигон — Москва — Переделкино
январь — декабрь 1977 г.

Этнографы заседают

ЛигТа — АПН. 20.4.1976 г. Сегодня в столице Лигона открылась конференция этнографов и антропологов, изучающих обычаи племен Азии, находящихся на ранних стадиях развития. В составе шестидесяти участников и гостей конференции немало специалистов с мировым именем.

«Ученые проверяют»

Лигон, 22. (ТАСС). Люди каменного века обитают в отдаленном северном районе этой небольшой страны, расположенной в Юго-Восточной Азии, утверждают лигонские военнослужащие, побывавшие в верховьях реки Пруи. Как сообщает агентство ЛигТА, они рассказали, что неподалеку от Гитанского перевала обнаружена пещера. В ней живут люди, которые не знают, что такое одежда, и не умеют пользоваться огнем. Для проверки достоверности этих сведений и проведения соответствующих исследований в ближайшее время к Гитанскому перевалу отправится научная экспедиция.

Юрий Сидорович Вспольный

Двадцать первого я не видел газет, так как у нас шло пленарное заседание, к тому же приподнятая атмосфера международного форума захватила меня настолько, что подавила обычную мою любознательность, которая вкупе с внутренней дисциплиной всегда заставляет меня знакомиться с местной прессой до начала рабочего дня.

Двадцать второго ко мне подошел Геннадий Фроликов, корреспондент ТАСС в Лигоне, и сказал:

— Юра, я информацию в Москву дал. А что у вас слышно?

Я решил было, что Геннадий имеет в виду нашу конференцию и ответил:

— Сегодня будет доклад профессора Мангучока о кельтах

Лигона и Малайи, потом выступит доктор Когановский из Парижа. Он только что вернулся с Минданао.

Геннадий с обычной самоуверенностью журналиста сразу спросил:

— Разве кельты здесь жили?

— Кельты, — ответил я, — разновидность каменных топов. И вообще не понимаю, почему тебе не взять сегодняшнюю программу. Ты все увидишь.

Не следует думать, что я всегда так некоммуникабелен. Однако мое положение на конференции было несколько необычным, что давало возможность скептикам вроде Геннадия Фроликова ставить под сомнение мою компетентность в вопросах культуры первобытных обществ. Дело в том, что советская делегация в Лигон не прибыла, так как оргкомитет поздно послал приглашение. Узнав о том, что Советский Союз по не зависящим от него причинам не будет представлен на этом важном форуме*, я обратился в наше посольство с просьбой разрешить мне участвовать в конференции. Получив разрешение лично от товарища Соломина, я приехал в Лигонский университет к председателю оргкомитета профессору Мангучоку, с которым меня связывает чувство взаимного уважения. Именно он в свое время рекомендовал меня в члены-корреспонденты Лигонского исследовательского общества и содействовал тому, что две мои небольшие статьи лингвистического характера были опубликованы в журнале общества.

Профессор Мангучок выразил искреннее сожаление ввиду того, что советская делегация по вине оргкомитета не сможет принять участие в первой в истории Лигона международной конференции такого типа и тут же, даже без моих просьб, предложил мне участвовать в конференции в качестве ее гостя. Поэтому шутка Александра Громова, второго секретаря нашего посольства, о том, что «наш Пиквик сам себя пригласил на конференцию», не имеет под собой никаких оснований.

— Извини, Юра, — сказал мне Фроликов, — я не о кельтах. Я о голых людях.

— Каких еще голых людях?

— Я же говорю — информацию с утра послал в Москву. А потом думаю: здесь, наверно, сенсация.

— Мы работаем, — ответил я. — Повседневный упорный труд исследователей не терпит дешевых сенсаций.

* IV Международная конференция «Первобытные этносы Азии». (Здесь и далее примечания мои. — Ю. Вспольный.)

Геннадий был настолько смущен, что я его пожалел.

— Покажи, — сказал я, — свою информашку.

Геннадий вытащил из папки копию телекса, приведенного мною выше. К нему была приколота заметка на ту же тему из «Лигон таймс» от вчерашнего числа.

— К сожалению, — сказал я, — это очень похоже на утку. Иначе бы мы этот факт отметили.

— Не может быть! — Геннадий испугался. Если он посылает в Москву газетные утки, его по головке не погладят. Видя его расстроенное лицо, я обещал использовать свои связи, чтобы узнать, откуда возникла информация.

— К сожалению, — продолжал я, — ты незнаком с историей и географией Лигона. И, разумеется, не понимаешь, что такое долина Пруи и перевал Гитан. Именно по долине Пруи в древние времена пролегал караванный путь, связывавший южнокитайские государства с Индией, а перевал Гитан упоминается в ряде летописей. В частности, именно через него проник в Лигон на рубеже второго века нашей эры известный буддийский паломник Фу Цзи.

— Значит, там дорога? — спросил Геннадий. Я видел, что он внутренне уже проклинаят тот час, когда поверил заметке в «Лигон таймс».

— Дорога была заброшена в начале девятого века, — поправил его я, — ввиду начала миграции тибетских племен и усиления государства Нань Чжао. Об этом написано во всех учебниках истории. Достаточно проявить элементарную любознательность.

Говоря так, я понимал, конечно, что любознательность в таких пределах недоступна рядовому журналисту.

— Черт возьми, ну и прокололся я! — сказал корреспондент. — Спасибо, Пиквик.

Его благодарность была вынужденной. И я его понимал, недаром в прошлом гонцов с плохими вестями казнили.

В этот момент прозвенел звонок к началу утреннего заседания, и делегаты, которые подобно нам с Геннадием прогуливались по прохладному гулкому холлу построенного еще в английские колониальные времена университета, потянулись в актовый зал. Я потерял Геннадия из виду, так как меня окликнула прелестная Анита Крашевская, магистр из Польской Народной Республики, которая, несмотря на молодость и привлекательность, является автором двух монографий, посвященных морским даякам и куру с Калимантана. Для сбора материалов она участвовала в нелегких экспедициях. Я полагаю, что ее расположение ко мне проистекало не только оттого, что я был пред-

ставителем социалистического лагеря, но и ввиду моего элементарного знания польского языка. Я спросил Аниту, как ей понравился храмовый комплекс Тангунгей, куда делегатов возили вчера после ленча.

— Восхитительно! — ответила Анита, поправляя свои пышные каштановые волосы. — А вы слышали о том, что военные нашли первобытное племя в верховьях реки...

— Пруи? Думаю, что это обычная утка, — ответил я. — Ведь по долине Пруи на рубеже нашей эры проходил караванный путь в Китай. Это обжитые, известные еще в древности места. Именно там проник в Лигон пилигрим Фу Цзи.

— А сейчас? — спросила Анита.

Мы сели рядом. Я поправил на груди зеленый прямоугольный значок гостя конференции. У Аниты значок был голубой — делегата. Впрочем, это не играло роли. Я пользовался теми же правами, что и делегаты. Например, мое отсутствие на вчерашней экскурсии к храмовому комплексу объяснялось лишь тем, что я уже три раза там был, а вчера мне надо было провести лекцию и кинопоказ для детей в Доме дружбы.

— Сейчас, — ответил я, — сведения о том районе скудны. Но нельзя сказать, что он безлюден.

— Жаль, если это неправда, — сказала Анита по-польски. — Такое открытие было бы достойным завершением нашей конференции.

Я пожал плечами. Будь моя воля, я бы отыскал для прекрасной польки десять первобытных племен — рядом с такой женщиной хочется быть галантным.

— Так мало осталось в мире неожиданностей, так трудно сделать какое-нибудь открытие! — сказала Анита. — Это могло быть последнее неизвестное науке племя. Живая лаборатория для антрополога и этнографа. Юрий, будьте любезны, попросите этого молодого пана дать мне бокал оранжада.

Я подозвал юношу в малиновой куртке, из тех, что разносили по рядам прохладительные напитки, и в этот момент почувствовал на себе внимательный взгляд. Я обернулся. В дальнем конце зала стоял знакомый мне по предыдущим моим приключениям в этой стране директор Матур. При виде меня он изобразил на лице восторг. Его красные от жевания бетеля губы сложились в тонкий опрокинутый полумесяц, черные глазки сощурились, ручки взметнулись над пухлым животом и сложились ладонями к груди. Директор Матур в своем репертуаре — подбодрен, лицемерен и труслив. Кто его сюда пустил? Но тут

же я обратил внимание, что к нему подбегают разносчики напитков, и понял, что он пристроился на какую-то хозяйственную должность. Я холодно кивнул ему в ответ.

С запотевшим бокалом в руке я вернулся на свое место и передал его Аните Крашевой, которая наградила меня ослепительной улыбкой.

Председательствовал Питер Никольсон, худой, желчный, согнутый англичанин, родившийся еще в колониальной Индии и не скрывавший консервативных взглядов. Он ударил молоточком в местный гонг, висевший перед ним на председательском столе. Гонг поддерживали два слоника из черного дерева. На трибуну вышел профессор Сери Мангучок, гладкий, полный, добродушный, чем-то похожий на Будду в момент постижения нирваны. Я открыл свой блокнот, чтобы конспектировать выступление, но, к моему удивлению, профессор заговорил совсем о другом.

— Уважаемые коллеги, — сказал он по-английски. Кстати, он мог бы говорить и по-лигонски, которым я владею в совершенстве, но не все делегаты находятся в таком же выгодном положении. — Я должен нарушить порядок ведения конференции, так как к нам поступило необычное сообщение. В верховьях реки Пруи обнаружено первобытное племя, не знающее огня и одежды. Даже если бы судьба нарочно хотела сделать подарок первой международной этнографической конференции в нашей стране, вряд ли она смогла бы придумать лучший сюрприз.

Я выслушал слова профессора с осторожностью. Ведь мало кто в этом зале знал, что еще на рубеже нашей эры по долине Пруи проник в Лигон паломник Фу Цзи.

Профессор сначала зачитал сообщение из газеты «Лигон таймс», а затем продолжал, переждав волну возбуждения в зале:

— Как ученые, мы должны бы скептически отнестись к подобному сообщению, но, к счастью, человек, собственными глазами видевший первобытных людей, находится сегодня среди нас. Он любезно согласился выступить перед нашим собранием. Разрешите предоставить слово майору Тильви Кумтатону, командиру батальона, солдаты которого проводили разведку в долине реки Пруи.

Господи, подумал я, старина Тильви! Мой старый знакомец, милейший человек! Его свидетельство проливало совершенно новый свет на эти события.

После ухода в отставку Революционного комитета, назначившего его губернатором горного района Танги, он потерял, разу-

меется, эту хлопотную должность и был направлен командовать батальоном в северный приграничный район, что было явной ссылкой. Но, как бы я политически ни оценивал военное правительство, у меня сохранились симпатии к самому майору.

— Я с ним знаком, — сообщил я Аните Крашевой. В тот же момент я ощутил укол совести — зачем же я был так суров с Геннадием Фроликовым.

Тильви Кумтатон, худощавый, еще молодой человек с темным обветренным лицом и большими умными глазами, поднялся на трибуну. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, попав в столь избранное международное общество, и мне даже хотелось крикнуть ему: «Не робей, Тильви! Здесь твои друзья!»

Но Тильви, разумеется, не увидел меня в зале, где находилось около сотни участников и гостей конференции. Он откашлялся, выпил стакан воды, подвинутый к нему профессором, и сказал, будто отбарабанивал урок:

— По приказу командующего северной зоной отряд под моим командованием в сопровождении двух вертолетов проводил рекогносцировку долины реки Пруи в направлении от поселка Бавон к Гитанскому перевалу. Наша экспедиция была вызвана необходимостью обследовать эти ненаселенные места, так как имелись сведения, что этим путем пользуются контрабандисты опиума.

Тут Тильви Кумтатон поглядел на господина министра просвещения — почетного председателя нашей конференции, как бы сомневаясь, не сказал ли чего лишнего. Министр утвердительно кивнул головой, и Тильви продолжал рассказ:

— Склоны ущелья, по которому протекает река Пруи, покрыты лесом, и потому наблюдение за долиной затруднено. Посадочные площадки для вертолетов отыскать трудно. Наша партия разделилась на две группы. Первая группа продвигалась пешком, погрузив продовольствие на мулов, а вторая страховала ее на вертолетах и обеспечивала разведку трудных участков. На восьмой день пути от поселка Бавон в районе пагоды Трех духов нами была обнаружена небольшая терраса.

Все слушали, затаив дыхание. Мне хотелось задать майору вопрос, не встречал ли он следов пребывания в той долине китайского пилигрима Фу Цзи, однако я понимал, что в этой ситуации мой вопрос вряд ли будет уместен.

— Наземная группа достигла террасы примерно в десять тридцать и остановилась на привал, сообщив нам по радию о своем местонахождении. Вскоре после этого один из солдат, отойдя в сторону, почувствовал, что он находится в кустах не один. Он остано-

рожно раздвинул ветви и увидел неподалеку абсолютно обнаженного дикаря. Солдат ничем не выдал своего присутствия. После того как дикарь отправился далее, солдат проследил за ним. Через несколько метров между зарослями бамбука и обрывом обнаружилась прогалина. В обрыве солдат увидел вход в пещеру, куда и направился дикарь. Солдат затаился в кустах и увидел, как через некоторое время из пещеры вышли два дикаря, вооруженные бамбуковыми копьями, которые отправились на охоту. Солдат вернулся в расположение своего подразделения и доложил о виденном командиру, который немедленно связался со мной по радиации...

Директор Матур

В апреле, перед началом дождей, в Лигоне сложилась сложная ситуация. Начинался грандиозный международный конгресс, на который съехалось несколько тысяч профессоров со всего мира. Правительство было в растерянности. Кто-то должен был взять на себя ответственность за мировых знаменитостей. Один не ест свинины, у второго гастрит, у пятого камни в желчном пузыре, восемнадцатый пьет только молоко. В Лигоне не оказалось ни одного человека, который бы взял на себя эту ношу. Кроме меня.

Ко мне приехал сам Кумран Сумасвами, владелец завода прохладительных напитков, лично близкий к высоким кругам, и от имени нации попросил меня пожертвовать собой.

Здесь я должен отвлечься. Некоторые недоброжелатели утверждают, что я не имею лигонского паспорта. Вы можете плюнуть этим сплетникам в лицо. Уже мой папа был натурализованным лигонским гражданином, оставаясь тамилом по национальности, а мой двоюродный дядя Сони, тот самый, который некогда выписал сюда нашу семью из Читтагонга, жестоко пострадал в качестве активного участника национально-освободительного движения, потерпев удар по голове дубинкой наймита британского империализма — полицейского-пенджабца.

Итак, в беседе со мной господин Сумасвами обратился к моему бескорыстному патриотизму и предложил взять подряд на обслуживание конгресса и удовлетворение потребностей иностранных профессоров. После некоторых колебаний, вызванных моей крайней занятостью, я согласился на просьбу высоких инстанций. Таким образом, я сделал еще один шаг на пути накопления положительной кармы и благодеяний для человечества.

Мои обязанности на конгрессе многочисленны и разнообразны. В первую очередь приходится следить за жуликами офи-

циантами, пресекать махинации поставщиков, держать связь с правительством и медицинскими учреждениями — в общем делать так, чтобы, несмотря на все препятствия, честь нашей страны не пострадала*.

Находясь в гуще событий, я тем не менее давал волю своей природной любознательности. Должен сказать, что некоторые из профессоров не производили должного впечатления. Порой я слушал глубокомысленные рассуждения какого-нибудь немца об обычаях малайских дикарей и думал: вам бы мой жизненный опыт, профессор! Вас бы кинула жизнь в пасть такому племени! Вы бы сразу забыли о вышивках и циновках, ведь эти дикари куда хитрее нас с вами. Им не заплатишь — сожрут с костями. Заплатишь — ограбят. Им выгодно ходить голенькими, им выгодно, чтобы выжившие из ума старцы писали о них в газетах, а правительство тратило деньги на их просвещение и одежду. На самом деле они все торгуют опиумом, бандитствуют на перевалах и бесстыдно воруют.

И вот, когда профессор Мангучок принялся с трибуны рассказывать о том, что якобы у Гитанского перевала отыскивали племя голых лицемеров, я чуть было не сплюнул от отвращения. И должен сказать, что был не одинок.

Еще вчера я заметил в зале заседаний господина Юрия. Господин Юрий — важный работник русского посольства. Мне пришлось с ним встречаться, и мы, полагая, остались уважающими друг друга джентльменами, несмотря на некоторые разногласия. Следует сказать, что господин Юрий сносно владеет лигонским языком, и, если бы не излишний вес, из-за чего господин Юрий плохо переносит наш тропический климат, я назвал бы его истинным джентльменом, насколько это возможно для человека, не имевшего удачи родиться под властью британской короны.

Я заметил, что господин Юрий не смог скрыть скептического отношения к сообщению о дикарях и даже оглянулся в поисках моральной поддержки. К сожалению, он не заметил моего выразительного взгляда, иначе бы понял, что нашел во мне союзника.

Однако в следующий момент мне пришлось удивиться. Профессор представил майора Тильви Кумтатона, весьма положительного молодого человека, с которым мне приходилось сталкиваться и с которым мы достигли полного взаимопонимания**.

* Как вы понимаете, директор Матур исполнял на конференции скромную роль агента фирмы прохладительных напитков.

** Очередная ложь директора Матура. В свое время у майора были все основания отвергнуть голову Матуру. Он не сделал этого только потому, что у Матура нашлись покровители.

Из краткого и не очень умелого выступления майора я понял, что голые туземцы в самом деле скрываются в ущелье Пруи. Таятся они или нет, все равно они жулики. И стоят лишь одного: чтобы о них немедленно забыть.

К сожалению, ничего подобного не произошло. Профессора загудели, как будто узнали, где лежит клад в миллион фунтов стерлингов. А один английский джентльмен по имени Никольсон тут же потребовал, чтобы конференция в полном составе отправилась в горы поглядеть на вшивых дикарей. И ни один разумный человек не дал ему отпора. Я надеялся, что вся эта пустая история так и закончится, но случилось непредвиденное: профессор Мангучок обратился к сидевшему в зале высокому покровителю конгресса господину министру просвещения, и тот неожиданно согласился, чтобы, правда, не все, но три или четыре профессора вылетели в тот район. Мне захотелось крикнуть: что вы делаете! Эти места кишат амёбной дизентерией, москитами, змеями и бандитами! Но я промолчал, и моя скромность также попала в общую копилку человеческих ошибок, приведших к трагедии.

Но мне ли, скромному противнику насилия, поднимать голос против решения нашего правительства?

Юрий Сидорович Вспольный

Когда корреспондент ТАСС Геннадий Фроликов узнал о том, что я наряду с профессором Никольсоном, профессором Мангучоком и Анитой Крашевской включен в состав группы, которая отправится к Гитанскому перевалу, он позеленел от зависти. Я утешил его, сказав:

— По крайней мере ты теперь можешь быть совершенно спокоен, что твоя информация была правдивой.

— А как же китайский пилигрим? — спросил он ехидно.

— Китайский пилигрим прошел той дорогой очень давно, — ответил я. — И обещаю, что первым информацию о нашей экспедиции получишь именно ты.

— И на том спасибо. — Потом он спросил: — А может быть, тебе трудно, с твоим весом? Я готов тебя заменить.

— К сожалению, — ответил я, — в нашу группу включили только ученых. Независимо от их научных степеней. Ни одного журналиста с нами не будет. Это решение лигонского правительства, и не нам с тобой его оспаривать.

Полагаю, что я удачно поставил Геннадия на место. Почему-

то журналисты полагают, что им всегда должно предоставляться первое место. Нет, не всегда!

Нас провожали на конференции, как будто мы отправлялись к Северному полюсу. Многие завидовали. И я их понимаю. В самом деле, возможно, мы вскоре увидим самое последнее в истории человечества, забытое и оторванное племя. Руководство конференции и лично министр просвещения сделали все возможное, чтобы наша поездка была удобной. Транспортный самолет, который должен был доставить нас в окружной центр город Танги, был нагружен всем необходимым. Армия предоставила нам палатки, продовольствие, с нами отправились к тому же военный фельдшер, сутулый молодой человек по имени Фан Кукан, и, что меня удивило, проницательный директор Матур. На аэродроме, пока мы ждали погрузки в самолет, он подошел ко мне и на правах старого знакомого стал жаловаться на судьбу, бросившую его в дикие горы, и даже намекал на то, что эти дикари — никакие не дикари, а американские хиппи или торговцы опиумом. Я холодно выслушал его ламентации и не стал их комментировать. Я убежден, что майор Кумтатон никак не спутал бы американских хиппи с настоящими дикарями. Директор Матур объявил мне, что он руководит административной группой. Эта группа состояла из него, повара-китайца, имени которого я не запомнил, и нескольких ящиков с продуктами и прохладительными напитками. Полагаю, что директор Матур присоединился к нам потому, что надеялся заработать на этой экспедиции. Иначе его и калачом не заманишь в такие дикие места.

Как сейчас у меня стоит перед глазами сцена нашего отлета в горы, такая мирная и деловая, что невозможно было предположить, к каким событиям она приведет.

Небольшой транспортный самолет жарился посреди летного поля, и мы, пассажиры, не спешили подниматься по железной лесенке в его раскаленное чрево. Мы стояли в тени под козырьком здания аэропорта: смуглый, высокий для лигонца, черноглазый майор Тильви, сухой, желчный, явно недовольный всем (возможно, это просто манера общения) профессор Никольсон; похожий на китайского божка, добродушный профессор Мангучок, одетый по-арктически тепло — в шерстяной костюм, который он берег для торжественных случаев, толстый свитер под пиджаком, ярко надраенные армейские башмаки, на голове шерстяная шапочка, как у лыжника. Анита Крашевская лениво обмахивалась круглым красным опахалом. Я сразу догадался, что она купила его вчера в пагоде. Такие носят монахи. Вряд ли жен-

щине, причем иностранке, следует ходить с таким опакалом. Я подумал, что надо будет ей сказать об этом, но только очень деликатно. В джинсах и мужской рубашке с расстегнутым воротником она казалась совсем молоденькой. Студенткой. И удивительно — всем было жарко и все были потные, разгоряченные, а она была совершенно свежей, какой-то прохладной, и ее каштановые волосы лежали послушно, пышно, как в осенний день в Варшаве. Чуть в стороне возвышался грузный директор Матур с очень красными губами, как у всех любителей бетеля. Из-под черного пиджака свисали холстинные дхоти, а на голых темных, не очень чистых ногах были сандалии.

Трудно осудить меня за то, что я подошел к Аните спросить, не нужно ли ей чего-нибудь. В конце концов она, во-первых, молодая женщина, ей труднее других. Во-вторых, она представитель социалистического лагеря из дружественной Польской Народной Республики.

Анита с улыбкой сказала мне, что ни в чем не нуждается, и я решил, что при первой же возможности украду у нее опакало, чтобы не начинать ненужных разговоров.

К Тильви подошел пилот. Я решил, что нас приглашают в самолет, но оказалось, что пилот жалуется на перегрузку, и Кумтатону пришлось нас покинуть, чтобы отдать распоряжения. Полеты над горами вообще небезопасны, поэтому известие о перегрузке меня встревожило, однако я не подал виду. Рядом со мной Никольсон и Мангучок негромко, хотя оживленно, спорили о том, что они будут делать по прибытии на место. Я прислушался к этому разговору.

— Приобщение к цивилизации... — с нескрываемым презрением говорил Никольсон. — Что оно может дать вашим подопечным? Вы хотите, чтобы к ним приехал такой торговец, как тамил, что стоит в двух шагах от вас? Чтобы он заразил туземцев сифилисом или оспой?

— И вы полагаете, что лучше дикарям оставаться в первобытном состоянии?

— Я убежден, что в этом их спасение.

— Ваша надежда, коллега, иллюзорна. — Профессор Мангучок сердился, его темные щеки побагровели, но он старался сохранять спокойствие. — Мы никогда не сможем оставить их в том состоянии, в каком они пребывали до нашего появления. О племени уже известно. И если мы их не будем охранять, если мы не поможем им войти в семью современных народов, тогда они, оставленные на произвол судьбы, станут легкой добычей для любого злоумышленника.

— Вы намерены отобрать у них детей и отправить в интернаты?

— Простите, господа, — бесцеремонно вмешался в их беседу Матур. — Господин Никольсон указал на меня, как на тамила и злоумышленника. Я отвечу на это без обиды. Я отвечу так, как вы того и не ожидаете. Потому что вы мыслите по книжкам писателя Жюль Верна. Скажите мне, кому нужна горстка голых туземцев? Рабами в наши дни никто не торгует. Ценностей у этих голых людоедов нет. Даже их земля никого не интересует. Вам еще придется как следует поискать злоумышленника, который согласится угнетать и грабить дикарей. Грабить!

Директор Матур даже фыркнул от негодования.

Никольсон не удостоил Матура ответом, достал трубку и начал набивать ее табаком. Мангучок был куда вежливее.

— Вы ошибаетесь, господин Матур, — сказал он. — Опыт учит нас, что корыстные люди всегда найдут, чем поживиться. Я горячий сторонник строгого контроля над поселением племени. Да, мы должны быть втройне осторожны, потому что переход к новой жизни для небольшого племени может оказаться трагическим. Без государственного контроля он будет трагическим наверняка.

В этот момент к нам вновь подошел пилот и сообщил, что самолет готов к отлету.

Юрий Сидорович Вспольный

К счастью, самолет не задержался на земле, иначе бы мы все изжарились в нем. Он круто поднялся над полем, и в иллюминатор мне были видны ангары и дома вокруг аэродрома, рисовые поля, отделяющие его от города. Когда мы поднялись еще выше, то открылся чудесный вид на невысокие зеленые холмы, увенчанные пагодами, — священный комплекс Нефритового Будды и дальше на неорганизованные, толпящиеся домики окраин и правильные, распланированные еще в колониальные времена, кварталы центра. Море скрывалось в дымке и сливалось с блеклым небом.

Я сел рядом с Тильви Кумтатоном, так как счел нетактичным все время находиться рядом с Анитой Крашевской — такое настойчивое внимание могло быть ложно истолковано моими коллегами.

— Вы теперь живете в Танги? — спросил я майора.

— Нет, в Бавоне.

— И не тянет в столицу? — И тут я понял, что проявляю бестактность. Мне надо было догадаться, что майор в немилости у новых лидеров страны. Бавон — это глухомань, деревня на краю света... Но Тильви и вида не подал, что вопрос ему неприятен.

— Изредка я в ней бываю. Но обычно я занят.

— Вы так и не женились?

— А вы? — улыбнулся майор. — Мы вам можем найти очень хорошую невесту. Из хорошей семьи.

— Ну кто пойдет замуж за такого старого толстяка, как я?

— Вы уважаемый человек, Юрий, — сказал Тильви Кумтатон. — Учитель. Профессор. Вас пригласили на такое важное собрание.

Я знал, что майор очень серьезно, как человек, которому так и не удалось закончить университет, относится к образованию. В Лигоне, как и в других буддийских странах, к образованным людям питают уважение.

— А кого напоминают те люди? — спросил я. — Они тибето-бирманцы?

— Я, конечно, их не разглядывал вблизи. Мы были осторожны. Кожа у них темная, волосы прямые, черные. И плоские лица. А вот глаза большие и светлые. Таких я в наших горах не встречал.

— А скажите, майор, вам не приходила в голову мысль, что они могли мигрировать из Китая или из Тибета? Ведь к северу до самой границы тянутся довольно дикие горы.

— Я думал об этом, — сказал майор. — Но понял, что этого не может быть.

— Почему?

И майор одним логичным ударом разрушил мои надежды на научное открытие.

— Они же голые, — сказал он. — Они не знают одежды.

— И что же?

— Значит, они жители тропического леса.

И я вынужден был согласиться. Не говоря уж о Тибете, где зимы довольно суровы, даже в Южном Китае вы не отыщете племен, которые даже в незапамятные времена обходились без одежды. Зимой там холодно.

Профессор Никольсон, который сидел передо мной рядом с Анитой, достал из своего портфеля большой термос и налил в крышечку кофе. Его редкие седые волосы прилипли к шее. Я подумал, что в таком возрасте следует стричься короче, вооб-

ще помнить, что тебе уже семьдесят. Розовая рубашка и длинные седые пряди, прилипшие к шее. Не очень эстетично. Матур сидел по ту сторону прохода. Он извлек из кармана пиджака очень толстую растрепанную записную книжку, набитую листочками, счетами, записками, и принялся копать в ней с наслаждением скряги, который пересчитывает свои дублионы. Кожа надутых оливковых щек шевелилась — он жевал бетель.

Я отвернулся к иллюминатору. Внизу пошли предгорья — зеленые лесистые холмы, на крутых склонах которых еще сохранились деревья, давно вырубленные во всех равнинных местах и на склонах, годных для культивации, что ведет, как известно, к эрозии почвы. Из-за этого в долине Кангема большая область стала полупустыней, по которой в сухой период гуляют пыльные бури, а в дожди случаются катастрофические наводнения. Скоро начнутся горы. Нет, еще не те, куда мы летим, а невысокие лесистые горы вокруг Танги, на Фанском плоскогорье, разделенные дикими ущельями. Два года назад здесь со мной и еще двумя присутствующими в самолете людьми — майором и директором Матуром случилось несчастье. Наш самолет сбили контрабандисты, приняв за правительственный патруль. И мы чудом остались живы...

— Ума не приложу, — сказал мне майор Тильви, — как вы будете с этими дикарями общаться?

— А что? — Я с трудом вернулся в сегодняшний день.

— Я жалею, что нашел это племя, — сказал майор и этим отвлек меня от воспоминаний.

— Почему? — не сразу понял я.

— Конечно, я понимаю, наука, приказание правительства. Но у меня собственный командующий округом и ему плевать, простите, на голых дикарей. Я должен был к концу месяца закончить съемку района. А теперь?

— Теперь вы останетесь с нами?

— Вот именно. К тому же вам нужна охрана. Неизвестно, как поведут себя дикари.

— А где ваши солдаты?

— Я приказал им не приближаться к пещерам.

— А вдруг дикари ушли?

— Вряд ли. Я оставил посты на перевале и у выхода из ущелья. А через хребты им, пожалуй, не перебраться... Может, вы управитесь быстрее, чем за неделю?

— Тильви, — сказал я, — к сожалению, я не могу дать вам такого обещания. Факт обнаружения дикого племени — большое со-

бытие в мировой науке, и участники конференции намерены специально задержаться в Лигоне, чтобы ознакомиться с первыми результатами наших наблюдений. Вы же интеллигентный человек...

— Но мой командующий округом, — улыбнулся Тильви, — не настолько интеллигентный человек, чтобы понять, как важна для мировой науки дюжина голых дикарей.

— Вот именно! — У директора Матура слишком хороший слух. Оказывается, он подслушивал наш разговор, несмотря на шум моторов. — Мне также совершенно непонятно, что мы там увидим. Увидим жуликов, которые начнут просить у нас бакшиш. Я не представляю, как мне охранять продукты. Ведь растащут.

— Мы не будем останавливаться у самых пещер, — сказал Тильви, обращаясь ко мне и игнорируя директора. — Мы подобрали место у воды, в двух милях от пещеры.

— Правильно, — согласился я.

Но директора Матура слова майора не убедили. Он раскачивал головой, как китайский болванчик, демонстрируя этим неодобрение всей операции. И я снова подумал: а какого черта он с нами увязался? Сидел бы в Лигоне, поил оранжадом делегатов, горя бы не знал.

Директор Матур

Господин Юрий смотрел на меня с подозрением. Мне показалось, что я с моей обычной проницательностью улавливаю в его взгляде вопрос: а зачем вы, господин директор Матур, столь занятый человек, отправляетесь с нами в дикие горы, если не интересуетесь этими дикарями?

Ну что ж, господин Вспольный, ваш невысказанный вопрос справедлив. Давайте, как умные люди и джентльмены, признаем это.

Разумеется, я мог бы ответить господину Юрию, что с детства меня влекут тайны развития человечества, что первобытные народы хранят для меня в себе странные загадки... и это будет неправдой.

Поэтому я вынужден сделать признание, которое мне делать не хотелось, но теперь, когда все уже позади и некоторые обстоятельства, о которых я (о человеческие слабости!) предпочел бы забыть, уже всплыли на поверхность, можно приоткрыть завесу тайны, оставаясь при том честным и чистым человеком. Да, я летел в том самолете, несмотря на то, что не выношу полетов, по причине, не имевшей отношения к голым дикарям.

Вечером того дня, когда на международном конгрессе было объявлено о диких людях, ко мне подошел старший официант и передал мне просьбу моего старого друга, владельца завода прохладительных напитков, господина Сумасвари заглянуть к нему на чашку чая.

Будучи человеком общительным, я всегда с благодарностью принимаю приглашения моих друзей. И на этот раз я поспешил на встречу, рассчитывая провести ее за мирной беседой. Однако мой друг был взволнован. И огорчен. Причина его огорчения заключалась в том, что его близкий друг пропал без вести в районе Гитанского перевала. Узнав, что туда направляется самолет, мой старый приятель умолил меня полететь вместе с профессорами и постараться узнать, не стал ли его друг жертвой голых людоедов*.

К счастью, полет до Таинги прошел без приключений, и через час мы приземлились на небольшом аэродроме этого тихого горного городка, недавно разрушенного страшным землетрясением. Правда, за два года небольшие дома уже были восстановлены, почти отремонтирована миссионерская церковь. Кое-какие здания еще были в лесах, а на окраине города лежала в развалинах резиденция местного правителя покойного князя Урао Као, где обитала его престарелая мать. Я намеревался нанести ей визит, но не успел, потому что погрузился в дела и заботы.

Анита Крашевская

Город был чудесен. Даже то, что он пострадал от землетрясения, не могло уничтожить его очарования. Поросшие соснами холмы подступали с севера, а на юге плоскогорье, где он расположен, обрывалось уступами к большому небесной синевы озеру, за которыми голубыми отрогами поднимались горные хребты.

Здесь, на плоскогорье, весна была не такой раскаленной, сухой и душной, как в долине, с гор дул ветерок, неся по тенистым улицам сухие листья.

Мне очень захотелось побыть здесь одной, чтобы впитать в себя аромат этого затерянного на краю света уголка, и я совершила небольшое моральное преступление — сбежала от милейшего русского Пиквика — Юры Вспольного. Боюсь, ему кажется, что он в меня влюблен. При виде меня он начинает бесконеч-

* Из дальнейших событий станет ясно, что директор Матур, как всегда, лукавит, чтобы выставить себя в лучшем свете, чем он того заслуживает.

но говорить, будто опасается, что, как только он замолчит, я исчезну. На конференции он усаживается рядом и просвещает меня по части местных обычаев и древней истории Лигона, бега за лимонадом и занимает мне очередь в кантине*, где мы перекусываем в перерыве между заседаниями. При этом он страшно конфузится и тщательно делает вид, что совершенно мною не увлечен**. В самолете он даже пересилил себя и сел от меня отдельно, но я все равно шеей ощущала его нежный близорукий взгляд. Нет, он в самом деле добрый и милый человек, но я несколько устала от его лекций, и, наверно, придется их как-то прервать, стараясь при этом не оскорбить его чувств.

Я узнала от профессора Мангучока, что мы задержимся в Танги до утра, и, пока Юрий был занят научной беседой с Никольсоном, я спустилась по лестнице деревянной гостиницы, обошла поросшую бамбуком груды щебня и кирпичей, которая когда-то была местным отелем, и углубилась в город.

Я прошла мимо базарчика, где женщины из племени синих фанов в красных тюрбанах и широких коротких ультрамариновых юбках торговали мандаринами и яблоками. Я даже купила фунт мандаринов и потом пожалела, что не купила больше. Крутой извилистой улочкой я поднялась к старой, построенной, видно, в начале прошлого века церкви. Само здание при землетрясении устояло, но колокольня рухнула и теперь стояла в лесах — ее восстанавливали. Оттуда, от церкви я полюбовалась видом на озеро. Я даже залезла на леса и оттуда сделала несколько удачных слайдов. Два пожилых каменщика бросили работать, глядели на меня, не говоря ни слова, и вежливо улыбались.

На зеленой аккуратно подстриженной лужайке у церкви, в тени цветущего алыми цветами дерева я увидела мраморное надгробие с именем местного священника или миссионера и относительно недавней датой смерти — позапрошлым годом. Может быть, этот старый англичанин, отец Фредерик, погиб во время землетрясения?

Затем улица привела меня к небольшому буддийскому монастырю, затаившемуся в тени широких крон манговых деревьев.

* Университетская столовая.

** Я публикую записки Аниты без сокращений, несмотря на то, что Анита позволила мне вносить в них любые сокращения. Величие летописца и собирателя древних рукописей зависит от его беспристрастия. Что было, то прошло. И мне ли переживать сегодня о мыслях, пришедших в прекрасную головку Аниты более года назад!

Между ними бродили, что-то разыскивая в траве, небольшие черные свиньи.

Молодой монашек с бритой головой, читавший в тени книгу в кожаном переплете, раскрыл рот, увидав меня, и что-то сказал по-лигонски. Потом долго глядел мне вслед.

Начались сумерки, и я решила, что пора возвращаться. Сумерки здесь короткие, стемнеет быстро, и я могу заплутаться. Я повернула обратно и решила срезать путь, пройдя по узкой улочке между небольших деревянных домов. На открытых верандах сидели люди в свитерах и вязаных шапочках — видно, для них этот парной вечер казался прохладным. Они пили чай или ужинали. Некоторые мне улыбались и что-то говорили вслед. Но не зло, а так, как глядят на проходящую мимо пушистую кошку.

Улочка уперлась в парк. Может, это был ботанический сад, потому что перед некоторыми деревьями стояли палки с прибитыми названиями по-лигонски и на латыни. Дорожки вились между деревьев и кущ кустарника. Темнело.

Я ускорила шаг. Здесь было очень тихо. Даже птицы замолчали. Вообще-то я не трусиха, и мне приходилось попадать в разные переделки, но в той вечерней тишине была какая-то зловещая загадочность, будто природа ждала чего-то.

И тут я услышала тихие голоса.

Если бы те люди говорили хоть чуть погромче, я бы обязательно подбежала к ним и спросила дорогу к гостинице. Но именно потому, что они говорили тихо, не как влюбленные, боящиеся спугнуть тишину, а как люди, обсуждающие что-то плохое, я испугалась и остановилась.

Прямо передо мной, скрытые большим кустом, стояли два человека. Одного я сразу узнала. Это был грузный, вечно жующий бетель снабженец нашей экспедиции. По крайней мере так я поняла его функцию в нашей группе. Кажется, его звали Матур. Я не слышала, о чем они говорят, да и не интересовалась этим. Но идти дальше я не могла, а вернуться обратно тоже боялась. Так что остановилась и ждала, когда они расстанутся.

За это время я смогла разглядеть второго собеседника. Он был невысок ростом, очень худ и оттого подвижен. Маленькие люди обычно подвижнее больших. Я даже успела, помню, подумать, что это общее правило в живом мире. Слон редко бегают. Райская птичка или мышь-полевка всегда в движении. Чтобы прокормить свой маленький организм, у которого нет никаких запасов на случай голода, они вынуждены носиться

как угорелые и беспрестанно жрать. Разумеется, к людям это относится лишь в условной степени. Но Наполеоны и Сталины не бывают громоздкими.

Несколько злых комаров выследили меня и стали бросаться на меня со всех сторон, как собаки на медведя. За что они так меня возненавидели? Я даже не смела их прихлопнуть, а бесшумно помахивала ладонями, чем вызывала лишь дополнительную злобу в кровососах. Ну скорее же, умоляла я Матура. Пора ужинать.

Собеседник Матура был главнее. Это было видно по поведению нашего хозяйственника. Его грузное тело все время совершало плавные подобострастные движения, стараясь согнуться в ответ на каждую фразу маленького человека. Маленький человек был одет в европейский костюм и держался прямо, будто помнил об армейской выправке.

И тут мы оба с Матуром испугались. Маленький человек вдруг вытащил из кармана неизвестно как там помещавшийся довольно крупный пистолет. Мы с Матуром решили, что он сейчас начнет стрелять. Матур даже отпрыгнул в сторону и поднес к лицу пухлые лапы.

— Да не бойтесь же! — повысил голос маленький человек. Он говорил по-английски. И тут же снова перешел на лигонский. Матур растерянно улыбнулся и ответил ему длинной тирадой, почти беззвучно. Я поняла, что он уверяет собеседника, что ничуть не испугался.

Маленький человек протянул пистолет Матуре, и тот начал отчаянно трясти головой, отказываясь от такого подарка. Но в конце концов вынужден был согласиться. Он принялся засовывать пистолет поочередно во все карманы пиджака, и пистолет никак не хотел подчиняться ему. И тут маленький человек повернулся и быстро пошел в мою сторону. Я присела за куст и замерла, сжавшись в комок. Он прошел в двух шагах от меня, и ему стоило лишь повернуть голову, чтобы увидеть прекрасную польскую даму в невероятной позе и понять, что дама выслеживала его в безлюдном парке. Что бы он сделал, трудно предположить, но я решила, что у него был запасной пистолет именно на случай такой встречи.

Я просидела, скорчившись, за кустом минут пять. За это время комары сожрали меня до костей, а я была вынуждена терпеть. Я старалась призвать на помощь благородные исторические ассоциации, уверяя себя, что Жанне д'Арк было куда хуже, но на исходе пятой минуты поняла, что с готовностью поменялась бы местами с французской героиней. Но как назло все эти пять минут госпо-

дин Матур переминался с ноги на ногу по другую сторону куста, ворчал себя под нос, чавкал и переживал. Видно, комары его не трогали. Наконец он тяжело вздохнул и побрел, поскрипывая подошвами, прочь. Я сосчитала до ста и после этого с наслаждением прихлопнула самого наглого комара. Ладонь сразу стала мокрой от крови.

Потом я пошла за ним следом, стараясь его не догнать. Мне почему-то казалось, что господин Матур боится пистолета, врученного ему, больше, чем я. Идет сейчас и думает, не кинуть ли его в кусты. А кинуть тоже страшно. Попадаться на глаза Матуру мне не хотелось. Еще стрельнет с перепугу.

Юрий Сидорович Вспольный

Разумеется, в тот момент, да и позже, я не подозревал, что директор Матур встречался с кем-то в вечернем парке и напугал очаровательную Аниту. Не знал я и о том, что у него есть пистолет. Для меня, как и для всех остальных, наша поездка оставалась чисто научным предприятием, которое могло сулить любопытные открытия и даже приключения, но никаких опасностей. Тем более что нас опекала лигонская армия в лице Тильви Куматона.

На следующее утро мы ждали вертолета с оживленным нетерпением. После обильного, сытного завтрака нас отвезли на летное поле на армейских джипах. Утро было легким, свежим, крутые горы со всех сторон ограничивали видимость, и я с нетерпением глядел на север, где находится долина реки Пруи. Правда, я должен сказать, что Матур показался мне удрученным и осунувшимся, что я объяснил для себя его боязнью летать на самолетах и вертолетах.

Из событий, достойных упоминания, я бы назвал лишь одно.

К вертолету майор Тильви принес отпечатанные фотографии. Оказывается, его заместитель лейтенант Мутаран сделал их за два дня до того и прислал с пилотом вертолета. Разумеется, мы с интересом ознакомились с этими фотодокументами. Фотографии, к сожалению, были любительскими, большей частью нечеткими. На первой был виден широкий, высотой метра в два и шириной метров в пять, вход в пещеру, над которым нависала козырьком скала. Масштаб легко угадывался, так как возле входа, не подозревая о том, что за ними наблюдают, стояли два дикаря. Совершенно обнаженные. Один из них держал в руке копье с привязанным к нему наконечником, второй был безоружен. Куда более интересной мне показалась вторая фотография.

Лейтенанту удалось подстеречь дикаря, когда он приблизился к зарослям, и поэтому было видно его напряженное, суровое лицо, лицо охотника и воина. Длинные вьющиеся космы обрамляли его скулы, маленькие глаза из-под нависших надбровных дуг смотрели холодно и жестоко. Должен признаться, что нечто схожее с неожиданным порывом холодного ветра пробежало по моей спине. Лучше с таким дикарем не сталкиваться на узкой лесной тропинке.

Еще больше меня заинтриговала третья фотография. На ней лейтенанту удалось запечатлеть жилистого старика, облысевшего и согбенного, который сидел на корточках перед пещерой, поставив вертикально на землю палочку и вращая ее между ладоней. Я не сразу догадался, что старик добывал огонь. Вернее всего, он был хранителем традиций племени, может, даже первобытным жрецом, чье умение возжечь огонь ставило его над прочими. Рядом со стариком стояла молодая женщина. Когда я разглядывал ее, я услышал сзади чмокание. Оказалось, что лукавец Матур заглядывает мне через плечо. И его взгляд также задержался на дикарке. Женщина была молода, полногруда, и, если бы не примитивное выражение лица и не низкий лоб, она могла бы показаться красавицей.

— А говорят, что голые, — произнес Матур.

Я понял, что он имеет в виду — на бедрах дикарки была короткая юбочка из стеблей тростника.

— Вы неправы, — сказал я Матуру. — Это естественная женская стыдливость.

— Жалко, что она все-таки не совсем дикая, — нагло возразил Матур, но я не стал ввязываться в спор, а передал фотографии подошедшему профессору Никольсону, который вцепился в них, как умирающий от жажды в стакан с водой. Они тут же вступили в отчаянный спор с профессором Мангучоком, и спор их концентрировался вокруг антропологических проблем, в которых я не весьма компетентен.

Вертолет, как объяснил мне Тильви, был десантным, поэтому мы смогли в нем свободно разместиться, хватило места и для нашего оборудования и запасов продовольствия, тщательно проверенного и пересчитанного Матуром. Сам перелет к месту нашего лагеря занял почти два часа, в ходе которых я имел беседу с Анитой Крашевской, которая обменялась со мной впечатлениями о городе Танги, произведшем на нее благоприятное впечатление своим климатом и растительностью. Я же со своей стороны, в силу того, что уже бывал в этих краях, смог рассказать

моей польской коллеге об этническом составе окружающих гор а также об истории города и роли его населения в национально-освободительном движении. К тому же я напомнил пани Крашевской, что во время Второй мировой войны в этих местах шли упорные бои между английскими войсками и девятнадцатой японской армией генерала Ямаситы, а также о разгроме японских войск летом 1945 года.

— До сих пор, — сказал я, — в джунглях иногда можно встретить остатки дотов и блиндажей, ибо сопротивление японских солдат, отрезанных от моря, было отчаянным, и даже известие о капитуляции Японии не завершило боев. Эта земля, эти тихие на вид горы буквально залиты кровью, — закончил я.

Тут вертолет медленно пошел на посадку, как бы разыскивая ту точку в море лесистых отрогов, где можно приземлиться. Я отдал должное искусству лигонского пилота, который не только отыскал лужайку в этом зеленом море, но и смог посадить машину точно посреди нее.

Здесь, на высоте тысячи шестисот метров над уровнем моря (эти данные я почерпнул из географического атласа еще до отлета), было свежо. Наверное, градусов двадцать, не более. Ветер был северным, очевидно, несколько более прохладным, чем в Танги. Ночью, подумал я, здесь бывает совсем прохладно. Надо обладать большим генетическим опытом и привычкой к лишениям, чтобы проводить жизнь в раздетом состоянии в этих местах.

Шум лопастей вертолета стих, наступила тишина. Я подумал, что наша активность — полеты, походы и так далее должны неизбежно привлечь внимание дикарей, и они в любой момент могут сняться со своей стоянки и затаяться в лабиринте горных долин.

Лейтенант Мутаран, командовавший отрядом в отсутствие Тильви Кумтатона, оказался совсем юным офицером, только что из училища. Он подбежал к вертолету и вытянулся, докладывая Тильви Кумтатону. В то же время он не сводил с нас взгляда. Наверное, он впервые в жизни видел такое собрание солидных ученых. Три солдата стояли в отдалении, и, когда мы выгрузились, они принялись таскать ящики и мешки, привезенные нами. Директор Матур остался возле вертолета, чтобы следить за выгрузкой.

Лейтенант провел нас в палатку, которая стояла над высоким обрывом к реке Пруи, в тени высоких сосен. Их иглы усеивали землю густым слоем, и я непроизвольно оглянулся в поисках грибов — я заядлый грибник, и иногда мне снится, как я выхожу в подмосковный лес и вижу колонии боровиков или красные шляпки подосиновиков. Здесь же грибы совершенно незна-

комые, и никто их не собирает. Трудно было поверить, что мы находимся в нескольких тысячах километров от дома, в отрогах Гималаев, неподалеку от экватора. Уж очень свежим был воздух, и уж очень по-родному шумели сосны.

В большой палатке был накрыт длинный стол — солдаты приготовили для нас чай со сгущенным молоком и с бисквитами, и мы искренне отдали должное их гостеприимству.

Лейтенант любезно объяснил нам, что от палатки до пещеры немногим более двух миль (три километра), так как ближе располагаться к первобытным людям они не решились из опасения, что последние могут испугаться. Лейтенант говорил, поглядывая на своего командира, как отличник, хорошо затвердивший домашнее задание.

Профессор Никольсон, хотя и был старшим среди нас, настаивал на том, чтобы немедленно отправиться к пещерам. Мне было удивительно наблюдать за этим сухим и весьма немолодым джентльменом. Полевая обстановка его буквально преобразила. Я только сейчас пригляделся к его одежде. В Танги он успел переодеться и теперь выступал в шортах и армейской рубашке защитного цвета, а на ногах его были альпийские ботинки и светлые гетры. Профессор на боевой тропе!

Однако Тильви Кумтатон воспротивился немедленному выходу в горы. Время подходило к полудню, и, по наблюдениям военных, в это время мужчины еще находятся на охоте, а женщины занимаются собирательством. Лишь в три часа пополудни они возвращаются в пещеру. Тогда мы сможем поглядеть на первобытных людей вблизи.

Мы вышли через час. К счастью, было нежарко и сухо. Тем не менее путь оказался не таким уж и легким. Грешным делом я даже внутренне укорял Тильви и его сотрудников в том, что они не подбросили нас поближе к стоянке первобытных людей на вертолете, хотя понимал, что такой перелет нарушил бы скрытность нашего приближения. Разумеется, никаких тропинок не было, и приходилось перебираться через корни, обходить заросли кустарников, карабкаться по каменным осыпям, остерегаясь змей или случайного хищника. И главное, выслушивать стенания директора Матура, который зачем-то увязался с нами и теперь стонал, полагая, что живыми нам до пещеры не добраться. Я даже счел необходимым сделать замечание Матуру, суть которого сводилась к тому, что мое телосложение так же, как и его, не приспособлено для хождения по горам, тем не менее я не жалуюсь, ибо сам выбрал себе такую долю.

Обливаясь потом и задыхаясь, я старался не отставать от ос-

тальных и держался несколько в стороне от Аниты Крашевской, которая подобно горной серне, легко преодолевала все препятствия, словно гуляла по дорожке парка. Мне не хотелось, чтобы мой потный, раскрасневшийся и взлохмаченный образ запечатлелся в ее сознании.

Наш подход завершился неожиданно, в тот момент, когда я понял, что сейчас упаду и больше не встану.

Шедший впереди солдат поднял руку, сделав нам знак остановиться, и выглянул вперед, раздвинув кущу бамбука. Через минуту он показался вновь, и мы вслед за ним вышли на невысокий обрыв. По другую сторону ущелья ниже нас находился вход в пещеру, которая была видна как на ладони.

До пещеры было примерно двести метров, и, так как мы все были снабжены биноклями, Анита Крашевская и Тильви Кумтатон принесли с собой кинокамеры, а солдаты, шедшие сзади, циновки для того, чтобы нам не сидеть на земле, то условия для наблюдения были прекрасными.

Мы расселись вдоль края обрыва, стараясь не шевелиться, чтобы колебание стеблей бамбука не выдавало нашего присутствия. Комаров не было. Солнце стояло над самыми головами, но не жгло. Пели птицы. Было очень приятно.

Площадка перед пещерой, вытоптанная и неопрятная от палок, камней, сучьев и прочих мелких предметов естественного происхождения, валявшихся на ней, была пуста. Если первобытные люди и вернулись с охоты, то они удалились в пещеру для отдыха и усвоения пищи.

Я смотрел на эту площадку и думал, что вот сейчас усталый после долгого дня охоты там появится первобытный человек, которому в ближайшем будущем мы отыщем какое-нибудь более ученое название. Его мир — это долина мало кому известной за пределами округа реки Пруи. Горы — предел известного мира. И он, и его прадеды, и пращуры обитали в этих или схожих местах, насколько тянется вглубь их коллективная память. И хозяева в этом мире они — Люди. А с другой стороны, это не так. Потому что люди — это Человечество, это миллиарды подобных существ, которые связаны между собой видимыми и невидимыми нитями общности. Вот мы здесь, на обрыве, с биноклями и камерами в руках, пришли подивиться на потерянных братьев наших, потому что существование вне человечества нам мыслится как ненормальное, достойное удивления и изучения. И какая пропасть пролегла сейчас между нами! Пропать взаимного незнания, непонимания, могущая привести к трагедии...

— Интересно, — прошептала рядом со мной Анита Крашевская, которая удобно устроилась на циновке и разглядывала в бинокль вход в пещеру. — Они утром ушли из пещеры и, наверное, рассказывали друг другу анекдоты или ссорились из-за плохо поджаренной яичницы. А мы на них смотрим, как на муравьев.

— Вы не правы, Анита, — ответил я, удивляясь тому, как схоже и в то же время несхоже мы с ней только что размышляли. — Они вряд ли умеют жарить яичницу. К тому же наверняка не знают анекдотов. Их слишком мало.

Анита промолчала, и я не понял, осознала ли она, что я шучу, или нет. Поэтому я счел нужным добавить:

— Как вы понимаете, это шутка.

— Понимаю, — сказала Анита.

Я с такими подробностями описываю минуты, в течение которых ничего не происходило, по той причине, что субъективно они тянулись подобно долгим часам.

— Странно, — услышал я негромкий голос профессора Мангучока. Это слово он произнес по-лигонски, и потому только я его понял.

— Что вас удивило, профессор? — спросил я тихо.

— Неужели, — продолжал Мангучок по-английски, — у них на стойбище совсем нет детей?

— В этом нет ничего удивительного, — слышался сварливый и слишком громкий голос профессора Никольсона. — Они вырождаются. Я убежден, что мы увидим целый ряд генетических уродств — следствие инбридинга.

— Судя по фотографиям, этого не происходит.

— Мы видели лишь три особи, а их, по словам наших военных друзей, более дюжины.

— Торгуют они детьми, вот что, — нетактично вмешался в разговор директор Матур. — Продают за перевалом. Потому что это типичные работоторговцы.

— Какие у вас основания нести подобную чепуху? — возмутился профессор Никольсон.

— Вместо того чтобы сидеть в чаще, где нас может ужалить любая змея, — проворчал Матур, — надо было совершить налет на их пещеру. Там у них и одежда, и деньги, и ручное стрелковое оружие. — Голос его звучал настолько убежденно, что, когда в тот момент из леса на площадку настороженно, словно чувствуя недоброе, вышел один из охотников, мне в первое мгновение показалось, что у него в руке не дротик, а автомат.

Появление первобытного человека немедленно прервало все

разговоры. Над обрывом наступила мертвая тишина. И щелчок магнитофона, который включил профессор Никольсон, хотя вряд ли на таком расстоянии можно было бы разобрать хоть слово, показался мне выстрелом.

Дикарь оглянулся. Прислушался. Я затаил дыхание. И уверен, что моему примеру последовали все остальные.

Видно, он решил, что опасности нет. Он издал короткий отрывистый звук, схожий с лаем собаки. И почти мгновенно в отверстии пещеры показался старик, тот самый первобытный жрец с фотографии, который умел с помощью палочки разводить огонь. Охотник снял с плеча привязанную лианой крупную рыбину, которую я раньше почему-то не заметил, и кинул ее старику. Старик подхватил рыбину на лету и даже покачнулся, потому что она весила, наверное, не меньше трех килограммов. Старик понюхал рыбину, его лицо озарила робкая улыбка, и я понял, что этот жрец — не глава племени. Да, его искусство добывать огонь может показаться волшебным необразованным и темным соплеменникам, но в то же время основным критерием полезности в этом маленьком обществе остается умение добывать пищу, в котором старик ограничен. Мне хотелось поделиться своим наблюдением с кем-либо из антропологов, и я даже обратился к Аните, но она, заметив мое нечаянное движение, приложила палец к губам, останавливая готовую сорваться с моих уст фразу.

Старик исчез в пещере, а охотник присел на корточки и, положив дротик на истоптанную площадку, подобрал острый камень. Оглядел его и начал что-то чертить на земле. Мне представилось, как под неумелой еще рукой охотника рождается грубый силуэт оленя или быка, которого он сегодня увидел в чаще, но не посмел на него напасть. Может, он сейчас проткнет стрелой этот силуэт в надежде на то, что в следующий раз охота будет удачнее.

Тут из зарослей появились две молодые женщины. Они несли охапки зелени. Я сразу мысленно прокомментировал то, что увидел, а именно: зарождение сельского хозяйства и медицины. Собирательство диких злаков и съедобных трав предшествовало началу сельского хозяйства.

В одной из женщин я угадал пышноволосяную красавицу в травяной юбочке, которую видел на фотографии. Ее дикая первобытная красота, детали которой не просматривались с нашей позиции, чем-то взволновала меня, цивилизованного жителя городов. Какой контраст она представляла изысканной красоте Аниты Крашевской!

Увидев женщин, охотник поднял голову, но не встал, чтобы

им помочь. Впрочем, вряд ли можно было ожидать галантности от дикаря.

Старик вышел из пещеры с двумя палочками в руках. За ним последовала пожилая женщина, которую мы раньше не видели. Она тащила охапку сухих веточек и щепы, которую сложила на открытом месте. Остальные с интересом наблюдали за тем, как старик составил две палочки вместе, уперев конец одной в кучку растопки, а вторую, потоньше, начал крутить между ладонями, стараясь трением вызвать огонь.

Крутил он долго, несколько минут. У меня затекла нога, и я переменял позу. Анита не отрывалась от бинокля. Никольсон склонился к своему магнитофону, хотя я совершенно не понимаю, что тот мог уловить. За то время, пока старик, обливаясь потом, трудился, из леса вышли еще три охотника разного возраста. Один из них тащил за задние ноги зайца, двое других вернулись с пустыми руками. По тому, как открывались и закрывались рты присутствовавших, я мог догадаться, что они давали советы старику. И тут меня осенило!

Мы же присутствуем при великом моменте в истории человечества! Мы видим, как люди учатся добывать огонь! Явно старик не был мастером по этой части. Свидетельством тому было раздражение, с которым первый охотник оттолкнул его, отобрал палочки и стал крутить их сам. Старик обиженно поднялся и отошел к входу в пещеру, откуда он смотрел, как продолжается процесс добывания огня.

Я оглянулся, чтобы убедиться, что этот удивительный момент снимается на пленку. К счастью, Тильви Кумтатон понял важность момента и непрерывно снимал кинокамерой добывание огня.

Наконец из-под палочки появился легкий белый дымок, что вызвало взрыв оживления у дикарей. С непосредственностью каменного века они начали прыгать вокруг дыма, вознося хвалу своим первобытным духам.

Однако тут случилось непредвиденное. Первый охотник, еще с минуту покрутив палочки и убедившись, что, кроме дыма, он ничего не получит, вдруг вскочил, сломал палочки о колено и гневно зашвырнул их далеко в кусты.

Женщины всплеснули руками, а старик начал раскачиваться, демонстрируя крайнюю степень расстройства.

— Неудача, — услышал я голос Никольсона.

— Притворяются, — поправил его неугомонный Матур. Тут уж я не выдержал.

— Зачем им притворяться? — зашипел я. — Неужели вы ду-

маете, что они знают о нашем присутствии и совершают эти действия специально для нас?

— Все может быть, — отмахнулся Матур.

На этом нам пришлось завершить первую встречу с дикарями, так как неожиданно с гор свалилась туча и начался дождь, который становился все сильнее. Дикари поспешно убрались в пещеру, а Тильви Кумтатон, сделав строгий выговор солдатам, которые не догадались захватить с собой зонты или пластик, чтобы оградить гостей от шалостей природы, предложил нам срочно вернуться в лагерь, что мы и сделали. Путешествие назад было нелегким, но так как мы шли под горку, то добрались до палаток быстрее, чем шли к пещере. К тому же нас подгоняли острые и сильные струи дождя.

К счастью, оставшиеся в лагере солдаты расставили к тому времени привезенные нами палатки, чтобы мы могли переодеться и обсохнуть. Я же так устал и перевозмужался, что улегся на надувной матрас и неожиданно для себя уснул, отказавшись от обеда. И проспал до вечера.

Профессор Никольсон

Я был настроен пессимистично и не скрывал своего настроения. Исторический опыт свидетельствует о том, что подобные небольшие, оторванные от человечества группки людей оказываются беззащитными перед лицом всемирной цивилизации. Если они не вымрут в первые же месяцы от оспы или гриппа, даже элементарный насморк может оказаться для них смертельным. Целые народы, отколовшиеся от цивилизации, погибали. Если были уничтожены многочисленные тасманийцы, если мы можем проследить горькую судьбу лесных племен Южной Америки или Филиппин, то лигонский уникум — исторический нонсенс — исчезнет с лица земли мгновенно, как мотылек-однодневка. И что бы ни делали охваченные научным энтузиазмом наши лигонские коллеги, какие бы грозные бумаги ни подписывало правительство этой страны, максимум, что они дадут, — годовую отсрочку гибели микроскопического социума. К ним все равно проберутся туристы, проникнут торговцы опиумом или появится владелец какого-нибудь ярмарочного зоопарка. И снова повторится печальная и уже известная картинка. Последний представитель народца будет кривляться в голом виде в балагане под яркой вывеской «Обнаженный дикарь. Чрезвычайно опасен! Женщинам вход воспрещен». Было это, все было...

Мой коллега Мангучок, милейший человек, которого я помню

еще по Оксфорду, где он был моим аспирантом, надувал свои и без того круглые щеки и утверждал, что именно в Лигоне эти бедняги обретут счастье. По-моему, ему свойственно заблуждение, характерное для наших бывших колониальных народов. Он распространяет собственную судьбу на судьбы малых племен. Однако забывает при этом, что антагонистами лигонцев либо индусов выступали англичане — могучая цивилизованная империя, которая не только брала у колоний, но и немало давала им. Сегодня лигонское правительство заботится о том, чтобы дать образование десяткам тысяч молодых людей, забывая, что избытком адвокатов не создает рабочих мест и в результате лишь плодит недовольство.

Удивительно, как освободившаяся нация обретает право решать судьбы своих младших братьев, не решив еще толком своей судьбы. Если раньше, лет сто назад, в подобном случае из Лигона приезжал прыщавый и измученный амебной дизентерией двадцатилетний мистер Джонс в сопровождении иссохшего от скуки и сознания собственного величия англиканского миссионера, то теперь можно ожидать, что армейского майора сменил чиновник из Танги в сопровождении буддийского наставника. А результат будет тем же. Плачевным.

— Что вы говорите, профессор? — спросил Мангучок.

Я задумался и начал бормотать вслух — непростительная черта для ученого, но простибельная для старого склеротика, каковым я, к сожалению, становлюсь.

Уже подкрался вечер, и стало прохладно. Я люблю свежий воздух и морской ветер. Польская молодая леди с видом послушной ученицы что-то писала в блокноте. Она уже готовилась выступить с докладами на партийных собраниях в своем родном университете, а может, строчила статью для популярного журнала. Какое несчастье эти популярные журналы! Скольких способных молодых ученых они развратили легким куском хлеба! Из палатки доносился храп русского толстяка. Я с ужасом подумал, что вынужден буду делить с ним палатку и не смогу толком выспаться. Видно, становлюсь стар для экспедиций. Я уже с тоской думал о ванной в гостинице Танги. Эту экспедицию надо было завершать. Все равно настоящих полевых исследований мы провести не сможем. Для этого нужны месяцы работы, жизни среди дикарей. Мы выступаем здесь в роли зевак, пришедших поглядеть на аутодафе. Жизнь осужденного нам все равно не откроется. Оставить дикарей в покое — вот единственное спасение. Забыть. В конце концов их система верований повторяет те, что сложились в этих местах тысячи лет назад, уровень их

материальной культуры настолько низок и банален, что можно изучать его на Филиппинах или в Малайе. Ничего нового... Но мое мнение не будет принято во внимание.

Я направился к реке, которая невнятно шумела внизу. Мне хотелось побыть одному. Я вдруг понял, что давно и сильно устал. Я езжу по этим конгрессам, летаю в самолетах и сижу в президиумах не потому, что мне этого хочется, а потому, что не знаю иного занятия, не могу отказать инерции, цепляюсь за видимость жизни, которая давно уже кончилась. Я в какой-то степени такой же оторванный от мира дикарь, как и жалкие обитатели пещеры.

Не знаю, сколько я прошел, но мне пришлось остановиться, потому что путь мне преградили густые заросли бамбука. Несколько секунд я простоял, тупо глядя на стену зеленых ветвей, на чуть колышущиеся под вечерним ветерком узкие листья, не совсем соображая, что я делаю и почему здесь стою. И тут я понял, что в кустах кто-то есть. Я пригляделся. Темное человеческое тело мелькнуло в полутьме и растворилось среди ветвей. Я понял, что не только мы изучаем дикарей, но и дикари проявляют желание изучить нас.

Я повернулся и, спотыкаясь о корни, поспешил обратно. Я не оборачивался и старался не думать о том, что в спину мне может вонзиться дротик.

Анита Крашевская

Я проснулась рано, в начале рассвета. Оглушительно, словно палкой по висящей на веревке простыне, прохлопала крыльями какая-то ночная птица.

Я спала в палатке одна — больше женщин в нашем лагере не было. Я стала думать о том, что дома лежит неоконченная работа, которую надо кончить и обязательно через месяц, потом почему-то представила себе, что мама сейчас уже встала и гремит на кухне посудой. Сейчас зашумит кофемолка... Где я? Тут закашлял кто-то совсем рядом. Я удивилась и вернулась сюда, в лигонские горы. А ведь этим дикарям, если они знают, что мы прилетели, ничего не стоит пройти две мили и залезть в палатку. Сейчас откинется полог, и там покажется злобная физиономия. Странно, подумала я, не отрывая взгляда от полога, почему-то никогда мне еще в моих экспедициях не приходила в голову такая мысль. Неужели нервы расшатались? Или в этих дикарях была особая враждебность, особая дикушность, которую чувствуешь кожей и которую нельзя объяснить. Как будто эти дикари были первобытнее, чем возможно для человека,

будто они пришли откуда-то из такого далекого прошлого, когда человека еще и быть не могло...

Больше вот так лежать и ждать не было сил. Я поднялась и, стараясь не сделать ни одного лишнего движения, оделась и подползла к выходу.

Белыми полотнищами туман тянулся по лагерю, поднимаясь снизу от реки. Лес казался черной стеной, непроницаемой и непроходимой. Никаких дикарей в лагере не было. Кашлял, оказывается, солдат, который дремал, сидя у почти потухшего костра. Станный дребезжащий звук привлек мое внимание. Я с минуту прислушивалась к нему и только потом сообразила, что он доносился от палатки, где спали Никольсон и Вспольный. Кто-то из них храпел. И тут же я поняла, кто, так как Никольсон, завернувшись в одеяло, спал у костра. Сбежал, бедный профессор. Это мирное зрелище сразу разогнало все мои рассветные сумеречные страхи. В конце концов ничего страшного и не могло произойти. Мы на три дня вылетели в горы для того, чтобы поглядеть на первобытное племя. Живем мы под охраной красивого майора. Еще дней через пять я уже буду во Вроцлаве, поднимусь на третий этаж старого дома на улице Мерница, и мой пес Доцент ахнет за дверью, угадав на лестнице мои шаги.

Я присела на корточки у входа в палатку, раздумывая, вернуться ли досыпать или зажечь фонарь и приняться за статью для «Доокколо свята» — я обещала им очерк еще полгода назад, но никак не могла найти времени, да и не было ничего достаточно увлекательного и сенсационного.

Пока я рассуждала, полог палатки, что стояла ближе других к лесу, шевельнулся. Ага, подумала я, еще один встревоженный антрополог. Но это был не антрополог. На поляну выполз директор Матур. Настроение у меня — реакция на испуг и печальные мысли — было озорное. Мне вдруг захотелось окликнуть его и спросить, не одолжит ли он мне пистолет поохотиться на слонов.

Матур оглянулся. Прислушался. Вид у него был настороженный и в то же время настолько перепуганный, что я решила: не стоит добавлять ему тревог. Меня он не заметил — я сидела неподвижно. На полусогнутых ногах он направился к лесу. Я подумала: он отправляется в кусты по нужде и при этом жутко боится змеи и тигров.

Зашурипали листья бамбука. Солдат проснулся было, взглянул в ту сторону и ничего, конечно, не увидел. Я собралась уже вернуться в палатку, но тут увидела еще одного бодрствующего. Им оказался майор Кумгатон. Армейские палатки стояли по другую сторону поляны, и я увидела майора, когда он уже подошел к костру.

Майор дотронулся до плеча солдата и, когда тот вскочил, остановил его жестом, спросил что-то шепотом по-лигонски. Солдат отрицательно покачал головой. Майор отошел от костра и секунду-две стоял, задумавшись. Потом вдруг направился к той палатке, в которой жил Матур, откинул полог, заглянул внутрь. Ага, подумала я, значит, он что-то подозревает. Майор вернулся к солдату, они тихо поговорили, и майор отправился к лесу, а солдат, будто и не дремал, начал расхаживать вокруг костра, оглядывая палатки. Я поняла, что он сейчас увидит меня и тоже в чем-нибудь заподозрит. Так что я тихонько заползла обратно и легла. Я не стала зажигать фонарь и писать статью. И не спала. Меня мучила одна мысль: ведь как только я догадалась, что майор отправляется в лес за Матуром, мне надо было остановить его и предупредить, что у Матура есть пистолет. Ведь майор об этом не знает.

Я лежала и ждала чего-то. Наверное, полчаса. Никто не возвращался. Я слушала, как постепенно просыпается лес, как запела первая птица, как начало светлеть и стенка палатки стала голубой. Наконец я поднялась снова, подошла к солдату и постаралась втолковать ему, что ищу лейтенанта. Он разбудил лейтенанта, и я сказала лейтенанту, что у Матура есть пистолет. Лейтенант не сразу понял, в чем дело, он ведь не видел, как уходил Кумтатон. Но когда понял, то принялся быстро, но многословно обсуждать этот вопрос с часовым. Обо мне они забыли. Минут через десять лейтенант и поднятый им солдат ушли в лес в ту сторону, где скрылся Кумтатон. А я достала книжку и села на пороге палатки, стараясь читать и надеясь, что скоро проснется повар и сварит кофе.

Майор Тильвн Кумтатон

Разумеется, я не думал, что мой рапорт вызовет такую лавину событий. Находясь в лесу, я не читал газет и о конференции в Лигоне тоже не знал. Может, если бы знал и связал эти события вместе, то не спешил бы с рапортом. В конце концов эти дикари жили в лесу тысячу лет и прожили бы без мирового внимания еще два дня. Но, когда я спохватился, было поздно. Губернатор сообщил обо всем в столицу, оттуда затребовали меня, и вот я оказался на трибуне конференции и выглядел довольно глупо.

Решение направить профессоров в горы не было таким уж неожиданным, как подумали сами профессора. Еще до того, как я вышел к микрофону, меня остановил министр просвещения и стал говорить о важности международного престижа для нашего неболь-

шого государства. Оказалось, идея свозить ученых к пещере уже родилась к тому времени в мозгу министра. Дальше надо было только подтолкнуть ученых к тому, чтобы они сами до этого додумались. Ученым всегда нужно оставлять инициативу.

Из небольшой, но разномастной компании, что отправилась с нами в горы, я знал раньше двоих — русского культурного советника Вспольного, неплохого человека, который удосужился выучить наш язык. Вторым оказался директор Матур, который в прошлом доставил мне немало неприятностей. К сожалению, я поздно узнал о том, что он заведует хозяйством в нашей экспедиции, а когда пытался заявить в Лигоне, что обойдусь без него, мне указали, что кормление ученых в мою компетенцию не входит.

В Танги я послал следить за ним одного человека, которому удалось узнать, что Матур ходил на встречу с неким Фан Махоном, местным тангийским контрабандистом и бывшим бандитом, который отбыл свой срок за перевозку опиума, вышел из тюрьмы и вроде бы зажил мирно и спокойно. Но у местной полиции были основания полагать, что Фан Махон мог быть связан с рубиновыми копиями.

Я старался не обращать на Матура явного внимания, но все равно время от времени ловил на себе его скользкий заячий взгляд. И я был убежден, что у Матура есть тайная причина оказаться в ущелье Пруи. Я ждал, когда он себя выдаст. Он не мог себя не выдать...

Я проснулся на рассвете от неприятного предчувствия. В лагере было тихо. Только монотонно похрапывал Вспольный. Я выглянул из палатки. Часовой, разумеется, дремал у костра.

Я оделся, вышел на поляну, незаметно подошел к нему и положил руку на плечо. Солдат проснулся и обрадовался, что видит меня, а не дикаря.

Затем я заглянул в палатку Матура и с первого взгляда понял, что Матур меня перехитрил. Он ушел. Но куда? Чтобы этот трусливый толстяк отправился ночью в лес, должна быть веская причина.

Идти на юг, в низовья Пруи ему не было смысла. Отсюда миль на тридцать тянутся непроходимые заросли, а река течет, стиснутая высокими обрывистыми берегами. Остается путь наверх, к пещере дикарей.

Туда я и поспешил.

Через час я добрался до обрыва над рекой напротив пещеры. Совсем рассвело, туман рассеялся, вставало солнце, птицы словно взбесились, приветствуя его. Я поглядел на часы — половина восьмого. Скоро проснутся дикари.

Я внимательно оглядел поляну в бинокль, но никаких следов Матура не обнаружил.

И тут меня одолели сомнения. Почему я решил, что он идет именно к пещере? Может быть, он спустился где-то по дороге к реке. Но зачем?

Я был растерян. Надо возвращаться в лагерь. И сделать это незаметно. Я был уже почти уверен, что Матур вернулся туда и спокойно сидит в своей палатке.

У меня хорошо развито обоняние. Я уже собирался уйти, когда ощутил какой-то неприятный запах. Чужой для этого леса. Я не сразу понял, что это такое. Оглянулся. Если встать, то запах пропадает. Как охотничья собака я встал на корточки. Хорошо еще, что меня никто не может увидеть в этой нелепой позе... Я раздвинул траву и сразу заметил окурочек вонючей дешевой сигары — черута, свернутой из кукурузных листьев. Только скряга Матур курил такие сигары. Значит, он тут побывал. И недавно. Так что же его потянуло к пещере? Только не пустое любопытство...

Я стоял на корточках, припихиваясь к окурку, когда сзади раздался тихий голос:

— Господин майор, мы пришли!

От неожиданности я чуть не свалился с обрыва.

Сзади, в трех шагах стояли мои лейтенант и солдат. Они все же увидели своего любимого майора на карачках.

— Что вас сюда принесло? — Я был разозлен. Не столько потому, что они покинули лагерь, а потому, что застали меня в такой позе.

— Господин майор, — сообщил мне со всей своей юной почтительностью мой лейтенант, — у господина Матура есть пистолет, и потому мы сочли необходимым вас охранять.

— С чего вы решили, что у него есть пистолет?

— Молодая женщина-профессор сказала.

Я сообразил, что речь идет о молодой польской госпоже.

— Она откуда это знает? — В голосе моем продолжало звучать раздражение.

— Она не сообщила. — Лейтенант был смущен. Его поступками руководила забота о командире, но забота эта, как он сам уже понял, была проявлена неразумно.

Я поглядел на окурочек сигары, который держал в руке, и поднялся на ноги.

— В любом случае, — сказал я, — он им не воспользовался.

Еще пистолета мне здесь не хватало, подумал я. И эта полька

могла бы сказать об этом раньше. К тому же почему она не спит по ночам? Откуда она знает о пистолете?..

— Может, он где-нибудь в кустах сидит? — спросил лейтенант. — Увидел вас и спрятался.

— Это был бы не худший вариант, — сказал я. — Но сильно сомневаюсь. Если бы он побежал обратно, увидев меня, вы бы его встретили.

— Увидели бы, это точно, — сказал солдат.

— Давайте покричим, — предложил лейтенант. — Может, откликнется.

Я, по-моему, настолько выразительно поглядел на него, что лейтенант тут же сказал:

— Простите, не подумал.

— Эй! — приглушенно воскликнул солдат, показывая на тот берег реки.

Я оглянулся.

С некоторым запозданием я увидел, что какие-то люди входят в пещеру. Последним шел старый охотник.

Но вот перед ним...

Я не успел разглядеть его толком, но, по-моему, тот человек был одет. Может, мне показалось? Я даже не смог бы сказать, как он был одет — что-то минимальное. Какой-то клочок одежды, что-то выцветшее: куртка ли... может, штаны. Знаете, бывает так: сначала кажется, что ничего не увидел, потому что глаза не готовы к этому. В пещеру должны входить только раздетые люди, голые, понимаете?

— Кто это был?

— Не знаю, майор, — сказал солдат. — Я вижу, кто-то входит.

— А раньше ты их не заметил?

— Я смотрел на вас, господин майор.

— Тогда постарайся напрячься. Припомни, что ты увидел.

— Вошел... дикий вошел... С копьем.

— Один вошел?

— Нет, что вы! Не один.

— А кто с ним был?

— Другой дикий.

— А какой он был?

— В штанах, — ответил солдат.

— Это был директор Матур? — вмешался лейтенант.

— Никак нет, — ответил солдат. — Директор Матур толстый и в черном пиджаке. Я бы его узнал.

— Значит, ты видел, как в пещеру вошел одетый человек? — настаивал я.

— Наверно, они штаны где-то украли, — сказал солдат, который относился к той породе людей, которые в настоящих дикарей не верят, так как с ними не сталкивались. И полагают, что в этом таится какая-то каверза. Или простое житейское объяснение. Например, крайняя бедность.

— Значит, ты уверен, что это был не Матур?

— Никто из наших не мог быть. Это тоже дикарь, — сказал уверенно солдат. — Только в штанах.

Я еще раз взглянул на пещеру. Тихо. Может, в самом деле кто-нибудь из дикарей раздобыл штаны?

— Они кого-нибудь съели, — сообщил мне трагическим шепотом лейтенант, — и потом раздели.

Солдат нащупал пальцами приклад автомата. Он не хотел, чтобы его ели. Репутация дикарей катилась вниз.

— Нет доказательств того, что они людоеды, — строго сказал я. И подумал: нет доказательств и обратного.

Но лейтенант не сдавался.

— Этот Матур, — сказал он, — мог им попасться. Они его съедят.

— Или уже съели, — сказал солдат, который, оказывается, разделял сомнительную точку зрения лейтенанта.

Я не придумал лучшего аргумента, как сказать:

— Они сытые. Они вчера хорошо поохотились.

— Рыба! — Солдат поморщился, как будто, если его кормить рыбой, он бы не отказался от каннибализма.

Кричать мы не осмелились. У нас было строгое указание — дикарей не беспокоить, пока ученые с ними не разберутся. Мы обыскали все кусты вокруг. И потом ушли, потому что солнце поднялось выше, дикарки выползли из пещеры и принялись чистить корешки и грибы.

Тогда мы поспешили в лагерь, надеясь, что директор Матур вернулся и ждет нас.

В лагере его не было.

Аборигены Австралии

«..До прихода европейцев австралийцы почти не знали одежды. В Центральной Австралии, например, вся одежда ограничивалась у женщин передником, да и то не всегда, у мужчин — поясом из человеческих волос и подвешенной к нему перламутровой раковиной... Знаком принадлежности к определенным возрастным и тотемическим группам были также рубцы на теле или раскраска тел во время обрядов».

«Страны и народы мира. Австралия и Океания».
Москва, 1981.

Юрий Сидорович Вспольный

На данном этапе повествования я столкнулся с серьезной структурной проблемой. Разумеется, я могу придерживаться формальной схемы, как было объявлено на первых страницах настоящего труда, то есть излагать события только устами их участников. Но человеку свойственны слабости. И чем тревожнее ситуация, чем сложнее обстоятельства, тем менее искренним он становится.

Если я опубликую здесь показания директора Матура, данные им впоследствии компетентным органам, то мне придется к каждой его фразе давать комментарий, в котором я должен показать, как и почему мистер Матур лжет. И лжет так изощренно, подробно и многословно, будто надеется издать свои воспоминания в пятидесяти томах, как Александр Дюма.

Однако читатель заинтересован как можно скорее добраться до сути дела и разгадать тайну голого племени. Так что, начиная с этой части записок, в тех случаях, когда считаю необходимым, я буду отступать от передачи недостоверных свидетельств и сам расскажу о том, как все происходило. Тем более что в моем распоряжении есть и протоколы допросов, и дополнительные показания незаинтересованных лиц и, наконец, собственные наблюдения. Но, повторяю, ни одного лишнего слова от меня не будет вставлено, ни один эпизод не будет выдуман.

Я начну с событий того утра, как они представлялись мне лично.

Проснулся я, к сожалению, довольно поздно и обнаружил, что нахожусь в палатке один.

Солнце проникало сквозь откинутый полог, снаружи доносились голоса. Место моего соседа по палатке — профессора Никольсона пустовало, не было и его спального мешка. В тот момент я еще не догадался, что виной тому моя привычка храпеть, которая заставила английского профессора сбегать из палатки посреди ночи и устроиться на открытом воздухе. Профессор ни словом, ни намеком не дал мне понять, что я виновник его неприятностей. И, лишь собирая главы для настоящей книги, я узнал из чужих уст о профессорских неприятностях.

Я выбрался наружу и в первый момент не почувствовал ничего неладного. Я совершил скромный туалет и когда собирался, приведя себя в порядок, подойти к наскоро сколоченному столу, где дымился кофейник, из леса вышел майор Тильви в сопровождении молоденького лейтенанта и еще одного солдата. Они выглядели усталыми и встревоженными. Помню, я по-

думал, как им трудно выбирать время для своих профессиональных занятий, когда на них лежит забота о нас и о дикарях.

Меня удивила реакция Аниты Крашевской, которая до того стояла неподалеку от стола и глядела на вершины гор, видные сквозь листву деревьев.

Анита буквально бросилась навстречу Тильви. Словно их объединяла какая-то тайна. Неужели они почувствовали личную склонность друг к другу? — подумал я, и эта мысль, как ни странно, меня огорчила.

Понизив голос, Тильви задал Аните вопрос:

— Не возвращался?

Она отрицательно покачала головой.

— Я надеялся, что он вернулся, — сказал Тильви.

— Что-нибудь случилось? — спросил профессор Никольсон, выключая механическую бритву.

Тильви Кумтатон ответил не сразу. Очевидно, в тот момент он думал, имеет ли право делиться новостями с учеными, которым, может быть, лучше остаться в неведении. Но потом он принял решение и сказал:

— Сегодня ночью директор Матур ушел из лагеря. Мы его не нашли. Хотя нашли место, где он отдыхал и курил. Напротив пещеры.

— Его могли и сожрать, если сунулся не вовремя, — сказал Никольсон, как ни в чем не бывало продолжая бритье. Меня несколько коробили шутки этого человека. Казалось, жизнь подарила ему много разочарований, с которыми он не смог справиться так, как положено достойному человеку, и от того он озлобился. Он мне казался чем-то похожим на британскую колониальную империю — все в прошлом, но признать это невозможно.

— Не может быть, — сказал я тогда, — чтобы Матур прошел две мили сквозь темный лес, перебрался через бурную реку и полез в пещеру к первобытным людям. Для этого он слишком труслив.

— А что ему было там делать? — спросил Мангучок, отрываясь от книги, которую он читал, усевшись возле костра.

Тильви Кумтатон пожал плечами. По его взгляду мне показалось, что он рад бы воспользоваться советом старшего, но гордость и ответственность за эти события не позволяют ему обратиться к нам.

И тогда профессор Никольсон дал совет, который несколько противоречил духу нашей экспедиции, но, очевидно, имел определенный смысл:

— Надо заглянуть в пещеру и выяснить, не хранятся ли там его бранные кости.

— Но мы тогда потревожим первобытных людей! — услышал я собственный голос. — Мы можем нанести им травму.

— Мы все равно нанесем им травму, — сказал Никольсон. — Я уверен, что они знают о нашем здесь присутствии. Да и странно было бы, если б охотники, следопыты не слышали шума, какой производим мы в непосредственной близости от их убежища.

— Почему вы так решили? — спросил Мангучок.

— Вчера поздно вечером я видел в кустах, вот там, темную фигуру. Я убежден, что не только мы за ними наблюдаем, но и они не чужды любопытства. Вполне возможно, что, когда ваш неосторожный друг приблизился к пещере, дикари увидели, что он один, и решили разобрать его на винтики и поглядеть, как он тикает. Я убежден, что если мы сейчас подойдем к пещере, то один из дикарей уже будет щеголять в его пиджаке, второй в дхоти, а третьему достанутся ботинки и подштанники.

— Что вы говорите! — в ужасе воскликнула Анита.

— Я говорю лишь о том, что людям свойственно любопытство, — сказал Никольсон, выдувая обрезки волос из бритвы, — и это любопытство порой разрушительно.

— Наше любопытство не менее разрушительно, — возразил Мангучок.

— Оно фатально.

— Значит, ему не следует препятствовать?

— Ни в коем случае. Лучше наше любопытство, чем любопытство торговца. Если бы у господина Матура был пистолет, он бы проявил свое любопытство в трагической для дикарей форме.

— У него был пистолет! — закричала тут Анита.

Но, к моему удивлению, на ее слова все прореагировали очень спокойно.

— Значит, — сказал Никольсон, — он не успел или не посмел им воспользоваться.

— Хватит, господа ученые! — твердо произнес Тильви. — Так мы можем проговорить до вечера. Мне нужен ваш совет. Имеем ли мы право войти в пещеру и проверить, не находится ли там господин Матур, или вы считаете, что мы не должны этого делать.

Тильви замолчал, глядя на нас. Момент был напряженный. Мои мысли лихорадочно метались в голове. Но я понимал, что скажу одно: надо идти и искать Матура. Так я и сказал. Сказал первым, так как был младшим по званию.

Возможно, некоторым из нас Матур неприятен и сам повод

отправиться в пещеру предосудителен. Но если мы опасаемся за его жизнь, мы должны его найти.

— С другой стороны, — сказала Анита Крашевская, — мы должны помнить и об опасности для первобытных людей. Я точно знаю, что у Матура был пистолет. Если пистолет останется в руках господина Матура, он может быть опасен для жителей пещеры. Если он попал к ним, то он представляет опасность как для них самих, так и для Матура.

— Мое мнение вы знаете, — сказал Никольсон. — Все равно дикарям никуда не деться от цивилизации. Следовательно, надо идти.

И тут все повернулись к Мангучоку. Он был местным и самым известным в Лигоне ученым. Он как бы нес ответственность за все голые племена.

— Только не надо врываться в пещеру, — сказал он. — Попробуем найти какой-нибудь контакт с этими людьми.

На поляне было тихо, только звенели насекомые и снизу доносился шум горной реки.

Кто-то должен был найти выход из положения, потому что каждая секунда промедления могла грозить смертью директору Матуру.

И тогда я нашел простое и почти гениальное решение, которое впоследствии помогло нам разрешить важную антропологическую загадку.

— Если нельзя прийти к дикарям, — сказал я, — в виде цивилизованного человека, не испугав их при том до полусмерти, значит, к ним должен отправиться голый человек, которого они не испугаются.

Никто не ответил на мое предложение. Но никто и не засмеялся. Как это ни парадоксально, мое предложение несло в себе понятный любому здравый смысл.

— И если нужен доброволец, — добавил я, — то можете рассмотреть мою кандидатуру.

И только тут Анита Крашевская сказала:

— Пан сошел с ума!

Действительные приключения директора Матура

Если выбросить в корзину те тома ложных показаний, которые дал впоследствии директор Матур, и те страницы бреда, которые он посвятил своим приключениям в книге, опублико-

ванной им в Калькутте, то на самом деле он был один виноват в своих злоключениях.

Разумеется, господин Сумасвами, у которого в то время Матур состоял на службе, беспокоился не о судьбе своего друга, а о партии рубинов, которые курьер должен был доставить с копеей в Моши. Верные люди на рудниках скупали у старателей рубины, затем курьер нес небольшой мешочек с ценной добычей в Танги, откуда лучшие из камней доставлялись в Лигон, а обыкновенные шлифовались на месте — в Танги бывают туристы из Европы и Америки, а также японцы, среди которых лигонские рубины очень популярны.

Курьер идет в путь один, без охраны, вооруженный лишь пистолетом, потому что мир диких гор на севере Лигона, примыкающий к всемирно известному «золотому треугольнику» — местам выращивания опиума — вовсе не такое уж дикое место. Там каждый занимается своим делом. Левые экстремисты тянутся к китайской границе, куда они скрываются, если их прижмет армия, и откуда выходят с концом дождливого сезона, когда начинается сезон военный. Остатки 4-й гоминьдановской армии базируются на лигоно-бирманской границе — они контролируют там сто квадратных миль — так называемую территорию Свободного Китая. В соседних долинах правят местные князья и вожди племен, которые живут по законам, установленным тысячу лет назад. Кроме того, этими путями идут контрабандисты самого различного толка и национальностей. И все они занимаются перевозкой наркотиков или собирают подати за проход через их территорию. Если бы в этом мире совсем не было порядка, конкуренты давно бы перебили друг друга. А так все живут, все получают прибыль, а погибают лишь посторонние — такая жизнь требует дипломатических способностей от соседей по лесным долинам.

Курьер господина Сумасвами шел через Гитанский перевал. И в ущелье Пруи исчез. В Танги он не пришел.

Разумеется, в глухом лесу может случиться всякое — здесь остались даже тигры и леопарды. А в позапрошлом году видели черного носорога. В глухом лесу могут встретиться и люди, не признающие правил общежития. Наконец, курьер мог попасть в плен к военным, которые как раз в те недели начали съемку долины реки Пруи.

Все возможно, но маловероятно.

Как только стало известно, что курьер пропал, господин Сумасвами связался с Танги и попытался послать человека на по-

иски курьера. Но человек ответил, что сделать это невозможно, пока армия не уйдет из ущелья.

И тут как назло эти голые люди!

Ну каким ветром их занесло в эти края? Как получилось, что никто их раньше не видел? В какой пещере они скрывались?

Господин Сумасвами чуть с ума не сошел от злости, когда узнал, что правительство решило послать в ущелье кучу иностранцев под охраной армии. Таким образом, ущелье закрывалось еще на несколько дней.

И когда господин Сумасвами крошил нажитую нелегким трудом мебель и колотил бамбуковой палкой своих верных и неверных жен, он вспомнил, что на конференции у него есть свой человек — директор Матур. Старый пройдоха, разорившийся после очередной неудачной махинации, за рупию готовый продать собственного папу, к счастью, помершего своей смертью.

И вот Матура, хоть он, трусливый, как шакал, страшно сопротивлялся, загнали в группу, которая отправилась в ущелье, и велели ему в первый же удобный момент пробраться в пещеру, расположенную в ущелье, где всегда останавливался курьер, и на пути к которой он был в последний раз замечен местными жителями из деревушки племени Фанов, лежащей сразу за хребтом.

Матура пришлось припугнуть, обещав в случае неповиновения рассказать в полиции о его делишках, и в то же время подкупить, посулив пять тысяч, если мешочек с рубинами достигнет Лигона.

Матур понимал, что никуда не денешься. В Танги он встретился с представителем Сумасвами, и тот выдал ему карту ущелья с указанной на ней пещерой, а также пистолет, чем перепугал Матуру чуть ли не до смерти.

Подчиняясь воле Сумасвами, Матур на вторую ночь ушел в лес и не возвратился.

Только через несколько дней стало известно, почему поход Матуры завершился так неудачно.

* * *

Господин директор Матур в собственных записках и интервью, которые он так любит давать последнее время, предстает перед нами если не бескорыстной жертвой обстоятельств, как он того бы желал, то по крайней мере робким исполнителем злой воли сильных мира сего.

Этому верить не следует.

Как только обстоятельства ему позволяют, Матур тут же показывает зубы и готов пожирать тех, кто слабее его.

Так случилось и в истории с голыми людьми.

Вначале Матур утверждал, что хотел лишь оказать дружескую услугу господину Сумасвами. Затем, когда всем уже было ясно, что ни о какой дружеской услуге при отсутствии дружбы и речи быть не могло, он принялся утверждать, что был запуган Сумасвами.

Разумеется, Сумасвами припугнул Матура. Насколько смог. Но важнее было обещание щедрой награды, и еще важнее — надежда Матура поживиться без разрешения его шефа. Другими словами, Матуру казалось, что, если курьер сгинул, он сможет позаимствовать часть рубинов и некому будет проверить, сколько же их первоначально было в мешочке.

Без этой надежды Матур никогда бы не пошел ночью в джунгли, в пасть к крокодилу или тигру, под пули контрабандистов или коммунистов. Скажем так: его вела забота о будущем своей большой семьи.

Сначала Матур шагал по тропинке, протоптанной солдатами, по которой ходили днем ученые. Так он достиг пункта напротив большой пещеры, занятой племенем. Там он отдохнул, выкурил дешевую сигару и, убедившись, что никто за ним не следит, отправился дальше.

Матуру была нужна совсем иная пещера. Обрывистый берег ущелья Пруи в той местности на несколько километров изрезан пещерами, нишами и трещинами, здесь испокон веку таились дикари, дикие звери и отшельники. В наши дни дикари занимаются изучением пулемета или пропалывают маковые плантации, дикие звери почти вывелись даже в таких местах, как долина Пруи, а последний отшельник вымер здесь триста лет назад. Если, конечно, не считать старшего унтер-офицера Сато.

Ночь была лунной, к тому же у Матура был фонарь, а на подробной карте, выданной ему связником в Танги, был указан спуск к реке, брод и потом подъем на тот берег, к небольшой пещерке километрах в двух выше по течению от той пещеры, где мирно спали голые дикари.

Нельзя сказать, что Матур не трусил. Он отчаянно трусил и несколько раз, слышав подозрительный шорох и выставив перед собой пистолет, присаживался на корточки за ближайшим стволом. И горе тому живому существу, которое осмелилось бы показаться в тот момент толстому директору — с перепугу он бы обязательно пронзил его несколькими пулями.

Но возвратиться — значит, отказаться от надежды на рубины. К тому же с каждым шагом Матур удалялся от лагеря.

Противоположная сторона ущелья казалась в ночи близкой, а темные пятна провалов и углублений в ней представлялись глазами чудовища, следящего за бедным Матуром.

Директору Матуру страшно хотелось закурить, но он не осмеливался зажечь огонь — пламя будет видно издали.

Наверно, прошло часа три с тех пор, как Матур выбрался из лагеря.

И вот наконец, если он не ошибся от усталости и страха, спуск к мирно журчащей внизу речке.

Пришлось зажечь фонарь — луна скрылась за гребнем скал и стало совсем темно. Фонарь освещал лишь небольшой участок земли под ногами, и неясно было, что дальше — обрыв или ступенька, чтобы поставить дрожащую от усталости и напряжения ногу.

Матуру показалось, что спуск к реке продолжался дольше, чем путешествие от лагеря. И когда наконец он вышел на покрытое галькой дно ущелья, ноги отказались держать его тучное тело, и Матур уселся на камень, благодаря небо за милость — за окончание пути и в то же время наполняясь страхом за то, что ему еще предстоит пройти.

Он спустился правильно — в том месте речка широко разливалась по дну ущелья, и из нее торчали округлые камни, которые, как догадывался Матур, в считанные минуты покроются бурной водой, если в верховьях пройдет дождь. А сезон дождей уже начинается, и не исключено, что, перебравшись на тот берег, Матур не сможет вернуться обратно.

Запутав себя до полусмерти, Матур, скользя по камням и подерживая дхоти, чтобы не замочить, перебрался на тот берег и стал карабкаться к пещерам, цепляясь за редкие кусты, которые как назло оказались страшно колючими.

Подъем был куда тяжелее спуска — ноги срывались с крутого склона, вниз летели камешки и гулко падали в воду, сердце вырывалось из груди — каждый куст казался черным человеком... И тут Матур увидел Его.

Он стоял на пути Матура, чуть выше и в стороне, и, склонив небольшую голову, увенчанную шлемом, рассматривал свою жертву. Его белый расширяющийся к земле плащ был недвижим, как был недвижим сам воздух...

Даже ночные птицы, даже цикады замолкли, дыхание Матура прервалось, и сердце его отказывалось сделать следующий удар...

Белый воин — страшный дух лигонских гор выследил несчастного путника, и, значит, пришла смерть!

... Давным-давно, очевидно, в тринадцатом веке, тайцы осадили тогдашнюю столицу Лигона Раваннапуру. Король же с войском ушел усмирять горцев в те края, где ныне стоит город Танги. Столица держалась из последних сил, и командовала обороной города отважная Рами — сестра короля Касунчока II, а главную башню защищал сын Рами, племянник короля Футан. Когда стало ясно, что город не удержать, Рами призвала к себе любимого сына и велела ему скакать к королю и позвать его на выручку.

Двое суток скакал на своем белом коне юный Футан, и наконец конь выбился из сил. Тогда Футан расседлал его и отпустил попас-тись, а сам улегся под деревом, чтобы поспать, пока конь отдыхает.

Отдохнув, конь пошел по берегу реки Пруи и вышел к людям! Оказывается, Футан спал, не доскавав тысячи локтей до лагеря своего дяди.

Воины доложили королю, что в их лагерь пришел белый конь Футана — короли обычно знают всех коней во дворце. Король сразу почуял неладное. Он решил, что его племянника убили. Он сразу послал воинов обыскать окрестности лагеря, и через полчаса ему сообщили, что принц Футан спит под деревом неподалеку.

Король сам разбудил племянника и спросил:

— Что тебя привело в горы?

И Футан рассказал дяде, что столица вот-вот падет.

И тогда короля охватил страшный гнев.

— Как?! — закричал он. — Как ты посмел спать рядом с моим шатром, когда столица в опасности?

Принц пытался объяснить, что его конь выбился из сил, но король, разумеется, не слушал никаких возражений и пронзил грудь принца острым копьем.

Король вернулся в столицу, перебил всех тайцев, а через два дня его отравила на пиру мать несправедливо погибшего принца — отважная Рами. Отравив брата, она заняла трон и благополучно правила страной еще восемь лет, пока не пала от руки своего фаворита.

А столь страшно и несправедливо погибший принц Футан превратился в злого духа. Он сторожит горные ущелья и продолжает защищать от пришельцев пределы Лигона. Если его встретит путник, то принц, всегда одетый в белый плащ и высокий шлем, убивает его без разговоров.

И потому неудивительно, что, увидев принца, Матур начал сползать вниз на животе и отчаянно кричать:

— Пощади меня, принц! Я лишь мирный торговец!

Принц не двигался.

Матур сполз до самого дна ущелья. Оттуда принц был еле виден, потому что его прикрывали кусты.

Матур уселся на берегу речки и понял, что вода в ней поднялась — видно, он накликал дождь в верховьях.

Что делать? Перебираться обратно через речку, которая становилась все более бурной и полноводной, или идти вперед, где его поджидал дух принца?

Вода отгоняла Матура к крутому склону ущелья.

Вот она уже покрыла плоское усыпанное галькой дно.

Матур был вынужден подняться на несколько футов по откосу...

И тут он вспомнил слова посредника, сказанные им в Танги: «Когда перейдешь речку и поднимешься до половины склона, увидишь маленькую белую ступу, поставленную черт знает когда и недавно побеленную каким-то из местных дикарей. По этой пагодке ты найдешь нужную пещеру».

И как только Матур вспомнил эти слова, словно неведомая сила вознесла его вверх, к привидению Футана. Через минуту он уже стоял рядом с белой пагодкой ростом с человека, схожей с детской пирамидкой из колечек — все меньше, меньше и меньше, а наверху медный зонтик.... Не шлем воина, а позолоченный зонтик!

Матур медленно обошел пагодку вокруг и даже похлопал ее по теплому боку, хранившему жар знойного дня. Какой-то путник привязал к зонтику пагодки белые и красные ленточки — дар духам гор.

Дальше подъем к потайной пещере был куда более пологим, чем от реки, и Матур даже пытался насвистывать — конечно, он дышал тяжело и сердце часто билось, но ощущение избавления от опасности наполняло тело счастьем.

Правее... еще правее — вот и расщелина, скрывающая пещеру от случайного взгляда с той стороны ущелья.

Треугольный вход в пещеру открылся неожиданно — он был чернее ночи и чернее скалы. Матур зажег фонарь — здесь его никто не увидит.

Расширяющийся луч быстро obeжал мешок пещеры. Дно ее было плоским и утоптаным. Еще в доисторические времена здесь скрывались люди, а когда они уходили из этих мест, пещеру занимали медведи.

Прежде чем увидеть труп человека, одетого в камуфляжный военный комбинезон, Матур почувствовал тяжелый, тошнотворный запах разлагающейся плоти.

Без сомнения, в пещере лежал курьер Сумасвами, и он был давно мертв.

Морщась и еле сдерживая тошноту, Матур все же осмотрел кар-

маны комбинезона, ощупал раздувшийся труп и, не найдя мешочка с рубинами, стащил с трупа небольшой рюкзак и вынес к выходу из пещеры, потому что еще секунда — и его бы вывернуло.

Рюкзак тоже был почти пуст, если не считать засохшей лепешки и рубашки. Курьер уходит в путь без документов.

Матур уже знал, что курьер убит сзади ударом по затылку — наверное, дубиной или камнем. Убийца пожалел для него пули или не решился стрелять. Убийца знал, где подстеречь курьера, и знал, чего искать...

На этот раз Матур спускался к реке осторожно, стараясь не шуметь, хотя это уже не играло роли — вряд ли убийца неделю сидит у пещеры.

Настроение у Матура было ужасное — курьеру было лучше, чем ему. Потому что тот уже покончил счеты с этой жизнью и ждет нового рождения, тогда как несчастному Матуру придется держать ответ перед Сумасвами.

Ноги так устали, что Матур уселся на берегу речки и некоторое время тупо слушал шум воды и никак не мог придумать, что делать дальше. Потом он догадался, что курьера, вернее всего, убили голые люди. А потом взяли камешки, потому что любят, как и все дикари, яркие штучки. И у Матура даже родилась мысль: а не дойти ли берегом до их пещеры, не войти ли внутрь и не потребовать ли у голых дикарей, чтобы они немедленно вернули камни? Но он отказался от такого плана, потому что если дикари убили курьера, то они не остановятся и перед убийством Матура.

Положение его было безнадежным.

И оно усугублялось тем, что за последний час уровень воды в Пруи поднялся по крайней мере на метр, и если Матур перешел на этот берег, перепрыгивая с камешка на камешек, то теперь ему пришлось бы возвращаться в резиновой лодке, хотя и она не удержалась бы в мутном потоке.

Придется идти обратно по правому берегу!

Этот путь приведет его к большой пещере, в которой живут дикари. Это никуда не годится, но и ждать у реки, не спадет ли вода, тоже рискованно. Ведь дожди могут зарядить на месяц, тем более что муссон должен вот-вот обрушиться и на этот район. Значит, остается лишь путь вниз по ущелью, где ниже убежища дикарей через реку перекинут непрочный подвесной мостик, которые плетут фаны на своих охотничьих и торговых тропах.

По середине откоса тянулась тропинка, то ли звериная, то ли протоптанная охотниками. Ее кое-как было видно, так что путь не был труден. Но Матур уже страшно устал.

Ноги его еле двигались.

По его расчетам, он добрался до пещеры голых людей — она должна была находиться где-то ярдах в ста над его головой. Нет, он не будет заходить к ним и требовать рубины, он мечтает лишь об одном — вернуться в лагерь живым...

Еле переставляя ноги, Матур плелся по берегу...

Вдруг ему почудилось, что сзади что-то зашуршало в кустах. Матур замер, прислушиваясь, потому что очень боялся хищников.

Он стоял и слушал...

Но ничего не услышал, потому что некто, подкравшись совсем близко, ударил его по голове дубинкой.

Так и не поняв, что с ним произошло, Матур упал на землю головой вперед.

Юрий Сидорович Вспольный

К моему смущению, майор Тильви Кумтатон не выразил желания доверить мне миссию освобождения Матура. Впрочем, я понимаю, он был совершенно прав — он не имел права подвергать риску жизнь ученых.

— Во-первых, — заявил майор, — я не обязан спасать торговца, который неизвестно как попал в нашу группу. А во-вторых, если поиски и будут проводиться, то только военными служащими.

Нет, я не был обижен. Я все понял.

А майор спокойно пригласил нас к завтраку.

Завтрак начался в молчании. Что ни говори, а судьба этого несчастного человека, хоть и не члена международного сообщества ученых, всех нас беспокоила.

Анита не удержалась и спросила:

— Неужели вы совсем ничего не предпримете, майор?

Майор не успел ответить, как заговорил мрачный, похожий на богомола профессор Никольсон:

— К сожалению, наш эксперимент закончен, так и не начавшись. Мы лишены возможности подглядывать за несчастными детьми природы хотя бы потому, что теперь они знают, что не одиноки в этой долине. И, подозреваю, они знали об этом до встречи с Матуром.

— Но он мог пропасть совсем по другой причине, — сказал профессор Мангучок.

— Вряд ли его растерзал тигр — думаю, что тигров распугали на сто миль вокруг. Если же он попал в руки таким же, как

он, авантюристам, — ответил Никольсон, — то значит, наше ущелье не такое уж безлюдное место. И дикари не впервые видят современного человека.

— Вы все отказываетесь от самого простого объяснения, — возразила Анита. — Допустите, что он попал к дикарям. Это несчастные запуганные существа. У них свои понятия о ценности человеческой жизни. Вы же все этнографы, и не мне вам объяснять...

В ответ на удивленный взгляд майора Мангучок объяснил:

— Мисс Крашевская имеет в виду ритуальный каннибализм, но я полагаю, что это предположение лишено оснований.

Я испытывал приступ холодной дрожи! Это в наши-то времена, во времена, когда на шестой части суши строится развитое социалистическое общество, когда в небе летают космические корабли, мы не имеем права подозревать некоторые отсталые народы в людоедстве. Наша цель — стремиться к братству всех людей.

Именно в таком духе я немедленно высказался перед моими коллегами и был вынужден выслушать ядовитую реплику профессора Никольсона:

— Я думаю, мы зря не разрешили господину Вспольному отправиться голышом в пещеру. Ведь директора Матура хватило лишь на жаркое, а вот сладкого пудинга дикарям не досталось.

Тут пришел солдат, который, как я понимал, дежурил напротив пещеры, и доложил майору обстановку. Мы все замолчали, ожидая, что же скажет Тильви.

— За последние часы, — сказал нам Кумтатон, — ни один человек не вышел из пещеры и не вошел в нее. Обычно же утром охотники уходят в лес, а женщины готовят пищу перед входом в пещеру. Племя ушло.

— Когда же? — воскликнул я.

— Возможно, на рассвете. До того, как мы поставили там пост.

— Но как же Матур? — воскликнула Крашевская.

— А это мы сейчас узнаем, — сообщил майор. — Я пойду туда с солдатами, и мы осмотрим пещеру.

— Мы пойдем с вами, — сказал Мангучок, — и будем наблюдать с другого берега.

Майор кивнул.

В результате сразу после завтрака мы начали собираться в поход.

Некоторые думали, что стоит вызвать вертолет и лететь на нем к пещере, чтобы затем солдаты взяли пещеру штурмом. Но этот вариант, высказанный майором, был отвергнут остальными, потому что они надеялись на то, что Матура все же в

пещере нет. И в таком случае травмировать голых дикарей бесчеловечно.

Но так как река от дождей вздулась и перейти ее вброд было невозможно, мы все отправились вниз по тропинке к висячему мостику, а от него уже вверх по течению Пруи к пещере.

Хорошо сказать — отправились. В район пещеры мы приползли — я не знаю другого более точного слова — к двум часам дня и производили такой шум, словно по чаще двигалось стадо слонов. При этом прошу учесть, что к пещере отправились не все члены экспедиции — профессор Никольсон, например, остался в лагере, потому что полагал, что спасение Матура выходит за пределы его научных интересов. С ним остались повар и два солдата.

Так что из кустов, что подходили к пещере почти вплотную, тяжело дыша, наблюдали за входом три этнографа, включая вашего покорного слугу, майор Тильви Кумтатон и два солдата.

Мы просидели в этих кустах до тех пор, пока нас не сожрали слепни и неизвестные мне жгучие мухи, но черный зев пещеры был безмолвен.

Я поглядел на часы. И, к своему изумлению, обнаружил, что мы пробыли в ожидании лишь десять минут. Вот так субъективно восприятие времени человеком! А ведь на сладостном любовном свидании часы превращаются в секунды.

— Пошли, — сказал негромко майор Тильви Кумтатон.

Он подал сигнал солдату, который направился первым, держа перед собой автомат, за ним шел сам майор, потом Анита, которая категорически отказалась остаться в лагере, профессор Мангучок и я. Сзади процессию замыкал второй солдат, вернее, солдатик, так он был мал и пуглив — похожий на мышонка, вооружившегося противотанковой пушкой.

Я ступил на каменный козырек, прикрывавший часть площадки перед пещерой. Здесь было несколько прохладней, чем в кустах, но мне в ноздри ударил неприятный запах тухлой пищи. Я понял, что он исходит от валявшихся на утоптанной площадке рыбьей чешуи и внутренностей, ключьев шерсти и полубоглоданных костей. Из холодного пепла кострища на меня глядела белым мертвым глазом еще покрытая шерстью голова оленя мунжака.

Я поспешил миновать неприятное место в надежде на то, что внутри пещеры будет лучше. Но оказалось, что это вовсе не так.

...Мы стояли в большой зале, достаточно освещенной сквозь широкий вход, которым мы туда проникли. Потолок нависал довольно низко ровной сплошной плитой на высоте метров трех, постепенно понижаясь в глубину. Зал широко раздавался в сто-

роны, словно пустой мешок. Я бы сравнил его по размеру с волейбольной площадкой. Пол был плоским, но неровным, кое-где в нем поднимались холмики и выпуклости, у дальней правой стены они были очевиднее, и оттуда доносился неприятный запах. И лишь по реакции Аниты я догадался, что именно там голые люди устроили свою уборную.

Мы миновали это место, стараясь ни на что не наступить, а я, в свою очередь, задумался, как много мы упускаем в истории подсознательно, зато и сознательно вычеркивая из нее ту обычную обязательную физиологическую деятельность человека, без которой он не может существовать. С ходом столетий все превращается в прах и камень. А камни не пахнут. Обедненные и лишенные земной плоти, наши предки оказываются как бы призраками... А ведь они были такими же, как и мы, только мы специально выдумали водопровод и канализацию, свалки и выгребные ямы, чтобы скрыть от археологов будущего, которые вознамерятся нас изучать, действительную нашу жизнь — полнокровную, но некрасивую.

К счастью, дальше, по мере углубления в пещеру, воздух стал чище и прохладней. Мы продвигались по широкому, но сужавшемуся туннелю, скорее низкому, чем узкому, и вскоре попали в следующее расширение пещеры. Там зажженные майором и солдатами сильные фонари осветили жалкую спальню дикарей — вороха высохшей травы и клочья шкур, составлявшие их постели, или, вернее, лежбища. Лишь одна из «постелей» была устроена лучше прочих — на ней лежало несколько шкур, — видно, там почивал вождь племени.

Здесь тоже чувствовался запах жилья — пота, немытых тел, остатков пищи. Мы задержались в зале — майор осматривал его в надежде, как я понимаю, отыскать следы пребывания директора Матура.

Из спальни дикарей были видны два хода в глубь горы. Оба низкие, узкие, негостеприимные.

Майор оглянулся, как бы выбирая добровольца обследовать дальнейший путь, и его взгляд остановился на маленьком солдатишке, который поежился, молча проклиная свою судьбу.

Майор приказал ему поглядеть в правом ходе. Солдатик вздохнул, поправил автомат и, светя перед собой фонарем, согнувшись, прошел вперед. И исчез.

Мы все склонились, заглядывая в ход и стараясь по неверному пятну света угадать успехи солдатики.

— Как ты там? — окликнул его майор.

— Иду! — отзывался солдат.

Мне показалось, что его движения с каждой минутой становятся все медленнее и неувереннее.

И как бы в ответ на мои подозрения, изнутри донесся голос солдата:

— Дальше хода нет!

— Ты хорошо посмотри, — приказал майор, становясь на четвереньки, чтобы лучше видеть.

— Клянусь, там завалено.

Кумтатон не стал дожидаться, пока солдатик выберется из хода, а, поднявшись, обратился ко второму солдату, велев ему осмотреть другой лаз.

На этот раз солдат ушел так далеко, что пропал из виду, а потом в глубине хода возник огонек возвращающегося фонаря и слышался голос солдата:

— Идите сюда! Здесь много места!

Мы поспешили в тесный и, казалось, бесконечный проход. Лишь после долгого путешествия, пригнувшись, чтобы пролезть дальше, и прикрывая голову от возможных острых сталактитов на потолке, мы добрались до следующего зала пещеры.

Там было прохладно, воздух был чист и недвижим. Тихо журчала вода — маленький ручеек протекал у наших ног и исчезал в каменном завале.

Майор приказал нам не расходиться по сторонам, чтобы не упасть в трещину или яму. Все мы зажгли фонари, и потому вдруг в подземном зале возникло ощущение праздника — многочисленные лучи света пересекались, как прожекторы во время салюта, отражались от свисавших с потолка сталактитов, от отшлифованных временем или водой выступов в стенах... Нами всеми овладела беспричинная радость от этого зрелища, мы громко перекликались и смеялись. Я помню, как солдатик выломал из стены крупный кубический золотой кристалл и спрашивал майора, что это такое, и когда тот сказал: «пирит», разочарованный, но не до конца убежденный в этом солдатик спрятал кристалл в карман.

Я помню, как Анита Крашевская в медленном танце двигалась между тесно стоящих столбов, поддерживавших кровлю этого зала, и луч ее фонаря танцевал перед ней. Профессор Мангучок медленно и методично обходил зал по периметру, и мы с ним переговаривались, чтобы он невзначай не свернул в какой-нибудь опасный ход.

— Ой, что я нашла! — сказала Анита, но я не успел к ней, потому что профессор Мангучок обратил мое внимание на зловещий в этой обстановке предмет — у самой стены, брошенные, словно не-

нужная тряпка, валялись дхоти — то самое марлевое подобие штанов, которое носят индусы и в котором мы столько раз видели Матура.

Призванные профессором, мы все собрались вокруг этого предмета. Майор Кумтатон осторожно приподнял дхоти с камня и сказал:

— Вряд ли здесь часто ходят индусы.

И все мы согласились. Хотя, разумеется, возможны и совпадения. Чего только не бывает на свете!

Мы продолжали поиски, и вскоре солдатик отыскал одну сандалию директора.

Воодушевленные находками и в то же время всерьез встревоженные их возможным значением, ведь одежду человек снимает либо перед мытьем и купанием, либо теряет ее вместе с жизнью, мы продолжили обход зала, но вскоре вынуждены были признать, что он только казался обширным из-за того, что его пространство было заполнено сталактитами, сталагмитами и столбами, образовавшимися от срастания этих геологических формирований. Вскоре обе партии, шедшие вдоль стен, сошлись нос к носу. Поиски продолжились еще немного, но ничего не дали, и минут через пятнадцать мы выбрались из пещеры.

Мы стояли под каменным козырьком, жмурясь от света и еще не смея выйти на залитую солнцем площадку. Я смотрел на майора, который брезгливо, как лягушек, держал детали одежды пропавшего директора Матура. Я оглянулся в поисках Аниты, чтобы спросить, как она себя чувствует, и тут обнаружил, что ее с нами нет.

Возле меня стояли майор Тильви Кумтатон, профессор Мангучок и два солдата.

Примерно в то же мгновение к схожей мысли пришел и майор, который спросил:

— А где польская госпожа?

Он спросил об этом у меня, причем строго, словно я скрывал госпожу в кармане.

— Не имею представления! — отрезал я.

Но за этим ответом на самом деле скрывалось мое искреннее беспокойство. Что еще могло случиться?

Сначала мы решили, что Анита отстала в пещере, и послали солдата помочь ей выбраться. Но вскоре он вернулся, не найдя ее. Тем временем мы обыскивали окрестности пещеры и звали Аниту, надеясь, что она выбралась раньше нас.

Мне сейчас трудно вспомнить, как долго и упорно мы искали Аниту. Я не могу говорить о чувствах остальных, но я пребывал в

глубоком отчаянии, сердце мое разрывалось от тревоги за нее. Одна, беспомощная, совершенно городская девушка находится... Может быть, она тоже попала в руки дикарей? Но где? Когда?

Трижды мы возвращались во внутренний зал и осматривали его, облазили все кусты вокруг входа в пещеру, спускались к речке в тщетной надежде найти там какие-нибудь следы Аниты.

Мы старались вспомнить, когда в последний раз ее видели. Все припомнили, как она танцевала между каменных столбов, потом я как бы вновь услышал ее возглас: «Ой, что я нашла!», и я проклинал себя за то, что мое внимание обратилось к этим проклятым джоти!

У нас не было с собой рации, но к вечеру, обеспокоенные нашим исчезновением, дежурные в штабе батальона прислали вертолет, который завис над площадкой у пещеры, как раз когда мы уже были готовы отправиться в обратный путь к лагерю, потому что все возможности поиска Аниты мы исчерпали. Как и поиска племени голых людей.

Погрузившись в вертолет, мы сделали на нем несколько кругов над ущельем, даже поднялись по нему на несколько километров, высматривая на земле хоть какое-нибудь подозрительное движение.

Мы ничего и никого не нашли.

И удрученные, измотанные, не в силах произнести ни слова, мы возвратились в лагерь, где нас ждал не менее нас огорченный профессор Никольсон.

Юрий Сидорович Вспольный

События, описанные ниже, я реконструирую по целому ряду свидетельских показаний и косвенным данным. Поэтому я не могу приписать их тому или иному из действующих лиц нашей драмы.

Отныне местоимение «я» временно исчезает из текста и заменяется словами «они», «он», «она». До этого нам удалось лишь кинуть первый, поверхностный и приблизительный взгляд на голых людей с другого берега реки Пруи. Теперь же я предлагаю вам мысленно пересечь ущелье и оказаться среди дикарей. Правда, для того чтобы разрешить тайну их появления в долине Пруи, необходимо немного отступить назад во времени и поведать о трагедии, разыгравшейся в нескольких десятках миль южнее перекрестка снежных горных вершин, представляющих собой естественную границу между Бирмой, Лигоном, Китаем и Индией. Эта граница условна, население здесь чрезвычайно малочис-

ленно, а растительность и животный мир настолько скудны, что не позволяют заниматься сельским хозяйством или прожить охотой.

Заранее прошу прощения у любителей абсолютной точности. Ведь я не мог присутствовать при увертюре и опоздал к первому акту драматического зрелища.

Предыстория голых людей Февраль 1977 года

Как ни трудно в это поверить скептическому уму, но мы во Вселенной далеко не одиноки.

Не мне, дикарю, может быть, даже питекантропу по меркам космических цивилизаций, описывать и объяснять устройство Галактического Союза, либо Центра. Наверняка нашлось бы немало желающих и умеющих растолковать человечеству смысл и тонкости всех космических терминов. Но так как среди нас нет уже тех, кто мог бы проверить и критически оценить наши переводческие потуги, я буду придерживаться самых простых объяснений, именно тех, которые предпочитал в разговоре с нами капитан Утонченный Директор (Ут-дирек).

Итак, корабль «Восхищение Великим Разумом» с экипажем в восемь Высокоученых обоего пола был направлен с планеты, именуемой в просторечии Домом, к Земле для проведения исследований.

Необходимо иметь в виду, что это строгойше запрещено галактическими законами, ибо планета Земля находится в карантине по причине исторического этапа, на котором она пребывает. Другими словами, если мы все перемрем или взорвемся, то Галактическое содружество (братство) нести ответственности не намерено.

Однако ввиду того, что в Галактический центр входит несколько сотен населенных миров, не везде точку зрения Центра разделяют. В частности, на ДOME. Там торжествует точка зрения, по которой наша Земля нуждается в гуманной помощи, что ей можно помочь выкарабкаться из кризиса и долг цивилизованных миров в том и состоит, чтобы спасти нас с вами от близкой гибели, за что благодарная Земля поделится своей площадью и ресурсами со спасителями, страдающими от перенаселения.

Разумеется, Дом не намерен портить отношения с Братством (Центром), что могло бы плохо кончиться. Но что-то предпринять хочется. Положение осложняется (а может, упрощается) тем, что во Вселенной есть много планет, которые то и дело нарушают решения Галактического Союза (Содружества). В частности, некоторые из них посылают к Земле летающие тарелоч-

ки и прочие не опознанные нами, но хорошо известные им объекты, которые фиксируют то, что происходит на Земле*.

В отличие от обыкновенных тарелочек, порой набитых жадными до порнографии туристами и любителями заглянуть в чужую ванную, корабль «Восхищение Великим Разумом» был направлен исключительно с научно-исследовательскими целями.

Экипаж (команда) «ВВР» был подобран с особым тщанием. Это были крупнейшие авторитеты в своих областях знания. А именно:

1. «Утонченный директор» (Ут-дирек) — капитан корабля и начальник экспедиции. Убеленный сединами, благородный, правда, не отличавшийся крепким здоровьем, психолог, экономист и педант.

2. «Утро, бегущее за ним по пятам» (Ут-пя) — штурман корабля, специалист по машинам и приборам, в то же время замечательный эксперт по инопланетной технологии. Мужчина во цвете лет, лишь недавно преодолевший свое шестисотлетие, Ут-пя отправился в полет, чтобы после него занять кафедру в Университете Изысканных наук.

3. «Утешающий в беде и беспорядках» (Ут-бе-бе), знаток человеческой души, облетевший множество планет, всегда стремящийся помочь живым существам, молодой гуманист, не достигший еще и трехсотлетия, но уже известный в научных кругах далеко за пределами родного Дома.

4. «Несущая людям радость» (Не-лю). Умудренная жизненным опытом и в то же время тонкая специалистка по биологическим и социальным сообществам, она же замечательный доктор.

5. «Немеркнущий свет Любви» (Не-све-лю). Как раз перед отлетом с Дома Не-све-лю заняла первое место на конкурсе красоты своего университета, что никогда не мешало ей отдаваться в первую очередь научным занятиям, много заниматься телепортацией и антигравитацией, но главным ее увлечением всегда оставалась экспериментальная физика. Ради полета к Земле Не-све-лю прервала начинавшийся последние четырнадцать лет роман с «Утраченным мгновением» (Ут-мгн), одним из крупнейших пожарных планеты, изобретателем пенотушителя.

6. «Утерянный во мраке рассвета» (Ут-во-мраке) — второй штурман экспедиции, родственник Ут-пя. Он заменил собой в

* Но никогда не берут себя на борт людей. Контакты и встречи с инопланетянами — это плод измышлений психопатов, жуликов и желтой прессы. И я с гордостью хотел бы отметить, что на моей Родине, в Советском Союзе, отлично понимают нежелательность обращать внимание на тарелочки, а наша пресса о них молчит. Надеюсь, что наше государство просуществует еще сотни лет и даже в обществе победившего коммунизма никто на тарелочки не обратит внимания.

последний момент заболевшего специалиста и не оправдал возлагавшихся на него надежд.

7. «Помощник Извилин» (По-из) — отличный переводчик, умеющий понимать внутреннюю речь на любом языке Галактики и передавать на этом языке мысли и слова любого из известных вам ученых. Он немолод — ему уже за тысячу. Ведь его профессия, хоть и не дающая прав ученого, требует многих лет совершенства.

8. «Любая барсендия» (непереводимое слово) (Лю-ба) — помощник переводчика, специально обслуживавшая ученых женского рода, чтобы не возникало неловких ситуаций от заглядывания в чужие мозги. Лю-ба — еще совсем молоденькая, но очень способная переводчица.

Вот эти существа и были на борту корабля «Восхищение Великим Разумом» (ВВР) в тот момент, когда он подлетал к Земле.

Уже прочтя этот список, можно сделать некоторые любопытные заключения. Например, что уважаемые мужчины на Доме носят имена, начинающиеся на «ут», а уважаемые женщины — на «не». Существа же, не имеющие высокого статуса в обществе, могут именоваться, как вздумалось их родителям.

К науке на Доме относятся с чрезвычайным уважением, а сами ученые пользуются массой прав, недоступных простым, менее образованным жителям. Например, при некотором перенаселении ученый имеет право на отдельную комнату, а если у него рождаются дети, иметь которых запрещено простолюдинам, ему выделяют еще одну комнату. Ученые имеют право совокупляться только друг с другом — аспирант с аспиранткой, а профессор с профессоршей, ибо правительство Дома очень надеется, что от этих союзов родятся новые ученые, которые догадываются, как решить некоторые имеющиеся на Доме проблемы.

И происходят эти проблемы большей частью от того, что продолжительность жизни на Доме уже перевалила за тысячу лет, а средний возраст приблизился к тысяче. Никто не хочет умирать, несмотря на определенные демографические трудности. Разумеется, тамошняя дама и в семьсот лет смотрит, как бальзаковская мадам Бовари*.

Корабль «ВВР» приблизился к Земле весьма осторожно. И опасался он, разумеется, не землян, которые его все равно не смогли бы увидеть или засечь локаторами, а крейсера из Галак-

* Так в тексте, предоставленном нам Ю. Вспольным. Очевидно, автор имел в виду собирательный образ (примеч. ред.).

тического центра (Содружества) или конкурентов с какой-либо другой планеты.

Как удалось понять, где-то в пределах орбиты Марса второй штурман Ут-во-мраке совершил ошибку при работе с компьютером, и корабль потерял управление.

* * *

Капитан корабля Ут-дирек собрал в кают-компании всех обитателей корабля и откровенно поделился с ними возникшей проблемой.

«ВВР» падал на Землю. Другого варианта не существовало. Выйти на связь и попросить помощи у Галактической службы безопасности они не могли — этим они бы автоматически подписали себе смертный приговор. Как бы ни были гуманны галактические цивилизации, преступление, совершенное экипажем «ВВР» и соответственно правительством Дома, было столь велико, что с ними обошлись бы беспощадно. Так что им предстояло либо погибнуть с кораблем, либо покончить с собой.

Так как корабль неумолимо приближался к Земле, капитан был вынужден применить закон по отношению к злополучному второму штурману. Он лично передал удрученному Ут-во-мраке капсулу с ядом, и тот, попрощавшись коротким кивком головы, под строгими взглядами своих товарищей проглотил капсулу и почти мгновенно упал мертвым. Младшая переводчица (телепатка) Лю-ба упала в обморок, не выдержав душевной боли, которую испытывал второй штурман во время перехода в состояние смерти, а старший переводчик (телепат) По-из стал биться в судорогах, что произвело на остальных удручающее впечатление — каждому предстояло вот-вот пройти краткую дорогу к смерти, совершить над собой казнь, и по поведению переводчиков (телепатов) ясно было, насколько ужасна эта смерть.

Капитан Ут-дирек посыпал тело второго штурмана специальным порошком, отчего тело превратилось в жидкость и вытекло через решетку в полу кают-компаний.

А корабль «ВВР» тем временем продолжал падать на Землю.

Умудренная жизненным опытом, Не-лю задала капитану вопрос:

— Нет ли способа избежать смерти?

Капитан объяснил ей то, что она знала и без его ответа:

— Мы можем катапультироваться в момент столкновения ко-

рабля с Землей и принудительной аннигиляции. Тогда мы останемся в живых. Но если об этом кто-то узнает — неважно кто: галактический патруль, или правительство нашей планеты, или даже президиум Академии наук Дома, мы будем подвергнуты медленному умерщвлению, которое в зависимости от тяжести преступления может продолжаться неделю, месяц или даже столетие.

При этих словах Лю-ба снова упала в обморок, а Не-све-лю принялась горько плакать, потому что она еще не успела насладиться жизнью, а главное — любовью.

Корабль уже вошел в верхние слои земной атмосферы, и все старания замедлить его падение были тщетны.

— Мой долг, — сказал капитан, — велит раздать вам смертельные капсулы, а ваш долг состоит в том, чтобы их проглотить и умереть. Затем я посыплю ваши тела порошком смерти, вы превратитесь в жидкость, а я прослежу за тем, чтобы вы попали в корабельную канализацию, а затем взорву себя вместе с кораблем.

Так сказал капитан, но недоверие закралось в души членов экипажа.

Впервые за все дни и месяцы полета они подумали, что капитан, убив их, может сохранить свою жизнь.

И тогда общие мысли высказал переводчик (телепат) По-из, потому что для него было мало секретов в умах товарищей. Он не мог уловить лишь те мысли, которые не принимали словесной формы. Но стоило вам сформулировать мысль и найти для нее слово, как По-из заглядывал вам в череп, и все становилось на свои места.

— Уважаемый капитан, — сказал По-из, — мы все решили остаться в живых.

— Это невозможно!

— Это возможно при условии, если никто не будет нас искать. Если все будут убеждены, что нас более нет.

— В одежду каждого из нас вживлены поисковые датчики, — сказал капитан Ут-дирек. — Они включаются, как только поле корабля перестает нас защищать.

— Значит, — сказал По-из после паузы, собрав мысли своих товарищей, — нам надо избавиться от датчиков.

— Чепуха! Вся одежда — сплошной датчик! В этом гениальность спасательной службы.

— Значит, — сказал По-из, собрав мысли своих товарищей, — нам придется избавиться от одежды.

Капитан засмеялся. Он принадлежал к такой древней и высокой цивилизации, что даже само слово «голый» на его языке было грубым ругательством. Капитану за его семьсотдвадцати-

трехлетнюю жизнь не приходилось еще видеть обнаженного человеческого тела. По обычаю Дома он даже сам мылся в темноте, выключив свет.

Может возникнуть вопрос: возможно ли совместное проживание супругов при таких условиях, возможны ли романы, измены и любовные извращения? Ответим: да, все это возможно! Супруги погружаются в постель, одетые в ночные одежды, и производят любовные действия в полной темноте. Существует даже древняя легенда о человеке, который возжелал увидеть тело околдовавшей его женщины. Он догнал ее в лесу, где она собирала съедобные грибы, и начал срывать с нее одежды. Однако боги превратили ее одежды в раскаленные латы. Насильник обломал ногти и сжег ладони, но своего не добился. Правда, и его жертва не выжила — у нее сгорела кожа. Такую грустную легенду рассказывают детям на Доме.

Конечно, в любой цивилизации есть свои развратники и извращения. Не обошла эта пакость и Дом. Говорят, что в трущобах столицы есть места разврата, где показывают обнаженных кукол.

В свете этого можно понять, в какой шок не только капитана Ут-дирека, но и остальных путешественников ввергла реплика телепата По-иза, который, кстати, высказал их собственные подспудные мысли.

Наступила тягостная пауза.

За иллюминаторами падающего корабля клубилась атмосфера Земли. Решать надо было немедленно.

Переводчица Лю-ба, чутко воспринимавшая эмоциональный фон, ломала в отчаянии руки. В отчаянии остальные обводили взглядами кают-компанию корабля, тесно уставленную столь дорогими их сердцам вещами, ведь цивилизацию Дома можно назвать цивилизацией приятных предметов (ЦПП). Каждый житель планеты тратит значительную часть жизни на аккумуляцию красивых и приятных его изысканному вкусу вещей.

Отчаянная борьба корабельного компьютера и земного притяжения привела к тому, что на корабле погас свет — энергия требовалась для более важных целей.

Зловещий гул наполнял корабль.

В темноте кают-компании можно было угадать лихорадочное движение.

Капитан нажал на кнопку, превращавшую кают-компанию в спасательную шлюпку.

Шлюпка вылетела из корабля, а невидимая и неосязаемая

громада «ВВР» пронеслась к Земле, и с легким звуком, схожим со звуком открываемой бутылки шампанского, гигантский корабль перестал существовать.

Неосвященная шлюпка плавно опустилась на Землю. С легким ударом она коснулась ее поверхности.

Капитан откинул люк, чтобы при внешнем свете отыскать в аптечке капсулы с ядом и порошок, который превратит тела спутников в безвредную воду.

И тут его глазам предстало зрелище, которого он никак не ожидал увидеть.

Шесть членов экспедиции — штурман Ут-пя, гуманист Ут-бе-бе, умудренная Не-лю, красавица Не-све-лю, а также переводчики (телепаты) Лю-ба и По-из стояли перед ним, прикрывая ладонями причинные места. Все они были абсолютно обнажены.

Перед ними стоял выбор: жизнь или честь. И они избрали жизнь.

Капитан был среди них единственным одетым.

Не в силах выдержать отвратительное зрелище, он закрыл глаза и протянул руку к аптечному шкафчику, чтобы убить себя и избежать стыда.

И тогда его остановил голос умудренной жизнью Не-лю:

— Капитан, лишь вы знаете условное слово, которое уничтожит спасательную шлюпку. Если этого не сделать немедленно, на планете Дом получают сигнал, что мы спаслись со всеми вытекающими из этого последствиями. Если вы твердо решили покинуть нас и удалиться в лучший мир, не завершив ваших научных планов, то скажите нам пароль — вы же не такой садист, чтобы утащить всех нас за собой на тот свет?

— Это мой долг, — мрачно ответил капитан.

Тогда переводчик По-из, подчиняясь коллективной воле экипажа, схватил стул и ударил им по стеклянному шкафчику аптечки. И капсулы с ядом рассыпались по полу.

— У вас одна минута, капитан! — закричала Лю-ба.

Остальные присоединились к ее призыву, уверяя капитана, что жизнь прекрасна даже в обнаженном виде.

И за шесть секунд до истечения критической минуты капитан начал снимать штаны...

Еще через три минуты все они отбежали на пятьдесят шагов от спасательной шлюпки, и обнаженный капитан произнес кодовое слово, после чего спасательная шлюпка испарилась.

Путь назад был отрезан.

С этой минуты обитатели планеты Дом — знаменитые уче-

ные и переводчики должны были отыскать себе место в новом мире. Без единого орудия и без единого клочка одежды. При условии, что никто на этой планете никогда не догадается, что шестеро пришельцев — пришельцы.

Как это сделать — никто не знал.

Над ними светило слишком яркое чужое солнце. Вокруг жужжали местные насекомые, пели местные птицы, шуршали местные кусты и деревья, а внизу журчала река.

Им было страшно.

Некоторые уже жалели о том, что не приняли смерть.

Они смотрели на капитана с надеждой, но капитан ничего не мог им посоветовать.

* * *

Гибель космического корабля «ВВР» имела место в долине реки Пруи в стране Лигон, в тридцати милях к северу от той пещеры, где происходили последующие события. Там располагалось плоскогорье, заросшее редким кустарником.

Первые же минуты, проведенные на Земле, заставили космонавтов горько пожалеть о том, что они лишены привычной защиты корабля. Под ногами были острые камни и колючая трава, сверху светило жаркое солнце, ветер, скатывавшийся с голубых гор, налетал ледяными волнами. И главное — безнадежность.

Они стояли жалкой кучкой, стараясь не глядеть друг на друга, потому что в жизни им не приходилось сталкиваться с таким отвратительным зрелищем. Для всех впервые обнаружилось, что помимо приятных лиц и изящных пальцев каждый обладает еще животом, растительностью на теле, половыми органами и острыми коленями.

Лю-ба опять была готова упасть в обморок, но По-из обратился к спутникам с просьбой не разглядывать друг друга, иначе он не отвечает за жизнь бедной переводчицы (телепатки).

Нелегко подчиниться такому запрету, но, к счастью для здоровья Лю-бы, над головами пришельцев начал кружить орел. Не зная, чем это грозит, капитан предложил спутникам рассредоточиться и отступить к деревьям, вершины которых поднимались ниже по склону, ведущему к реке.

Быстро передвигаться они не могли, так как их ступни были очень нежными, и они с трудом сдерживали крики — каждая травинка причиняла им острую боль.

Со стороны эти люди выглядели странно, так как при каждом

шаге они взмахивали руками, ноги их совершали нелепые движения, и при этом они старались скрыть от окружающих свою наготу.

Лишь через несколько минут, взмыленные от быстрых движений, пришельцы собрались в тени большого тикового дерева, которое росло на опушке леса. Они тяжело дышали и молчали. Приходили в себя.

— Т-а-ак, — сказал вдруг капитан Ут-дирек. — Вот именно этого нам не хватало.

Обвиняющим перстом он указал на Не-лю, мудрую немолодую исследовательницу, которая на пути к тиковому дереву смогла сорвать лист банана и держала его перед собой, прикрывая грудь, живот и ноги до колен.

— В любой момент, — продолжал капитан, — мы можем и должны встретить местных жителей. На этой планете их пять миллиардов, и нет такого уголка, в котором бы они не встречались. Мы с вами совершенно не представляем, каким образом прикрывают свой стыд жители именно этих мест, и в случае если они не используют для этого таких больших листьев, мы окажемся под подозрением. А от подозрения до обвинения один шаг. И скоро нас попросту казнят, потому что справедливо заподозрят в нас шпионов и инопланетян. А ну, убрать лист!

Не-лю, густо покраснев, уронила на землю лист банана, но в последний момент ее пальцы выхватили из листа кусок размером с ладонь и удержали его перед грудью — честная и мудрая Не-лю в тот момент не представляла, какую часть обнаженного тела она должна прикрыть, но понимала, что совсем ничего не прикрыть нельзя.

Капитан в отчаянии махнул рукой.

Наступила долгая пауза.

— Как вы думаете, — спросил штурман Ут-пя, — пригодна ли для питья местная вода? Я полагаю, что это вопрос принципиальный, потому что, если она непригодна для приема внутрь, мы обречены на смерть куда более мучительную, чем та, от которой мы отказались. Ведь у нас теперь нет капсул мгновенного действия.

Они прислушались к журчанию воды, доносившемуся снизу, а затем, не сговариваясь, начали спускаться к реке.

Внезапно Лю-ба вскрикнула.

Они обернулись к ней.

Лю-ба держала ладонь прижатой к ключице. По ее лицу катились слезы.

— Что с тобой? — спросил капитан.

«Я укушена», — мысленно ответила Лю-ба.

Она подняла руку, и на траву упало придавленное ею неболь-

шое насекомое, а на месте, где это насекомое было убито, быстро распространились краснота и припухлость.

— И даже нет аптечки, — печально произнесла прекрасная Не-све-лю. — От следующего укуса мы умрем.

Но так как пока что никто не умер, они продолжали спуск и вскоре оказались на камнях, окаймлявших прозрачные струи реки. Чуть ниже по течению река расширялась, образуя неглубокую заводь.

— Хорошо, — сказал тогда молодой гуманист Ут-бе-бе. — Как самый молодой, я пожертвую собой и попробую эту воду, тем более что меня так донимает жажда, что по мне лучше смерть, чем дальнейшие муки.

Он встал на колени, а все отвернулись и не стали смотреть на него, потому что вид обнаженного человеческого тела, стоявшего на коленях и опустившего голову в воду, был более чем неэстетичен.

После первого глотка Ут-бе-бе испуганно воскликнул:

— Ой, холодно! Зубы ломит!

Но затем он пересилил себя и стал пить большими глотками, получая удовольствие и не собираясь умирать.

Первыми последовали его примеру переводчики По-из и Люба, а затем и остальные.

Густые кроны деревьев нависали в том месте над рекой, бабочки и стрекозы медленно парили над прозрачными струями, от которых распространялась свежая прохлада.

И этот царивший вокруг покой и отсутствие непосредственных опасностей дали возможность космонавтам собраться с духом и трезво оценить свое положение и перспективы остаться в живых. Они расселись по берегу, каждый скрывался за кустиком, чтобы не тревожить сотоварищей своей наготой и самому не видеть голых тел.

— Что будем делать? — спросил капитан Ут-дирек.

Ответили ему далеко не сразу. Каждый в меру своей мудрости искал нужное решение, а телепаты прикрыли внутренние глаза, чтобы не вмешиваться в эти далеко не всегда им понятные мучения мозгов.

— Нам надо питаться, — сказал мудрый Ут-бе-бе. — Но мы не знаем, как это сделать без приборов.

Капитан не перебивал его, хотя понимал, что вопрос о пище — тактический. Надо было сначала решить главный вопрос — жить ли дальше либо, осмотревшись вокруг и убедившись, что шансов победить судьбу нет, все же покончить с собой.

— Нам следует отыскать местных жителей и внимательно наблюдать за ними, — сказала мудрая Не-лю. — Потом одеться, как они, научиться их разговору и влиться в их число так, чтобы они не заметили.

Это уже было конструктивное предложение, однако техническая сторона дела оставалась неясной. Во-первых, неясно было, захотят ли местные жители, чтобы их изучали...

— Я категорически против такого решения, — отозвался из-за колючего куста штурман Ут-пя. — Судя по известным картам Земли, в области, где мы приземлились, находятся обширные незаселенные пространства. Климат здесь пригоден для жизни. Мы должны затеряться в этих горах.

— Нам надо калорийно питаться, — напомнил горячий Ут-бе-бе, — иначе клетки головного мозга не будут получать должного питания и мы станем глупыми, как обезьяны.

— О нет! — вырвалось у умудренной Не-лю. — Только не это!

Не-лю, как и большинство жителей Дома, полагала, что самое страшное, что может приключиться с человеком, — это оглушение.

— Я не совсем представляю, как нам здесь выжить, — мрачно заявил капитан Ут-дирек, который вернулся к мысли склонить своих подчиненных к самоубийству, так как уже не видел смысла в продолжении жизни и накоплении позора. — Я полагаю, что лучше закончить все сразу.

— Ах, оставьте, капитан! — сказал штурман Ут-пя, который не мог простить капитану смерти своего помощника, приходившегося ему к тому же двоюродным племянником. — Вы имели все возможности уйти от нас дорогой чести, но предпочли испить с нами чашу позора.

— Я капитан, — ответил с достоинством Ут-дирек, — и как таковой должен разделять все испытания моего экипажа.

Ут-пя лишь отмахнулся, потому что знал, как на такое решение капитана посмотрят дома. Ведь каждая минута пребывания экипажа «ВВР» на Земле увеличивает опасность разоблачения. И никто их шадить не будет — речь идет о чести родной планеты. Этот старый циник понимал, что капитан испугался и не может признаться в такой слабости, потому что потеряет власть над командой.

Ут-пя поднялся и, скрываясь за кустами, отправился вниз по течению речки к тихой заводи, потому что его привлекло движение в водоеме. Не обращая внимания на укоровизненные взгляды сотоварищей, он вошел в воду и стал приглядываться к существам, которые, поблескивая серебристым покровом, сколь-

зили под водой. Отдаленно они напоминали тех рыб, которых Ут-пя еще недавно ловил в речке, протекавшей у его родного города. Правда, там не встречались рыбки длиннее пальца, но и здесь, в горах, в небольшой речке, они были невелики.

Старый переводчик По-из, уловивший ход мыслей штурмана, присоединился к нему, не обращая внимания на наготу собеседника, и они заговорили о том, как бы лучше поймать рыбок.

Лю-ба, нанервничавшаяся за день, задремала на камнях.

Капитан, обратившийся к умудренной Не-лю, подумал вслух, что недурно бы для начала отыскать какое-нибудь прикрытое от непогоды и любопытных глаз пристанище.

А так как штурман и переводчик пока не придумали, как ловить рыб в реке, то после некоторых споров все вместе, разбудив Лю-бу, направились вниз по течению, надеясь отыскать приют до темноты.

Любопытно, что каждый из ученых, как они потом признавались, страдал по какому-нибудь пустяку и жалел, что не захватил его с собой. К примеру, капитан жалел, что не взял в нарушение правил маленький кипятильник, без которого неизвестно, как обеззараживать воду от местных, возможно, смертельных микробов.

А вот красавица Не-све-лю мечтала о гребне — о своей полуавтоматической щетке, которая и мыла, и сушила, и завивала волосы. Зато умудренная Не-лю страшно боялась того, что, оставшись без книг, не захватив с собой хотя бы карманный словарь, она рискует поглупеть.

Постепенно голод все более мучил странников. Прошло уже несколько часов после катастрофы, и никто с тех пор не держал во рту и маковой росинки.

Однако пока не удалось придумать, как ловить рыбу, неизвестно было, можно ли поймать и убить какое-нибудь животное, съедобны ли грибы и ягоды, которые встречались на пути. Тем временем Ут-пя мысленно изобретал лук, пользуясь образами, почерпнутыми в историческом музее.

Уже начало темнеть и отчаяние охватывало путников, когда быстроногий Ут-бе-бе, заметив на обрыве темное пятно, поднялся туда и убедился, что это вход в небольшую нишу, углубление в обрыве, куда они смогли набиться, тесно прижавшись друг к другу.

С каждой минутой воздух становился все холодней. Голые люди впервые в жизни ощутили, что такое тепло обнаженного тела соплеменника.

Они долго не спали, прислушивались к звукам леса.

Страшно ухала какая-то ночная птица, бесшумно стаями про-

летали перед пещеркой летучие лисицы, внизу неровно шумела вода...

— Если отыскать каменный наконечник, — сказал Ут-пя, — и приделать его к палке, получится копье.

Все зашикали на него, им показалось, что его голос разнесся на тысячи шагов вокруг.

Поэтому По-из, который чувствовал к Ут-пя симпатию, шепотом добавил:

— Можно сделать и дубинку. Хорошую крепкую дубинку. Должны же здесь быть звери.

— Но мы не можем есть их сырыми, — сказала Не-лю.

— Я сейчас готова съесть сырую лягушку, — ответила Не-све-лю.

Вокруг раздались приглушенные возмущенные голоса, и только телепаты знали, что Не-све-лю дразнит остальных, а на самом деле скорее умрет, чем съест сырую лягушку.

* * *

Ночь прошла почти без сна, в кошмарах, всхлипах, вскриках, столах, храпе, тяжелом дыхании. Забываясь, пришельцы неслись по волнам космоса или даже благополучно возвращались к родным пенатам. Но укол комара, укус блохи, струя ледяного ветра с ледников возвращали их к тяжелой действительности, и, зажмурившись, они старались вновь от нее отрешиться.

С первыми лучами солнца, осветившими верхушки деревьев и горные вершины, клубок человеческих тел зашевелился энергичнее, встрепанные головы поднялись, чтобы лучше разглядеть окружающую природу.

Искусанные насекомыми жаловались на боль и опухоли, но целитель Ут-бе-бе ничем не мог помочь, потому что у него не было с собой компьютера и лекарств. Хуже всего пришлось переводчице Лю-бе, так как она тонко чувствовала других людей, и у нее чесалось все тело от укусов, нанесенных ее товарищам...

Стараясь не видеть друг друга, пришельцы разошлись по кустам, чтобы совершить туалет, а затем спустились к реке напиться и утолить водой жестокий голод.

Ут-бе-бе, замешкавшийся в нише, вытряхивая из волос песок и пыль, нечаянно увидел проходившую мимо, словно пугливая лань, прекрасную мыслительницу Не-све-лю и вдруг с внутренним содроганием понял, что зрелище это не вызывает в нем должного отвращения, и, более того, он направился

к реке следом за прекрасной коллегой, со все растущим удовольствием глядя на движения ее бедер и лопаток.

Почувствовав его взгляд, Не-све-лю оглянулась, словно за ней крался хищник.

— Что? — воскликнула она. — Что-нибудь случилось?

Но в этот момент ее взор уперся в обнаженный фасад Ут-бе-бе, и ей пришлось зажмуриться, чтобы не упасть в обморок. Ут-бе-бе тоже смутился и нырнул в кусты, которые оказались колючими.

Так что, когда он выбрался из зарослей у самой воды, он был исцарапан, чем воспользовались жгучие мухи и оводы, которые до того мирно резвились над струями воды.

Спасаясь от них, Ут-бе-бе погрузился в холодную воду, и его сразу же вынесло в заводь, где нежались под солнечными лучиками серебряные рыбы, которые приняли Ут-бе-бе за крупную, но вполне безопасную рыбу, так как никогда еще не встречались с опасной рыбой. Для них, форельной мелочи, опасность исходила с суши.

Неожиданно для самого себя Ут-бе-бе наткнулся растопыренными пальцами правой руки на небольшую форель, и та не успела уплыть, так как его пальцы сомкнулись, и, сам не веря своему успеху, Ут-бе-бе вскочил, подняв фонтан сверкающих брызг, и закричал, распугивая птиц:

— Я поймал рыбу!

В мгновение ока его спутники сбежались к заводу — никто из них уже не видел, что Ут-бе-бе голый. Все видели рыбу. Все желали ее.

— Давайте разожжем костер, — предложила Не-лю.

— Зачем? — быстро спросил Ут-бе-бе.

— А что вы предлагаете? — спросила Не-лю.

— Я предлагаю ее съесть, — сказал Ут-бе-бе.

— Сырую! — воскликнула Не-лю.

— Один? — закричал Ут-пя.

— А почему бы и нет? — спросил Ут-бе-бе. — Ведь я ее поймал.

— Ут-бе-бе, — вмешался в разговор капитан, — вы, очевидно, забыли, что, даже лишившись одежды, даже не имея средств к существованию, мы остаемся представителями передовой, развитой цивилизации.

— Которая нас ужокошит, когда узнает, что мы не покончили с собой, — возразил Ут-бе-бе, поднося рыбу ко рту.

— Она может быть ядовитой! — воскликнул По-из.

— А может, и не ядовитой, — ответил Ут-бе-бе и вгрызся зубами в жабры форели.

— Но в конце концов вы же интеллигентный человек! —

закричал Ут-пя. — Вспомните о чувстве собственного достоинства.

Ут-бе-бе начал жевать рыбку, которая продолжала бить хвостом.

И тут нервы у его спутников не выдержали.

— Делить! — кричали они. — Да здравствует справедливость!

Ут-бе-бе, занятый поеданием форели, оказался недостаточно резв, и толпа пришельцев опрокинула его в воду. Отчаянным усилием форель рванулась из руки и ушла вниз по течению, увлекая за собой своих товарок.

А пришельцы, удрученные, одуроченные, голодные и злые, по очереди вылезали на берег и усаживались там, отмахиваясь от комаров и оводов.

— Добились справедливости, — сказал Ут-бе-бе. — Мыслители!

На что капитан ответил:

— Поделится бы по справедливости, и тебе бы достался кусок.

Затем капитан продолжал:

— Мы с вами, коллеги, попали в невероятно сложную ситуацию. В отличие от вас я всю ночь не спал и думал. Я пришел к выводу, что остаться живыми и умными мы сможем, только если будем неукоснительно соблюдать правила человеческого общежития, беречь высокие законы нравственности. Какими мы были дома, какими мы были на борту космического корабля, такими мы должны остаться здесь...

Капитан пожевал губами и окинул бывших подчиненных внимательным взглядом. Все молчали, все внимательно слушали, хотя Ут-бе-бе криво усмехался, стараясь хоть этим дать понять, что он выше капитанской морали.

— Мы только что наблюдали превращение человека в грязное животное. Да, именно так! И не пытайся возразить, уважаемый Ут-бе-бе. Ты еще не видел жизни и не знаешь, что человек силен только в коллективе. Тем более если он попал во враждебную среду. Сегодня ты сожрал в углу пойманную рыбку, завтра ты украл у меня кусок хлеба...

При слове «хлеб» телепаты сглотнули слюну, потому что воображение капитана воспроизвело кусок хлеба.

— Послезавтра... — Голос капитана окреп и вознесся к вершинам гор. — Послезавтра мы соберемся и нарежем самого вкусного и молодого члена нашего общества.

Капитан показал на Лю-бу. Ут-бе-бе заплакал, но неизвестно, от искреннего раскаяния или от притворства.

— У меня есть предложение, — продолжал капитан совсем другим, обыкновенным, мирным голосом. — В лесу есть ягоды, плоды, орехи и грибы. Мы не знаем, какие из них ядовитые, а какие нет. Мы не можем выделить из нашей среды пробовальщика но, как гуманисты, мы все должны поочередно выполнять эту роль. Один день пробовать будет Ут-пя, второй Не-лю... и так далее.

Будучи цивилизованными людьми и учеными, присутствующие согласились, что при таком решении шансы погибнуть от отравления становятся равными. И это справедливо. А справедливость, высказанная и принятая всеми и определившая всем одинаковые условия риска, поставила Ут-бе-бе перед обязательным выбором — подчиниться большинству или в одиночестве двинуться по пути, ведущему к дикости. За Ут-бе-бе был соблазн зверя, в решении капитана — стремление выдержать напор этой дикости. Не умерев со всеми, капитан вознамерился жить со всеми. И помогать слабым.

После этого пришельцы разбрелись по окрестностям, собирая ягоды и плоды, а также орехи и грибы. Все это было снесено на берег и разложено на плоском камне.

Затем капитан оглядел всех присутствующих и спросил:

— Будут ли возражения против того, чтобы первым пробовальщиком стал уважаемый Ут-бе-бе, который сегодня уже проявил склонность и способности к знакомству с местными продуктами?

Ни у кого, кроме Ут-бе-бе, возражений не оказалось, да и Ут-бе-бе, деморализованный недавним поражением, не смог сопротивляться.

К сожалению для пришельцев, март — это конец зимнего сезона. Большинство кустов и деревьев уже дало плоды, и после трехмесячного сна они лишь распускают свои разнообразные душистые цветы. Правда, людям удалось отыскать на земле некоторое количество лесных орехов, часть из них еще не успела сгнить и была съедобна. Женщины забрели в банановые заросли у реки, из тех, что цветут и плодоносят круглый год. Бананы были еще зелеными, но есть их было можно. Грибы — высокие поганки Ут-бе-бе отказался пробовать наотрез, объяснив свой бунт тем, что покончить жизнь самоубийством он мог раньше и безболезненнее.

Тем временем Ут-пя с По-изом старались вспомнить, как разжигают огонь. Конечно, им это бы удалось, если бы нашлась хоть какая-нибудь линза. В школе они учили, что огонь добывается и трением. Но что обо что тереть, они так и не вспомнили.

Пока Ут-пя и По-из добывали огонь, капитан и Не-лю фиксировали достижения Ут-бе-бе, который смиренно давился добычей,

остальные пришельцы занимались рыбной ловлей — бродили по мелководью и время от времени плюхались животами в воду. Но рыба больше не попадалась — она быстро поумнела.

Примерно через час, отчаявшись добиться успеха, они окружили изнемогшего от усилий Ут-бе-бе и наблюдали, нет ли в его лице признаков приближающейся смерти. Ут-бе-бе это надоело, и он закричал на своих коллег:

— Ну что вы сбежались, как хищные крысы к моему свежему трупу! Если я даже помру, вам никогда не догадаться, что же меня погубило.

— Догадаться, догадаться! — возразил капитан. — Мы все записываем.

Под этим он имел в виду изобретенную им систему камешков, которые он укладывал возле себя на песочек.

В результате Ут-бе-бе признался, что придется пока питаться орехами и зелеными бананами. Так и было решено, хотя этих продуктов в долине было недостаточно.

Во второй половине дня они отправились вниз по течению реки, надеясь, что там должно быть теплее по ночам, а также богаче растительность. Все были голодны, устали от тщетности усилий накормить себя и растерянности перед завтрашним днем.

Исключение составлял Ут-бе-бе, который, хоть и мучился расстройством желудка, не был так голоден, как остальные. К тому же он был зол на капитана и не намеревался более подчиняться правилам цивилизованного общества, правда, в будущем решил быть осторожнее и не попадаться на глаза общественности.

Они шли, стараясь не удаляться от реки, однако ущелье порой сужалось, и волей-неволей им приходилось подниматься выше, пользуясь звериными тропками. Однажды удалось даже увидеть одно из животных. Это случилось при драматических обстоятельствах.

...В тот момент, на закате солнца, они взошли на высокий обрыв, и оттуда была хорошо видна теснина, где шумела ставшая уже более полноводной река.

Они переводили дух, отмахиваясь ветками от комаров, когда зоркая Лю-ба воскликнула:

— Смотрите вниз!

И они увидели, как из чащи к воде осторожно, оглядываясь, вышло изящное четвероногое животное с рогами на голове и копытцами на ногах. Оно стало пить воду, поминутно поднимая голову и оглядываясь.

— Сколько мяса! — сказал тогда Ут-пя.

— Надо кинуть камень! — спохватился капитан. — Надо по-
пасть ему в голову.

Тут же все как по команде кинулись в разные стороны и стали ползать над обрывом в поисках достойного камня. Но отыскать его не успели, потому что людей обогнал крупный хищник, тело которого было поперек поделено на желтые и черные полосы, а раскрытая в момент прыжка пасть была алой. Хищник в прыжке ударил свою жертву, и потому она почти не сопротивлялась. Острые громадные зубы хищника сомкнулись на тонкой шее жертвы, та засучила в муке ногами, взрывая острыми копытами траву и камешки, и замерла, залитая кровью.

Хищник тут же начал пожирать жертву, а пришельцы стояли на краю обрыва и в ужасе смотрели на эту сцену.

Неподвижность коллег нарушил непокорный Ут-бе-бе, который все же нашел камень и поднял над головой, намереваясь метнуть его вниз.

Не-лю заметила это движение и кинулась к Ут-бе-бе, отчаянно шепча:

— Что вы делаете! Не смейте! Он же нас съест.

— Нет, — отвечал Ут-бе-бе, отбиваясь от умудренной женщины. — Он струсит, он всего лишь зверь. А если мы его не отпугнем, он утащит труп своей жертвы.

И с этими словами Ут-бе-бе метнул камень, который упал возле головы хищника, заставив того отпрянуть. Хищник запрокинул кверху страшную морду и зарычал, отпугивая людей. Люба была близка к обмороку, а По-из уже тащил еще камень. Ут-бе-бе метнул его точнее и угодил хищнику в бок. Это возымело действие. Рыча от боли, зверь отпрыгнул от добычи и попытался взобраться на утес, чтобы напасть на людей.

Почувствовав силу, пришельцы стали собирать камни, палки и сучья, и вниз посыпался град предметов, что испугало хищника настолько, что он убежал, поджав хвост.

Ут-бе-бе начал быстро спускаться к труп у погибшего животного, потому что не без оснований полагал, что здесь водятся трупоеды, которые могут обогнать людей. Он вооружился дубиной, вернее, отломанным от сухого дерева суком, и теперь ему не был страшен хищник, потому что вряд ли тот осмелится вернуться к добыче, на которую претендуют столь агрессивные ученые.

Через считанные минуты они стояли, окружив труп несчастного рогатого существа.

— А что теперь делать? — спросила Люба и не нашла телепа-

тического ответа на высказанную мысль. Никто не знал, как поступиться к добыче.

— Для начала, — произнес наконец Ут-бе-бе, и от его слов и мыслей Лю-ба упала в обморок раньше, чем он успел перевести мысли в слова, — мы можем отсосать его кровь — она должна быть питательна.

Но сам он не сделал никакого движения, чтобы привести свой план в жизнь.

— Лучше убейте меня, — сказала Не-лю.

— Вот бы и убивалась вовремя, — мрачно заметил Ут-пя.

— Давай, — сказал капитан, — пей кровь, как комар.

— И выпью, — сказал Ут-бе-бе. В нем было упрямство, которое в свое время помогало ему не раз побеждать на физических олимпиадах и конкурсах, потому что, когда остальные участники падали в изнеможении, он продолжал рисовать и писать и уже за одно это получал премии.

Ут-бе-бе встал на колени перед убитым животным. Шея животного была разодрана зубами хищника, и кровь еще сочилась из нее. Над рваной раной стайкой вились уже пронюхавшие о добыче зеленые мухи.

— Ну! — крикнула Не-лю.

В голосе ее звучало злорадство. Ут-бе-бе ничего не оставалось, как выполнить свое намерение. Он дотронулся губами до кровавой раны. Кровь отвратительно пахла, и Ут-бе-бе понял, что сейчас упадет бездыханным рядом с трупом жертвы.

Нет, мысленно произнес он и, сделав вид, что отпил крови, выпрямился. Кровью было измазано все его лицо и кровь сползала густеющими полосами по груди.

— Ой, нет! Только не это! — закричала прекрасная Не-свело и кинулась в реку.

Вода понесла ее и ударила о камень. Ут-бе-бе бросился в воду следом за красавицей и, будучи неплохим пловцом, быстро настиг ее, заодно отмывшись от крови. Когда он помогал ей выбраться из реки, которая, впрочем, была чуть шире ручья, то на нем и следа не осталось от недавнего ужаса.

— Нет, сначала надо добыть огонь, — сказал капитан. — Кстати, у нас нет ножа?

Все с облегчением согласились с капитаном, и для того чтобы сохранить труп животного от гниения, насекомых и хищников, они сволокли его в глубокий бочаг посреди реки и оставили в воде.

— Ничего, — сказал Ут-пя, — сейчас найдем укрытие, разведем огонь, выточим ножи — и заживем!

— Только бы дожить до этого, — вздохнула мудрая Не-лю. Она уже ослабела, и каждый шаг давался ей с трудом. К тому же из-за комаров она потеряла много крови.

Так и не отведав мяса, они вновь направились вниз по реке и, наверно, в тот день не смогли бы отыскать себе убежище, потому что страшно устали и изголодались, если бы вдруг не услышали впереди угрожающий шум и треск.

Они замерли, полагая, что возвращается полосатый хищник, чтобы востребовать добычу. Но действительность оказалась куда страшнее.

Вдоль берега реки медленно поднимались несколько гигантских животных, подобных которым на планете Дом не водилось. Впоследствии выяснилось, что жители Земли называют этих животных слонами, или элѐфантами, и слоны не едят людей. Но обо всем этом пришельцы не подозревали, и потому, увидев серых гигантов с двумя хвостами — спереди и сзади толстого туловища, они кинулись во все стороны, стараясь забраться как можно выше по склону...

Слоны остановились, удивленные таким поведением людей, и, будучи научены уже тому, что люди — это злобные враги других животных, они повернули обратно.

Пришельцы влезли на склон и оказались на широкой плоской площадке под каменным навесом. Далее зияла темнота — обширное подземное помещение, пещера.

Жизнь, столь жестокая к ним в последние часы и дни, вдруг смиростивилась. Впрочем, у каждой палки бывает два конца, и, ухватившись за приглянувшийся конец, пришельцы совершенно не подозревали, во что выльется для них жизнь в большой пещере в долине реки Пруи.

* * *

— Ну вот, постепенно все и образуется, — сказал штурман Ут-пя, усаживаясь на камень возле входа в пещеру и глядя на зеленое вечернее небо с яркими звездами, одна из которых была родной Вассапой, вокруг которой вращалась планета Дом. Штурмана Ут-пя охватила тихая безнадежная грусть — так, видно, и придется до конца дней своих лицезреть Дом лишь трудно угадываемой искоркой на чужом небе. Штурману безумно хотелось вернуться к работе, ведь он был математиком, и небо в звездах, напомнив ему о доме, превратилось в мыслях в громадный дисплей...

— Мне надо выйти, — сказала негромко Не-све-лю, останавливаясь рядом со старым штурманом, — но я боюсь — там кто-то есть.

— Да, в чаще могут таиться дикие звери, — согласился штурман.

— Может быть, вы пойдете со мной и побудете неподалеку, пока я буду... — Не-све-лю не смогла заставить себя произнести вслух название того, что она будет делать, потому что в цивилизованном обществе это было бы верхом неприличия, а Не-све-лю даже здесь не забывала о том, что она представительница высокой цивилизации.

— Ничего не выйдет, — ответил штурман. — Если мы пойдем вместе, то дикие животные сожрут нас обоих. Меня такой вариант не радует.

— Но что же делать? — воскликнула красавица.

— Найти себе более отважного провожатого или ходить в кусты всем коллективом.

В тропиках темнеет очень быстро. За время короткого разговора небо стало темно-синим. Кусты возле пещеры казались черным зевом ночи, и оттуда доносились шорохи, треск, шуршание и даже вздохи таившихся там существ, враждебных обнаженным ученым.

Не-све-лю не нашла себе отважного провожатого и, пользуясь темнотой, совершила свой туалет у стены пещеры, подальше от размышлявшего о компьютере Ут-пя.

Благодарный По-из еще в сумерках нарвал на склоне травы и соорудил себе во внутреннем зале пещеры относительно мягкую постель. Лю-ба последовала его примеру, остальные же были заняты иными проблемами — спорами о будущем, жалобами, рассуждениями и стенаниями — попыткой изобретения огня, планами изготовления рыболовной снасти... Так что темнота застала многих неподготовленными, и, когда пришло время отойти ко сну, По-из почувствовал, как в темноте пещеры вокруг него собираются коллеги, все более ощущающие прохладу подземного убежища и охваченные страхом провести ночь в одиночестве. И потому добрый По-из сказал:

— Давайте опять спать в обнимку — у меня здесь много травы, а если Лю-ба соединит свою постель с моей, то всем хватит.

Пришельцы потянулись к переводчику По-изу и вскоре уже лежали клубком, как и в первую ночь.

Правда, ничто не повторяется в точности. Вчера их заставляли сжиматься в клубок тесные стенки ниши, в которой они затаились, сегодня же они лежали на плоском полу, кое-как прикрытом травой. Вчера царил такой холод, что зуб на зуб не попадал, сегодня же было прохладно, но терпимо. Вчера никто не смел шелхнуться и покинуть клубок тел, сегодня же время от времени кто-нибудь поднимался и уходил к выходу из пеще-

ры, потому что у всех наевшихся зеленых бананов и орехов с непривычки испортился желудок.

К тому же голод мучил людей так сильно, что Ут-бе-бе, например, жевал травинки, которые составляли их ложе, и не мог заснуть, капитану же так явственно снился ужин в родительском доме, что переводчица Лю-ба проснулась и чуть не захлебнулась слюной от этих очевидных мыслей.

Более зрелую и умудренную Не-лю мучили мысли о бесславном завершении жизни. В свое время, отправляясь в рискованную экспедицию, Не-лю с готовностью согласилась на жестокое условие — самоубийство в случае провала или опасности разоблачения миссии. Она приняла это условие, как человек принимает мысль о собственной неизбежной смерти. Да, это случится в каком-то будущем.

Когда же оказалось, что перст судьбы направлен ей в сердце, все в Не-лю взбунтовалось против необходимости оборвать цветение собственной жизни в момент, когда она лишь достигла своей вершины. Смерть из невятной и далекой угрозы превратилась в конкретный образ — шаг к пропасти, и тебя нет... И в тот момент инстинкт самосохранения оказался сильнее высших соображений преданности планете и государству. Подвиг совершается в момент самозабвенного движения, но не в момент рассуждения, что выбрать — послушание или жизнь.

Так рассуждала Не-лю, лежа на жесткой траве, чувствуя затекшим боком прикосновение холодного камня и понимая, к собственному удивлению, что она счастлива — счастлива выбором, который заставляет ее теперь испытывать холод и голод, укусы комаров и боль в сбитых ступнях — это же и есть продолжение жизни! Это победа ее выбора над слепой волей холодных сердцем чиновников.

И еще ничего в жизни не закончилось — главное, что с этого момента она свободна и никому свою свободу не уступит. Пускай ей осталось прожить год, месяц, неделю — но прожить на свободе!

Улыбаясь в полусне сквозь слезы, женщина теснее прижалась к спине капитана Ут-дирека и, преисполненная нежности, прикоснулась горячими губами к его шее. Капитан удовлетворенно хмыкнул во сне — ему снилось что-то приятное.

* * *

Утро, туманное, прохладное, сырое, низвергло путешественников на еще более низкую ступень отчаяния. Белая вата ползла по площадке перед пещерой, от сырости было зябко, а

к реке спуститься трудно, потому что туман в глубине ущелья был гуще.

Лю-ба проснулась раньше других и лежала, досматривая вместе со своими спутниками их утренние сны. Она намеревалась, как только станет совсем светло и поднимется солнце, отправиться на поиски фруктов. Но густой туман заставил ее замереть на краю площадки.

Вскоре к ней присоединился По-из, которому тоже не спалось. Они молча стояли и смотрели на текущее перед ними молоко, им не надо было обмениваться словами, чтобы понимать друг друга.

Как известно, на Доме переводчики (телепаты) чаще всего вступают в браки между собой. И, несмотря на некоторое неудобство постоянного знания того, что творится в голове твоего партнера и прозрачности для него твоей собственной головы, такие браки обычно прочнее, чем браки между переводчиками и обычными людьми. И неудивительно, что По-из, еще перед отлетом познакомившись с новой молодой и способной переводчицей и при том привлекательной девушкой, сразу подумал, что она может подойти ему в качестве подруги жизни.

— Еще один такой день, — сказала Лю-ба, — я не могу переносить мучения других людей. Они же умрут с голода, а я вынуждена буду умереть с ними вместе.

— Неужели тебя не учили, как закрывать свои органы чувств от воздействия чужих волн?

— Мы проходили это в школе, — ответила Лю-ба. — Но я такая трепетная, что все равно чувствую...

— Не беспокойся, — сказал По-из, кладя руку на обнаженное плечо своей младшей коллеги, и та отпрянула в удивлении.

— Что вы имеете в виду?!

— Ты побледнела, — сказал По-из. — Ты еще так молода и наивна. У тебя никогда не было мужчины...

— Мне еще не назначили мужа, — согласилась Лю-ба.

— Теперь ты выберешь его сама.

— Кого захочу?

— Кого захочешь — из нас.

— Нет! — вырвалось у девушки. — Я надеюсь, что здесь есть другие мужчины.

— К сожалению, ты не сможешь найти счастья с чужим. Я тебе это гарантирую.

По-из не считал нужным скрывать свои вполне земные желания от девушки. Но облакал их, опытный соблазнитель, в ту-

ман, подобный тому, что струился у их ног. И Лю-ба понимала опасность, но в опасности была запретная сладость... Она даже забыла о голоде.

Лю-ба нечаянно взглянула на ступни По-иза, а оттуда взгляд ее скользнул выше, по его ногам... Нет, это немыслимо!

Но Лю-ба не успела ничего сказать и даже не успела упасть в обморок, потому что сначала По-из, а через две секунды и она сама почувствовала и услышала, как к пещере идет некто совсем чужой. Но разумный.

Они начали отступать под навес пещеры... И тут-то Лю-ба лишилась чувств.

По-из растерянно склонился над ней, стараясь поднять ее и унести, но не успел, потому что как раз в этот момент из тумана вышел старший унтер-офицер Сато.

Старший унтер-офицер Сато

Семья, к которой я принадлежу, занималась крестьянским трудом. Однако низкое происхождение никогда не мешало мне иметь высокие идеалы. В школе я принадлежал к обществу Вишневого бутона и воспитывался в духе преклонения перед волей императора. Я поднимал дух бусидо и зачитывался приключениями ронинов. Я намеревался после школы поступить в военное училище, потому что шла великая война и войска империи проливали кровь для создания Великой Азиатской сферы сопроцветания. Однако плохое зрение и залеченный в детстве туберкулез не позволили мне стать летчиком и, поднявшись с палубы авианосца, взять курс на американские линкоры в Пёрл-Харборе. Я смирился с жизненным поражением и продолжал тренировать свое тело и дух. Я был убежден, занимаясь военной подготовкой на пыльном поле за школой в нашей деревне, что моя жизнь будет нужна императору.

Меня мобилизовали в армию в марте 1943 года в возрасте 18 лет. До этого я, помимо обучения и активного участия в деятельности общества Вишневого бутона, регулярно дежурил в отряде противовоздушной обороны. У меня была невеста, однако имени ее я не помню.

В качестве солдата я был направлен сначала в Сайгон. Командиром моей роты был первый лейтенант Камико, а командиром взвода лейтенант Имада. В течение первого года моей службы я участвовал в трех операциях по борьбе с партизанами. Я был в роте на хорошем счету, потому что, несмотря на относи-

тельно слабое здоровье, я всегда выполнял приказы командования, не щадя себя, и проявлял верность императору и любовь к командирам.

В начале 1944 года наш полк был направлен в Бирму, где мы участвовали в араканской операции и отразили английское наступление. Я был ранен, но остался в строю. Мною были убиты три английских солдата. Летом 1944 года я был произведен в младшие унтер-офицеры. В то время ходили слухи, что нас направят на острова в Тихом океане, где шли тяжелые бои и где решалась судьба Великой сферы процветания. Однако нас перебросили в Лигон. В Лигоне было тихо. В то время он еще был тылом. Я был направлен на железную дорогу, которую строили английские и голландские пленные. Там был очень тяжелый климат, и многие болели дизентерией. Мне пришлось участвовать в одной акции против деревни, в которой находили себе кров и защиту некоторые враги нашей империи. Я делал это с удовлетворением, потому что около той деревни в засаде погиб мой друг, имени которого я не помню. Мы сурово отомстили за него. Мы стояли у двух выходов из деревни, и, когда другие поджигали дома, мы стреляли в тех, кто пытался убежать. Если бы меня спросили, чувствую ли я раскаяние, я бы ответил, что высшая справедливость требует идти на ограничения излишней совестливости. Совесть опасна в бою. Я убежден, что беда японской императорской армии заключалась в излишней мягкости в борьбе с противником. Будь наши противники больше напуганы, они бы скорее сдались и в конечном счете пролилось бы меньше крови, как японской, так и крови наших противников.

Вы полагаете, что за все эти годы я стал диким зверем, лишенным умения думать, подобно детям, возвращенным волками. Я убежден в том, что я не озверел. Но у меня была возможность долго и много думать. Я понял, что в этом мире лишь разумная жестокость может принести мир и спокойствие. Любое послабление ведет к появлению различных мнений, а наличие различных мнений приводит к беспорядку и, следовательно, к междоусобной грызне и гибели как людей, так и самой идеи. Я убежден, что если бы мою точку зрения разделили тысячи и тысячи солдат и офицеров императорской армии, то наша закалка, умение переносить трудности, невыносимые для обычных людей, позволили бы нам создать новую армию, перед которой, как жалкий тростник, склонились бы наши враги. На этом я заканчиваю свои рассуждения и перехожу к описанию событий моей жизни.

В августе 1945 года после тяжелых боев в долинах Лигона наш

полк был отведен на отдых и переформирование в горные восточные области страны. Мы получили две недели отдыха, в которых очень нуждались. Наша часть стояла на окраине городка Танги, и мы могли выходить в город. Английские войска имели преимущество в технике и боевой силе, в то время как американский флот перехватил инициативу на коммуникациях в океане. Однако мы с уверенностью смотрели в будущее, потому что понимали, что боевой дух нашей армии и секретное оружие, над которым трудились японские ученые, помогут нам преодолеть временные трудности. Должен сказать, что в нашей части не все, к сожалению, разделяли мою точку зрения, однако наши командиры отличались мужеством и не переставали вливать в нас уверенность в окончательной победе. В те дни у меня произошел конфликт с младшим лейтенантом Макино. В частной беседе лейтенант Макино разговаривал со мной и еще двумя унтер-офицерами нашей роты о том, что война проиграна и наша империя должна будет долгие годы расплачиваться за преступления самураев и генералов. Я единственный из присутствующих резко возражал младшему лейтенанту, несмотря на то, что он был мой старый боевой товарищ. Я понимал, что его речи вызваны усталостью и упадком боевого духа. Будь я гражданским лицом, я бы забыл об этом разговоре, но я понимал, что в часы тяжелых испытаний речи младшего лейтенанта Макино могут оказать деморализующее влияние на боевой состав роты. Поэтому я решил в свободный день посетить штаб военной полиции — кемпетаи и посоветоваться там с кем-либо из офицеров.

В ближайший же выходной я выполнил свое намерение. Уйдя в увольнение, я сказал моим товарищам, что намерен посетить гарнизонный публичный дом, но на самом деле такого намерения у меня не было.

В кемпетаи меня провели к полковнику — командующему окружной полицией, и я сообщил ему о нашем разговоре в роте.

Лейтенанта Макино в тот же день взяли в кемпетаи. Вскоре он был допрошен и расстрелян как предатель. Я полагаю, в батальоне никто не узнал о моем визите в кемпетаи, хотя кое-кто догадывался. Когда через две недели мы вернулись на фронт, в первом же бою кто-то стрелял мне в спину, но промахнулся.

Тяжелые бои, начавшиеся после того, как мы вернулись на фронт, проходили вдоль горного хребта, который мы оседлали, выкопав вдоль гребня индивидуальные окопы. Погода была плохая, шли дожди, в окопы налилась вода, с деревьев все время срывались тяжелые капли. Я знал, что это мой последний бой, потому что за нашими спинами было большое длинное озеро,

которое мы не могли бы переплыть, а английские войска превосходили нас числом и у них было много самолетов, тогда как наших самолетов уже не было. Англичане начали наступление на рассвете после артиллерийской подготовки. Нам удалось отразить атаку англичан, так как у нас оставался пулемет. Однако потери у нас во взводе были велики. Тем не менее я должен сказать, что в ходе всего боя я ощущал воодушевление и подъем духа, несмотря на голод и усталость.

Ночью к нам на гребень вышел четвертый взвод под командой унтер-офицера Аоки. Аоки был похож на школьника. Он извинился, что пришел так поздно. Теперь в общей сложности на гребне стало тридцать шесть человек. Примерно в девять часов утра я услышал отдаленные команды на английском языке. Пули ударялись в землю вдоль линии окопов. Я выкрикивал по очереди имена моих солдат, и каждый, кто был жив, отвечал мне криком: «Хай!». Потом я закричал, что, если англичане подойдут ближе, можно кидать гранаты. Наконец я увидел в просветах между кустами отдельных вражеских солдат. Я закричал: «Третий взвод! Прикрепить штыки! Приготовить гранаты!» Издалека сквозь шум боя до меня донесся тонкий голос Аоки: «В атаку!» Я увидел, как юный командир взвода вскочил на ноги. Я испугался, что мои солдаты поддадутся его порыву, и закричал сам: «Третий взвод, оставаться на местах!»

Юный Аоки упал, а те его солдаты, что остались живы, вернулись и спрятались в такоубо. Я слушал, как плещет вода от падения их тел. Англичане были совсем близко, и до меня доносились их голоса. Мы стреляли и кидали в них гранаты. Но они все равно приближались. К счастью, в этот момент в дело вступили три горные пушки, которые были подняты на руках на гребень. Англичане растерялись и покатились назад. Командир роты лейтенант Яхино выбежал вперед и приказал идти в штыки. Мы побежали за ним. Крутом были только мертвые англичане. Я вернулся на вершину гребня, где нашел командира роты лейтенанта Яхиру и доложил ему о действиях взвода, от которого осталось четыре человека. Лейтенант сказал: «Спасибо вам, старший унтер-офицер Сато за то, что вы испытали такие трудности». Я как сейчас помню его голос. Там же был и батальонный командир, который имел с собой список заслуг, на первой странице которого он записал мое имя. Это было большой честью для пехотинца и называлось «цветком мечты».

Ночью вновь начался обстрел наших позиций из минометов. Неподалеку от меня разорвалась мина, и я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, была уже глубокая ночь. Я услышал невдалеке голоса англичан. Было тихо, и голоса звучали мирно.

Сквозь заросли я увидел огонь костра. У меня очень болела голова, онемела и не гнулась рука. Нога тоже была ушиблена. Я пополз к огню, надеясь, хоть и не было к тому оснований, что у огня я увижу своих товарищей. Я ошибся. У огня сидели англичане. Они разговаривали так, словно были на прогулке и никого не боялись. Мне захотелось расстрелять их из автомата, и только тогда я понял, что безоружен. Может быть, автомат я потерял, когда меня отбросило взрывом, а может быть, его сняли с меня, решив, что я мертвый. Я почувствовал сильный голод, так как вторые сутки ничего не ел, а от костра вкусно пахло.

Англичане долго ели, а потом стали петь песню, и я подумал, что, наверное, наши отступили далеко, иначе бы англичане не смели петь. И только тогда я вспомнил, что за гребнем идет крутой обрыв к озеру и отступать нам некуда. Может быть, решил я, подоспели плоты и эвакуировали нашу часть?

Наконец англичане кончили ужинать и разошлись по палаткам, которые они поставили на площадке на склоне. Один из них, который был дневальным, взял кастрюлю и вылил из нее суп в кусты. Я готов был его убить. Потом он ушел спать, а я пополз к догорающему костру. Я помнил то место, куда англичанин вылил остатки супа. Я испытывал ненависть к англичанам, которые выбрасывают пищу в то время, как солдаты императорской армии вынуждены голодать. Я готов был всех задушить, но испытывал боль и дурман в голове. Я думал, что как-нибудь подкреплюсь, а потом украду у них оружие и всех их расстреляю. Но, когда я залез в кусты и шарил руками по черной траве, чтобы найти объедки, близко раздался голос англичанина. Я совсем забыл о часовом, которого они все же оставили, и он услышал, как я роюсь в кустах. Я замер, а англичанин выпустил очередь из автомата по кустам. Остальные начали вылезать из палаток и спрашивать, что случилось.

Когда все утихло, мне удалось уползти подальше от английского лагеря. Затем я перебрался через хребет. С некоторой печалью я поглядел на такоцубо, в котором провел два дня. Окопчик был до половины полон водой. Мне пришли в голову такие строки:

Желтый лист плавает в черной воде.

В этом пруду утоплены мои надежды.

Но мне некому было сказать эти строки. И не на чем их записать. Я спустился дальше, к озеру, которое было разрезано серебряным следом луны. Я шел осторожно, потому что здесь могли встретиться английские солдаты. В темноте я споткнулся о распростертое тело. Я наклонился и узнал своего солдата Оцуки, которого еще вчера видел живым. Недалеко от воды в естественной нише распо-

лагался штаб батальона. Сюда светила луна. Я увидел три или четыре тела. В глубине лежал труп майора — командира батальона.

Я пошел на север вдоль берега озера, скрываясь в чаще и надеясь, что выйду к шоссе на город Танги, который еще, наверно, удерживается нашими частями. Днем мне пришлось залечь в кустах, потому что я случайно попал прямо в центр английского лагеря. Несколько раз я был на волосок от разоблачения. Дождя не было, меня мучила жажда, но голод несколько утих. Следующей ночью я вышел к шоссе, по которому шли на восток английские машины. И тогда я понял, что мой долг — вести войну так, словно я остался в рядах императорской армии. Через день я отыскал пистолет и к нему обойму. Из этого пистолета я застрелил одного лигонца в деревне, когда он сдирал с флагштока японский флаг, и потом мне пришлось три дня, как зверю, скрываться в лесу, а они охотились на меня, как загонщики. Я научился находить съедобные корни, похищать с полей ямс и из садов бананы и манго. Я убил за эти месяцы двух оставших англичан и потому был хорошо вооружен. Но с началом сухого периода мне пришлось уходить дальше на север, в глухие места, потому что с деревьев спала листва и меня легко было найти. А обо мне в тех местах уже знали и боялись меня, ненавидели и хотели поймать. Я стал как маленькая армия, грозная и неуловимая. Несколько раз я пытался сворачивать к востоку. Но, как я ни прислушивался, артиллерийская канонада затихла, и я понял, что меня отделяют от моих товарищей десятки, а может, и сотни миль. Я не знал судьбы моей страны, но я был убежден, что до тех пор, пока я стою на своем посту, Великая сфера сопроцветания существует и слава японского оружия распространяется на Лигон.

Человек привыкает ко всему — к плохому и хорошему. Он привыкает к новой жизни, и она идет не медленнее, чем обычная. Иногда я думал, был бы я счастливее, если бы вернулся в Японию? Я не знаю. Я был воспитан для того, чтобы выполнить свой долг. И по крайней мере здесь, в глухих местах, я его выполнял. Я не был пешкой, ничтожеством, я, как один из сорока семи ронинов, мстил за своего микадо, потому что думал, что, если нас победят, микадо будет унижен и уйдет из этого мира.

Я вел счет месяцам, потом годам по сезонам дождей и по сухим месяцам. Мне не нужно было огнестрельное оружие — зачем привлекать чье-то внимание выстрелами, — хоть оно у меня и было. Мне верно служил штык, похожий на широкий нож...

Иногда долиной реки по тропе проходили контрабандисты. Если их было много, я их не трогал. Если же я видел одинокого путника, я его мог и убить. Это случилось трижды за эти годы.

Я несколько раз сильно болел и немного потерял ловкость движений, но в общем в горах был здоровый климат, я ел сырую пищу и потому сохранил силы. Я был уверен, что обязательно наступит день, когда я услышу отдаленную канонаду с востока, над моей головой пролетит истребитель с красным кругом на крыльях, и я встречу моих товарищей.

ВОПРОС: Неужели за все эти годы вы не имели сведений о том, что происходит в мире?

ОТВЕТ: Я не хотел об этом знать. Мир — внутри меня, мир создан мной. Другие люди ошибаются.

ВОПРОС: Вы не знали, что Япония признала свое поражение и свою неправоту в мировой войне?

ОТВЕТ: Я повторяю, что поражение в войне Япония потерпела в каком-то другом мире. В моем же она подвергла меня испытанию одиночеством. Когда я выдержу его, она призовет меня к себе.

ВОПРОС: А если этого не случится?

ОТВЕТ: Это не так важно. Значит, это случится в будущем рождении. Я приду в мир Спасителем, Боддисатвой. Для меня нет законов, кроме тех, которые я сам устанавливаю.

ВОПРОС: Если вы считаете себя Спасителем, Боддисатвой, значит, стремитесь к миру, к добрым стараниям.

ОТВЕТ: Вы решили, что я буддист? Нет, я не принадлежу ни к какой религии. Я — Чакравартин, повелитель Вселенной. Я приведу мир к законам, установленным мною.

ВОПРОС: Что это за законы?

ОТВЕТ: Вы все время стараетесь подтолкнуть меня к ответам, которые вам нужны. Не я подчиняюсь законам кармы, а карма подчиняется мне.

ВОПРОС: Значит ли это, что более двух десятилетий, когда вы таились от людей, скрывались в чаще, боясь показаться жителям гор...

ОТВЕТ: Я никогда никого не боялся, я всегда был верен закону бусидо — самурайской чести. Но я знал, что мой день еще не наступил и потому был хитер и молчалив, как летающая змея.

ВОПРОС: И тем не менее вы скрывались в чаще. Вам пришлось нелегко?

ОТВЕТ: Это не так. Я привык к одиночеству, я привык ждать. Я не чувствовал ни в чем недостатка, потому что лес может прокормить умного и сильного человека, который умерен в своих потребностях. В течение этих лет я сменил несколько жилищ. Как правило, это были пещеры, сухие, близкие к воде. Если не спешишь, то всегда найдешь такую пещеру.

ВОПРОС: А если ее нет?

ОТВЕТ: Даже в самых отдаленных и забытых ущельях гор можно найти развалины покинутого старинного монастыря или постоялого двора, а то и крепости. Человеку легко затеряться — я умею сливаться с лесом и землей, я часть этого мира. И его хозяин.

ВОПРОС: Такое жилище у вас было в долине Пруи?

ОТВЕТ: Да, в долине Пруи я нашел хорошую пещеру и оборудовал ее. Я решил, что буду жить в ней долго.

ВОПРОС: Не угрожали ли вам дикие животные?

ОТВЕТ: Все животные знали, что я хозяин леса. Они боялись меня.

ВОПРОС: А люди?

ОТВЕТ: Люди плохо ходят по диким горам. Если они появляются в моих краях, я их чую за милю. Даже горцев.

ВОПРОС: Значит, вы их не боялись?

ОТВЕТ: Зачем бояться, если они мне помогали.

ВОПРОС: Как они могли вам помочь?

ОТВЕТ: Они того не желали. Ведь я люблю хорошо поесть. Для этого недостаточно дичи и рыбы, фруктов и овощей, которые даст лес. Я совершал набеги на деревни. Например, у меня был припрятан мешок с рисом, который я взял во время похода в деревню племени Фан. Это был далекий поход, но он оправдал себя с военной и тактической точки зрения.

Мне удалось взять там соли, в которой я всегда испытывал недостаток, и других продуктов, которыми хотел себя побаловать.

Утром, когда я перетащил часть добычи на холм, от которого я намеревался идти к перевалу, я увидел, как одна молодая девушка отправилась в лес собирать грибы как раз в мою сторону. Во мне возникло желание.

Я бросил свои вещи в кустах и преследовал ее так, как преследовал олениху, стараясь ничем не выдать своего присутствия. И я должен сказать, что мой опыт войны в лесу и жизни в горах приучил меня передвигаться по лесу так же бесшумно, как летучая мышь, и так же быстро, как олень мунжак. Я следил за ней, и мое желание росло. Я даже не подозревал, что оно будет таким всеохватывающим. Это была молодая девушка, горянка, на ней была короткая, сшитая из одного куска черная юбка, распахнутая блуза, черная же накидка и еще, помню, ожерелье из серебряных монет. Волосы были убраны под синий тюрбан, и оттого ее широкие скулы выдавались еще больше. Корзинка была приторочена к спине. У нее были короткие толстые ноги. Я шел за ней, и она не чувствовала моего присутствия, а потом

она остановилась и наклонилась, чтобы сорвать гриб. Там было много грибов, они росли, покрывая собой всю поляну. Я подумал, что на будущее я буду знать, что эти грибы можно есть. Я не собирал грибы, потому что боялся отравиться. Когда я понял, что мы отделены от деревни лесом и холмом и ее криков никто не услышит, я спокойно вышел на поляну и пошел к девушке, но она увидела меня и сразу все поняла, потому что кинула корзину и бросилась бежать.

Наконец я нагнал ее, она стала отбиваться. Может быть, я бы не сделал ей ничего, но она отбивалась, и мои руки почувствовали, что она слабая упругая женщина. Я много лет не знал женщины, но желание войти в женщину во мне никогда не пропадало.

Когда я сорвал с этой дикарки юбку, она перестала бороться со мной и была покорна. Я вошел в нее, и это было сладко. И я подумал, почему я не делал этого раньше? Почему я позволил себе думать, что женщины гор — всего-навсего животные? Эта девушка не была животным. Она была очень напугана и старалась сделать мне как можно лучше, чтобы я к ней хорошо относился. Я подумал, как хорошо бы оставить ее мне навсегда. Она бы заботилась обо мне и готовила пищу.

ВОПРОС: Что вы сделали потом?

ОТВЕТ: Я был вынужден убить девушку, потому что людям нельзя верить. При первой возможности она бы убежала в свою деревню, и меня бы выследили и убили. Я не хотел ее убивать. Потом я закопал ее в землю, я сделал настоящие похороны, как делают в ее племени. Я хотел, чтобы дух этой девушки был спокоен и не преследовал меня. Потом я ушел из того ущелья, потому что охотники стали бы искать пропавшую девушку и выследили бы меня.

ВОПРОС: Вам приходилось еще кого-нибудь убивать недавно?

ОТВЕТ: За последние месяцы я убил только одного человека. Я думаю, что это был вор с рубиновых приисков. Он остановился на ночь в моем ущелье. Я испугался, что он найдет мое убежище. Я его убил. У него был пистолет с патронами, который мне пригодился, а также мешочек с рубинами.

ВОПРОС: Это случилось задолго до встречи с голыми людьми?

ОТВЕТ: За несколько дней до этого.

ВОПРОС: Расскажите немного о встрече с голыми людьми.

ОТВЕТ: В ту ночь я ночевал не в пещере, а выше в горах. Я не спешил возвращаться в мою пещеру, потому что меня тревожило появление в тех краях солдат. Раз два над долиной пролетел вертолет. Что-то солдатам было нужно в моем

царстве. Я знал, что они мне не опасны, но все же решил быть осторожным. В лесу, высоко в горах, я увидел олененка, потерявшего мать. Я долго преследовал его, потому что захотел его мяса. Только поздно вечером я его затравил и убил. Я напился его крови и съел его мяса.

ВОПРОС: Вы не готовили себе пищу? Не варили, не жарили ее?

ОТВЕТ: Во-первых, это опасно — дым виден издали. Во-вторых, в сыром мясе и крови много витаминов, а мне надо поддерживать себя в боевой форме — я не могу стать слабым. Поэтому и мясо, и рыбу я ел только сырыми. На рассвете я поднялся, разделал тушку, взял с собой язык, печень, задние ноги и пошел к своей пещере. Был туман.

Я вышел из кустов к пещере и увидел, что у входа в нее стоят два дикаря, вернее, дикарь и дикарка. Совершенно голые. И что-то шепчут на своем диком языке.

Они кинулись в пещеру, в мою пещеру! Молодая девушка лишилась чувств, а старый тащил ее, словно надеясь спрятать от меня. Это было комическое зрелище!

ВОПРОС: И вы не стали их убивать?

ОТВЕТ: Не было смысла их сразу убивать

* * *

Старший унтер-офицер Сато не спешил войти в пещеру.

Он неподвижно стоял под навесом, каждой клеткой тела прислушиваясь к тому, что происходило внутри пещеры, как бы незримо присутствуя там — его слух и прочие первобытные чувства обострились за десятилетия жизни в лесу настолько, что он мог сравниться с диким зверем.

А в пещере были и еще люди — несколько человек. Они были испуганы и переговаривались на непонятном языке. Но вот вопрос: было ли у них оружие? А то сейчас всадят в него из темноты очередь... Да, ты становишься беспечным, унтер-офицер Сато. Ты уже привык, что стал господином маленького на карте, но в действительности гигантского просторного мира, тебе на самом деле и не нужна уже ни Япония, ни Лигон — твое величие соразмерно лишь с горами и шумом лесов.

И тогда, удивляясь собственной уверенности, Сато сделал шаг в сторону, чтобы не стоять на пути возможных пуль. Он положил ладонь на рукоять ножа — отличного армейского штыка, который служил ему столько лет.

У Сато было настоящее оружие — карабин и пистолет. Кара-

бин он нашел давно в блиндаже высоко в горах. Там в сухости и хрустальном воздухе он пролежал несколько лет после войны рядом со скелетами трех англичан, которые защищали этот блиндаж в 1942 году и не ушли оттуда живыми. Там же Сато взял плоскую английскую каску, которая пригодилась как миска, и много патронов. Надо бы взять больше, но ведь тогда, двадцать лет назад, Сато не знал, что останется здесь надолго. И еще у унтер-офицера был пистолет, совсем новый, недавно взятый у убитого контрабандиста вместе с красивыми рубинами. Но и карабин, и пистолет лежали далеко внутри пещеры, в тайнике. Сато никогда не ходил на охоту с огнестрельным оружием — звук выстрела мог выдать его.

Простояв неподвижно с минуту, Сато начал продвигаться к входу в пещеру, прижимаясь спиной к скале.

Он замер, когда следующий шаг должен был вывести его на открытое пространство, все еще не в силах решить, как выманить дикарей поодиночке, чтобы можно было их при нужде зарезать. Его мысли смогли проникнуть в пещеру и добраться до сознания чуткой Лю-бы. Она тут же передала, что слышала, По-изу.

— Он один, — сказал По-из остальным. Говорил он беззвучно, не размыкая губ, посылая свои мысли непосредственно в мозг. Такое общение допускалось лишь в случае острой нужды, иначе считалось на Доме неприличным. — Он один. Он вооружен ножом. Он думает, что мы можем на него напасть, и потому хочет нас убить.

— О небо! Еще этого не хватало! — мысленно возопила Нелю. — Кто только не желает моей смерти!

— Он остановился, думая, как выманить нас, — продолжал По-из.

— Кто он? — спросил капитан. — Является ли он представителем властей? А если является, обычно ли в их стране сразу убивать незнакомцев? Возможно, здесь просто недоразумение? Может быть, он ожидает от нас каких-нибудь пропусков или удостоверений?

— Вы предлагаете, чтобы я с ним заговорил? — спросил По-из.

— Очевидно, у нас нет другого выхода.

— К тому же в крайнем случае мы с ним расправимся, — заявил Ут-бе-бе. — Нас много, а он один. И отнимем у него нож. Нож нам пригодится.

Ут-бе-бе уловил восхищенный взгляд Не-све-лю. Красавица любила решительных мужчин. Ее возлюбленный Ут-мгн даже отсидел несколько лет за вызывающий переход улицы в неположенном месте.

— Прекратите нести чепуху! — оборвал молодого человека капитан. — Мы не знаем, как он связан с местными властями,

сколько людей ждут его и какие беды обрушатся на нас, если мы не проявим лояльности.

— К тому же, — заметила умудренная Не-лю, — может быть, он не такой плохой. Если его не пугать, он может стать нашим спасителем.

И эта мысль всем понравилась.

— Иди, — приказал капитан переводчику По-изу.

Тот сделал несколько шагов навстречу старшему унтер-офицеру, и тот услышал, вернее, ему показалось, что он услышал, тогда как на самом деле он уловил мысль:

— Простите, пожалуйста, но мы не желаем вам зла.

Сато не шевельнулся. Он теперь думал не так быстро, как раньше. Он понял, что они с ним разговаривают. Но он никак не мог различить, откуда донесся голос.

В пещере царила мертвая тишина. Лю-ба передавала слова По-иза остальным.

— Кто ты? — спросил наконец Сато. Он стоял, прижавшись спиной к стене, и держал нож перед собой.

— Меня зовут По-из, — ответил переводчик. — Мы никому не причиняем вреда. Мы чужие здесь и рады, что встретили человека.

— Чужие? Откуда вы, чужие?

— Мы спустились по реке с гор.

— Из Китая?

По-из не знал, что такое Китай, и не мог получить о нем информации из головы Сато, поэтому спорить не стал.

— Чего вам тут нужно? — спросил Сато. — Зачем вы забрались в мою пещеру?

— Нам было холодно. Мы искали дом.

— Сколько вас?

— Нас семеро.

— Какое оружие? — спросил Сато.

— У нас нет оружия.

— Так не бывает. Вы идете по горам без оружия?

— Мы попали в беду. У нас ничего не осталось.

— Выходи на открытое место, — приказал тогда Сато. — Один выходи. Руки держи перед собой.

По-из подчинился. Он вышел из пещеры, вытянув вперед руки.

Туман рассеялся, но солнца еще не было — стояла светлая теплая мгла.

— Стой! — приказал Сато.

Он рассматривал дикаря. Дикарь рассматривал унтер-офицера и передавал информацию о нем внутри пещеры.

Сато увидел человека выше среднего роста с темной, не загорелой, не бронзовой, не красной, а просто темной кожей, какой бывает стоячая вода в глухой тени. У него были большие глаза, зрачки которых были светлее кожи, и волосы светлые, возможно, седые. Волосы были короткими и странно подстрижены ежиком на затылке, но спереди падали на лоб.

Человек этот был совершенно голым. Такого Сато раньше не видел. Он знал, что в горах водятся дикие племена. Он видел сам и нага, и голубых фанов, и танги-циней, женщины которых ходили обнаженными по пояс, а мужчины лишь в набедренных повязках. Но они компенсировали недостаток одежды избытком бус, колец, браслетов и других украшений. А этот был голым. И, более того, он, что не свойственно дикарям (правда, Сато об этом не подумал), стеснялся своей наготы и старался опустить руки так, чтобы закрыть некоторые части своего тела.

По-из же смотрел на сухого, морщинистого, высохшего человека без возраста, с длинными гладкими черными волосами, забранными сзади в пучок, в рваной брезентовой куртке с оторванными рукавами и коротких штанах.

Разумеется, По-из не мог предположить, что этот человек не происходит из этих краев, а родился и вырос далеко за морем, что попал он сюда по приказу его соотечественников, чтобы захватить эту страну.

Он видел человека и знал, что от него исходит опасность, злоба к тем, кто открыл его убежище (дом? нору?). Но многие мысли и соображения старшего унтер-офицера Сато были переводчику непонятны ввиду сильных различий между этими культурами и того, что цивилизация Дома обогнала земную на несколько столетий.

— Выходи вперед, — приказал Сато, — руки над головой!

По-из с удивлением заметил, что пришедший опасается, нет ли у него оружия, хотя не понимал, как можно скрыть оружие, если ты совершенно раздет. О чем он и сообщил старшему унтер-офицеру.

Менее всего Сато ожидал услышать японскую речь из уст голого дикаря. У него даже мелькнула мысль, не встретил ли он остатки еще одной скрывающейся в лесах японской части, побносившейся больше, чем он сам.

— Вы откуда? — спросил он переводчика.

— Мы живем там, — сказал По-из и, почувствовав недоверие в мыслях Сато, неопределенно повел рукой вокруг себя, признавая этим, что живет не в этом ущелье.

— Ты японец? — спросил Сато.

По-из видел, что в собеседнике возникла радостная надеж-

да, но при всем желании укрепить его в ней он не посмел сказать неправду и ответил, не разжимая уст, что он вряд ли может считать себя японцем, потому что не знает, кто такие японцы.

И только тут Сато заметил, что По-из говорит с ним, не раскрывая рта, как чревовещатель на ярмарке, и это окончательно убедило Сато, что надежда на встречу соотечественников провалилась.

Сато решил пока отложить вопрос о происхождении пришельцев и приказал:

— Выходите и выстраивайтесь у стены! — Сато сделал шаг назад, чтобы при необходимости скорее убежать.

По-из мысленно позвал своих товарищей, и те стали выходить из пещеры.

Сначала, разумеется, вышел капитан.

Хоть бы какую-нибудь тряпочку надел на чресла, подумал Сато, который сам никогда не позволял себе оголиться и этим сравняться с дикими зверями.

За капитаном последовала Не-лю.

Женщина! Типичная женщина! И не очень старая. И совершенно голая!

Сато стало интересно — кто же выйдет следующим?

Не-лю робко улыбнулась унтер-офицеру. По-из держал товарищей в курсе мыслей Сато. И сообщил, что при виде Не-лю он несколько смягчился.

Ут-пя не вызвал в Сато интереса, зато Ут-бе-бе показался опасным и унтер-офицеру не понравился, о чем По-из и сообщил Утешающему в беде и беспорядках.

В заключение взор Сато был обрадован появлением красавицы Не-све-лю, которая и не могла бы считаться красавицей по строгим европейским или даже лигонским нормам, но здоровьем, молодостью и уверенностью в себе производила сильное впечатление на мужчин разных планет.

Старший унтер-офицер Сато не был исключением*.

* Появление голых людей в долине Прун стало роковым ударом по тем сторонникам уфологии, которые рассказывали нам о зеленых человечках или трехногих кузнечиках. К счастью, восторжествовала теория панспермии, то есть существования во всей Галактике лишь одного вида хомо саппенс — человека разумного. Факт, очевидный и известный с детского сада любому жителю безграничной Галактики, для нас стал открытием по значению не меньшим, чем открытие закона тяготения. Разумеется, в первую очередь он воодушевил представителей различных религий, но и мы, атеисты, теперь можем с презрением отвергнуть всякие домыслы и суеверия и смело заявить: все люди в космосе — братья! Не только по разуму, но и по хромосомам!

Чувства, вспыхнувшие в нем, были настолько очевидны, что вышедшая за Не-све-лю переводчица Лю-ба была готова провалиться сквозь землю, и руки ее жалко металась перед телом, стараясь прикрыть именно те его участки, которые попадали в поле зрения старшего унтер-офицера, хотя эти участки далеко уступали размером выдающимся формам Не-све-лю...

И вот все они выстроились у стены.

И были они смиренны и покорны.

Сато обзрел их и даже прошел перед строем пришельцев, неожиданно для себя ощутив давно забытое чувство младшего командира, проходящего перед строем взвода.

И именно тогда, всего через несколько минут после первой встречи, Сато уже понял, что никуда он не отпустит так неожиданно свалившееся ему на голову племя голых людей и оставит его при себе, потому что ему пришла пора повелевать людьми. Он завершил испытание одиночеством, и за это небо послало ему подданных.

Мысль о собственном взводе вертелась в его мозгу, искала словесного выражения, а между тем старший унтер-офицер все прохаживался мимо строя пришельцев и, как бы разговаривая сам с собой, задавал им вопросы. И ему уже было приятно, что не надо повышать голоса — даже шепот его подхватывался переводчиками.

— Давно идете? — спрашивал он.

— Давно, — отвечал По-из. Ведь не могли они признаться местному жителю в своем иноземном происхождении.

Сато остановился напротив Лю-бы. Он разглядывал ее ноги, слишком нежные и ухоженные, чтобы принадлежать дикарке, и в то же время исцарапанные и исколотые, что говорило о том, что девушке пришлось некоторое время ходить по лесу пешком. Это было странно, и объяснения этому Сато найти не мог. Следовало продолжить допрос.

— А что едите?

— Собираем... срываем...

— Врете, — сказал Сато. — Сейчас не сезон. Сейчас в лесу трудно. А вы гладкие, смотри какие!

Он неожиданно сделал шаг вперед и жесткими, как кость, пальцами схватил и потянул к себе складку жира на животе штурмана Ут-пя.

— Нет, — сказал старший унтер-офицер, — вранье! Брехня! Сознаться, откуда сбежали!

— Мы живем в горах, — упрямо сказал По-из, потому что много ответа они дать не могли.

— Ладно, — сказал с угрозой Сато. — Сегодня же пойдете со мной в лес, покажете, какие грибы, какие ягоды собираете. Если будете обманывать — убью.

— Мы голодные, — сказала умудренная жизнью Не-лю. Она испытывала симпатию к Сато, потому что он был груб и мускулист. Он был хозяином жизни. Парадокс заключается в том, говорила она себе, что он считает нас дикарями, а мы знаем, что он-то и есть настоящий дикарь.

Тут Сато заметил, что не понимает слов зрелой женщины. И обернулся к По-изу. По-из перевел. Сато торжествующе ткнул пальцем в грудь По-изу:

— Ты — японец. Они — дикие.

По-из согласился. Было очевидно, что лучше считаться японцем, чем диким.

— Мы голодные, — повторила Не-лю.

— Идите и возьмите, — ответил Сато. — Как всегда берете, так и сейчас возьмите.

Капитан Ут-дирек, внимательно наблюдавший за старшим унтер-офицером, уже сделал для себя некоторые логические выводы. Он немало времени посвятил изучению пленок и записей, которые были доступны в Галактическом центре, державшем под скрытым наблюдением Землю уже несколько десятилетий, и не забывал о существовании на Земле высокоразвитого общества, летательных аппаратов и атомной бомбы. У капитана были все основания полагать, что человек, вышедший к пещере, не относился к сливкам земного общества, а скорее всего сам дикарь или отщепенец иного рода, не исключено, что и преступный элемент.

Рассуждая так, капитан понимал, что, возможно, несмотря на опасность, проистекающую от контактов подобного рода с преступным элементом, для них, изгоев, в этом есть преимущество — изгой изгой не выдаст. Или по крайней мере не будет спешить с выдачей.

— А вы кто такой? — спросил капитан.

Сато удивился. Вопрос исходил из уст худого мужчины с редкими прилегающими к черепу волосами. Глаза этого человека были посажены так близко к переносице, словно это был один глаз, разделенный перегородкой.

— Здесь вопросы задаю я, — заявил Сато, вспомнивший, как любил выражаться лейтенант Макидо.

И для того чтобы не оставалось сомнений в том, кто здесь главный, он выхватил из-за пояса нож.

Капитан пожал плечами, но по неслышной унтер-офицеру

подсказке эстафету подхватил Ут-пя. Он был глубоко обижен этим дикарем, который посмел дотронуться до его живота.

— Мы вас не звали, — сказал Ут-пя.

— Не дразните его! — воскликнула Не-све-лю.

Сато услышал этот оклик, насторожился, но, естественно, не понял его значения.

— Они правы, — сказал По-из. — Этот незнакомец агрессивен и хотел бы подчинить нас своей воле.

— Мы ему не нужны! — поддержала молодую женщину Не-лю. — Зато он нам нужен. Он нам расскажет, как здесь добывают пищу, он нас всему научит.

— Правильно, — сказал капитан. — Но вы хотите, чтобы он делал это с позиции силы, а мы желаем, чтобы он подчинился нам.

Углубившись в спор, они на несколько секунд забыли о Сато, а тому надоело выслушивать их тарабарскую речь, которую старый переводчик почему-то не хотел переводить на нормальный японский язык. В эти секунды направление мыслей Сато было схоже с рассуждениями капитана. Он тоже желал управлять людьми, но для этого, оказывается, их надо было напугать. А как напугаешь семь человек, если ты один и у тебя только нож?

Это можно сделать, лишь применив неожиданное нападение. И напасть надо на самого главного — на лысого начальника, который заварил эту кашу.

По-из и Лю-ба, отвлекшись на разговор своих коллег, проморгали это решение и движение унтер-офицера.

Он одним прыжком преодолел три шага, отделявших его от капитана, и ловко, мгновенно, словно нож был продолжением его пальцев (как, впрочем, и было на самом деле), он воткнул его острие в глотку капитана, в самое его основание — на сантиметр, не более и полоснул ножом в сторону так, словно намеревался отсечь капитану голову, хотя это, конечно, не входило в планы Сато — ему требовалось лишь испугать дикарей и доказать им, как он силен. Вот и все. И пускай они увидят кровь. Красную кровь. Может, они отвыкли на нее смотреть?

Раз — прыжок. Два — сверканье ножа. Три — капитан отшатывается, не понимая, что произошло. Четыре — алая кровь хлещет из горла капитана... Капитан понимает, что убит, и медленно опускается на камни.

И все понимают, что капитан убит, но никто не понимает, как это произошло.

Сато сделал легкий шаг назад — никогда не подумаешь, что ему за пятьдесят. Нож скользит обратно в ножны.

Капитан, обмякнув, сполз на камни у стены, он в ужасе смотрел на свои пальцы, покрытые кровью. Вздох ужаса прокатился по его товарищам. Все были готовы кинуться ему на помощь, и всех удержала на секунду, на две секунды, на три секунды... на пять секунд грозная неподвижность унтер-офицера Сато, неподвижность змеи перед добычей.

— О, боги! — закричала, не выдержав молчания, Не-све-лю. — Неужели он его убил?

И вот она уже склонилась к капитану.

Капитан смотрел на окровавленные пальцы — никогда в жизни он не видел сразу столько человеческой крови. Вторую руку он прижал к горлу, и между его пальцев медленно протекала кровь.

Остальные тоже придвинулись к капитану, и чем ближе они сходились, тем более ощущали единство, способность к сопротивлению, и к ним возвращалось вполне цивилизованное возмущение диким бесчеловечным актом, который позволил себе этот оборванец.

— Ты его убил! — произнесла Не-све-лю, употребив самое презрительное из обращений, существующих в родном языке.

Сато улыбнулся, показав гнилые зубы.

— Я его поцарапал, чтобы он не говорил лишнего, — сказал Сато.

— Я умираю? — спросил капитан.

— Трус, — сказал Сато.

— Я презираю вас, убийца! — сказал капитан. Ему стало так больно, что спасительная дурнота охватила его, и он потерял сознание.

— Он умер! — ахнула Не-лю.

— Нет, — сказал По-из.

— Ему не угрожает смерть, — сказала Лю-ба, оглянувшись на Сато и не уловив в нем намерения продолжать наказание учеников. — Но ему плохо от голода и страха.

— Переведи! — потребовал Сато, глянув на По-иза. Он не догадался, что Лю-ба тоже переводчица.

По-из повторил слова Лю-бы.

— Правильно, — сказал Сато и прошел внутрь пещеры, чтобы проверить, не спрятался ли там еще кто-нибудь из гостей. Он прошел спокойно, потому что эти голые люди наверняка были собирателями ягод и улиток, а не настоящими людьми. Если они не напали на него сразу, значит, у них нет силы напасть на него потом. Для этого их придется время от времени пугать.

Сато был не совсем прав. Мы не знаем, как бы развивались события дальше, если бы не необходимость для инопланетян со-

хранять тайну своего происхождения. Ведь, придя в себя, капитан сам остановил рвавшегося в бой Ут-бе-бе.

Беда была в другом — кровь не переставала течь, видно, Сато все же задел какой-то важный сосуд. И потому, когда через несколько минут Сато снова вышел из пещеры, он убедился, что голые люди остались на своих местах. По-из обратился к нему с такими словами:

— Человек, вы нанесли незаслуженную рану нашему товарищу. Как вы видите, он истекает кровью. Вы можете стать виновником его смерти. Если у вас есть совесть, вы должны нам помочь.

— Как? — спросил Сато.

Он был искренне удивлен. Он никому не помогал уже много лет и не намеревался этого делать в будущем.

— У вас есть какой-нибудь перевязочный материал? — спросила умудренная жизнью Не-лю.

— Не нужно, — сказал Сато.

Не-лю смело подошла к унтер-офицеру и сказала:

— Вы немедленно поможете нашему... капитану или я никогда в жизни не буду с вами разговаривать...

Она окинула взглядом окруживших капитана пришельцев и добавила:

— И никто из нас не скажет с вами ни одного слова.

Главное — удивить оппонента. Сато мог ожидать чего угодно, но не такой угрозы.

Некоторое время он стоял, прищурив глаза и глядя на женщину, словно хотел пронзить ее взглядом. Но Не-лю выдержала взгляд и даже не сочла нужным прикрыть грудь.

Сато резко повернулся и одним прыжком исчез с площадки перед пещерой.

— Ну, как прикажете это понимать? — спросила Не-лю.

Никто ей не ответил.

— Может, принести листьев? — сказал По-из.

И как бы в ответ на эту фразу Сато вновь появился перед пещерой. В руке он держал охапку длинных бархатных листьев. Он подошел к капитану и протянул их ему.

— Это надо приложить к ране, — перевел его слова По-из. — Кровь не будет идти.

Капитан так ослаб, что Ут-бе-бе, имевший медицинское образование, встал перед ним на колени и приложил листья к ране, прижимая их пальцами.

Сато стоял неподалеку и обстругивал ножом палочку. Мысли его текли так медленно и просто, что переводчики не могли

их уловить. Словно рядом с ними была пустота. Наверное, он был похож на пастуха, тупо глядящего на то, как пасется стадо.

Остальные тоже молчали, поглядывая на унтер-офицера и стараясь осознать очередную перемену в их судьбе. Теперь они зависели от этого загадочного человека, который может напасть на себе подобного без всякой видимой причины, тяжело ранить его и не испытывать никаких угрызений совести. Причем ведь никто не знает, один он здесь или скоро за ним последует целая банда ему подобных.

— Вы здесь один живете? — спросила Не-све-лю. Она не была к нему так сурова, как старшие товарищи.

Сато не ответил. Такой вопрос ему не понравился. Он отошел от пришельцев и уселся, скрестив ноги.

Он сидел к ним в профиль, не показывая, что наблюдает за ними, но и не смея повернуться спиной: все же дикие люди — это дикие люди. С ними надо быть осторожным, если не хочешь, чтобы тебе не перекусили жилу.

Затем Сато снял с плеча домотканую открытую суму — мешок на широкой ленте через плечо, отнятый у горянки, которую он изнасиловал, а потом убил. Сума ему очень нравилась, и к тому же он любил ее нюхать — ему казалось, что она сохраняет запах той девушки.

Теперь он никогда не расставался с этой сумой. В нее он складывал все нужные или вкусные вещи, что встречались в походах и которые следовало приберечь про запас.

Он вынул из сумы два яблока, которые отыскал внизу, затем несколько крупных и вкусных, по мнению Сато, фруктовых улиток. Он давно не ел и потому проголодался.

Рядом с улитками он положил горсть хороших орехов и самую главную добычу — четыре большие сладкие луковицы, каждая с кулак.

Сато размышлял, с чего ему начать трапезу.

Остальные смотрели на него. Ут-бе-бе сказал капитану:

— Сами держите, вам уже легче.

Капитан послушно придерживал листья и тоже смотрел на обед старшего унтер-офицера.

Сато начал с луковицы.

Помимо своей воли пришельцы начали придвигаться к нему. Все они понимали, что Сато не любит их, что он им не друг, что понятия гуманизма ему чужды, что они должны сохранять гордость и взаимовыручку — в ином случае они бессильны... Все они понимали, но вид пищи вызывал слюноотделение и туман в голове.

Не-све-лю первой оказалась возле Сато.

— Это вкусно? — спросила она, и По-из перевел.

— Обыкновенно, — сказал Сато.

— А можно попробовать?

Предложение молодой женщины удивило Сато. Он еще не решил, выгнать их или сделать своими рабами, а они уже просят есть.

Не отвечая, Сато придвинул к себе суму и вытащил оттуда плоскую алюминиевую флягу. Он протянул ее женщине и приказал:

— Принеси воды.

Не-све-лю оглянулась, как бы обращаясь к товарищам за советом, но совета не получила, потому что остальные были недовольны ее несдержанностью. Возможно, если бы они сговорились заранее и о еде заговорил бы некто, выбранный собранием, все было бы иначе. Но Не-све-лю просила только о себе. Что было незачем.

— Дружок, — сказала Не-све-лю, делая шаг в сторону Ут-бе-бе, который, как подсказывала женская интуиция, был к ней равнодушен, — ты не будешь любезен поухаживать за мной?

Не-лю не смогла сдержать смех. Ут-бе-бе смутился. Но нежелание показаться глупым в глазах сограждан заставило его ответить почти грубо:

— Я рад бы поухаживать за вами, но не хочу прислуживать этому монстру.

Ут-пя захлопал в ладоши, что служило знаком одобрения.

Сато поднял голову, оглядел дикарей.

— Ну! — крикнул он.

И положил руку на рукоять ножа.

Не-све-лю, поставившей себя в ложное положение, не оставалось ничего иного, как медленно пойти по узкой тропинке вниз, к реке, и Сато со всевозрастающим желанием смотрел ей вслед и даже приподнялся, готовый погнаться за ней и сделать с этой дикаркой то же, что и с девушкой, убитой раньше. Но мысль о том, что эти дикари обязательно воспользуются его легкомыслием и растащат его завтрак, остановила Сато, и он, не дрогнув ни одной ресницей, продолжал задумчиво жевать сладкий корень, и лишь чрезвычайно чуткая к чужим чувствам Лю-ба почувствовала неладное, испугалась неладному, но не смогла для себя определить суть дела и даже спросила мысленно у По-иза: «О чем он подумал?» «Я не разгадал», — честно признался По-из. Впрочем, иной ответ был немыслим, потому что переводчики (телепаты) никогда не лгут друг другу. Это же невозможно.

Между тем кровь из глубокой царапины на горле капитана перестала сочиться, и он уже смог начать вычислять линию поведения. Надо было что-то делать. Если в первые минуты зна-

комства этот негодяй мог напасть на него, то через час он кого-нибудь убьет.

Следовательно, надо будет его обезоружить.

Капитан поманил штурмана, и тот присел на корточках возле капитана и сказал первый, словно сам был телепатом:

— У нас есть два пути, капитан.

Еще вчера они недолюбливали друг друга, еще час назад Ут-пя был сердит на капитана за то, что тот уничтожил его родственника, но сейчас оба понимали, что только совместное противостояние грубой силе может их спасти.

— Говори, — сказал капитан.

— Или мы уничтожаем его...

— И что получаем?

— Трофейный нож!

— И все?

— Нож, штаны, суму... Это уже немало.

— Очень мало, — возразил капитан, — слишком мало, чтобы смогли выжить семь человек.

— Тогда, может быть, лучше второй вариант? — Говоря так, Ут-пя смотрел, как от воды поднимается Не-све-лю, неся в протянутой руке старую битую алюминиевую флягу. Не-све-лю шла с высоко поднятой головой, как бы бросая вызов своим согражданам.

— Говорите, говорите, — торопил капитан, недовольный тем, что Ут-пя отвлекся.

— Вижу опасность раскола, — сказал Ут-пя.

— Я с ней потом поговорю, — пообещал капитан. — Продолжайте.

— Второй вариант — терпеть, — сказал штурман. — Терпеть для того, чтобы с помощью наших переводчиков постепенно, в течение нескольких дней, узнать, где он живет, что представляют собой жители окрестных мест, узнать все что можно...

— Но мы должны будем улачивать его, — с сомнением возразил капитан. — А как известно, мерзавцы наглеют от того, что им потворствуют.

— Я и без вас знаю, что мы рискуем. Но третьего пути нет.

Не-све-лю подошла к унтер-офицеру и присела перед ним на корточки, передавая флягу и в то же время втягивая расширившимися ноздрями запах сытных луковиц.

Сато принял флягу из рук молодой женщины и положил рядом с собой.

Потом, подумав, отломил дольку от луковицы — совсем небольшую дольку — и протянул Не-све-лю.

— Не много же тебе досталось, — сказал стоявший на краю площадки Ут-бе-бе, который искренне переживал эту сцену, потому что ему очень нравилась Не-све-лю, особенно теперь, когда она была обнажена и приобрела совсем иное назначение в его глазах, то есть стала менее коллегой и менее товарищем по экспедиции, а более женщиной независимо от уровня ее магистерской диссертации.

— Будет больше, — сказала Не-све-лю с вызовом. Она понимала, в какое глупое положение она попала, противопоставив себя коллективу.

Она хотела сказать еще что-то ироничное и тонкое, чтобы окончательно поставить на место Ут-бе-бе, позволявшего себе смотреть на нее без всякого уважения, но ничего сказать не успела, потому что завизжала и подпрыгнула — по простой причине: воспользовавшись тем, что женщина смотрела в другую сторону, а может, и не обращая на это внимания, старший унтер-офицер протянул жесткие пальцы и уверенно схватил ее за полную высокую грудь. Такой груди унтер-офицеру еще не приходилось видеть, потому что его жизненный опыт ограничивался деревней, девицами в дивизионном публичном доме да тремя или четырьмя случайными встречами во время войны. Но все без исключения партнерши унтер-офицера были малогрудыми азиатками, тогда как женщины планеты Дом телосложением скорее напоминают жительниц Южной Европы, пышногрудых и широкобедрых.

Не-све-лю подпрыгнула и чуть не подавилась долькой луковицы.

— Как вы смеете! — воскликнула она.

Все остальные обернулись к ней, но, честно говоря, никто в тот момент не видел трагедии в этой ситуации — наоборот, она показалась всем забавной. Люди, даже принадлежащие к самым высокоорганизованным галактикам, бывают поражены слепотой.

И тут впервые унтер-офицер засмеялся.

— Коза! — повторял он, а переводчики не понимали, что же он имеет в виду. — Коза! Ускакала! Иди сюда, я тебе еще дам! Никому не дам, а тебе дам.

По-из покорно переводил слова Сато. Не-све-лю, прикрывая груди правой рукой, подошла ближе и протянула левую. Сато дал женщине дику луковицу. Однако не удержался от очередной шутки: когда она брала луковицу, он попытался схватить ее за низ живота, но не преуспел, потому что красавица уже была готова к его выпадам и вовремя отбежала, но не к своим товарищам, а в другую сторону, к краю площадки, чтобы ни с кем не делиться.

Она кидала в рот дольку за долькой, а голодные люди не могли оторвать от нее взгляда.

Капитану потребовалась немало труда, чтобы продолжить разговор с Ут-пя.

— Есть третий путь, — наконец негромко произнес он.

— Какой?

— Мы его обезопасим, отнимем у него нож и, если нужно, запрем в пещере. И тогда пускай наши переводчики постараются извлечь из него всю нужную информацию. То есть без дружбы, но и без убийства.

Тихая Лю-ба не выдержала и подошла к красавице Не-све-лю.

— Простите, — сказала она, — но по вашим ощущениям я чувствую, что вы едите что-то очень вкусное.

Не-све-лю засунула в рот луковку и начала жевать энергичнее.

— Я бы попросила немного, — сказала Лю-ба, сглатывая слюну, ведь ей было труднее всех — она так явственно ощущала вкусовое наслаждение Не-све-лю, будто ела сама, только в рот ей ничего не попадало.

— Неужели вы не видите, — ответила, не переставая жевать, Не-све-лю, — какая у меня маленькая луковица! Я не могу с вами поделиться. Но могу дать хороший совет.

— Какой? — спросила Лю-ба. Задавая этот вопрос, она уже знала ответ.

— Подойдите к этому мужчине, который сидит перед вами, и попросите у него луковицу — вы же видите, что у него их еще две. Видите?

— Вижу, — покорно произнесла Лю-ба, не двигаясь с места.

— В худшем случае он вас пощупает, — продолжала Не-све-лю. — Очевидно, на Земле это национальный обычай. Ничего страшного с вами не произойдет.

Чтобы прекратить этот унижительный для Лю-бы разговор, переводчик По-из решился на крайнюю меру: он сам направился к Сато.

— Простите, — сказал он, — вы были так любезны, что угостили Не-све-лю. — По-из указал на красавицу, которая дожевывала последнюю дольку, мысленно проклиная Лю-бу за то, что та заставила ее поспешить.

— Не-све-лю, — произнес неуверенно Сато.

— Но у нас есть другие голодные женщины. Не могли бы вы и им выделить немного пищи из ваших запасов. Мы постараемся вам отплатить добром.

— Хай! — воскликнул Сато. — Пускай она попросит сама.

— Она боится вас, — ответил По-из.

— Кто боится, ходит голодным, — сказал Сато. Эти люди каза-

лись ему все интереснее. Самые настоящие дикари — совершенно глупые и доверчивые. Нет, он не будет их убивать. Может, убьет только того, старого, которому он порезал глотку. Очень уж у него взгляд нехороший. А остальные будут трудиться. — Пускай она не боится.

— Иди, — печально произнес По-из.

— Нет, — сказала Лю-ба. — Я боюсь.

— Надо действовать сейчас, — сказал капитан штурману. — Немедленно.

— Вы возглавите операцию? — спросил Ут-пя.

— К сожалению, мне придется возложить руководство на вас, — ответил капитан. — Вы же видите, что я небоеспособен. Но, как только приду в себя, вновь возьму на себя руководство группой.

— Так дело не пойдет, — сказал Ут-пя. — Потому что мне не на кого опереться.

— Вас трое здоровых мужчин!

— По-из не воин, он боится даже пролетающей бабочки. А Ут-бе-бе я и в лучшие времена не доверял. Он типичный избалованный эгоист, плод нашей либеральной системы образования.

По-из подталкивал Лю-бу к Сато, который сидел, скрестив ноги, и держал на ладони луковцу.

Лю-ба сопротивлялась, и это стоило ей страшного напряжения нервов.

И в этот момент неожиданно для остальных Не-све-лю сделала несколько быстрых шагов, наклонилась, схватила луковцу с ладони Сато, но тот успел сжать пальцы, и красавица осталась ни с чем.

Сато засмеялся еще веселее.

Как раз в это время Лю-ба наконец-то поддалась напору По-иза и, потеряв равновесие, упала на колени перед японцем.

— Поздно, — сказал Сато, схватив с земли третью луковцу и вода ею перед носом переводчицы.

Этого По-из не выдержал. Он стал вырывать луковцу из руки Сато, и тот резко рванул луковцу к себе, По-из потерял равновесие и свалился на камни и Любу.

И тогда капитан, забыв о том, что ранен, бросился вперед, чтобы скрутить Сато. На бегу он кричал:

— Ут-пя, Ут-бе-бе, за мной!

Но те промедлили и дали возможность Сато отпрыгнуть назад, выхватить из-за пояса нож и остановиться, широко расставив ноги.

— Ну что же, — прошипел он, и По-из, сидя на земле, послушно переводил, потому что в этом заключался его главный

долг перед человечеством. — Иди сюда, старая змея! Иди, я тебя еще мало порезал!

Тут Сато увидел, что двое других мужчин тоже надвигаются на него, нерешительно, но надвигаются.

— А вы, — крикнул он им, — два шага назад! Ну!

Ут-пя и Ут-бе-бе от неожиданного оклика остановились.

Теперь у Сато был только один противник. Капитан.

И капитан понял, что его бой проигран. Он повернулся спиной к Сато и ушел в пещеру.

* * *

В отсутствие капитана его роль попыталась сыграть умудренная Не-лю, для чего она обратилась к Сато с длинной речью, в которой выражала ему свое сдержанное недовольство его поведением. Она попыталась до сознания Сато простую истину: чтобы тебя уважали, ты должен уважать окружающих.

На этом месте речи Не-лю Сато растянул губы в известной уже всем зловещей улыбке и сказал:

— Женщина!

По-из не смог передать презрения, вложенного в это слово старшим унтер-офицером, которому не приходилось еще встречать женщин умных и образованных и который поэтому полагал, что все женщины годятся лишь, чтобы использовать их в качестве любовниц, жен и, как естественное продолжение, — кухарок.

— И все же! — воспротивилась окрику Не-лю, которая понимала, что, если спустить этому мерзавцу сейчас, потом будет куда труднее его укротить. — Не забывайте, сударь, что нас семеро, а вы один! Даже если у вас есть нож! Или вы сейчас согласитесь на мир и сотрудничество, или мы все покинем вас.

Почему такая угроза возникла в голове Не-лю, она сама бы не могла понять. Возникла и все тут. Хотя, как всем показалось, именно этого Сато и желал.

На самом деле слова женщины унтер-офицера встревожили. Он уже свыкся с мыслью, что племя голых людей послано ему судьбой для того, чтобы ему было кем управлять и кому являть свою справедливость, свой гнев и свое милосердие. Впрочем, последнего слова ему слышать не приходилось. Уход голых людей оставил бы его в одиночестве, а этого Сато в тот момент никак не желал. Его увлекла игра в вождя племени.

Поэтому угроза женщины, которая хотела быть вождем вместо старого вождя, унтер-офицеру не понравилась. Еще минута,

и за ней уйдет вот тот молодой человек (Сато имел в виду Ут-бебе) — и как тогда бегать за ними по лесу?

Сато протянул руку, нащупал на земле небольшой, чуть больше грецкого ореха камень и, почти не замахиваясь, запустил им в Не-лю. Камень попал ей в щеку, и это было так больно, что Не-лю схватилась за лицо и зарыдала, а Лю-ба пошатнулась и чуть не упала в обморок — к счастью, По-из успел ее подхватить.

— Я тебя ненавижу! — воскликнула Не-лю. Когда она отняла руку от щеки, все увидели, что под глазом уже расплылся кровоподтек.

Если Сато думал, что он сломил сопротивление женщины, то он ошибся. Ведь все же перед ним была не горянка, а доктор наук, выдающийся ум планеты Дом.

Держась за щеку, Не-лю повернулась и при полном молчании остальных пошла к краю площадки. Она спускалась по тропинке, и все смотрели, как ее голова скрылась в кустах. Ут-бебе намеревался пойти следом за ней, потому что нельзя оставлять женщину в одиночестве в лесу. Но тут вскочил Сато.

Он не мог оставить такой бунт без внимания.

— Всем стоять здесь! — приказал он.

По-из содрогнулся от злобы, которая изливалась из оборванного маленького человека. И потому он перевел не только приказ Сато, но и собственный комментарий к нему: надо подчиниться.

И все подчинились.

А Сато быстро пошел, не оглядываясь, легкий как волк, следом за Не-лю.

И на площадке наступила тишина.

Через минуту или две кто-то спросил:

— Как там? Что с ней?

— Я думаю, что он ее не убьет, — сказал По-из. И всем было приятно это слышать, потому что в ином случае надо было бы бежать следом и столкнуться со злобой жестокого незнакомца.

А Сато тем временем быстро и легко спускался следом за женщиной, которая, разумеется, шла куда медленнее, так как не привыкла ходить босиком и даже в гневном состоянии все же смотрела под ноги и поджимала пальцы, чтобы не наступить на ядовитое насекомое или острый сук.

Так что Сато догнал женщину возле самой воды.

Солнце поднялось уже высоко, лучи его пробивали листву и касались быстро бегущей воды, над которой, сверкая прозрачными крыльями, парили стрекозы.

Не-лю не услышала, как Сато подошел к ней вплотную. Он ходил по лесу беззвучно. Иначе бы не выжил.

Не-лю стояла у воды, неожиданно для себя захваченная дикой красотой этого чужого мира, замороженная игрой солнечных лучей и щебетом птиц, звонким движением хрустальной воды... Она вдруг забыла, что привело ее сюда и какие опасности ей могут угрожать. И потому голос Сато, прозвучавший совсем рядом, незнакомый и в то же время уже отвратительный, разрушил неясные мечтания женщины и жестоко швырнул на землю.

Сато говорил быстро и ровно. Он улыбался, но это было видно лишь в промежутках между фразами, когда губы оставались растянутыми. Сато ругал эту женщину и втолковывал ей, чтобы она выкинула из головы свои капризы, потому что он запросто может отрезать ей голову и ничего особенного не произойдет, а ее соплеменники только обрадуются, потому что им достанется больше пищи, которую он, Сато, будет им давать.

Сато говорил и сам уже верил в свою справедливость и великодушие. И ему казалось, что эта дикарка должна его понять и смириться перед ним.

Но женщина ничего не поняла, кроме того, что этот наглец ей угрожал. И потому она сухо попросила его убираться, откуда пришел. Она восприняла его погоню за ней как знак слабости и надеялась, что остальные тоже правильно поймут движение разбойника и сейчас со всех сторон набросятся на него и погонят, униженного, прочь с глаз.

Сато слушал ее, наклонив голову. Ему было странно, что только сейчас он все понимал, а теперь ничего не понимает и даже не уверен, понимает ли его эта женщина. Поэтому он жестом приказал ей возвращаться.

Но женщина сделала вид, что не понимает жеста, и показала на кровоподтек под глазом. Она сказала старшему унтер-офицеру:

— Я никогда не прощу тебе, свинья, того, что ты осмелился поднять руку на женщину.

Сато схватил ее за локоть и подтянул к себе, желая лишь, чтобы она вернулась в пещеру. Он тоже понимал, что ему надо вернуть ее как можно скорее. Иначе у ее соплеменников могут появиться ненужные идеи.

Не-лю стала вырываться. Нет, вы только подумайте! Он смеет меня трогать!

— Сейчас я закричу! — предупредила она Сато.

— Все равно пойдешь! — ответил Сато.

Чтобы было удобнее тащить ее, Сато обхватил Не-лю за талию

крепкими жилистыми руками. А плоть ее была нежна и не укреплена физическими упражнениями или тяжелой хозяйственной работой. Несколько сотен лет Не-лю проработала у компьютера, а в свободное время купалась в бассейне или совершала долгие пешие прогулки. Она сменила нескольких мужей, но в последние восемьдесят лет жила одна, не потому что стала старой — нет, до старости ей еще было далеко, — а потому, что научная деятельность все более увлекала ее.

Стараясь заставить Не-лю подняться к пещере, Сато прижал ее к себе, и именно в тот момент он наконец понял, что обнимает незнакомую пышущую зрелым здоровьем женщину, которая неумело рвется из его объятий.

Не-лю тоже уловила мгновение, когда Сато из грубого дикаря, желавшего наказать ее, вдруг превратился в мужчину, который ее возжелал. И Не-лю стало так страшно, что она лишилась голоса и способности сопротивляться. Она как бы обмякла в руках сжимавшего ее Сато, а тот еще более распалился желанием, и его руки принялись мять ей груди и живот. Не-лю не могла двинуться, а если и вырывалась, то ее попытки были робкими и заранее обреченными на неудачу.

Никогда в жизни, за много сотен лет, никто не пытался овладеть ею без ее согласия и, более того, без ее к тому инициативы. На Доме относящиеся к интеллигентным кругам общества женщины сами выбирают партнера, хотя порой они и предпочли бы отказаться от такой чести. Но так высоко уважение к женщине-товарищу, женщине-возлюбленной, что и мужчины подчиняются решению женщин, даже если им этого не хочется. Так что любовные драмы, которые разыгрываются на Доме, — а они там есть, как и везде в Галактике, — связаны чаще всего с превышением женщиной ее возможностей или столкновением интересов различных женщин.

— Нет, — шептала Не-лю, в ужасе ощущая на больной щеке и на шее прикосновение сухих губ и мягких длинных усов и понимая, что она совершенно беззащитна.

— Нет, — шептала она, чувствуя, как этот насильник раздевается, опрокидывает ее на траву и ложится на нее, а она все не может собраться с силами и изгнать его...

А затем наступило самое страшное — этот дикарь, это ничтожество, претендующее на роль вождя, уже вторгся в нее, уже тихо рычал от наслаждения, которое Не-лю, разумеется, не могла разделить и все пыталась столкнуть с себя не тяжелого, но жестокого и цепкого насильника.

Острые камешки под спиной давили и резали кожу, и она не

могла даже объяснить этой мерно ухающей машине, что она раздерет себе всю спину...

А тем временем наверху, у пещеры, события также приняли неожиданный оборот.

Увидев, что унтер-офицер скрылся в кустах, Ут-бе-бе не смог сдержаться и, как бы гуляя, направился к суме Сато, оставленной без присмотра. Возле нее лежали недоеденные припасы. Проходя мимо сумы, Ут-бе-бе как бы невзначай нагнулся и подхватил луковцу. И прошел далее в глубину, в темноту пещеры, хрупая луковцей так нагло, словно он продолжал пробу плодов леса.

Все остальные смотрели на него обезумевшими глазами, и не успел он еще скрыться в пещере, как возле сумы произошла небольшая свалка, о которой никто потом не хотел вспоминать, потому что тогда необходимо было бы признаться, что ученые вели себя недостойно. Ведь даже крайним голодом нельзя оправдать тот факт, что Ут-пя оттолкнул Лю-бу так, что она ушибла коленку, а По-из вырвал (для Лю-бы) длинный белый корень у красавицы Не-све-лю, а та поскользнулась на улитке.

Еще минута — и сума была пуста, а пришельцы делали вид, что не имеют к этому акту никакого отношения.

Именно это событие и объясняет, почему никто не пришел на выручку несчастной Не-лю, которая, распростертая на траве и камнях, была вынуждена стать объектом похоти старшего унтер-офицера Сато, в те минуты ограбленного ее соплеменниками.

Но один человек не участвовал в свалке.

Это был капитан корабля Ут-дирек, загнанный, почти уничтоженный унтер-офицером, но не сдавшийся.

Из темноты пещеры он видел и поступок Ут-бе-бе, и последующую свалку. Но не вмешался в эти действия, потому что не считал себя вправе это делать. Он понимал, что его друзья становятся рабами собственных желудков. И как таковые могут стать легкой добычей Сато.

Капитан понимал, что куда важнее сначала спасти Не-лю, которой могла угрожать смертельная опасность, если она будет сопротивляться диктату дикаря.

И, приняв решение еще раз вмешаться в борьбу против Сато, капитан решительно покинул пещеру и, выйдя на площадку перед ней, обратился к По-изу, который уже поделился добычей с Лю-бой и проглотил то небольшое, что ему досталось.

— Пошли! — приказал он переводчику.

— Куда? — Переводчик не читал мыслей капитана.

— Вниз. Наша помощь может понадобиться Не-лю.

Переводчика охватил стыд. Он ничего не сказал.

И когда капитан пошел по тропинке вниз, По-из покорно засеял следом.

Они спускались молча.

Тропинка была узкой, над ней смыкались кроны деревьев, и жара не чувствовалась в вечной тени.

Вдруг По-из прошептал:

— Стойте.

— Что? — испугался капитан. — Что-то плохое?

— Я не знаю, — прошептал По-из и далее мысленно сообщил капитану, что до него докатываются волны странных смешанных чувств, причем чувства Сато полны вожделения и растущего внутреннего трепета, тогда как в чувствах госпожи Не-лю По-из разобратся не смог — в них смешалось отвращение, страх, безнадежность, смирение и некоторая доля наслаждения, с которым женщина боролась с источником этого отвращения и наслаждения.

Через несколько осторожных шагов и сам капитан, раздвигнув кусты, смог увидеть и понять, что происходит.

— Почему же она молчит и не зовет на помощь? — мысленно спросил он По-иза.

— Ей стыдно, что мы ее увидим, — ответил мысленно переводчик. — Она более всего боится, что мы догадаемся о ее позоре. Она скорее умрет, чем признается в этом.

— Я ее понимаю, — сказал в конце концов капитан.

Капитан первым пошел обратно, по дороге мысленно попросив По-иза никогда и никому не рассказывать о том ужасном позоре, которому подверглась Не-лю...

Сато возвратился к пещере первым, минут через десять после капитана и По-иза, которые ни с кем не стали делиться своими наблюдениями.

Первым делом он увидел, что ограблен, и начал кричать на пришельцев высоким гнусавым голосом. Но пришельцы к тому времени отступили в тень пещеры. Они, конечно, слышали крики Сато, но не отзывались.

Когда на площадку вышла, еле переставляя ноги, обесчещенная Не-лю, Сато обернулся к ней, выразительно показывая на пустую суму и на вход в пещеру.

— Чего же было ждать? — ответила ему Не-лю. — Люди, которые не смогли или не захотели прийти ко мне на выручку, вполне могли опуститься до низкого воровства.

Сато ругался, кричал, но на самом деле не был глубоко расстроен.

У него в тайниках было запрятано достаточно еды, чтобы прожить в пещере полгода. И он понимал, что, раз укравши пищу, все эти люди стали его должниками. Им стыдно. Они еще не умеют воровать.

* * *

Сато стоял посреди площадки перед пещерой и смотрел, как вкусные яблочные улитки медленно ползли по камням — их ди-кари не тронули. Сато подобрал улитку с камня, покрепче сжал тонкую скорлупу, отбросил осколки и с удовольствием проглотил. Вторую он протянул Не-лю.

Не-лю ощущала враждебные взгляды соплеменников, обжигающие из темноты пещеры.

Меньше всего на свете ей хотелось глотать живую улитку, но она понимала — наступил, может быть, самый решающий момент ее жизни. Она должна сделать выбор, как бы тяжел он ни был. С кем мы, подумала она, мастера науки? С теми, кто груб, невоспитан, нахален, но прост и заботлив или с теми, кто был близок тебе вчера, но предал тебя сегодня?

Не-лю сильно сжала пальцы, хрустнула скорлупа ракушки, но от этого усилия скользкий моллюск вылетел из пальцев и, описав дугу, скрылся в кустах.

— Дура! — в сердцах воскликнул Сато, но бить женщину не стал — может, она и не видела раньше улиток, может, она не с гор, а из-под земли или из какого-то иного места.

Не-лю почувствовала облегчение, полагая, что испытания улиткой закончились, но тут же она в ужасе увидела, что Сато был способен к жалости и заботе. Он отыскал у самой стены еще одну, самую большую, больше сливы, улитку, сам содрал с нее скорлупу и, подойдя к замершей, обесчещенной им женщине, приказал:

— Открой рот.

— Он просит вас открыть рот, — донесся из пещеры перевод По-иза.

Не-лю зажмурилась и стала извлекать кубические корни из простых чисел с точностью до шестого знака.

Рот ее заполнило нечто скользкое, теплое и отвратительное, но женщина знала, что обязана, если не хочет стать посмешищем своих соплеменников, проглотить улитку, не подавившись, не вытошнив ее, не упав в обморок.

Пальцы Сато упорно проталкивали улитку в глотку Не-лю, и та уже готова была к смерти от удушья, когда ее глотка совер-

шила спазматическое движение — видно, уж очень не хотелось умирать, — улитка послушно скользнула по пищеводу, и это чувство вкупе с облегчением, охватившим Не-лю, было сказочным.

Странно, подумала Не-лю. Еще час назад он был мне отвратителен. И с тех пор у меня не должно было возникнуть к нему теплых чувств — к насильнику, лишившему меня человеческого достоинства, грубой скотине. Очень грубой... И в то же время он, дитя первобытных инстинктов, оказался единственным, кто подумал о том, что я голодна и одинока. Со стороны, наверное, смешно наблюдать за тем, как он проталкивает мне в глотку живую улитку — бррр! какой ужас! — и в то же время это естественно для сына природы. Он заботится обо мне как может. И больше у меня нет ни одной близкой души во всей Галактике.

Слезы благодарности и грусти текли по щекам женщины, она обернулась к Сато и прошептала:

— Спасибо.

И он уже не казался ей таким гадким, как недавно.

* * *

А Сато между тем размышлял, как сделать, чтобы дикари больше не воровали. Воров ему тут не нужно.

— Эй! — приказал он громко. — Все выходите сюда и стройтесь вдоль стены. Слышали мою команду?

— Слышали, — ответил из пещеры По-из.

Он же и вышел первым из пещеры, чуть согнувшись и держа руки перед собой ладонями вверх и являя этим полную беззащитность. Следом потянулись другие пришельцы, охваченные чувством стыда, потому что никто из них еще никогда не осквернял себя воровством — оно было немыслимо на планете Дом.

Сато, глядя, как эти люди выстраиваются вдоль каменной стенки, думал, что они испуганы, потому что ждут неминуемого наказания. На самом деле испуг был второстепенен. Пришельцев терзало чувство стыда, давно забытое старшим унтер-офицером.

Они не смотрели в глаза своему мучителю.

Сато оглянулся на Не-лю, которая стояла в шаге сзади. Он не любил, когда кто-то стоял сзади.

— В строй! — приказал он женщине, и Не-лю не сразу поняла, чего от нее хотят.

Она была убеждена, что теперь, после жертвы, принесенной ею, она самой судьбой выделена из толпы мелких воришек. Поэтому, даже поняв приказ Сато в переводе По-иза, она замешка-

лась, подыскивая правильные слова, чтобы не выдавать товарищам сути их новых отношений и в то же время показать свое презрение к усатому дикарю. Унтер-офицер же, который не мог долго ждать, был вынужден подтолкнуть Не-лю в строй, и она, покраснев от нового оскорбления, заняла место с краю, рядом с Лю-бой, которая помимо своей воли прочитала некоторые из мыслей Не-лю и была ими встревожена.

— Вы воры! — закричал высоким голосом Сато, как кричал когда-то лейтенант Макидо. — Вы грязные собаки! Я вас всех расстреляю!

По-из старался переводить не сами слова, а образы, которые виделись унтер-офицеру за этими словами, и следует сказать, они были не столь страшны, как слова, служившие скорее ритуальным действием.

— Я вас отучу! — Сато подошел к строю. Первым стоял капитан. Капитан поднял глаза на разъяренное лицо Сато и непроизвольно прикрыл рукой красную полосу на горле, чем позабыл унтер-офицера.

Сато не стал вынимать ножа. Дикари уже знали, как он действует. Он обойдется без него.

Рука Сато быстро поднялась. Он резко ударил капитана по щеке — голова дернулась, затылком капитан ударился о стену.

Сато не стал задерживаться. Продолжая ругать дикарей и грозить им смертью, он вышагивал вдоль строя и каждому (каждой) отвечивал пощечину — больно, оскорбительно, безжалостно.

Хрупкую Лю-бу он чуть не сшиб с ног. По-из, который получил свою пощечину безропотно и даже успел чуть отклониться, подхватил Лю-бу, подавляя в себе ненависть к Сато и надеясь, что она не прорвется наружу.

Удар — голова мотнулась, глаза помутнели от боли и обиды.

Удар — человек ударился затылком о стену.

Удар — за что? Так нельзя!

Подошла очередь последней — Не-лю.

Та смотрела в ужасе на своего насильника. Неужели он осмелится ее ударить?

Сато потрепал Не-лю по щеке — уверенно, как собаку.

Не-лю поняла, что предпочла бы, чтобы он ее ударил.

— Каждый замеченный мною в противоправных действиях, — заявил Сато, отступая от наказанных дикарей, — будет жестоко наказан. Сегодня это было не наказание. Сегодня было предупреждение. Сегодня я шутил и учил вас. Вы не заслуживаете другой участи. Но я не люблю повторять уроков. Вам ясно?

Никто не ответил ему, но Сато и не ждал ответа.

Он продолжал говорить, потому что уже продумал свои следующие шаги.

— Вы видите облака?

Облаков почти не было, если не считать ватных клочьев на синем небе.

— Пока облаков мало. Потом будет много. Потом будут дожди, каждый день. Вы паршивые бездельники, и я не хочу вас кормить. Но я добрый, и я покажу вам, где искать еду и как ее хранить. Если вы будете слушаться меня, то всегда будете сытые. Если вы будете делать глупости, я буду вас наказывать, и вы будете голодные.

Закончив монолог, Сато подумал вдруг, что неплохо бы одеть голое племя, ведь неприлично же женщинам ходить в чем мать родила. Но потом он отказался от такой попытки, которую было бы трудно осуществить без набега на деревню фанов или город Танги. Ведь пока эти дикари остаются голыми, им некуда спрятать оружие или замыслить иную гадость против своего благодетеля. Нет, пускай ходят голыми. Голыми родились, голыми прожили жизнь, пускай доживают как могут.

В то время старшему унтер-офицеру не приходила в голову мысль, что голые люди могут морочить его, что они на самом деле вполне одетые и даже ученые. Ни один человек не станет жить хуже, чем может, ни один не выкинет одежду. Если он не сумасшедший.

Все безропотно собирались на поиски пищи, только Ут-бе попытался сопротивляться. Он ненавидел этого хама, он презирал Не-лю, которая, вернее всего, пожертвовала большим, чем имела на то право цивилизованная женщина, ради сомнительной позиции фаворитки. Он вознамерился бросить вызов Сато, но тут все начали уговаривать его не устраивать бессмысленных акций.

— Будьте разумны, — уговаривал его капитан. — В данной ситуации дикарь желает нам добра, не делая при этом добра. Вам понятен ход моих мыслей?

— Совершенно непонятен.

— Он признал нас своими, скажем, подопечными, но понимает, что прокормить нас будет нелегко. Значит, он должен научить нас искать и готовить пищу. А это в наших интересах. Каким бы ни было последующее наше решение, одним из главных условий выживания на Земле должно стать умение самостоятельно питаться. Неужели это вам непонятно?

— Понятно, — буркнул Ут-бе-бе.

— Тогда собирайтесь вместе с нами, а революцию оставьте на сытый желудок.

— Все революции совершаются голодными, — возразил Ут-бе-бе.

— Какое наивное заблуждение, почерпнутое из учебников официальной истории! На самом деле революции замышляются и проводятся в жизнь сытыми или очень сытыми людьми. А вот сражаются на баррикадах, как правило, голодные. И зачастую умирают раньше, чем успевают понять, на чьей стороне они оказались.

После этого внушения Ут-бе-бе согласился идти вместе со всеми.

И начался первый совместный поход старшего унтер-офицера Сато и племени голых людей.

* * *

Поход прошел мирно, правила игры, установленные старшим унтер-офицером, были приняты всеми — голые люди побаивались далеко отходить от наставника, так как он увел их вниз по течению реки в болотистую, пышущую влажным полдненным жаром долинку, где и росли всевозможные вкусные и полезные растения. От некоторых в еду шли стебли, другие имели сочные сытные корневища, третьи давали путнику свои плоды. Без помощи Сато пришельцы никогда бы не догадались искать эти растения, а если бы стали пробовать все без разбора, то уже через несколько дней вымерли бы в мучениях.

— Нам его послало небо, — сказал капитан, сидя на поваленном дереве и умело плетя из тростника корзину — вспомнились детские деревенские забавы. Не-лю, подносившая ему сорванные стебли тростника, соглашалась с капитаном, тем более что он ничем не показал, что был свидетелем насилия.

— Мы обязаны как можно быстрее научиться у него всему, что он нам может дать.

— А потом мы его уьем, да? — Вопрос показался капитану странным. Он не мог для себя решить, движет ли Не-лю желание отплатить обидчику, или она, отринув эмоции, рассуждает сейчас как член экипажа.

Обе версии капитана были неверными. На самом деле, не желая себе в этом признаться, Не-лю уже с не свойственным ей вождением перебирала в памяти сцену насилия и, желая на словах лишь смерти Сато, думала о том, намерен ли он покуситься на нее вновь.

— Если возникнет необходимость убить это существо ради спасения интеллектуального багажа нашей группы, мы будем вынуждены пойти на это, — ответил капитан, задумчиво глядя на кучевые облака. Эти слова подслушал Ут-бе-бе, мывший в луже неподалеку клубни дикого ямса.

— Вы непоследовательны, капитан, — сказал он. — Лишь вчера вы доказывали нам необходимость общей гибели ради чести планеты, а сегодня вы уже тщитесь сохранить наш интеллектуальный потенциал. Да наш потенциал уже равен нулю! Мы уже оглупели, если разрешаем дикарю делать с нами что угодно.

— Вовсе не все что угодно! — огрызнулась Не-лю, воспринявшая упрек на свой счет. — И я, например, вовсе не поглупела. Мы должны быть благодарны... кормильцу. Да, кормильцу! Сегодня мы так можем его назвать.

Ут-бе-бе сардонически расхохотался, привлекиши этим внимание Сато, который сидел на скале, свесив ноги и держа в поле зрения всех своих подданных. Порой он покрикивал на сборщиков пищи, если они вели себя глупо или рвали несъедобные плоды. По-из, стоявший у подножия скалы, передавал его слова остальным.

Старшему унтер-офицеру нравилась его новая роль. Ведь, не будь голых людей, ему самому пришлось бы заготавливать еду на дождливый сезон. Нравилось ему и то, что дикари оказались не настолько идиотами, как он решил вначале. Головы у них были. И даже кое-какие первобытные умения. Например, старик, которого Сато наказывал и даже хотел убить, оказался неплохим рукодельником — он плел корзину, и если корзины у него будут получаться, то такой старик — большая ценность. Молодой здоровяк, которому надо-то всего-навсего вымыть клубни дикого ямса, уже снова начал вводить в смущение старика и ту женщину, которой Сато сегодня благополучно овладел. Возможно, наказывать придется не старика, а вот этого молодого и наглого самца.

Солнышко пригревало, влажный зной расплзался над долиной.

Господин старший унтер-офицер потянулся и подложил руку под голову. Он уже не боялся этих голых людей. Они сегодня будут послушными. Со зверями и детьми всегда надо чередовать плеть и плошку риса. Плетью он их наказал, и они испугались. Они ждали, что он будет бить их и дальше. А он оказался умнее. Теперь он привел их к плошке риса. И они испытывают благодарность.

Сато мирно заснул, о чем По-из сообщил остальным.

И сразу темп работ в долине упал, и только капитан продолжал плести корзину, думая о чем-то далеком.

А остальные, кто как мог, разлеглись на возвышенных местах и, отмахиваясь от насекомых, задремали.

* * *

Сато проснулся первым. Над горами, в стороне от ущелья, шел вертолет — он летел так далеко, что звук его мотора непосвященному показался бы комариным писком. Но Сато сразу проснулся. Он лежал, бодрствуя, но неподвижно, не открывая глаз — весь обращенный в слух. В последнее время вертолеты стали часто шуметь над этими дикими горами, но Сато не знал, что причиной появления вертолетов была активизация торговцев наркотиками и намерение Лигона вступить в АСЕАН, для чего требовалось доказать всей Юго-Восточной Азии, что правительство страны решило положить конец всевозможным безобразиям в районе «золотого треугольника»... Чтобы успешнее бороться с базами контрабандистов, надо было их найти, и в Лигоне началась большая операция по составлению подробных карт северных районов, для чего были использованы армейские части.

Ничего этого Сато не знал, но еще со времен войны усвоил, что самое опасное для солдата — звук авиационного мотора — скройся, исчезни, замри.

...Вертолет замолк — значит, ушел к фанским деревням.

Сато открыл глаза и тут обнаружил, что его новые подданные, воспользовавшись тем, что вождь задремал, тут же бросили работу и сами разлеглись отдыхать.

Если так пойдет и дальше, они быстро распустятся.

Эта мысль испугала Сато, а то, что его пугало, приводило старшего унтер-офицера в бешенство.

Он вскочил, как разъяренная пантера, и кинулся со скалы вниз. Усы его развевались, как тонкие косички на ветру, он прыгал среди разморенных жарой, сонных пришельцев, колотил их руками и ногами, как плантатор-рабовладелец, решивший, что обленившиеся рабы его разорят.

Только-только задремавшие люди вскакивали и пытались укрыться от гнева самозванного вождя. Досталось и Не-лю. Лишь капитан сумел избежать наказания, потому что не спал и при приближении бури в образе Сато подхватил почти готовую корзину и сумел отбежать, прижимая ее к груди.

Обратно в пещеру возвращались подавленные, еле перестав-

для ноги. Каждый волочил свою долю продуктов, а капитан вместе с Ут-бе-бе, который шепотом рассказывал, как уничтожит этого бандита, волокли корзину, полную клубней ямса.

На площадке возле пещеры все еще мрачный Сато велел разложить продукты, чтобы просушить их. Затем приказал выделить дежурных, которые будут отгонять от продуктов птиц и зверей.

После этого он объяснил голым людям, что они ему надоели. Он не намерен терпеть их распутство, лень и никчемность. Пускай они убираются, откуда пришли, и не мешают ему жить, как ему хочется. Уходите.

Никто не двинулся с места, хотя Ут-бе-бе промышал нечто невразумительное, вроде бы намереваясь последовать предложению Сато. И этого-то Сато только и ждал.

— Кто сказал, что уходит? Это ты, шакаленок? — Он обнажил нож и бросился на Ут-бе-бе.

Ут-бе-бе был по своему развитию и силе молодых мышц куда сильнее и здоровее Сато. Но он не знал о насилии за пределами площадки для толкания мяча. И когда он увидел, как на него несется нож, к рукояти которого прикреплен бешеный убийца, он принял единственное возможное решение — не обращая внимания на камни и колючки, он понесся вниз по тропинке, да так быстро, что закаленный Сато отстал от него у реки.

Конечно, старший унтер-офицер мог бы догнать непокорного голого человека, не сейчас, то через полчаса. А догнав, спокойно зарезать, потому что Ут-бе-бе не знал, как остановить острый нож. Но Сато вспомнил, как дикари разделались с его пищей, и представил, как они сейчас, давясь и чавкая, пожирают собранные запасы. И потому он плюнул на сбежавшего Ут-бе-бе и быстро поднялся вверх, готовый к новой расправе.

Но расправляться было не с кем, потому что на площадке царила напряженная, но мирная атмосфера. Ведь пришельцы не были дикарями — то, что они позволили себе под влиянием крайнего голода, теперь, заморив червячка, они, конечно же, не могли себе позволить. К тому же они понимали: вся собранная пища предназначалась им самим. Так что они сидели на площадке, несчастные, потные, усталые и с трепетом прислушивались к звукам леса, ожидая услышать предсмертный крик Ут-бе-бе.

Когда Сато вернулся, они потянулись навстречу ему, а Позиз, прочтя в его мыслях, что вреда Ут-бе-бе он не причинил, сообщил об этом остальным.

Остаток дня прошел без особых событий, и Сато был даже благодушен. Поэтому стороны употребили свободное время для

того, чтобы побольше узнать друг о друге. И постараться, узнавая о другом, как можно меньше сообщить о себе. Будучи куда умнее и тоньше, чем старший унтер-офицер, пришельцы поняли, что некогда в этих краях была война и их новый вождь по имени Сато, вернее, господин Сато командовал одним из отрядов. Но потом наступала неясность, которую не смогли расшифровать даже переводчики — почему-то отряд ушел, а господин Сато предпочел остаться в этих горах. Здесь он главный хозяин, все его боятся, и он не хочет уходить к другим людям...

Затем наступил второй вечер на Земле.

Небо начало быстро темнеть, переливаясь тропическими красками заката, сразу появились яркие звезды. Из ущелья потянуло жолодом. Сато приказал Не-све-лю принести с реки воды, для чего дал ей английскую каску, а сам, велев остальным оставаться у входа в пещеру, углубился внутрь. Там он забрался в тайник, где у него были спрятаны одеяло и валик, набитый сеном, чтобы класть под голову. Он устроил себе постель поближе к выходу, а потом сам раздал всем пищу на ужин, и никто из пришельцев не возражал, хотя Сато дал куда больше пищи женщине Не-лю и капитану — за корзину.

Тем временем Не-све-лю спустилась к реке и стала зачерпывать воду. Внизу царили густые сумерки, и молодой женщине было очень страшно — за каждым кустом она видела образ подкрадывающегося хищника, и потому, когда, зачерпнув каской воды, она услышала мужской голос: «Не бойся, это я!», то испугалась и кинулась наверх, потеряв по дороге каску.

Когда она взлетела на площадку, там как раз заканчивался дележ продуктов на ужин.

— Что случилось? — спросил Сато, насторожившись.

— Простите, — ответила Не-све-лю. — Но там кто-то есть. Я испугалась. Я убежала. Простите...

Сато вскочил. Он был готов к бою.

— А где миска? — спросил он.

— Я ее потеряла.

— Ты будешь наказана, — сказал Сато и медленно и бесшумно двинулся к краю площадки.

Но ему так и не удалось спуститься и узнать самому, куда делась каска.

Каска появилась на краю площадки — на вытянутых руках ее нес Ут-бе-бе. Он держал ее так, чтобы господин Сато видел, что Ут-бе-бе не питает никаких умыслов.

— Это я, — заявил он, и По-из поспешил перевести, чтобы Сато не зарезал молодого ученого. — Я был внизу, когда туда

спустилась Не-све-лю. Она испугалась и уронила каску. И я решил, что господин Сато, наверно, беспокоится, где же каска?

С этими словами Ут-бе-бе осторожно поставил каску у ног Сато.

Тот ловко поднял ногу и толкнул пальцами ноги Ут-бе-бе в лицо, так что тот свалился с площадки.

Затем Сато повернулся к Не-све-лю и сказал:

— Ты все равно будешь наказана! Ты могла потерять миску. Ты поняла?

— Но я же не виновата! — громче, чем требовалось, воскликнула женщина. — Он меня испугал!

— Он уже наказан, и он поступил правильно, что принес миску с водой. Он может прийти сюда.

У всех наступило облегчение. Все переживали за судьбу Ут-бе-бе, которого могли сожрать дикие звери. Да и сам он боялся того же, иначе не принес бы наполненную водой английскую каску.

По-из прокричал Ут-бе-бе приглашение Сато.

Потом все сели за ужин. Наказанные Не-све-лю и Ут-бе-бе должны были довольствоваться маленькими луковками. Хорошо еще, что во время сбора продуктов они успели поесть.

Быстро темнело. Появились комары. Все молча съели то, что им было положено. Затем Сато разрешил идти спать в пещеру. Сам он занял свою удобную постель из сена и накрылся одеялом.

Остальные разлеглись на травяных подстилках.

В пещере было темно. Но сквозь широкий вход можно было увидеть яркие звезды.

— Спокойной ночи, — сказал всем капитан. — Желаю вам здоровья и завтрашнего дня.

Это была обычная фраза, с которой капитан корабля обращается вечером к своему экипажу.

И все пришельцы были благодарны капитану Ут-диреку за эти слова, напомнившие им, что они принадлежат к цивилизованному обществу и, если они будут поддерживать друг друга, есть надежда на спасение.

* * *

Сато не спалось. Он был взволнован.

Двадцать два года он прожил в этих горах. И эти годы пролетели быстро, потому что Сато всегда был занят — трудно было прокормить себя, избежать встреч с людьми и зверями, перенести болезни и холодá. И в то же время с сорок пятого года пролетело столько лет, что война и другие люди стали как бы приви-

дениями. Можно убеждать себя, что они существуют, но ведь, вернее всего, их нет в живых. Они утонули на пути в Японию, они погибли в последних боях или умерли от болезней. И Сато остался последним человеком на Земле. Последним настоящим человеком. Но если это так, значит, жизнь его потеряла смысл, потому что он был как облако, которое пройдет над горами, даже не излившись дождем... Может быть, не надо было убивать ту горянку? Она родила бы ему сына. Но зачем так грустить, старший унтер-офицер? Ведь вместо горянки у тебя есть несколько жен, боги прислали тебе рабов. А что, если это тоже испытание? Испытание его мудрости? Может, сейчас за ним следят сверху, с небес, чтобы решить, достоин ли он княжеской власти. Ведь, конечно же, голые люди — не настоящие люди, а, вполне возможно, оборотни. Разве могут быть настоящие дикари с такими нежными руками и ногами, разве может быть в мире племия, которое не умеет само себя прокормить? Словно они свалились с неба. Вот именно — свалились с неба!

Быстро холодало — ночи в горах куда прохладнее, чем в долине. Сато натянул одеяло до самого подбородка. Он подумал, что голым людям, наверно, тяжело переносить такую погоду, но если они идут с севера, то для них такие холода привычны.

Сато слушал, как кашляют, ворочаются, вздыхают, но не смеют переговариваться его люди.

Он угадал, скорее чутьем, чем глазами — даже его остроты зрения не хватало, чтобы разглядеть, что происходит в пещере, — что к нему осторожно, на четвереньках, приближается женщина. Он понял, что Не-лю, которую он осчастливил сегодня днем у реки (а он уже нашел для себя самого нужное слово: осчастливил), замерзла на жалкой кучке травы и будет проситься под одеяло. Сато даже улыбнулся этой мысли и подумал, что зря он сам не приказал ей лечь с ним. Это и приятно, и тепло.

Сато не боялся этой женщины — он уже почти не боялся дикарей. Потому что они его боялись.

Женщина склонилась к нему и что-то прошептала на своем неразборчивом языке.

— Давай, — сказал Сато, и его голос пронесся по пещере, но Сато было безразлично, слышат его или нет.

Женщина шарила руками по одеялу, нащупывая старшего унтер-офицера, чтобы возлечь к нему. Когда женщина забралась под одеяло, обнаружилось, что у нее такие холодные ноги, что Сато чуть не убежал. Но средние части тела были куда теплее, чем ноги и пальцы рук, и Сато вскоре забыл о том, что ноги у нее холодные.

Женщина нежно прижималась к Сато, и у нее был гладкий шелковый живот и полные нежные губы, а волосы были пышными и упругими.

— О-ляляля, — горячо шептала женщина, и Сато подумал, что он не уверен в том, что обнимает свою Не-лю — кажется, у той волосы были короче и скуднее. Да и запах иной. Как зверь джунглей, Сато имел тонкое обоняние и память на запахи — все звери имеют память на запахи. Запах у женщины, которая так прижималась к унтер-офицеру, был иной, чем у Не-лю.

Руки женщины были ловкими и настойчивыми. Они щупали, гладили, пощипывали, царапали унтер-офицера, и в нем проснулось страстное желание обладать этой женщиной, и он не отказал ей в удовлетворении ее желания, потому что исполнял свой долг — быть мужем всех женщин своего племени.

Но все равно его смущало то, что он входит за один день во вторую женщину. Может быть, произошла ошибка? Может быть, эта женщина шла к другому мужчине и в темноте ошиблась?

Вряд ли это возможно. Ведь неизвестная женщина только что сняла с него штаны, а у других мужчин штанов не было. Зачем снимать штаны с того, на ком их нет? Значит, ее не удивило, что на нем были штаны?

На этом ход мыслей Сато был вынужденно прерван, потому что дыхание неведомой женщины стало учащаться, руки ее все сильнее прижимали к себе податливое, но непривычное к таким объятиям жилистое тело старшего унтер-офицера. От женщины уже исходил такой жар, что Сато начал погружаться в него, словно в горячую ванну — как в детстве в деревенской бане...

И тогда, не умея и не желая побороть в себе зверя, Сато подмял под себя трепещущее тело, отыскал дверь в него и ворвался внутрь, как снаряд трехдюймового орудия, и начал производить опустошительные действия внутри женского тела, которое, разумеется же, не принадлежало доброй и мудрой Не-лю, а принадлежало кому-то еще — скорее Не-све-лю, красавице, полной сил и энергии, нежели субливной и робкой Лю-бе.

А пещера не спала.

Пещера заворуженно вслушивалась в учащающиеся вздохи и стоны, но так как акт любви происходил в полной темноте, лишь переводчики (телепаты) были уверены, что знают истину, вслушиваясь в попытку замерзшей в ночной пещере и потому презревшей условности и преступившей гордыню красавицы Не-све-лю попасть под теплое одеяло к пожилому японскому унтер-офицеру.

Остальные терялись в догадках.

Капитан почему-то решил, что любовная сцена разыгрывается между Ут-бе-бе и красавицей Не-све-лю, а штурман Ут-пя полагал, что, пользуясь темнотой, сблизилась телепаты. Ут-бе-бе надеялся, что стал свидетелем того, как развивается роман между Сато и Не-лю.

Не-лю, к сожалению, знала точно, что лежит на холоде, а Сато рядом нет. Она знала также, что стонущий мужской голос принадлежит ее недавнему насильнику, и ей было ясно, что унтер-офицер не удовлетворился ее стареющим телом, а поддался провокации одной из двух других женщин — вернее всего, этой кошки Не-све-лю, которой мало было загубить талантливое изобретателя Ут-мгн и которая теперь ради лишнего куска хлеба пытается оттолкнуть локтями других, более достойных людей.

Любовные стоны, достигшие апогея, заставили остальных людей заткнуть уши, а Лю-бу даже выбежать из пещеры, на ночной холод, так ее смутили и раздразили чувства, проникшие в ее подсознание.

— Ты настоящий мужчина, — благодарно прошептала женщина, лежавшая в объятиях Сато. Но Сато не понял ее слов, хотя ему было очевидно одобрение.

Не-све-лю, а это была, разумеется, она, одарив унтер-офицера искренней и горячей любовью, подобной которой он, конечно, не знал ранее, рассчитывала не только и не столько на постоянную склонность, как на то, чтобы не замерзнуть ночью. Да и желание подарить свое прекрасное тело дикарю возникло у нее в полусне, когда она поняла, что не доживет до рассвета. Так что, став сосудом, одарившим Сато любовью, она обняла его горячими руками и вознамерилась счастливо заснуть под теплым одеялом.

Но не тут-то было! Именно в тот момент, когда Не-све-лю начала успокаиваться, по-хозяйски прижав к себе старшего унтер-офицера, лопнуло терпение у ее старшей товарки — магистра наук Не-лю.

Та понимала, что ее держит в когтях морозная зима, что к ней приближается смерть и виной тому — эгоистический, недостойный цивилизованного человека поступок шлюхи Не-све-лю. Не-лю не могла более мириться с этим. Она поднялась с кучки колючей травы и сделала шесть шагов, которые отделяли ее от ложа любви. По-из, на которого она выступила по пути, попытался мысленно ее успокоить и остановить, но, конечно же, в этом не преуспел.

Злобной фурией Не-лю рухнула на одеяло и стала вытаскивать из-под него только что задремавшую соперницу.

Та не сразу сообразила, что за беда на нее обрушилась, но, когда поняла, стала сопротивляться, пустив в дело ногти и зубы, одна-

ко хуже всех пришлось Сато, потому что схватка двух женщин происходила на его теле, которое пинали, рвали, царапали, втаптывали в каменный пол две крупные и хорошо упитанные женщины.

Остальные обитатели пещеры вскочили, но не подходили ближе, чтобы не попасть под случайный удар. Все молчали, кроме Ут-бе-бе, который громкими веселыми криками подбадривал воительниц.

В конце концов Сато удалось откатиться в сторону, освободиться от женщин и от одеяла.

В крошечной тьме он видел не намного лучше пришельцев, но все же имел преимущество перед ними, точно зная, кто где находится.

Поэтому, изловчившись, Сато схватил за волосы Не-лю и вспомнил, как недавно ласкал эти волосы, гладил их и трогал губами. Тут же он изгнал из себя ненужное воспоминание и принялся молотить ее кулаками, чтобы она пришла в себя. Женщина сначала отбивалась, не понимая, кто ее так больно колотит, но потом перестала сопротивляться и постаралась уползти и спрятаться как можно дальше.

Сато не стал ее преследовать, а вытащил из своей постели вторую, еще горячую любовницу и задал ей, совсем уж ни в чем не виноватой, такую же взбучку, как и старшей женщине. А потом изгнал ее со своего ложа.

Уверенный в том, что больше никто не нарушит его сна, Сато завернулся в одеяло и попытался заснуть.

А женщины так и не смогли отыскать в темноте свои жалкие постели, и тогда По-из открыл для них свой мозг и позвал их мысленно к себе, чтобы обняться и всем вместе согреть друг друга.

Почти все пришельцы сбились в живой ком и постарались заснуть, только Не-лю и Не-све-лю не спали — слишком болели места побоев, нанесенных унтер-офицером. Поэтому они тихо плакали, стараясь не разбудить остальных.

Не спал и Ут-бе-бе.

Он хотел уничтожить Сато, но затем решил уничтожить Не-све-лю. Он думал о том, что мы терпим несправедливости и переносим беды по собственной вине. В конце концов женщины сами напрашивались на обед к людоеду. И еще неизвестно, кто же более всех достоин смерти — может быть, и не дикарь, а цивилизованные женщины, доктора наук, унизившие не только себя, но и великую цивилизацию, отправившую их в космос.

Рассуждая так, Ут-бе-бе мирно задремал, и его осторожная

дремота вскоре превратилась в мирный глубокий сон, который, однако, был снова и еще более драматически прерван.

Как ни странно, новое возмущение произошло от наиболее спокойного члена экипажа — штурмана Ут-пя, который ранее не вмешивался в конфликты и не изъявлял желания расправиться с Сато.

Но в ту ночь, лежа на жесткой подстилке и страшно страдая от холода, Ут-пя мысленно прошелся по своей относительно долгой и относительно успешной жизни и понял, что ей суждено завершиться здесь, на отдаленной дикой планете, хотя бы потому, что у него не осталось больше сил сопротивляться судьбе. Представляя себе, как и каждый разумный человек, возможность своей смерти, он не мог предположить, что она будет столь грязна, бессмысленна и унижительна. Оказывается, в приказе правительства об обязательном самоубийстве экипажа в случае опасности высадки на Землю заключалась высшая мудрость — умереть надо достойно. Струсил, сохранил себе жизнь ценой сделки с совестью — вот ты и обречен на медленное умирание, как свободолюбивый хищник в зоопарке.

Ут-пя был крайне огорчен тем, что благородные женщины планеты Дом ради ночного тепла, ради лишнего куска пищи стали продавать свою честь и тело. Ему было грустно видеть, как его коллеги покорно сносят издевательства унтер-офицера, хотя ничто не мешает им объединиться и изгнать его. Итак, цивилизация Дома не выдержала испытания прошлым, испытания звериными законами древнего мира. Но честь этой цивилизации можно было спасти. А спасти ее мог теперь только один человек — бывший штурман Ут-пя, уже готовый пожертвовать собой ради свободы остальных.

Сейчас я подползу к нему, планировал свою акцию штурман, и отыщу в темноте его горло. Я тяжелее его, я его задушу... Нет, не годится! Он сбросит меня и вырвется. Значит, надо отыскать тяжелый предмет, чтобы ударить унтер-офицера по голове.

Второй вариант был проще, не требовал борьбы с еще живой жертвой, и его можно было завершить в одну секунду. Надо было только отыскать камень...

Ут-пя понимал, что остаток жизни его будет мучить совесть за страшное преступление, на которое он идет ради своих товарищей. Вернее всего, единственным выходом для меня станет смерть, думал штурман. Зато остальные вздохнут свободнее. И не придется честным женщинам торговать своим телом, а отважному капитану подставлять глотку под острый нож.

Камень отыскался на удивление быстро, как будто лежал под

рукой и ждал своего часа. Это обрадовало штурмана, это было знамением удачи.

Теперь надо было встать так, чтобы никто не услышал его движения.

Штурман приподнялся на локте и некоторое время прислушивался к дыханию других обитателей пещеры. Но не смог слышать ничего подозрительного.

Тогда он пополз на четвереньках к ложу унтер-офицера, ощупывая перед собой пол свободной рукой. Главное — не ошибиться, главное — не поднять руку на кого-то из своих...

Но и тут счастье было на стороне штурмана.

Его ощупывающие камень пальцы наткнулись на грубую ткань — край одеяла, которым был накрыт Сато.

А где же его голова? Полцарства за фонарик!

Штурман прислушивался к дыханию унтер-офицера. Во сне тот заскрипел зубами, задышал часто, словно бежал.

О небо! — подумал штурман. Ведь это тоже человек! Живое существо, с его надеждами, болью и разочарованием! Имею ли я моральное право поднять на него руку и прервать его жизнь, даже если по отношению к нам этот человек ведет себя не лучшим образом?

Штурману захотелось ощупать голову, чтобы еще раз убедиться в том, что не произойдет ошибки. А вдруг какая-либо из женщин все же вернулась под одеяло к Сато, и он сейчас совершит убийство невинного человека?

Так Ут-пя и замер с камнем в руке, а мысли его скакали, неслись, сшибая друг дружку. С одной стороны, он был убежден в правильности своего решения — ему было ясно, что прищельцы столкнулись с бессовестным преступником, который по мере того, как ему будут уступать, будет становиться все наглее. Сегодня он порезал ножом капитана и изнасиловал женщин, завтра он начнет калечить и убивать невинных людей. Долг, именно долг заставляет Ут-пя заняться самосудом... И тут же появились мысли иные, требующие иной справедливости. Почему действия капитана, убившего второго штурмана, допустимы и простительны, ведь второй штурман хотел жить не меньше, чем капитан? Почему правительство планеты Дом считает себя вправе издать приказ, предписывающий космонавтам массовое самоубийство ради неких государственных мертворожденных ценностей, ради того, чтобы некие чины в управлении стали еще более могущественными и послали новых людей в новые авантюры с тем же бесчеловечным приказом. Неужели действия Сато, мучающего и угнетающего людей

ради собственной маленькой выгоды, хуже, чем действия гигантской машины, которая придает своим бандитским приказам форму закона? Чем страх, который испытываем мы перед Сато, отличается от страха, который мы, хоть и не признаемся в этом, испытываем перед государством? Не потому ли, что государство называет свои преступления нашими жертвами во имя высокой цели?

Так Ут-пя стоял на коленях над человеком, накрытым одеялом, занеся камень над его головой и никак не решаясь ударить им этого человека.

И в конце концов случилось то, что должно было случиться. Ут-пя покачнулся от напряжения, и это движение разбудило Сато. Тот в мгновение ока догадался, что ему грозит опасность, вскочил, выхватил камень из руки штурмана Ут-пя и сильно ударил того по голове.

И случилось это столь быстро, что даже переводчики не проснулись — им лишь снились кошмары, кровь и смерть...

Сато вновь улегся под одеяло, но долго не мог уснуть, потому что ему все грезилось, как голые мстители подкрадываются к нему со всех сторон.

* * *

Когда рассвело и за пределами пещеры запели первые птицы, луч света, проникший в пещеру, обнаружил там такую картину: в одной стороне зала, накрывшись одеялом с головой, мирно похрапывал старший унтер-офицер, в другой стороне клубком, перепутав руки и ноги, так как каждый стремился забраться в теплую сердцевину клубка, спали все остальные люди, а разделяло эти два спальных места недвижимое тело штурмана Ут-пя, на лысой макушке которого располагалась гигантская шишка. Рядом с ним лежал небольшой округлый камень, которым, видно, и был нанесен удар.

Медленно и бесшумно, как привидения, пришельцы поднимались с камней и скапливались вокруг тела Ут-пя, не смея беспокоить сон старшего унтер-офицера.

Женщины опустили перед штурманом на колени, а Ут-бэбэ, имевший медицинское образование, приподнял веко штурмана и одними губами произнес:

— Сомневаюсь.

На что чувствительная Лю-ба мысленно ответила:

«А мне кажется, что в нем еще теплится жизнь».

В этот момент, почувствовав движение в пещере, очнулся Сато. Он сразу сел и схватился за нож.

Странно, подумал он, окидывая быстрым взглядом группу голых людей. Еще вчера вечером я их не боялся, а теперь, когда мною подавлено всякое сопротивление, когда они боятся даже слово сказать в моем присутствии, что-то меня тревожит и терзает, я жду удара в спину.

— Он хотел меня убить, — сказал Сато громко. — Вы слышите?

Все обернулись к переводчикам.

— Он так думает, — сказал По-из. — Он искренне так думает. Ут-пя напал на него.

— Молодец Ут-пя, — заметил себе под нос Ут-бе-бе, — хоть смог умереть достойно. В отличие от прочих... — Под прочими Ут-бе-бе самокритично подразумевал и себя.

— Так будет с каждым, — продолжал Сато, — кто осмелится поднять руку на создателя государства справедливости и вечного покоя!

И все догадались, что государством справедливости теперь будет именоваться темная пещера с ее обитателями.

Не выпуская ножа, Сато поднялся и подошел к телу Ут-пя.

— Шакал! — сказал он презрительно. — В темноте, ползком, хотел меня убить... А ну, всем кричать: шакал!

Все негромко крикнули слово, обозначающее на языке планеты Дом животного, которое питается падалью.

От этого звука Ут-пя очнулся, открыл глаза, но, к сожалению, никого не узнал.

— Простите, — спросил он склонившуюся ближе других Лю-бу, — где мы находимся?

— О небо! — обрадовалась Лю-ба. — Он жив!

Все стали радоваться тому, что Ут-пя жив. Сато не стал радоваться с остальными, а вышел на площадку и понял, что забыл оставить часового на ночь — с рассветом на площадку слетелись птицы и сбежались мелкие животные, чтобы поживиться плодами вчерашних трудов.

Сато закричал на мародеров, а затем призвал своих подданных перетаскивать поредевшие запасы внутрь пещеры.

Ут-пя продолжал лежать на каменном полу и никак не желал узнавать своих товарищей. Ему казалось, что он находится на родной планете Дом, в детском лагере отдыха, а от роду ему одиннадцать лет.

К вечеру он решил, что он старушка Не-коватон, некогда покоровившая северный полюс его родной планеты.

Вернуть его к сознательному образу мыслей не удалось.

В последующие недели весны 1977 года голое племя во главе

со своим вождем вело размеренный и организованный образ жизни. С утра после краткого туалета и уборки помещения Сато лично проводил час строевой подготовки, затем мужчины уходили на поиски пищи, а женщины, если не были заняты тем же, принимались за приготовление обеда, а также обрабатывали продукты питания на дождливый период. После обеда Сато распределял поощрения и наказания. Последних было куда больше. Затем снова начиналась строевая подготовка, смысла которой никто из голых людей так и не осознал. А объяснения Сато никого не смогли удовлетворить. Пришельцы остались в убеждении, что строевая подготовка — это религиозный ритуал жителей горных областей Земли.

Вечером проходили очередные наказания и поощрения, а после наступления темноты Сато отправлялся спать, беря к себе на ложе Не-лю либо Не-све-лю в зависимости от настроения. Эти две женщины порой ругались и дрались из-за права спать с унтер-офицером, потому что это давало немало преимуществ в питании и занятости, а Сато, будучи в принципе разумным повелителем, отдавал свободную от его постели наложницу наиболее отличившемуся в строевой подготовке мужчине. Этот факт был неприятен женщинам, потому что никто из них не хотел спать с По-изом или потерявшим память и рассудок Ут-пя. Но закон есть закон. Лю-бу Сато не стал использовать в качестве наложницы, так как не любил костлявых женщин. Лю-ба была счастлива.

Апрель не принес успехов в строевой подготовке, и Сато отказался от мысли раздать мужчинам деревянные ружья и сабли.

Тогда в ущелье появились лигонские солдаты.

Сначала участились полеты вертолетов. Каждый день над ущельем проходила одна, а то и две машины. Правда, голые люди вертолетов не боялись — может быть, встречались с ними, когда жили севернее, в китайских горах, а может быть, принимали их за больших птиц.

Затем наступил тот плохой день, когда Сато, собравшись за улитками, увидел идущих вдоль реки лигонских солдат. Солдаты громко переговаривались, смеялись и ничего не боялись. У Сато кольнуло в сердце — как у человека, который стриг газон у дома и вдруг увидал, как чужой автомобиль подминает зеленую травку.

Сато сидел на толстом нависшем над рекой суку и представлял себе, как прыгнет на солдат сверху, разорвет их, растопчет, растерзает... Но он был достаточно осторожен, чтобы не дать ненависти овладеть собой. Чего он добьется, напав на патруль? Ведь он один, а солдат много и в случае его нападения будет

еще больше. Иное дело, если бы удалось натравить на патруль контрабандистов, но этим ущельем крупные группы контрабандистов и торговцев наркотиками не проходили — оно было слишком диким и тесным.

Пропустив солдат и надеясь, что они не заметят пещеру, Сато вернулся домой.

Он собрал голых людей перед пещерой и сказал так:

— В наше ущелье забрались бандиты, которые ищут голых людей, чтобы их убить.

— Зачем им нас убивать? — удивился Ут-бе-бе.

— Когда убьют, тогда и узнаете, — ответил Сато. — А пока вы мои люди и я хочу, чтобы вы были живыми. Приказываю: ни в коем случае не попадаться на глаза людей в зеленой одежде и зеленых шляпах. Если они выследят нашу пещеру, то я раньше убью вас всех, чем допущу этих солдат замучить вас до смерти!

Сато был так искренен, что По-из и Лю-ба растерялись — лжет он или на самом деле эти ненавистные люди в зеленой одежде охотятся на голых людей?

— Не исключено... — заметил капитан, когда пришельцы обсуждали эту проблему в отсутствие Сато. — Не исключено, что некая группа, местная или инопланетная, получила приказ от Галактического Центра найти нас и обезвредить.

— Или наши, с Дома, их послали, — сказал Ут-бе-бе.

— Я буду им играть и петь, — сказал сумасшедший Ут-пя.

— Помолчи! — приказала Не-лю.

На Доме к юродивым, сумасшедшим и маразматикам относятся плохо. Само их существование — сильный аргумент в пользу теории оглупления — самого страшного, что может ожидать человека. Так что потерявший память штурман Ут-пя не пользовался сочувствием своих соплеменников. Плохое отношение к нему объяснялось также и тем, что всем приходилось тратить немало времени на строевую подготовку, которая, несмотря на старания новобранцев и строгость унтер-офицера, не давала желаемых плодов. Пришельцы отвратительно держали строй и сбивались с ноги. Сато объявил потерявшего память штурмана Ут-пя оркестром. Тот сделал себе дудочку и с наслаждением упражнялся в самое непотребное время суток. А когда, невзирая на пол и возраст, ученые под душным грозовым небом тянули носок или делали все «на-пра...во!», Ут-пя сидел в тени и пронзительно дудел, вызывая всеобщую ненависть. Дважды пытались разломать дудочку, но, как и любая борьба не с причиной, а со следствием, эти покушения ни к чему не привели, если

не считать того, что каждая последующая дудочка становилась пронзительней предшественницы.

— Возможно, они лишь замаскированы под людей, — заметил Ут-бе-бе, который в последние дни переменял отношение к Сато, так как тот произвел его в ефрейторы и обещал при первой же возможности нашить ему на петлицы три золотые звездочки, а пока разрешил спать с Не-све-лю в те ночи, когда она не была занята с господином старшим унтер-офицером.

Лю-ба подумала, что лучше бы она покончила с собой, когда было надо, чем переживать, страшиться угроз. Ведь По-из, хоть и хороший человек, все же не защитник.

По-из уловил мысль любимой девушки и смирился с ее правотой.

— Нам надо уходить, — сказал капитан Ут-дирек. — Наверное, господин Сато знает укромные уголки, где можно отсидеться, пока не кончатся поиски.

— Откуда ты знаешь про укромные уголки? — рассердился Сато. Но По-из добавил, что капитан ничего не знает, но думает, что такой предприимчивый и осторожный человек, как господин Сато, обязательно должен иметь запасное убежище.

Сато хмыкнул и ничего не ответил.

Он не знал, зачем шастают по ущелью солдаты, и потому беспокоился втройне. Если они решили устроить пост, то никакие запасные убежища ему не помогут.

На следующий день появились новые основания для тревоги.

Из пещеры Сато увидел, как в кустах на том берегу кто-то таится. И не только таится, но и скрытно наблюдает за входом в пещеру. Сато провел больше часа, стараясь понять, кто этот наблюдатель. В тот день он не стал рассказывать об этом своим подчиненным — зачем их пугать? Но сам — по зайчику от стекла бинокля, по слабому отблеску на кокарде, по светлomu пятну лица, разрезанному стволом бамбука, — был уверен, что за ними наблюдают военные и что внимание к пещере не случайно. Что-то военные узнали, кто-то был неосторожен.

Сато рассердился и, хоть в этом не было большого смысла, вызвал к себе Не-лю и зашел вместе с ней за скалу. Не-лю выполняла должность фискала, за что получала дополнительное питание. Не-лю высказала предположение, что неосторожность проявила Лю-ба, которая в последнее время стала одинолично и без разрешения вождя собирать бесполезные цветы.

Сато выдал Не-лю премиальное яблоко, затем взял плетку, сплетенную для наказаний умельцем капитаном, и велел Лю-бе, кото-

рая в тот момент чистила дикie луковицы, следовать за ним к речке. Уходя, он приказал Ут-бе-бе не пускать По-иза на выручку девушки — он знал, что По-из наверняка уловит внутренние крики наказанной. Ут-бе-бе ответил, что приказ будет выполнен, а Лю-ба, поняв уже, что ее ждет порка, причем незаслуженная, задрожала — ее еще ни разу не поролли. Бить — били, но не поролли.

— Повернись.

Сато велел девушке встать на четвереньки и принялся ее пороть. Лю-ба не сопротивлялась и терпела, в первую очередь чтобы не доставлять горя несчастному По-изу. Она терпела, содрогаясь от ударов плетью, и Сато постепенно возбудился этим зрелищем и, несмотря на сопротивление переводчицы, вошел в нее — и стал ее первым мужчиной. Лю-ба горько рыдала. По-из тоже плакал и грозил самоубийством. Капитан собрал всех космонавтов, и коллектив постановил выразить порицание Не-лю, которая донесла на переводчицу, в результате чего та пострадала физически и морально. Но Не-лю не приняла упрека, заявив, что ее саму не раз так унижали.

Солдаты не ушли из ущелья — они устроили лагерь милях в двух выше по реке, на другом берегу. Там были палатки для жилья с кроватями, а также большая палатка со столом для еды. Еще палатка — кухня. Сато понимал, что такой лагерь продержится до сильных дождей, потом его смоем. Дожди должны были начаться со дня на день. Во всем в этом была загадка.

Загадка еще более усугубилась, когда на вертолете привезли совсем чужих и непонятных людей. Одна женщина и двое мужчин были англичанами, толстый индус в черном пиджаке, который жевал бетель, командовал поварами и прислугой, а еще один важный господин был лигонцем, но одевался как англичанин. С ними прилетел майор лигонской армии. Сато показалось, что именно он наблюдал за пещерой несколько дней назад.

Все эти люди ели, пили, громко разговаривали, словно были у себя дома. Сато пожалел, что не взял с собой По-иза, который бы мог забраться к ним в мысли и разгадать, зачем они сюда приехали. Но брать По-иза опасно после истории с наказанием Лю-бы.

Следующий день принес новые беды.

Англичане подобралась к пещере и смотрели на нее из кустов с той стороны. Наверно, они думали, что в пещере живут больные идиоты, которые ничего не видят и не слышат. Впрочем, здесь Сато был не совсем прав: именно его голые люди и вели себя так, словно никогда раньше не жили в лесу. Они не замечали самых очевидных вещей — следов, оставленных солдатами,

подходившими к речке, и мелькания многочисленных наблюдателей всего в ста шагах от пещеры. Скоро они будут сталкиваться с солдатами в лесу и говорить: простите, мы с вами еще не встречались?

Голые идиоты занялись между тем проблемой добывания огня. Они заявили своему вождю, что огонь можно добывать трением. Сато, мысли которого были заняты куда более важными проблемами, не стал с ними спорить. Капитан сам сделал какие-то паршивые палочки, тер их, а когда из этого, разумеется, ничего не вышло, страшно расстроился и чуть не расплакался — ему, видите ли, захотелось жареной рыбки. А унтер-офицеру хотелось сказать: будет тебе жареная рыбка, все тебе будет.

Конечно, если бы жизнь была иной, Сато дал бы им зажигалку. У него была хорошая газовая зажигалка — нашел на убитом контрабандисте. Но дым — самое опасное, чем себя может выдать отшельник: дым видно за много миль. Особенно сверху.

Сато ничего не стал говорить голым людям. Пускай живут, как индюки, предназначенные на убой, пускай себе квохчут. Дикими жили, дикими и помрут. Сато даже отменил строевую подготовку и изучение японских команд.

Он уже принял решение — уходить в секретное убежище. Надо было взять с собой все припасы, заготовленные на дождливый период, иначе племя вымрет — там, в секретном убежище, с едой не очень хорошо.

Но Сато медлил. Медлил потому, что так и не понимал, что нужно от него и голых людей приехавшим военным и инглизам. Почему инглизы и лигонцы действуют вместе? Они охотятся за Сато? Или за голыми людьми? А может быть, они ищут контрабандистов?

Готовый уже объявить своим подданным о подготовке к эвакуации, Сато решил подождать еще одну ночь.

Ночью произошли события, которые все изменили.

Этой ночью толстый индус в черном пиджаке ушел из военного лагеря и направился вверх по течению реки.

Сато не спалось, и он даже выгнал в ту ночь Не-све-лю, которая надеялась понежиться под одеялом, вышел на площадку перед пещерой и услышал, как толстый индус, совсем не приспособленный к хождению по горам, ломится сквозь бамбук. Сначала Сато решил даже, что бредет сошедший с ума слон.

Убедившись, что по лесу в одиночестве прет индус, Сато покинул пещеру и последовал за директором Матуром.

Он сопровождал его до пещерки, в которой Матур нашел

труп гонца, потом шел за ним обратно до самой своей пещеры. Он не хотел ничего делать с индусом, чтобы не вызывать к себе дополнительного внимания и подозрений военных, но, когда толстый индус поперся к большой пещере, Сато потерял присутствие духа. Ему вдруг показалось, что толстый индус догадался, кто убил контрабандиста и где надо искать мешочек с рубинами. А может быть, не догадался, а узнал? Может быть, у них с покойником был условный знак, который тот успел оставить перед смертью?.. Индус может потребовать мешочек с рубинами, а не отдашь — завтра придут солдаты.

У самой пещеры Сато догнал Матура и сильно ударил по голове дубинкой.

В тот момент он не думал, убьет Матура или нет, он просто не хотел пускать его в пещеру.

Матур лежал на земле. Сато присел возле него на корточки и стал думать.

Он думал долго, пока Матур не застонал. Оказалось, он еще живой.

Что же теперь? Добить и спрятать труп? Здесь труп спрятать не так просто — опытные горцы, а их-то и набирали в пограничную стражу, скоро его отыщут. А Пруи слишком мелка на перекатах, чтобы унести труп в долину.

И вот, глядя на бесчувственного Матура, Сато понял, что сначала его нужно допросить. Узнать у него, кто и зачем пожаловал в ущелье.

А потом, перед тем как уходить, мы его добьем.

И, решив так, Сато взвалил неподъемное тело Матура на спину и, пошатываясь под его тяжестью, поднялся к пещере.

Юрий Сидорович Вспольный

Я вынужден ненадолго вмешаться в последовательность событий, потому что хронологически они уже подошли к тому моменту, когда на сцене появляемся мы — участники международной конференции в Лигоне.

Вряд ли кто-нибудь сможет обвинить нас в слепоте. Поймите меня правильно — если бы пришельцы были в скафандрах, если бы их глаза излучали сияние, а по бокам болтались три пары рук, разумеется, мы бы догадались, что имеем дело с инопланетянами. Но как можно было предположить такое, если мы видели самых обыкновенных голых дикарей, которые, вели себя как голые дикари. Мы словно заглянули в баню и не смогли угадать, кто там генерал, а кто нищий.

Не помогло и посещение пещеры, потому что там мы не увидели ничего, кроме экскрементов и кучек сухой травы.

Так что, несмотря на мою неприязнь к директору Матуру, я вынужден признать, что ему нелегко было бы догадаться, с кем же мы имеем дело. Разумеется, если бы в плен к голым людям первым попал я, то открытие не заставило бы себя ждать и было бы квалифицированно оформлено. Но мне не повезло, потому что я не дружу с контрабандистами.

Я на время предоставляю слово директору Матуру и процитирую некоторые отрывки из его в целом лживой книги. Но, как мне кажется, те страницы, что описывают его появление в пещере, в общем правильно отражают действительность.

Директор Матур

Я пришел в себя в полутемном помещении с низко нависающим каменным потолком. Лежать было неудобно. Попытавшись подняться, я понял причину неудобства — мои руки были связаны за спиной, а ноги, очевидно, также опутаны веревкой или лианой. По крайней мере я не смог их раздвинуть, а попытка подтянуть их к себе, чтобы понять, в каком они состоянии, не увенчалась успехом. Резкое движение вызвало вспышку боли в затылке. Тут я вспомнил, как шел по ночному лесу и слышал шорох в кустах... Все! Значит, на меня напали эти людоеды, значит, они связали меня, притащили в свой вертеп и теперь, вернее всего, готовят большой костер, чтобы меня поджарить, или ушли на поиски душистых приправ. Может, они не едят людей без перца, лука и чеснока?

Я мог с уверенностью сказать, что лежу на полу в той самой пещере, за которой мы наблюдали. Значит, самые худшие мои опасения сбылись.

Каждый человек знает, что он в конце концов умрет. Некоторые относятся к этому с ужасом, другие спокойно или даже с ожиданием прекращения земных страданий и беспокойств. Но в один прекрасный день доктор говорит тебе: «Что-то мне не нравится этот прыщик! Сделайте-ка онкологический анализ!» И все! В тот же момент ты выпадаешь из среды прочих людей, которые умрут *когда-то*, и оказываешься в числе тех, кто умрет *скоро*.

Так случилось и со мной. Только что я наблюдал за этой пещерой со стороны, даже сочувствуя несчастным дикарям, которым нечем прикрыть чресла. И вдруг — о несправедливость моей кармы! — я стал пленником, то есть существом ниже, чем они сами.

Мои тревожные мысли прервал странный звук. Музыкаль-

ный, но непривычный, неприятный и тревожный, он доносился из темноты пещеры. С большим трудом я приподнял голову и разглядел там, у стены, сидящего на корточках голого дикаря, который дул в подобие свирели. Так вот кто мой тюремщик!

— Эй! — воскликнул я, намереваясь поставить на место этого хама. — Приказываю сейчас же развязать меня, иначе я от вас здесь камня на камне не оставлю!

Дикарь удивился звуку моего голоса, поднялся и подошел поближе.

Вид у него был очень злоедающий, рот изогнулся в коварной ухмылке. Кулаки покачивались над моей головой.

Я честно и по мере сил точно стараюсь передать мои чувства в тот момент. Учтите, что я был лишь беспомощной жертвой, связанной, как баран перед закланием. Что иное я мог подумать, если только что видел в другой, маленькой пещере, труп жестоко убитого курьера, а сам лишь чудом остался в живых после удара по голове?

И все же я смог собрать в кулак всю свою волю и недюжинную храбрость и потребовал:

— Немедленно развяжите меня! Иначе я буду жаловаться господину майору!

Но дикарь меня не понял. Он начал раскачиваться и напевать что-то на незнакомом мне языке, и я решил, что он поет ритуальную песню перед жертвоприношением.

Однако в тот момент, когда я готов был уже воззвать к помощи, в пещеру вошли другие дикари. Они окружили меня и с любопытством рассматривали.

Я старался разглядеть дикарей вблизи. Должен вам сказать, что зрелище совершенно голого и не стесняющегося своей наготы человека вызывает в интеллигентном бизнесмене отвращение. Правда, женщины были исключением. Одна из них — тонкая как тростинка, изящная и маленькая, вовсе не показалась мне слишком голой. Я бы скорее назвал ее приятно обнаженной. Как я потом узнал, эту девушку звали Лю-ба.

Пока я разглядывал дикарей, в моем сознании постыпался голос:

— Не надо так обо мне думать. Я стесняюсь.

Кто мог произнести эти слова?

Я не успел ни о чем догадаться, как в пещеру вошел пожилой японец с длинными, свисающими на грудь, черными таракаными усами и в коротких штанах. Из-за пояса у него торчала рукоять ножа. Я сразу догадался, что этот японец здесь главный. Как говорится, среди слепцов и одноглазый — король.

Вновь пришедший обратился ко мне на своем языке, и я опять ничего не понял. Но голова моя, старая умная голова, начала работать. Что общего, задала она себе вопрос, между пожилым японцем и голыми людьми совсем другой расы? А ничего общего!

Значит ли это, что японец каким-то образом влился в эту группу людей и даже смог их себе подчинить?

— Да! — услышал я у себя в мозгу тот же голос. — Именно так!

Я обвел взглядом лица дикарей, и мне показалось, что хрупкая девушка, которая мне так понравилась, незаметно прикрыла веки, как бы давая мне знак, что она меня понимает.

Японец рывкнул что-то, обратившись к самому пожилому из дикарей — робкому и сутулому мужчине, который, как я вскоре узнал, тоже был переводчиком-телепатом. И его называли По-из.

По-из посмотрел на меня, и тут же в моем мозгу прозвучал другой, его голос:

— Господин великий вождь нашего народа спрашивает, откуда вы пришли и что вам здесь нужно?

— Я требую меня сначала развязать, — приказал я.

Мои слова были переведены, потому что японец нахмурился и оскалился.

Два дикаря склонились ко мне и начали распутывать лианы, а голос переводчика проговорил в моем мозгу:

— Господин великий вождь просит вас, чужестранец, вести себя достойно и не убегать.

Я смотрел на их великого вождя, и у меня родилась гипотеза: а что, если это один из тех японцев, которые остались в самых диких местах еще со времен войны и которых находят порой на Филиппинах или Кэлимантане? Их забыли, потеряли, а они, будучи безмерно преданы своему императору и присяге, продолжают служить тенью забытой войны, ожидая, что о них вспомнят и их отыщут.

А если так, то японец, конечно же, случайно столкнулся с племенем.

«Может быть, вы правы, — услышал я голос в своей голове. — Но ваши мысли не совсем понятны. Кто такой японец, кто такой император?»

Я попытался ответить также мысленно, но в этот момент в нашу беседу вмешался сумасшедший музыкант и начал громко петь.

Японец ткнул его в бок кулаком, и музыкант покорно отошел к стене.

Я был развязан. Но мои руки и ноги затекли так, что я не мог ими шевельнуть. Наверно, мои страдания донеслись до мозга Лю-бы и По-иза. Они склонились ко мне и стали массировать

мои конечности. Я постарался сесть и только тут понял, что я так же обнажен, как и прочие дикари.

— Что такое?! — вскричал я, возмущенный таким произволом. — Немедленно приказываю возвратить мне одежду! За кого вы меня принимаете?

Но дикари не поняли моего возмущения, а японец, если и понял, то предпочел игнорировать мою просьбу.

В таком ужасном и унижительном положении мне еще никогда не приходилось пребывать. Я схватил с пола клоч сена и прикрывшись им, однако, как вам известно, я склонен к полноте, и потому этот клоч скрылся под моим животом без видимого эффекта.

Никто не смеялся, ведь они не знали одежды!

Может быть, они не племя, думал я, отступая в темный угол пещеры, а банда сектантов-нудистов?

«Нет, — слышалось у меня в голове. — Мы не сектанты-нудисты. Мы вынуждены быть обнаженными из высоких соображений».

«Это ваше собачье дело», — согласился я.

Все смотрели на меня с интересом, но никто не намеревался мне помочь.

— Кто это меня раздел? — спросил я, не подумав, что в моем поясе было двести долларов — мой неприкосновенный запас.

Голос в моем мозгу разъяснил мне, что я раздел по приказанию господина вождя. Так я и думал.

— Вы говорите по-английски? — спросил я японца.

— Мало-мало, — ответил он скорее от неожиданности, чем от желания в этом признаться.

— Ты служил в охране лагеря для военнопленных? — спросил я, не давая японцу опомниться.

— Всего полгода, — ответил японец по-английски.

— И с тех пор все в наших местах?

— Я не буду отвечать, — огрызнулся японец. Но он уже ответил, выдал мне все свои маленькие секреты. Отныне он не представлял для меня интереса.

— Пойдем река, — сказал японец по-английски. Его английский был ужасен, но все же можно было понять. — Не убегай. Я быстро бегать, я имею нож.

Он показал мне штык, надеясь меня испугать.

— Пойдешь с нами, — приказал японец пожилому переводчику по имени По-из.

Я сделал несколько шагов и оказался на площадке перед пещерой. День был в самом разгаре. Я надеялся, что с того берега реки

за мной уже наблюдают встревоженные глаза моих коллег-этнографов. Ведь, наверно, организованы поиски, и армейские вертолеты спешат сюда, чтобы спасти мою скромную персону.

Я стоял и не делал следующего шага.

Почему этот старый негодяй пошел со мной к реке? Не потому ли, что считал удобным убить меня подальше от пещеры, не на глазах у дикарей?

В тот момент я не знал, конечно, насколько безраздельна власть старшего унтер-офицера Сато над племенем голых людей, и полагал, что он с ними вынужден считаться.

«В его сердце нет намерения убить тебя, незнакомец, — услышал я в мозгу голос переводчика По-иза. — Он желает знать о тебе».

Верить или нет?

«Верить». — Переводчики могли читать мысли. И меня это не удивило. Мой дядя Сони, в период его вооруженной борьбы с английскими колонизаторами, однажды услышал внутренний голос, который подсказал ему не выходить на следующий день на демонстрацию. Он подчинился голосу. А демонстрация была расстреляна англичанами.

Я начал спускаться к реке следом за японцем. Я знал, что чем дальше я буду находиться на открытом месте, тем больше шансов, что меня найдут.

Однако у воды японец выбрал местечко в тени большого мангового дерева. Нас не было видно со стороны.

— Пей, — приказал японец.

Меня уже начало возмущать то, что он сам ходит в штанах, тогда как культурные люди вынуждены обходиться ладонями, чтобы прикрывать стыд.

Но сначала мне надо было подкрепить силы.

Я спустился к воде чуть в стороне от японца и поглядывал на него краем глаза — мало ли какие каверзы он мог замыслить?

Но, к моему удивлению, японец сидел неподвижно, вперив взор узких глаз в скалу на том берегу речки. Это меня успокоило, и я не спеша напился. Для этого мне пришлось опуститься на четвереньки.

Японец произнес фразу. Я сразу посмотрел на По-иза. И тут же в моей голове прозвучал перевод:

«Зачем ты к нам пришел?»

Я решил, что именно теперь я должен запутать этого ничтожного дикаря и варвара, иначе он обнаглает.

Я скрестил руки на груди и обернулся к японцу.

— Я пришел сюда, потому что хожу где хочу и делаю что хочу, — со всей возможной резкостью и твердостью ответил я. —

Моя армия находится на том берегу, готовая напасть на пещеру и перебить всех, кто в ней спрятался. Так что ты должен как можно скорее отдать мне мою одежду и попросить прощения.

Последовала долгая пауза — видно, По-из переводил мои угрозы в японские мысли.

Затем По-из мысленно сказал мне:

«Господин вождь Сато спросил меня, не лжешь ли ты о своей армии и своей силе?»

— А ты? Что ты ответил? — Меня охватил страх. Вот где таилась измена!

— Я ответил ему, что ты многое придумал.

— Зачем ты это сделал? — Я готов был растерзать глупого старика.

— Потому что я не умею лгать, — ответил По-из.

Сато улыбнулся, догадываясь, о чем мы говорим.

— Что ты искал? — был следующий вопрос японца.

— Мы ученые, — сказал я. — Нас много. Мы летаем на воздушной машине, которая называется вертолет. Мы нашли вас и вашу пещеру. Мы смотрим на вас, как на муравьев.

Сато вскочил и закричал. Я понял, что меня снова обвиняют во лжи.

Но на этот раз По-из печально наклонил голову.

Я был в безвыходном положении. Я понимал, что нельзя пугать этих дикарей и ставшего во главе их японского отшельника. Они решат, что спокойнее меня убрать и бежать куда глаза глядят. Но и утверждать, что я одинок, я тоже не мог. Меня бы убили, как незащитного львенка.

— Господин Сато догадался, что ты был в маленькой пещере выше по течению, где лежит мертвый человек, — вдруг сказал По-из.

— Нет!

— Образ этой пещерки в твоей памяти, уважаемый путник, — сказал переводчик.

— Лучше бы ты не думал, — в сердцах произнес я, чем еще более опечалил простого душой дикаря, который не питал ко мне зла, но оказался мне вреден.

Я и сегодня остаюсь в убеждении, что эти так называемые пришельцы с нашей, культурной точки зрения, все равно дикари. Они не понимают самых обычных вещей. А которые понимают, то делают совершенно неправильные выводы. Ну разве мог бы один бандит пожилого возраста подчинить себе целую группу взрослых людей, установить над ней власть только потому, что у него были нож и наглость?

Но вопрос Сато, не сразу дошедший до меня, вдруг озарил мне все будущее нечаянной логической догадкой.

Почему японский бродяга задает вопрос именно о курьере, о человеке, найти которого просил меня уважаемый Сумасвами? Но я не должен был сразу выдавать своей догадки. Ведь если Сато убил его, то он и взял посылку, которую нес курьер. И тогда мое общение с обитателями пещеры обретало совсем иной смысл. Я обязан был узнать правду.

А тем временем Сато продолжал допрос:

— Ты говоришь, что ты большой начальник?

— Да, — честно ответил я, — я главный начальник.

— И тебя будут искать?

— Уже ищут. И скоро найдут.

— Плохо твое дело, — сказал тогда японец. — Чтобы тебя не нашли, нам придется тебя убить.

— Но почему? За что?

— Потому что нельзя найти то, чего нет. Тебя не будет — тебя не найдут.

— Но вас все равно накажут.

— Меня уже наказывали и не раз, — усмехнулся японец. — Я никого не боюсь.

— Но голые люди обязательно расскажут о вашем злодейском преступлении.

— Их я тоже уберу, — сказал японец. — Мне это нетрудно сделать.

— Неужели он так думает? — спросил я у По-иза.

— Смерть всегда у него в мыслях. Но он не собирается прямо сейчас кого-нибудь убивать. Он еще не решил.

И тут мы услышали отдаленные голоса. Вернее, я не успел услышать их — у японца и дикаря слух был лучше моего, недаром они провели столько лет в джунглях, — как Сато вскочил. Он резко поворачивал голову — точно как дикий зверь. Мне показалось даже, что его уши настороженно вздрагивали.

В мозгу у меня — никак не мог я к этому привыкнуть — прозвучали слова переводчика:

«Сюда идут люди. Много людей».

— Разумеется, — сказал я спокойно, — меня ищут. И если хоть волос упадет с моей головы, вы дорого за это заплатите!

Сато поднял руку, умоляя меня замолчать.

Затем он обратился ко мне:

— Я отпущу тебя, уважаемый господин Матур. Но умоляю, не говори никому, что тебя посмели ударить. Я не хочу, чтобы наказание упало на головы невинных женщин.

— Не беспокойся! — сказал я насмешливо. — Полетит только твоя голова.

Видно, эти мои слова были тактической ошибкой. Гнев японца сразу же обрушился на голых дикарей.

— Я их уничтожу! — закричал он. — А сам убегу!

И с этим криком Сато кинулся вверх по склону, а По-из обратился ко мне:

— Умоляю вас, директор Матур, спасите моих соплеменников.

— Но как я могу им помочь? Хотите ли вы, чтобы я поспешил навстречу моим друзьям, которые меня ищут, и поторопил их?

Несчастный переводчик отрицательно покачал головой.

— О нет, только не это! — воскликнул он. — За это время Сато убьет всех остальных. Только на вас наша надежда! Поспешите же, спаситель!

Я понял, что переводчик прав. Если я не спасу дикарей, таких ценных для этнографической науки, то они погибнут и нам некого будет изучать. Я помчался вслед за японцем и успел в пещеру как раз следом за ним.

Все дикари, человек пять-шесть, не больше, сжались испуганно у стены.

— Я сейчас вас убью! — закричал хрипло японец.

Дикари упали на колени и простирали к нему тонкие руки, умоляя пощадить. Но Сато был непреклонен. Он выхватил из-за пояса острый штык и устремился к молодой хрупкой девушке-переводчице.

— Только не она! — закричал По-из. — Кто угодно, но только не она!

Сато хохотал дьявольским смехом.

— Остановись, несчастный! — произнес я тем громовым голосом, который возникает у меня в минуты душевных переживаний.

— И не подумаю! — настаивал японец.

И я вложил в свою фразу все благородство моей души.

— Я согласен быть заложником!

— В каком смысле?

— Ты пощадишь этих несчастных. Я же останусь с тобой. И если ты решишь, что твоей поганой жизни что-то угрожает, вот моя открытая грудь. Ударь в нее ножом, но пожалей несчастных!

Сато задумался.

Дикари, все как один, упали передо мной на колени, благодаря за спасение их жизней.

Я понимал, что хитрый японец сообразил, что я как заложник стою в тысячу раз больше, чем все голые дикари вместе взятые.

— Согласен, — сказал он. — Только ты пойдешь вместе с нами в мое тайное убежище.

— Хорошо, — ответил я. Я купил главное — время! Я купил жизни дикарей. Человечество этого не забудет.

— Собирайте припасы! — приказал Сато. — Кто сколько может унести. Мы уходим в тайное убежище.

Сато первым вбежал в пещеру. В полутьме я смог разглядеть ход в следующее помещение.

— За мной! — приказал Сато.

Мы, нагруженные связками луковиц и корней, плодами и стеблями растений, поспешили за японцем.

Раздался скрежет.

Я не сразу понял, что Сато поднимает плиту в полу, которая перекрывала скрытый от наблюдателей тайный ход.

Мы все спустились в узкий коридор. Там было холодно.

Сато закрыл плиту и велел нам идти вперед. Сам же он остался сзади.

Мы шли довольно долго и наконец впереди увидели свет.

Подобно заблудившемуся в пещере Тому Сойеру, мы побежали на свет и вскоре оказались перед выходом из пещеры.

Этот узкий выход вывел нас в небольшую глубокую котловину или кратер между двух горных пиков. Дно котловины было занято небольшим озерцом.

Там мы долго стояли, ожидая Сато.

Но каково было мое удивление, когда вместо Сато из черного круга — тайного выхода из пещеры появилась, щурясь, Ани-та Крашевская!

И только после нее вышел Сато.

Юрий Сидорович Вспольный

На этом я позволю себе отнять слово у директора Матура, потому что чем дальше, тем больше он отступает не только от истины, но и от здравого смысла. Здесь имеет место лавинообразный эффект лжи. Стоит тебе начать лгать, как требуется оправдание лжи. На ложь накладывается новая ложь. И так далее...

Стоило директору Матуру солгать относительно мотивов своего поведения, которые не имели ничего общего с заботой о голых людях, а диктовались лишь страхом и надеждой добыть мешочек с рубинами, как ему пришлось вносить коррективы в описание бегства из пещеры.

Я не хочу цитировать его записи далее. Одна ложь влечет за

собой другую, и постепенно Матур погружает читателя в мир, полностью вымышленный. Возникает образ самоотверженного героя, благородного и бескорыстного Матура, который не только спасет сейчас голых дикарей, но и сохранит мир на Земле.

До появления в пещере Аниты Крашевской я мог опираться лишь на сомнительные записки Матура. Но рассказ Аниты позволяет все расставить по местам.

* * *

...Аниту подвела наблюдательность.

Лучик ее фонаря коснулся щели в полу. В тот момент Сато, прежде чем закрыть плиту в каменном полу и поспешить вслед за своими подданными, решил кинуть последний взгляд на пещеру, полную недругами. Вот с этим взглядом и встретились глаза Аниты. Анита ахнула — э тот возглас я услышал, но не придал ему значения — и поспешила к щели в полу, чтобы выяснить, кто там таится. В отличие от жителей планеты Дом и директора Матура, эта польская паненка, представительница славного и древнего шляхетского рода, была лишена чувства страха*.

Сато, понявший, что его раскрыли, принял единственно возможный вариант поведения: он действовал быстро и безжалостно — плита откинулась, жилистая рука унтер-офицера схватила Аниту, и, потеряв равновесие, она ухнула в подземелье. Плита тут же легла на место. Потому наши поиски и ни к чему не привели.

А о том, что произошло дальше, Анита рассказала мне только после освобождения.

Анита Крашевская

Вместо того чтобы позвать на помощь, я направилась к черной щели, из которой кто-то выглядывал — по крайней мере луч фонаря отразился в чьих-то зрачках. Я решила, что меня разглядывает какой-то зверек, затаившийся в щели. А щель была такой узкой, что тигр там бы не уместился. Поэтому я и подошла поближе и даже наклонилась над щелью, чтобы разглядеть «зверька».

Именно в это мгновение плита откинулась, словно канализационный люк, неудачно ударила меня по лбу, отчего я на мгно-

* Прадедом пани Аниты был известный и невероятно плодовитый исторический романист И. Крашевский.

вание «поплыла» и качнулась вперед. Этого мгновения «зверьку» оказалось достаточно, чтобы рвануть меня к себе.

Мое следующее воспоминание — это неприятное ощущение того, что ты половая тряпка и тобой вытирают камни, чтобы прибрать нору к визиту соседа-крота.

Окончательно я пришла в себя уже на свету.

Я сидела, прислонившись к каменной стене, вертикально уходившей в небо. Казалось, я нахожусь в гигантском стакане, на дне которого осталось немного серой воды, — такими отвесными и высокими были скалы, окружавшие долинку, в которую я попала. Густой выше человеческого роста кустарник и купы невысокого бамбука росли на кольце гальки, отделявшем воду от стен. Место было неуютное, зловещее, пришедшее из страшной сказки. Слово именно в таких стаканах драконы высиживают свои лиловые яйца.

Голова гудела. Я провела пальцами по спуганным волосам и подпрыгнула от неожиданной боли — на макушке у меня была огромная кровоточащая шишка.

Когда я открыла глаза вновь, то увидела наконец и самих голых людей.

Они стояли в некотором отдалении от меня, в низком кустарнике, спиной к скале.

А на берегу озера, глядя в серое небо, стоял их начальник, который в отличие от остальных был не голым, а облаченным в шорты, переделанные из армейских брюк, и в древней английской каске, из-под которой торчали длинные черные космы. Он был, очевидно, китайцем или японцем, тогда как прочие голые люди принадлежали к европеоидам, но отличались своеобразным зеленоватым цветом кожи.

Мое внимание было привлечено еще одной человеческой фигурой, которую я увидела не сразу, потому что она таилась за кустом, присев на корточки. Не подумав о последствиях, я обрадовалась и не скрыла своей радости.

— Господин Матур! — закричала я. — А мы так за вас боялись!

Забыв о своей ране, я вскочила на ноги и побежала к родной душе — пану директору газированной воды.

Тот почему-то не выразил никакой радости по поводу моего появления и всем телом стал отворачиваться от меня. Но опоздал. Я уже обогнула куст и оказалась рядом.

И тут я поняла причину странного поведения индуса: он был абсолютно гол. Катастрофически гол. Нагота очень толстого по-

жилого человека — это особый вид кошмара, даже в музее восковых фигур такую фигуру нельзя выставить — беременные зрительницы будут преждевременно рожать лягушат.

В растерянности я обернулась к прочим голым людям.

Я все делала не по порядку. Я ведь еще не соображала, где я нахожусь и почему.

— Здравствуйте, — сказала я голым людям. — Меня не надо бояться. Я только хочу на вас посмотреть. Я специально прилетела сюда, чтобы с вами познакомиться.

Они смотрели на меня, потрясенные то ли моей прической, то ли джинсовым костюмом, прошедшим пустыню Гоби и остров Врангеля.

Я не ожидала никакой реакции, но она последовала. Пожилой очень худой дикарь с лысой, обрамленной венчиком бывших кудрей головой быстро затараторил, обернувшись к прочим. Остальные тараторили в ответ. Я обратила внимание, что у них совсем иные, чем у нас, жесты. И подумала тогда, что, живя много веков в изоляции, они не имели возможности узнать у сведущих людей, как надо выражать согласие или отрицание.

И тут я услышала голос. На хорошем польском языке некто невидимый сообщил мне, что рад моему появлению, но хотел бы уточнить, кто прислал меня знакомиться с ними и что я намеревалась делать, познакомившись.

Погрясенная этим, я окинула взглядом дикарей, скосила взор на японца, который задумчиво подводил баланс кучкам и связкам продуктов, принесенных голыми людьми. Наконец я решила, что никто здесь не знает польского языка, потому что им не повезло с учителями, а общаются со мной методом телепатическим и главный телепат среди них — лысенький пан с кудряшками за ушами.

Правильно, подтвердил лысенький. Вы все правильно угадали, и мы рады встретить разумного человека.

Я поняла, что пахнет Нобелевской премией. Ведь одно дело — дичайшее племя, другое — то же племя с телепатическими способностями, позволившими ему выжить в условиях экологических бедствий.

Господин Матур тем временем углубился в кусты и оттуда выразил радость по поводу моего прихода.

Его интересовало, прибыла ли я для его спасения, а если нет, то где те спасатели, которые должны это сделать?

— Где вы потеряли штаны, коллега? — спросила я.

— Эти изверги! — закричал в ответ Матур, но докричать свой текст до конца он не сумел, так как мы с ним одновременно ус-

лышали внутренний голос лысенького, который оказался переводчиком по имени По-из. Переводчик сделал шаг вперед, чтобы нам лучше было слышно, но по мне он лучше бы этого не делал. Увидев так близко совершенно голого пожилого человека, который был не дикарем, а вернее всего, почтенным отцом семейства, ушедшим в секту опрошенцев, я смутилась, так как при такой степени обнаженности воспринимаешь как нечто неприличное совершенно приличные части тела.

— Простите, — сказал По-из и отпрыгнул за куст.

Вы спросите, почему я именно тогда догадалась, что дикари — вовсе не дикари, а обыкновенные сектанты? Да потому, что переводчик По-из был пострижен! Покажите мне стриженного троглодита!

И на это мое наблюдение По-из мысленно ответил:

«Но ведь из этого можно заключить, что и первобытные социумы производят обработку волосяного покрова».

— Но первобытные социумы не смогут объяснить эту процедуру корявым наукообразным языком, — ответила я.

— Женщина! — услышала я голос человека в шортах. Вот этот, хоть и одетый, о парикмахере не слышал давно. Говорил он по-японски. И когда По-из хотел переводить, я сказала:

— Не надо, я училась в аспирантуре Токийского университета.

После этого я обернулась к человеку в шортах и спросила его на сносном японском языке, чего ему от меня требуется. К тому времени я уже сообразила, что именно его глазенки сверкали из-под плиты и именно он утащил меня в этот каменный стакан.

— От тебя требуется, чтобы ты разделась, — сказал он.

Как ни странно, его совершенно не удивило мое знание японского языка. Он был примитивно устроен, иначе бы не выжил столько лет в лесу, к тому же за последние дни телепаты подготовили его к тому, что весь окружающий мир может изъясняться ся понятно для него.

— Исключено, — сказала я. — Я не хочу раздеваться.

— Я приказал, — сообщил мне Сато. — Все раздеты, ты тоже. Ясно?

— А вы? — спросила я.

— Мне нельзя. Я старший унтер-офицер императорской армии.

— Я не вижу знаков различия, — сказала я, чтобы его позлить. Некоторые чувства у него были далеко запрятаны.

— Солдат японской армии всегда остается в строю, даже если выполнение секретных заданий требует, чтобы он общался с людьми, не будучи в военной форме.

Наверно, это был параграф из какого-то устава для лазутчиков.

— И давно вы здесь скрываетесь?

Почему-то этот ответ вывел его из себя.

— Я не скрываюсь! — закричал он высоким голосом. — Я остаюсь на посту!

Он кричал что-то еще, но я плохо слушала и не все понимала — все-таки почти десять лет без практики. Я уже сообразила, кто это такой — забытый при отступлении воин-завоеватель, о таких мне приходилось читать. Наверно, своего рода чемпион — с конца войны прошло больше тридцати лет.

Тут я заметила, что в руке у Сато длинный кинжал, которым он тычет мне в лицо. Сато упорно настаивал на стриптизе.

— Но зачем вам это? — спросила я.

— Тебя ищут одетую, а голую не ищут, — сказал Сато. — И у голых нет карманов. Нельзя спрятать оружие!

И он улыбнулся, показав мне много гнилых зубов.

— Только попробуй меня раздеть! — сказала я, постаравшись изобразить на лице полное равнодушие.

Сато стал приближаться ко мне, не спеша и получая садистское наслаждение от предвкушения... Интересно, он хочет меня зарезать или только раздеть?

— Госпожа Анита! — воскликнул директор Матур, выглянув из-за куста. Кстати, вид его был ужасен, но не порнографичен, потому что живот нависал над коленями, словно целомудренный занавес. — Я вас умоляю, разденьтесь, пожалуйста. Нам нужна ваша жизнь! Вы еще так молоды!

— При чем тут моя молодость! — рассердилась я. — Я не хочу раздеваться. Мне мама не разрешает раздеваться перед незнакомыми дядями.

— Что она сказала? — спросил Сато. Его ножик приближался с неотвратимостью танка.

— Прекратите, пожалуйста, — попросила я господина унтер-офицера, — а то я буду вынуждена принять меры.

— О, не надо, госпожа Анита! — вопил Матур. Но не двигался мне на помощь.

И этот феномен меня заинтересовал.

— Ну почему же никто не хочет меня защитить? — возвала я к голым людям, но не успела получить ответ, потому что унтер-офицеру надоело мне угрожать и он кинулся на меня с ножом, без сомнения, надеясь проткнуть мой плоский, гладкий, без единого грамма жира живот.

Мне пришлось несколько отклониться, чтобы дать возможность пожилому хулигану пронзить ножом воздух, затем я, несколько выдвинув бедро, захватила летящего мимо меня японца за руку, вывернула ее и кинула обидчика в озеро, куда он и рухнул, подняв фонтан брызг.

Кинжал зазвенел, ударившись о камни.

Все стояли как громом пораженные и глядели на меня.

— Ну вот, — сказала я. — Вы все свободны.

И тут же я вынуждена была обратить взор к озеру, потому что Сато шумел и бултыхался, а вода здесь наверняка холодная — еще утонет...

Я подошла к воде и протянула руку, чтобы помочь ему выбраться на берег.

Сато перестал бултыхаться и решил утонуть, для чего погрузился с головой в воду. Но в трех шагах от берега из этого ничего не вышло, он тут же сел на дно и вскочил, чтобы глотнуть воздуха. Воды там было чуть ниже пояса.

— Вылезай, — сказала я. — Прошу больше не хулиганить.

Но Сато лишь кинул на меня возмущенный взор и, глядя поверх моего плеча, принялся кричать своим соратникам, чтобы они схватили меня, иначе им будет плохо.

Я только хотела сказать голым людям, что речь Сато свидетельствует о его бессилии, но тут на меня навалилось стадо слонов, и я рухнула на гальку под их тяжестью.

Они ему подчинились!

Несчастные дикари рвали на мне одежду, дергали, терзали, я пыталась уговорить их не стараться так отчаянно, ведь у меня нет с собой других джинсов, но единственный, кто внял моим призывам, был директор Матур.

Он сказал дикарям:

— Держите ее, пожалуйста, покрепче. Я лучше вас знаю, как раздевать женщин.

И он довольно погано засмеялся.

Убить его я не могла, потому что дикари и в самом деле крепко держали меня за ноги и за руки, а кто-то уселся мне на голову. Матур квалифицированно раздел меня, несмотря на мои попытки сопротивляться.

К счастью, насиловать меня он не стал, в планы Сато это также не входило. Как я потом узнала, в племени у него были две свои пассии, а таких худых и жилистых баб, как я, он на дух не переносил.

Я все еще лежала, пригвожденная к камням, когда Сато по-

дошел поближе. Вода капала с его длинных волос и коленок мне на лицо.

Он показал мне пистолет. Видно, за то время, пока меня раздевали, он успел вытащить его из тайника.

— Пускай отойдут, — сказала я, и голые люди с облегчением разошлись.

Матур стоял в трех шагах и прижимал к груди мою одежду.

— Хоть бы трусики вернул, — укорила я директора.

— Все должны быть равны, мадам, — наставительно возразил Матур. — Я был бы рад вам помочь. Но вы же видите — он вооружен и очень опасен.

Я не была уверена, что дело в оружии. Или только в оружии. Шоколадные глазенки Матура сверкали, обвислые щеки тряслись, он виновато поглядел на Сато и спросил:

— Куда прикажете сдавать одежду?

Сато величественно показал на черную дыру у стены — наверно, там был его тайник. Матур просеменил туда и кинул мое драгоценное добро в черноту. А мне хотелось сесть на корточки, свернуться в клубок под внимательными взглядами дикарей, которые молчаливо рассматривали детали моего тела.

Но я не могла сесть на корточки, потому что взявший верх с помощью своих робких подданных Сато начал визгливо читать мне нотацию и грозить всевозможными карами, а я раздумывала, врезать ли ему еще раз, ведь я могла выбить у него пистолет и совершить военный переворот, но потом рассудила, что риск выше возможных выгод. С минуты на минуту нас отыщут и извлекут отсюда.

Когда Сато утомился, к делу подключился Матур.

— Госпожа, — говорил он, поглядывая на переводчика По-иза и рассчитывая, очевидно, что тот доведет его речи до сознания мокрого вожда, — вы не правы. Господин Сато поддерживает дисциплину, потому что только так можно контролировать таких диких людоедов, как эти.

Переводя эти слова, По-из даже съезжился от негодования. Но стерпел.

— Госпожа, — продолжал Матур, разглядывая меня масляными глазками, — вы же могли нанести травму женщинам и детям!

— Детей я здесь пока не видела, — возразила я. — А что касается женщин, то до сегодняшнего дня я к ним относилась и себя. Кстати, не выношу, когда мужчины кидаются на меня с ножами.

Пистолет в руке унтер-офицера дрогнул, и Матур заговорил вдвое быстрее:

— В настоящее время я не рискнул бы назвать вас женщи-

ной, мадам Анита! Ваше поведение — не женское, нет! Вы нанесли господину Сато травму, напав на него.

— Если не можете говорить правду, тогда заткнитесь, — оборвала я Матура и почувствовала внутреннее одобрение переводчика По-иза. Но, к сожалению, это одобрение почувствовал и Сато, который только что блаженно улыбался, слушая монолог Матура, а тут, подпрыгнув, ловко ударил По-иза пяткой в бедро. Тот даже упал. А когда я кинулась ему на помощь, Сато сразу же показал мне внутренность пистолетного ствола — такую черную дырочку.

Никто не пришел на помощь стонущему переводчику. Даже тоненькая девица — переводчица Лю-ба осмелилась лишь приблизиться к его распростертому телу.

Я помогла переводчику встать, опасаясь, правда, что этот маляк все же спустит курок. Но обошлось. Переводчик мне помог. Он мог заглядывать в темную голову Сато и угадывать если не мысли его, то господствующие желания. И предупредить меня... На этот раз Сато стрелять вроде бы не намеревался. Он думал, что со мной делать. И придумал.

— Ты, толстый индус, — сказал он, ткнув пистолетом в сторону директора, — вел себя правильно. И говорил правильно. Понятно?

— Понятно, — пискнул Матур.

— Мы сейчас будем говорить. Если эта женщина будет отвечать неправильно, я буду наказывать женщину. Остальным отойти вон туда, построиться и заняться строевой подготовкой! Ответственный — Ут-бе-бе.

Молодой человек, неплохо сложенный, с приятным лицом, вытянулся в струнку и ответил:

— Слушаюсь, господин старший унтер-офицер!

И все голые люди, невзирая на пол и возраст, ушли от нас на ровную площадку. Я смотрела им вслед. И отметила еще одну важную деталь: они шли, поджимая пальцы ног и ковыляя, как люди, которые никогда в жизни не ходили босиком и для которых такая ждба — мучение. Где же вы потеряли ботиночки? — подумала я.

— И ты иди, — приказал Сато По-изу, который задержался, собираясь, видно, помогать нам.

По-из ушел, а я пожалела об этом — он мог бы мне подсказать и помочь. Я чувствовала, что он добрый человек. Если Сато решит меня неожиданно подстрелить, некому будет предупредить жертву.

Сато огляделся и увидел директора Матура, который послушно стоял в трех шагах от нас.

— И ты тоже! — крикнул он. — Шагать! В ногу! Я вас научу дисциплине!

Матур растерялся.

— А мне зачем? — спросил он. — Я же не дикарь.

— Ты и есть голый дикарь!

Сато издевался над толстяком, и я получила от этого злорадное удовольствие, потому что всегда и всем доказывала, что любое потворство негодьям ведет к вашему же унижению. Негодяи знают только один язык — язык силы. И я не намерена была сдаваться. Правда, я была одна, значит, придется хитрить. Будем хитрить...

Матур, понутив голову, отправился заниматься шагистикой, и это было зрелище, достойное богов. Правда, никто не смеялся — мне было некогда, Сато был лишен чувства юмора, а голые люди не знали, над чем здесь принято смеяться, а над чем — запрещено.

Голый строй был потешен и ужасен. Без сомнения, все новобранцы господина Сато были людьми городскими, далекими от спорта и редко бывающими на берегу моря. Они покорно выстроились у стенки. Молодой человек встал лицом к строю, полный понурый мужчина средних лет поднес к губам самодельную свирель и принялся извлекать из нее пронзительные звуки. Остальные переминались с ноги на ногу.

— Ты зачем сюда пришла? — спросил Сато, убедившись, что никого близко не осталось.

Я смотрела, как Матур проталкивается в строй.

— Наверно, мистер Матур уже все вам рассказал.

— Зачем вы пришли сюда?

Раздался сухой выстрел. Я подпрыгнула — брызнули осколки гальки из-под ног, новобранцы замерли в ужасе.

— Говори, — потребовал Сато.

Какое несчастное существо, подумала я. Все тело в шрамах от ран, порезов и язв, лицо изрезано морщинами, белки глаз желтые, в красных прожилках, волосы редкие, грязные, ногтей на ногах нет — какие-то костяные наросты...

— Мы приехали, чтобы посмотреть на голых людей, — сказала я по-японски.

— Зачем?

— На земле не осталось голых людей. А мы ученые. Мы хотели узнать их язык, их обычаи.

— Зачем?

— Чтобы много знать.

— Врешь, — сказал Сато, но не очень уверенно.

— А то, что вы здесь, никто не знал. И вы никому не нужны. Вы можете идти, куда хотите.

— Нет! — воскликнул унтер-офицер. — Это моя река! Это мой лес! Это мои люди!

— Река и лес ничьи, — сказала я как можно тише и спокойнее. — Люди тоже ничьи.

— Люди все поделены, — ответил Сато. — Солдат имеет офицера, ты имеешь мужа.

— Я не имею мужа, — на свою голову возразила я этому бандиту. Тут в нем ожила садистская жилка.

— Ты! — закричал он, тыча в Матура. — Ко мне!

По-из объяснил Матуру, что от него требуется, и сам затрусил следом за толстяком.

— Матур, — спросил Сато, — ты меня любишь?

Не знаю уж, чем Сато так прельстил нашего толстяка — я не присутствовала при завязке их романа, — но Матур, ни секунды не промедлив, вытирая пот, выступивший на лбу от энергичных строевых упражнений, воскликнул:

— Я вас люблю, господин офицер Сато!

— Ты будешь мне помогать?

— Я буду вам помогать.

— Ты готов погибнуть ради императора?

— Ради кого? — спросил Матур, который не знал, кто такой император. Только я в этой компании могла догадаться, что имеется в виду император Хирохито, коротающий свою почетную старость в токийском дворце.

— Ради моего императора! — На всякий случай Сато ткнул пистолетом в сторону Матура.

— Так точно! — обрадованно завопил Матур.

— Тогда знай, что и я люблю тех, кто мне предан. И я дарю тебе жену.

— Что? — Матур захлопал веками. Меньше всего он ожидал получить жену в этом каменном стакане.

— Вот твоя жена. Она будет тебе покорна. — Сато показал на меня. — Она будет готовить тебе пищу, она будет тебя улаживать и родит тебе много детей.

— Так точно! — повторил Матур, и я почувствовала в выражении его лица безмолвный вопль: «Еще этого мне не хватало!»

— Скажи мне, — продолжал Сато, — эта женщина, твоя жена, кому-нибудь нужна?

— Я вас не понял... — Матур согнулся, насколько позволял ему живот. — Кому она может быть нужна?

— Ее будут сильно искать?

Я видела, как крутятся, высекая искры, шарики и колесики в голове директора — он никак не мог сообразить, что скрывается за вопросом Сато, какая каверза? Как выгоднее ответить? Как угадать?

Лицо Матура покрылось потом. По-из, стоявший за его спиной, задрожал от чужого напряжения.

— Женщина... — произнес Матур и сделал паузу, надеясь увидеть нечто на каменном лице японца или услышать подсказку от По-иза. — Об этой женщине уже забыли!

Все, он решил мною пожертвовать, идиот! Объявив меня царицей Савской или мадам Тэтчер, он бы усилил и свои позиции. Но ему показалось, что я унтер-офицеру не понравилась и, уничижая меня, он попадет в фавор.

Сато обернулся ко мне.

— Женщина, — вопрошал он, — что ты скажешь о человеке, которого я дал тебе в мужа? Так ли он ничтожен, как ты? Так же о нем забыли, как обо мне?

— О нем никогда не забудут, — вежливо ответила я. — Вся великая Индия, затаив дыхание, приблизилась к экранам телевизоров и следит за тем, как идут поиски великого господина Матура! Я думаю, что сюда будут стянуты все авиационные эскадрильи из Бангкока и Рангуна. Перед тем как попасть к вам, я слышала, что к ущелью продвигается второй Сомерсетский батальон.

Матур смотрел на меня, выпучив глаза от удивления. Сато был встревожен и растерян. Допрос рухнул...

— А ты? — спросил он.

— А я была послана, чтобы передать господину Матуре послание от генерала, который командует операцией по его спасению.

— Ха! — радостно закричал Сато. — И попала ко мне в ловушку!

— Но я выполнила свой долг.

— Ты сказала?

— Я все доложила великому господину Матуре. Теперь я никому не нужна. Я могу умереть.

— Нет, — сказал Матур. И замолчал. Может быть, я говорила правильно? Или это злая шутка и за нее Матура расстреляют?

Не хотела бы я быть на его месте.

Сато вытащил было пистолет из-за пояса, потом заткнул его на место.

— Пускай попробуют! — заявил он мне. — Пускай поищут! Меня здесь не найдут за сто лет!

И он пошел вдоль берега, туда, где голые дикари совершали странные телодвижения, которые должны были изображать строевую подготовку.

Уже на подходе к ним он начал кричать, требуя тянуть носок и держать голову выше.

— Что ж вы, Матур? — сказала я. — В капралы захотелось?

— Госпожа, поймите меня правильно! — взмолился нехрабрый директор. — Я хотел сделать лучше, я хотел, чтобы он не обращал на вас внимания. — При этом он сладострастно смотрел на мою обнаженную грудь и шевелил губами, напоминая, что он мой муж.

Я хотела врезать ему в челюсть кулаком, но тут его призвал к себе Сато.

— В строй! — кричал он. — А ну быстро в строй!

Я только отмахнулась от Сато и пошла в другую сторону. Мне надо было подумать. А для этого лучше всего немного искупаться. В моем положении было преимущество — не надо раздеваться.

Я ступила в холодное озеро. Дно круто уходило в глубину. Через пять шагов я была по пояс в воде и, оттолкнувшись от каменного дна, нырнула вперед.

Я вынырнула посреди озерца. Оттуда, на расстоянии пятидесяти метров, я видела, как, прекратив строевую подготовку, голые люди подбежали к краю воды, очевидно, решив, что я утонула. Сато даже ступил в воду, но при виде моей головы тут же сделал шаг назад и погнал дикарей к стенке продолжать упражнения.

Над каменным стаканом нависли темные тучи, они двигались медленно, как готовые к дойке коровы. Стало прохладнее. Вот-вот начнется ливень. А я знаю, что такое муссон — он обрушивается, как лавина, он на недели заливают долины Лигона, и здесь, в горах, голым людям будет несладко. Кто они на самом деле? Откуда пришли? Что за секта такая? Как ни странно, я не смогла придумать версии лучшей, чем сектантское происхождение голых людей.

Мне стало любопытно, глубокое ли озеро. Я нырнула. Дна я не достигла, но, к своему удивлению, обнаружила на глубине десяти метров движение воды. Если это родник, то он очень силен и напорист, раз сносит меня. Но куда тогда девается вода? И девается ли?

Когда я вынырнула наружу, стало еще темнее. Я обратила

внимание на то, что Сато и Матур с тревогой глядят на небо. Они-то понимают, что означает начало дождей. А вот дикари, для которых приход муссона должен быть важным событием, совершенно игнорируют тучи. Они утомились после строевой подготовки, расселись вдоль берега озера и глядят на меня во все глаза. Может быть, они плавать не умеют? Или боятся холодной воды?

Я видела, как Сато, пригнувшись, скрылся в подземном ходе, которым мы пришли сюда из большой пещеры. Вернее, все пришли, а меня притащили.

Я доплыла до берега и вышла из воды. Воздух был парной, напоенный влагой, будто смоченный скорым дождем.

Матур подошел ко мне, как побитый пес.

— Я прошу прощения, мадам Анита, — прошептал он, оглядываясь на черный ход, откуда мог выскочить страшный Сато. — Но все что я говорил, я говорил, чтобы его обмануть. Вы меня понимаете?

— Нет, я вас не понимаю, — сказала я.

* * *

Мне удалось поговорить с голыми людьми после обеда. Если можно назвать обедом ту пищу, которую распределил лично господин Сато. Причем делал он это несправедливо, поощряя фаворитов и унижая слабых. Матуру для поощрения досталась лишняя луковица, а когда дошла очередь до меня, господин унтер-офицер впал в раздумье. Мое ничтожество, декларированное Матуром, не казалось ему убедительным. И все же он дал мне уменьшенную порцию, как переводчикам-телепатам и аккуратному старику по имени Ут-дирек. Меньше всего дали музыканту, который принялся ныть, и я подумала, что он не совсем нормален.

Я имела возможность присмотреться к своим товарищам по несчастью. Я уже была убеждена, что они здесь сидят не по своей воле, а так же, как и я, стали узниками унтер-офицера. Хотя я не знала еще, как это могло произойти и зачем они нужны японцу. Людей было семеро. Из них три женщины: одна неопределенного возраста, статная и, я бы сказала, сексапильная дама по имени Не-лю и две молодые — скуластая высокогрудая Не-свело и хрупкая переводчица Лю-ба.

Сато часто уходил в черный ход пещеры — то ли выбирался наружу, смотрел, как разворачиваются поиски бесценного господина Матура, то ли проверял тайники и секретные подземные

ходы. Воспользовавшись его очередным отсутствием, я завязала разговор с голыми людьми. И придумала неплохой ход: я беседовала с ними по-польски. Ведь переводчикам-телепатам было все равно, на каком языке я говорю, если я умею думать. А вот Матур не понимал ни слова, хотя сидел, расставив уши, чтобы потом донести все японскому господину.

Стоило мне задать По-изу первый вопрос, как вмешался встревоженный Матур:

— Вы о чем разговариваете?

— Я говорю о погоде, — сказала я. — Мне интересно, сильный ли муссон в той местности, откуда они родом.

— Можно было бы спросить по-английски, — сделал мне замечание Матур.

— Господин муж, — ответила я, — разрешите мне говорить на моем родном варварском языке?

— И что они ответили про муссон? — спросил он.

— Это вас волнует?

— Конечно, волнует! — искренне воскликнул Матур. — С минуты на минуту хлынет ливень и ни один вертолет не поднимется в воздух! Как нас найдут?

— Убежим, — сказала я уверенно.

— Он нас перестреляет!

— Нет, если мы объединимся.

— С ними? — Голос Матура наполнился презрением.

В этот момент возвратился Сато, и нам пришлось прервать плодотворную беседу.

Но я ее вскоре продолжила, потому что в следующий раз Сато удалился в пещеру надолго, а По-из по секрету сообщил мне, что господин лег спать.

— Отлично, — сказала я, — а мы можем к нему подобраться и скрутить его?

— Нет, — ответил По-из. — Во-первых, это незтично, а во-вторых, он спит, как хищный зверь, и все время слушает.

— Спасибо за информацию, — сказала я. — А может быть, вы теперь расскажете, как вы сюда попали?

— Мне надо посоветоваться с остальными, — сказал По-из, и я не мешала ему советоваться в течение получаса.

— Я сообщил моим друзьям, — произнес наконец По-из, — что в вашем сердце нет опасности для нас.

— Спасибо за комплимент, — ответила я. — И чтобы не было никаких недоразумений, давайте я вам сначала расскажу, почему я здесь оказалась и как вас отыскала.

Они струдились вокруг меня. Трижды начинал моросить дождик, но потом таял в теплом воздухе. Храпел Матур. По-из подтвердил, что я не лгу, и только после этого они наконец поведали мне о своем спасении от самоубийства и последующих печальных приключениях. Так я стала первым человеком на Земле, который вполне достоверно встретился с пришельцами из космоса и не только встретился, но и беседовал с ними.

Пришельцы с Дома заявили, что после всех лишений, которые выпали на их долю, жизнь им не дорога. И если я намерена сдать их властям, то завтра же о их трусливом поведении будет сообщено в Галактическое содружество, их планета заплатит гигантские штрафы за нарушение международных договоренностей, а специальные агенты-ликвидаторы придут сюда для того, чтобы испепелить их до последнего человека. Так что если из двух зол выбирать меньшее, то они предпочтут остаться со старшим унтер-офицером и тихо сгинуть в этих горах.

Положение было безвыходным.

С одной стороны, я намеревалась выбраться отсюда и надеялась, что с помощью голых людей я одолею маньяка. С другой — я должна была понять и разделить чувства несчастных пришельцев. Я совсем не хотела, чтобы таких милых, интеллигентных и, к несчастью, голых людей уничтожили ликвидаторы космических служб.

Как странно, рассуждала я, выслушивая стенания инопланетян, что мы могли с самого начала принять их за дикарей! Лишь шоры, добровольно надетые на наши очи, заставляли нас допустить, что дикари здесь водятся, а вот пришельцы не залетают. Наше мнение было предвзятым с самого начала — нам сказали, что следует увидеть, и мы это увидели.

Слезы лились по щекам Не-лю, когда она рассказывала мне, как ее изнасиловал этот военный маньяк, другие женщины молчали, но по их глазам я догадывалась, что и им пришлось испытать это страшное унижение.

— Вот сидит Ут-пя, — сказал капитан, указывая на полного музыканта. — Разве вы угадаете в нем тонкого ценителя поэзии, диалектика и острослова?

— Вы о ком? — спросил Ут-пя и начал дуть в дудочку. Пронзительно и однообразно.

— О тебе, несчастный, о тебе, — сказал Ут-бе-бе.

— А я не жалуюсь, — сказал штурман. — Наконец-то я получил свободу и слился с природой.

И он запустил такую трель, что нам пришлось замолчать, пока штурман не насладится свободой.

— Я тоже подвергся ударам, — сказал капитан.

— И я! — вмешался молодой и внешне приятный Ут-бе-бе.

— А может быть, стоило связать этого бандита и оставить его в пещере? Пускай отдыхает, — предположила я.

— И погубить невинного человека?

Нет, они были гуманистами, а гуманисты такого рода опасны тем, что найдут словесное оправдание любому поступку. Сейчас они борются за право каждого человека на жизнь. Но завтра могут с таким же энтузиазмом броситься в бой за уничтожение реакции.

— Не надо его губить, — сказала я. — Достаточно обезвредить.

— Но вязать веревками разумное существо — это немыслимо! — сообщила нам Не-лю.

— Я тоже не вижу в этом смысла, — поддержал ее капитан Ут-дирек. — Ведь нам некуда деться.

И я поняла, что в его словах есть печальный смысл. Ну хорошо, уберу я их угнетателя, оставлю их снова, как и в начале пути, свободными. И куда они денутся? Они же утонут в этом каменном стакане, заблудятся в лесу или же, оказавшись в цивилизованных местах, будут разоблачены и попадут в лапы ликвидаторов. Но куда и как пристроить их? Об этом я еще не знала. И допускала даже, что не узнаю без совета с более опытными и доброжелательными коллегами. Тот же Юра Вспольный, милый мужчина из русского посольства, — он знает местные языки и обычаи. Или профессор Никольсон...

— Пожалуй, как наступит ночь, я убегу отсюда, — сказала я. — Я постараюсь отыскать добрых и умных людей.

— Очень опасно убегать от господина Сато, — сказал По-из. — Господин Сато может наказать.

— Он может нас наказать только тогда, когда вы это позволите, — сообщила я пришельцам.

Все согласились со мной, потому что признали мою правоту.

— Но он не спрашивает нашего разрешения, — сказала умудренная Не-лю.

— А вы тоже не спрашивайте, — сказала я, и после этого наша дискуссия зашла в тупик. Голые люди как бы символизировали большую и лучшую часть человечества, которая предпочитала покоряться власти имущим и таким образом выживала в тяжелые времена. Я же относилась к бунтарям, которым не суждено дожить до рассвета.

— Сейчас обстоятельства переменялись, — заявила я. — Вы не одиноки. Я с вами.

Никто не спорил, только По-из сдержанно заметил, что Матура можно отнести к союзникам Сато.

Я поклялась, что с Матуром справлюсь в одиночку, и только тогда в рядах покорных рабов произошел раскол. На мою сторону перешел молодой человек У-т-бе-бе, который воскликнул:

— Нельзя отступать бесконечно! Мы теряем интеллектуальное превосходство над этим маленьким чудовищем. Мы глупеем, так как в рабстве все глупеют!

— Только не это! — ахнула Не-све-лю.

— Мы его обезоружим, когда он уснет, — заявил У-т-бе-бе.

— И свяжем! — поддержала его Не-све-лю.

— И будем ждать, когда вы приведете помощь, — согласился наконец капитан.

Я обрадовалась, что дело сдвинулось с мертвой точки.

— Только не отступать, не пасовать, не трусить, — потребовала я. — Как только кто-то даст слабину, Сато станет втрое нахальнее.

И тогда все пришельцы поклялись великой клятвой долины Колючих Роз, традиционной на планете Дом, что будут совместно бороться против произвола и угнетения и не отступят, даже если им будет грозить смерть.

Мне трудно сказать, сколько было тогда времени, но день клонился к закату. Облака нависали столь плотно и низко, что в стакане царили сумерки.

Я велела пришельцам спокойно дожидаться вечера. Я возьму на себя нападение на Сато. Я его обезоружу. Остальные должны по мере сил помогать мне или по крайней мере не мешать. В случае необходимости — нейтрализовать Матура. Хотя вряд ли этот толстый трус посмеет вмешаться в бой.

На этом подготовка заговора завершилась — мне жутко хотелось есть.

Но Сато куда-то спрятал припасы — наверно, в подземном ходе, а мне не хотелось начинать военные действия раньше времени. Я не была окончательно уверена в тех, кого собиралась освободить. Вдруг в самый решительный момент они разбегутся?

...Сато вылез из подземного хода и внимательно осмотрел берег. Пришельцы разбрелись по нему в поисках скудных плодов земли. Я же улеглась за кустом, намереваясь немного подремать.

Так что, когда Матур, завидев обожаемого Сато, пригибаясь, подошел к нему, они меня не заметили.

— Господин Сато! — прошептал Матур. — Тебя пиф-паф!

Он показал, как некто зловещий целится в Сато и стреляет. Сато понял. И спросил по-английски:

— Кто? — Он знал несколько английских слов — то ли помнил с войны, то ли поднабрался в лесах.

Я приподняла голову, наблюдая за Матуром.

Он выразительно обрисовал ладонями мою фигуру и показал, крутя пальцами над головой, что у меня короткие вьющиеся волосы.

— Да, — сказал Сато. — Хорошо.

— Я, — Матур ткнул себя пальцем в грудь, — друг. — Он перевел палец к груди унтер-офицера. — Сато, — опять палец в действии, — друг Матур. Сато давай Матур камни.

— Камни?

Из-под ног Матур поднял несколько камешков и стал смотреть сквозь камешек на небо.

— Камни! — повторял он. — Рубины. В мешочке. Дай мне. Я — хороший.

Сато не понял или сделал вид, что не понял.

Мне надоело их слушать, и я сказала по-японски:

— Директор Матур просит вас поделиться с ним рубинами, которые лежат у вас в мешочке.

Сато не удивился тому, что я лежу так близко, хмыкнул и сказал:

— Передай ему, что он будет мой хороший друг много ночей и тогда я дам ему камешки. Но не сегодня.

Что я Матуру и сообщила. К большому неудовольствию индуса. Причем, как мне кажется, он был больше недоволен тем, что я услышала их разговор и донос Матура на меня.

Сато обогнул куст и встал надо мной.

— Ты хотела меня убить? — спросил он.

— Нет, — ответила я.

— Он говорит, что хотела.

— Пускай говорит.

Я всей шкурой чувствовала приближение опасности. Ну что ж, может, лучше и не ждать темноты?

Я продолжала лежать, чтобы казаться безопасной. Но, видно, моя нагота натолкнула Сато на обычную для него светлую мысль.

— Матур! — позвал он. — Это твоя жена.

— Да, господин!

Матур тоже чувствовал неладное, но ему было сложнее, чем мне. Ему и жить хотелось, и мешочек с камнями очень требовал-

ся. К тому же он должен был догадываться, что жизнь в подчинении у унтер-офицера не вечна. А потом придется возвращаться в цивилизованный мир, где я — доцент Варшавского университета, а он — заведующий бутылками в нашей временной столовой.

— Я велю тебе получать удовольствие, — приказал Сато.

— В каком смысле? — поинтересовался Матур.

— Это твоя женщина. Покажи ей, что она — твоя.

Все. Начинается последнее действие, поняла я.

Матур вяло переминался с ноги на ногу, не в силах подойти ближе. Голые люди стояли неподалеку.

— Панове, — сказала я по-польски, чтобы только По-из с Лю-бой меня поняли, — приготовьтесь к действиям.

Мои слова повергли их в смятение. Они боялись потерпеть поражение.

— Иди! — Сато издевался над Матуром.

— С вашего позволения, я хотел бы подождать ночи. В наших краях принято жениться в ночное время, вы меня понимаете?

— Я тебя понимаю, — сказал Сато. — Ты сказал, что ты мой слуга. Как же ты себя ведешь?

— Я подожду, можно?

Тогда Сато сунул руку в карман своих полушорт и извлек оттуда небольшой кожаный кисет.

— Знаешь, что здесь? — спросил он.

— Нет, — тупо ответил Матур.

— Тогда смотри.

Сато отошел на шаг, чтобы Матуру было до него не допрыгнуть, развязал мешочек и вынул оттуда пригоршню камешков, в основном размером с горошину. Размахнувшись подобно сеятелю, он кинул их в озеро. Матур взвизгнул.

Сато завязал мешочек и спрятал в карман.

— Ну как? — спросил он у Матура.

Толстыми пальцами Матур делал совершенно ненужные движения в области живота, словно расстегивал и снимал несуществующие штаны.

Он был в трансе.

— Матур! — строго окликнула я его. Мне было стыдно за этого пожилого человека.

— Да, конечно, — сразу откликнулся он. — Простите меня, мадам Анита. Я совсем этого не желаю, клянусь вам, я отношусь к вам с уважением, но ведь это просьба господина Сато. А у меня есть жена и дети, я их очень люблю.

— Тогда вам не нужна вторая жена. — Мне не хотелось, чтобы он попал в безвыходное положение.

— Вы совершенно правы, — согласился Матур. — Но вы, пожалуйста, потерпите, я недолго, я сделаю и уйду, ведь вы не девушка, правда?

— Эти вопросы я обсуждаю только с любимыми мужчинами, — гласил мой ответ. — И не на виду у коллектива.

Он начал склоняться вперед, и мне пришлось прикрикнуть на него:

— Пошел прочь, подонок!

А он продолжал надвигаться на меня, так что мне уже стало опасно дальше лежать на песочке.

— Панове! — обратилась я к пришельцам. — Сейчас я займусь Сато, а вы накидывайтесь на Матура. Он безопасен.

— Что? Что она говорит? — Надо отдать должное Сато — интуиция у него была дьявольская.

— Она не хочет, — растерянно заявил Матур, как мальчик, который жалуется маме на подружку, которая не дает ему игрушку.

— Сейчас захочет, — сказал Сато и вытащил из-за пояса пистолет.

— Хватайте Матура! — крикнула я остальным, а сама вскочила так, чтобы Матур оказался между мной и Сато.

Потеряв меня из виду, Сато начал водить стволом пистолета, и тут — а счет пошел на доли секунды — я прыгнула на Сато так, чтобы вышибить из его руки пистолет. Что мне и удалось.

Сато успел отпрыгнуть и удержался на ногах. А мои голые союзники оторопели и остановились, хотя Матура можно было брать голыми руками. Из-за их очередного предательства я потеряла преимущество внезапного нападения. Матур подхватил пистолет и трясущейся рукой направил его на застывших в позах отчаяния пришельцев. Я увидела, как Сато тянет руку к Матуру, чтобы отобрать пистолет, и поняла, что моя участь решена. И мне ровным счетом ничего не оставалось, как бежать.

У меня было два направления — подземным ходом в пещеру или в озеро.

Узкий ход наверняка станет ловушкой — пока я буду по нему карабкаться, Сато пять раз меня подстрелит, а если чудом мне повезет и он меня не подстрелит, то уж обязательно достанет, пока я буду поднимать каменную плиту.

Озеро тоже не обещало спасения, но лучше оно, чем ничего.

Так что я нырнула и постаралась как можно дольше не появ-

латься на поверхности. И пока я плыла под водой, я рассуждала, укрыться ли мне на том берегу или нырнуть...

Я вынырнула посреди озера, чтобы набрать в легкие воздух, и тут же пуля обожгла мне ухо: Сато стоял на самом берегу и целился весьма уверенно. Никаких шансов скрыться на другом берегу у меня не было.

Значит — вниз.

Я успела глубоко вдохнуть и мысленно попрощалась с самой собой, Анитой Крашевской, тридцати одного года (честно!), разведенной, красивой и талантливой.

Внизу меня подхватил поток, и я не сопротивлялась ему, чтобы как можно дольше сохранить воздух в легких.

Меня несло все быстрее, раза два ударило о камни, раз я чуть не застряла на каком-то повороте, но я не очень чувствовала внешние толчки, потому что была занята лишь одним — как бы не глотнуть воды... Это было страшно и отвратительно, в какой-то момент мои глупые легкие заставили меня потерять контроль над собой и вдохнуть воду, после чего я начала терять сознание... И не знаю, как меня вынесло потоком на крутой склон и выкинуло на камни, что, видно, и спасло меня — от удара я начала судорожно кашлять, выплескивая из легких воду и стараясь носом втянуть воздух... А потом я долго лежала на каких-то колючках, наслаждаясь тем, что на свете есть колючки и самый настоящий воздух, и зарекаясь подходить к воде иначе, как к умывальнику. Я пролежала там, пока не почувствовала, что готова идти дальше.

Поток, который вырывался из-под скал и скатывался по камням, вливался в Пруи несколько ниже нашего лагеря. Так что мне пришлось перебраться через реку, благо я нашла широкий плес, и пробираться тропкой к палаткам, уже не веря тому, что лишь недавно жила в махонькой империи страха.

Я подошла к лагерю, никем не замеченная, и уже увидела сквозь листья бамбука площадку и палатки на ней, как остановилась, словно громом пораженная. Я вспомнила, в каком я виде!

Впереди, разгуливая по травке, мирно беседовали Вспольный с Никольсоном, чуть дальше несколько солдат — их явно стало больше, чем было раньше, — прислушивались к отдаленному звуку вертолетного мотора.

Я не могла выйти из леса. Я не могла подойти к ним. Я готова была умереть, но — ни шагу дальше.

Может показаться странным — ну прикрылась бы каким-нибудь банановым листом, крикнула бы, чтобы мужчины отверну-

лись... Нет, я стояла столбом — вся моя наглость и уверенность в себе, которые поддерживали меня в каменном стакане, куда-то испарились. И ни тяжкая судьба голых людей, ни беспокойство за их жизнь, ни жалость к этому подонку Матуру — ничто не могло подвинуть меня на то, чтобы покинуть убежище и показаться моим коллегам и солдатам в образе Афродиты, которой не досталось морской пены.

Я уселась и стала ждать, когда площадка опустеет.

В ущелье стояло безветрие, и меня начали жрать комары и всяческие летучие твари. Мне пришлось отступить к реке и некоторое время, мучаясь голодом и отчаянием, подпрыгивать у воды. Тут на берег, конечно же, пришли за водой солдаты, и мне пришлось спрятаться в самых колючих на свете зарослях, где кроме меня жил еще гигантский паук-человекоед. Впрочем, я не настолько хорошо разбираюсь в энтомологии — может быть, он был обыкновенным слоноедом. Паук смотрел на меня, я на паука, и в конце концов паук, по-моему, решил, что я недостойная его размеров и аппетита добыча, и отправился на настоящую охоту. Когда я выбралась из обморока, я сползла в воду, залезла туда по шею и сидела так минут десять, пока окончательно не заоченела.

Но это помогло мне прийти в себя, а когда я вернулась к засаде у лагеря, пошел редкий дождик и комары разлетелись по своим бомбоубежищам.

Начало темнеть, и я надеялась через полчаса или в худшем случае через час вернуться к себе в палатку, к такому милому халатику и тапочкам.

Но не тут-то было.

Раньше меня на поляне появился другой гость — господин директор Матур!

Он не скрывал своей наготы. Он гордился ею, как племенной жеребец сомнительных кровей. Ах ты, мой муженек!..

Я не сердилась на него — он тоже был близок к смерти, его унижали и даже чуть было не заставили меня изнасиловать, что, как вы знаете, невозможно без моего одобрения.

Все бросились к нему.

Пошатываясь, Матур стоял на краю прогалины. Его тут же подхватили под руки и поволокли к большой палатке, желая немедленно положить в спальный мешок и лечить либо эвакуировать в Танги. Но Матур держался мужественно. В вечерней тишине мне было слышно каждое слово, произнесенное моим соотомом по несчастью.

— Что с вами было? — спрашивал майор Тильви Кумтатон,

и ему вторили остальные участники экспедиции. Даже господин Никольсон, с презрением сухопарого жеребца относившийся к толстой жабе — Матуру, не мог не сочувствовать господину директору.

— Я там был! — воскликнул Матур. — Я был схвачен!

Затем последовал короткий раунд борьбы между фельдшером и Матуром, в ходе которой тот отбилсЯ от лекарств и продолжил свою душераздирающую историю.

Рассказ Матура занял добрых полчаса, так что мне придется изложить его здесь вкратце.

Оказывается, камешки, из-за которых Матур на самом деле отправился в ночной поход, были ни при чем. На самом деле его выманили с помощью прекрасной дикарки, которая подкралась к его палатке и умоляла прийти на помощь ее маленькому народу, который попал в злобные лапы японского военнoслужашего.

Ну хорошо, подумала я, сердиться за это на Матура нельзя. Он скрывает свое богатство, свою добычу... Меня больше занимало, как он вырвался из каменного стакана? Беглец он или шпион?

Далее Матур довольно сбивчиво, но горячо рассказывал, как он решил освободить голых дикарей от власти японца, как он пришел вместе с дикаркой к запрятанному высоко в горах озеру, где угнетал дикарей жестокий японец.

Матур вступил с японцем в отчаянную борьбу, что было нелегко сделать, потому что японец был вооружен автоматом, пулеметом и еще гранатами, а Матур сражался голыми руками. Эта титаническая схватка закончилась в конце концов победой Матура, который изгнал японского милитариста, но, к сожалению, за это время неблагодарные дикие люди разбежались по ущелью и, может быть, ушли за хребет, в сторону Китая.

Тут профессор Никольсон, который делал вид, что верит в плохо слепленную версию Матура, спросил, не встречал ли Матур в своих боевых странствиях некую женщину по имени Ани-та Крашевская.

И тут мой Матур искренне зарыдал.

— Никогда! — воскликнул он. — Никогда не прошу себе, что не удержал эту девушку. Да, она была в плену у японца, но я умолял ее потерпеть, она же испугалась, кинулась в озеро... и утонула!

Я собралась было засмеяться, но передумала, ведь тут Матур говорил правду: он видел, как я нырнула в озеро, и не видел, как я из него выбралась. А следовательно, я утонула.

Майор Тильви Кумтатон стал выпрашивать у Матура, где

же находится это озеро, и я поняла, что мой муженек или не знает карт, или не хочет, чтобы озеро нашли.

Пока военные вежливо, но настойчиво допрашивали Матура, я услышала, как к зарослям, в которых я скрывалась, подошли Никольсон и Юра Вспольный. И тут я, к удивлению своему, услышала, что Вспольный плачет. Этот большой и толстый белый джентльмен в очках плакал, как маленький мальчик, забывая английский и переходя на русский язык:

— Я пойду ее искать, может быть, она жива.

— Скоро будет темно, — отвечал Никольсон. — А с утра мы пойдем вместе. Я полностью разделяю ваши чувства.

— А может быть, Матур врет? — спросил Вспольный.

— К сожалению, я не вижу нужды для него врать.

— Да, — согласился Вспольный. — Нужды лгать нет.

Растроганная, я уже готова была выйти из кустов, но тут меня обеспокоила другая мысль: если Матур что-то скрывает и лжет, то почему? Что случилось в каменном стакане? Может, это дьявольская хитрость Сато и он таится поблизости, чтобы ночью зарезать всех моих товарищей, включая трогательного и милого Юру Вспольного?

Я поняла, что сейчас сделаю — я быстро добежу до пещеры и узнаю, где же на самом деле пришельцы, живы ли, что им грозит... И это будет куда быстрее, чем организация военной спасательной экспедиции.

И я вновь отказалась от уютной палатки и горячего кофе, потому что мне было жалко этих нелепых пришельцев, о которых никто не должен знать, что они пришельцы.

Было еще светло, и дорога к пещере была мне отлично знакома.

* * *

Духи гор покровительствовали мне. Неожиданно распогодилось, облака разбежались. Оказалось, что солнце только-только ушло за зубцы гор и их вершины еще окрашены желтым закатным светом. Так что в моем распоряжении было достаточно времени, чтобы дойти до пещеры, не поломав по дороге ног.

Мне странно было идти по ущелью. За последние дни оно стало мне знакомым, будто я прожила здесь больше месяца. Я возвращалась в особый, никому не известный мир, о котором и я вчера имела самое смутное представление.

Последние лучи солнца оторвались от вершины самой высокой из гор, и ущелье было залито вечерней синевой, когда я поднялась

на площадку перед большой пещерой и отвернулась от открытой уборной пришельцев. Мне не хотелось поднимать каменную плиту в темном внутреннем зале пещеры и лезть в узкий проход, ведущий к озеру, но у меня не было другого выхода.

К счастью, мне не понадобилось этого делать.

Как только я ступила под навес над площадкой, внутри пещеры раздались радостные голоса и в моем мозгу прозвучали слова Лю-бы:

— Смотрите, кто к нам пришел!

— Не может быть! — сказал По-из. — Вы же, к сожалению, утонули.

— К счастью, я чудом не утонула, — ответила я. — И не пытайтесь изобразить меня духом.

— Вы не бросили нас! Вы не забыли о нас! — стонали пришельцы, окружив меня. Их нагота была мне привычна и не пугала. Моя собственная не играла здесь роли. Даже Ут-пя с его дудочкой меня почти умилял.

— Мне стало любопытно, — сказала я, — потому что мне встретился директор Матур.

— И что он вам сказал? — спросил капитан Ут-дирек. Голос его звучал сдержанно.

— Он меня не видел, он говорил с другими. Он сказал, что уговаривал вас встретиться с людьми, но вы убежали.

— И вы не поверили? — спросила умудренная жизненным опытом Не-лю.

— Разумеется, — сказала я. — Он же сказал, что Сато от него убежал.

— У нас есть фонарь, — сказал капитан. — Это ваш фонарь. Его потом забрал Сато. А теперь это наш фонарь.

Он протянул мне фонарь, но я не сразу поняла зачем.

— Зажгите, — сказал капитан. Он выглядел подавленным, а я тупо стояла с потушенным фонарем в руке.

Потом зажгла его.

Луч его обжег лица пришельцев. Пришельцы жмурились и отворачивались от яркого света. Потом он натолкнулся в глубине пещеры на лежащего навзничь человека.

Глаза Сато были закрыты, щеки ввалились и потемнели, нос заострился — я его даже не сразу узнала.

— Когда вы пропали, господин Сато очень сердился. Он даже пошел в воду, чтобы вас найти, — рассказывал между тем По-из.

— Он хотел меня спасти? — Я была поражена непоследовательностью этого человека.

— Он очень сердился, но не хотел, чтобы вы утонули. Он снял пояс и штаны и нырнул в воду. Он вас не нашел, а толстый человек Матур схватил мешочек, кожаный мешочек с красными камнями и хотел убежать. Сато вылез из воды и полез за ним в подземный ход.

— А потом вы слышали оттуда выстрелы.

— Да, — сказал По-из. — Мы слышали выстрелы и испугались. Мы сидели и ждали. Мы долго ждали...

— А потом он начал стонать, — сказала Лю-ба.

— Кто? — не поняла я.

— Господин Сато. Я почувствовала, что он жив, но ему очень больно. И мы полезли туда, чтобы ему помочь, — ответила Лю-ба.

Я так живо представила себе эту сцену — голые пришельцы толпятся у черной дыры подземного хода и прислушиваются к стонам, несущимся из-под земли.

— Мы нашли его у самой пещеры. Видно, он догнал господина Матура, когда тот открывал каменную плиту. Мы подняли господина Сато наверх и положили здесь. Мы не делали ему больно. Но он все равно умер. Раны были смертельные. — Лю-ба говорила виноватым голосом, хотя это мне только казалось, нельзя же мысленно говорить виноватым голосом. Но пришельцы чувствовали себя виноватыми.

И капитан даже сформулировал это состояние:

— Если бы мы не свалились ему на голову и не нарушили весь порядок его жизни, он бы и дальше охотился, ходил по горам и, может быть, вернулся в свою страну Японию. Но мы оказались соблазном. Он изменил жизнь.

— Вы не правы, — сказала я. — И без вас сюда бы прибыл Матур или какой-нибудь другой курьер, чтобы выяснить, куда делся контрабандист, который нес рубины. А мы с вами знаем, что контрабандиста убил Сато и забрал себе мешочек с камнями. Виноваты рубины, виноваты контрабандисты, виновата жадность Матура...

Но, по-моему, я не убедила пришельцев.

Они сбились в кучку, как замерзшие котята, и тихо гудели — то ли пели, то ли плакали, а я не знала, что же делать дальше.

Наконец я поняла.

Я собралась было идти обратно в лагерь, но желание это было половинчатым — если ты не знаешь, зачем идти, то не очень хочется продираться сквозь ночной лес.

И я решила остаться вместе с ними.

Мы стащили в одно место сено, что лежало кучками по залу,

легли, прижавшись друг к другу, и постарались накрыться одеялом японца. Егохватило только на женщин, которых положили в середину.

Лишь Ут-пя не хотел спать. Он остался сидеть над телом Сато, наигрывая, к счастью, негромко на своей дудочке.

Я спала в объятиях Лю-бы, прижавшись к Не-све-лю, от пришельцев исходил чужой, необычный, но не неприятный запах, и мне всю ночь снились странные сны.

* * *

Я проснулась на рассвете от того, что мне было холодно. Оказывается, все остальные уже поднялись. Одеялом они накрыли фигурку Сато.

Кто-то сходил к озеру и принес оттуда припасы. Я поела вместе с пришельцами.

— Мы решили... — сказал капитан. — Мы пойдем через горы. Мы уйдем из этих мест. А дальше будет видно.

Я стала доказывать им, что стоит подождать еще день, я переговорю с моими коллегами, и мы что-нибудь придумаем.

Но пришельцы не согласились ждать, потому что они чувствовали мою неуверенность.

Они решили идти вверх по реке — там меньше людей.

Мы собрались расстаться, но никто не решался сделать первый шаг.

Так мы и стояли на краю площадки, глядя на долину Пруи, над которой плыл рассветный туман.

И вдруг издалека донесся звон колокольчика. Тихий такой, мелодичный звон. Он оборвался.

— Идут, — прошептал По-из, но замолчал, потому что не смог объяснить, кто же идет.

Потом прозвучал негромкий голос.

Несколько человек неспешно спускались по ущелью.

Я приблизилась к самому краю площадки и увидела людей, о приближении которых мы слышали.

Это были молодые, а то и совсем юные люди, они были странно одеты, а некоторые и не одеты вовсе. У одних головы были выбриты, у других оставлены косички, кто-то был облачен в розовую марлевую накидку, а на ком-то были лишь рваные плавки. У каждого через плечо висела холщевая сумка, и все были босые... Впереди шествовал буддийский монах, тоже бритый, в оранжевой тоге.

Сделав знак пришельцам оставаться на своих местах и по-

звав с собой Лю-бу, я осторожно начала спускаться к воде, потому что путники как раз сделали там привал.

Мы остановились за кустами, чтобы не путать людей своим видом, и Лю-ба сказала:

— Они ни о чем не думают, они замерзли за ночь. Они здесь чужие.

— Спроси вон у того, старого человека в оранжевой одежде, кто они и куда идут?

Услышав голос в своей голове, буддийский монах вовсе не испугался и не удивился, а ответил по-лигонски:

— Это неизвестные паломники. Они идут к реке Ганг. Они пришли в наш горный монастырь Манудаунток, или Сокровище трех Боддисатв, и мы их лечили и кормили. А теперь я провожаю их до монастыря в деревне Линили. Мы туда придем послезавтра.

Паломники замолчали. Они поняли, что их проводник с кем-то разговаривает, и потому насторожились.

Было тихо, только пели утренние птицы. Паломники негромко разговаривали между собой.

— С кем это он треплется? — спросила голая до пояса, бритая девушка с плоской грудью, которой лучше было бы носить лифчик, подбитый ватой, чем ходить голышом.

— Наверно, здесь немало бесплотных астральных тел, — ответил юноша с длинным носом и тонкой косичкой на затылке. — Блаватская предупреждала в своих работах, что в предгорьях Индии надо быть вдвойне внимательным.

— Я потерял равновесие духа, — капризно сказал исхудавший паренек в розовой майке — единственном предмете туалета, который ему достался.

Меня смущало то, что я так легко понимаю этих молодых паломников. Имя Блаватской тоже мне было откуда-то знакомо. О, Матерь Божья! Они же говорят по-русски!

Я так удивилась и обрадовалась, что выбежала из-за куста и оказалась среди молодых людей.

Сначала они шарахнулись было во все стороны, скорее от неожиданности, чем от страха. Но далеко не отошли. Их нелегко было удивить.

— Привет! — сказала я им. — Вы откуда здесь взялись?

Юноша с длинным носом, который предупреждал об астральных телах, посмотрел на меня с подозрением.

— А вы что, здесь и живете?

— Пока живу.

— По принципиальным соображениям? — спросила девушка

с большим животом, месяце на восьмом. У нее было обиженное лицо, словно ее пригласили на прогулку, а теперь заставляют таскать немислимые тяжести.

— Нет, я здесь ненадолго.

Лю-ба, почувствовав, что от молодых людей не исходит опасности, тоже вышла из-за кустов и присоединилась к нам, ни у кого не вызвав удивления. Лишь монах все поглядывал наверх, на кусты, словно ждал, что оттуда появятся новые лесные феи. Затем он вспомнил, что он монах, а не любитель эротических зрелищ, потому склонил голову и начал усердно перебирать четки. Четки были рубиновые, цены им нет. Как хорошо, что Матур далеко отсюда!

— Куда путь держите? — спросила я. Наверно, получилось неестественно, но я никак не могла найти нужного тона в беседе с этими странными созданиями. Когда я жила в Москве, там таких еще не водилось.

— В Бенарес, — ответил мне длинноносый — видно, ихний вождь. — В святой город.

— И зачем же?

— Там нас ждет гуру Нилаканта Шастри.

— Долго будет ждать, — сказала я.

— Почему? Почему? — спросил длинноносый.

— Потому что дорога на Бенарес чуть правее, — сообщила я. — А таким путем вы скоро доберетесь до Сиамского залива.

И тут я поняла, что они плохо изучали в школе географию и разницы между Сиамским заливом и Панамским каналом не ощущают.

— Не слушай ее, Денис, — сказала беременная паломница. — Это типичная провокация. Ты лучше спроси ее, в какой школе ЦРУ она русский язык выучила?

Тут все паломники посмотрели на меня, как на врага, и я поспешила ответить:

— Никакого ЦРУ! Я здесь нахожусь в экспедиции.

— Вот видишь, Василиса! — сказал человек с челкой.

— А какая же, позвольте, экспедиция? — не сдавалась беременная девица. (Впрочем, если беременная, то по-русски уже не девица, да?)

— Ищем трон царя Соломона, — призналась я.

— Евреи, — пояснил остальным мрачный тип с челкой.

— Нет, ты скажи, в самом деле промахнулись? — спросил искудавший паренек.

— А давно идете? — спросила я.

— Мы верим в великого Кришну и вечное благо. В спасение

через добро! — крикнула беременная девица. Видно, ей все это уже порядком надоело.

— И давно идете? — спросила я.

— Мы сами из Люберец. Мы примкнули к туристской группе в Монголию, — сказал длинноносый.

— На поездку в Индию характеристик не дали, — сказала беременная, а мрачный тип с челкой пояснил:

— Монголия является страной социалистического лагеря.

Исхудавший паренек показал мне крепкую палку, всю изрезанную зарубками.

— Шестьсот семьдесят дней, — сказал он. — Особенно трудно приходилось в Китае. Но мы в коммуне работали.

— Всех бы повесила, — закричала беременная.

— Василиса, Василиса, — стали уговаривать ее товарищи. — Где твое смирение?

— Нет, — сказала я. — В таком состоянии вам идти дальше нельзя. Вам не выдержать пути до Бенареса.

— А что делать? — пискнула бритая девица с плоской грудью. — Мы уже на грани истощения!

— Мне вредно питаться одними овощами, да еще немытыми! — поддержала ее беременная.

— Тогда послушайтесь моего совета. Следуйте за этим добрым буддийским монахом, который ведет вас к монастырю. Остановитесь в монастыре, поживите там, может, месяц, может, два. А там уж решайте. Возможно, кто-то захочет вернуться домой, а кто-то перейдет в буддизм.

— Только не это! — закричал длинноносый.

— А если не оставят? — пропищал исхудалый паренек.

— Оставят. — Я обратилась к монаху, который не поднимал на меня глаз, и с помощью Лю-бы спросила, насколько добры и гостеприимны монахи монастыря в Линили. Монах ответил, что монастырь славится своей заботой о странниках, в нем можно будет жить в качестве помощников, собирать плоды в саду, чинить и мастерить — кто что может.

Это я перевела бывшим советским туристам, а ныне кришнаитам, ищущим Бенарес и, возможно, покойного гуру Нилаканту Шастри.

Как вы, может быть, догадались, пока я разговаривала с советскими паломниками, у меня созрела идея.

— С вами пойдут еще шесть местных кришнаитов, — сказала я. — Вы включите их в свою группу.

— Еще чего не хватало! — возмутилась беременная, но длинноносый сообразил, что заинтересован в моей поддержке, и сказал:

— Если они наше жрать не будут, пускай идут. И пускай учтут, что язык общения — русский! Везде.

— Хорошо, — пообещала сообразительная Лю-ба.

Она же и поскакала как серна к пещере, чтобы привести своих спутников.

К сожалению, я не могла дать им денег на дорогу, но предусмотрительная Не-лю взяла высыпавшиеся из мешочка рубины, так как правильно рассудила, что раз земные жители ценят эти блестящие камешки, значит, стоит ими запастись. Я же убедила По-иза и Лю-бу проявлять в будущих сделках с рубинами крайнюю осторожность.

По моей подсказке пришельцы разделили между собой части одежды покойного Сато и раздетого Матура. Зрелище было странное, но именно эта нелепость в одеяниях примирила советских кришнаитов с пришельцами с планеты Дом. Склонному к пижонству Ут-бе-бе достался пиджак Матура, Не-лю взяла себе полушорты Сато, капитан натянул марлевые дхоти Матура, По-изу досталось его нижнее белье...

И когда я, стоя на склоне, смотрела на увеличившуюся группу, она показалась мне вполне гомогенным образованием, словно паломники топали вместе через весь Китай. Только потом я вспомнила о себе, но не было сил и отваги лезть в подземный ход и искать одежду на берегу озера, так что я ограничилась набедренной повязкой из рваного мешка.

Я прошла с паломниками три мили, что отделяли пещеру от военного лагеря.

По дороге мы говорили мало и тихо. Я предупредила советских друзей, что там сидят в засаде солдаты, которые вылавливают всех кришнаитов и отправляют на родину. Поэтому кришнаиты шли буквально на цыпочках.

А когда тропинка, миновав лагерь, свернула от реки, я попрощалась с пришельцами. Прощание получилось сдержанным, потому что я не знала, как у них на ДOME прощаются сердечно. Я обещала приехать в монастырь и помочь им советом, но надеялась, что вместе с советскими друзьями они доберутся даже до Бенареса.

Потом я попрощалась с советскими друзьями и пожелала беременной Василисе замечательного сыночка, на что исхудавший юноша сказал, что он хотел бы девочку. Я не ожидала, что он и есть отец семейства, потому замолчала.

Длинная процессия малоодетых людей человек за человеком исчезала в банановых зарослях. Вдруг беременная Василиса, по-

утиному переваливаясь, поспешила назад и сунула мне в руку какую-то палочку.

— Анита, — прошептала она, — товарищ Крашевская! Советский Союз в моем лице надеется на сознательность польских товарищей.

И ~~засеменила~~ следом за остальными, сверкая черными пятками.

Оказалось, что Василиса оставила мне туго скрученную полосу тонкой коры, на которой спичкой или палочкой было выдвинуто:

«Совершенно секретно. Предс. КГБ лично.

Двигаемся на Бенарес. Прод. наблюдение. ЦРУ внедр. шесть агентов. След. послание оказией. Майор Пупыш».

* * *

Когда я поднялась в лагерь, утро уже вступило в свои права. Поляна была залита солнцем. Она была пуста, если не считать часовых, стоявших в отдалении. Из большой палатки, где была столовая, доносились голоса.

Я устало добрела до той палатки и, откинув полог, вошла внутрь. Я не хотела никого удивлять, мною владела лишь одна мечта — поесть и завалиться спать.

Но почему-то все обернулись ко мне — один за другим, и на их лицах появилось одинаковое обалделое выражение.

Все молчали.

Молчание нарушил директор Матур.

— О нет! — завопил он на всю долину. — Изыди, злой дух!

Он закатил шоколадные глаза и грохнулся в обморок, потянув на себя скатерть вместе с кофейником и кастрюлей с порridgeм, и оставил меня, мерзавец, без завтрака.

Юрий Сидорович Вспольный

Появление Аниты Крашевской, уже похороненной и оплаканной нами, за несколько минут до выхода очередной партии на поиски ее тела, вызвало шок в палатке, где мы завтракали. Эта милая молодая женщина была обнажена, как Афродита, вышедшая из морской пены.

Первым спохватился профессор Никольсон.

Когда Матур потерял сознание, потащив со стола скатерть, Никольсон ловким движением старого тореадора подхватил эту скатерть и, сделав несколько быстрых шагов, накинул ее на Аниту.

Тогда Анита поняла, в чем дело, устало улыбнулась и сказала: — Спасибо. Вы очень любезны, сэр.

И так поправила на себе скатерть, что показалась нам прекрасной гречанкой, одетой в лучших гомеровских традициях.

* * *

Оказалось, что майор Кумтатон с самого начала подозревал Матура в связях с контрабандистами, и ему не стоило труда отыскать в тот же день останки убитого японцем гонца.

Я не должен был этого знать, но, когда живешь в палатке, нужно говорить шепотом. Поэтому я услышал, как майор допрашивал директора Матура. Он обещал ему свободу и забвение, если тот вернет рубины, которые Матур отнял у Сато. А в этом майор был убежден, потому что два или три камешка были найдены в подземном ходе и в пещере.

Но Матур был тверд как скала. Его допрашивали весь день, но без результата.

Матур сопротивлялся, как буйвол, до тех пор, пока майор не пригласил ожившую свидетельницу — Аниту. Анита показала, что не видела, чтобы Матур убивал Сато, но видела злополучный мешочек с рубинами.

Не знаю, как они сговорились — в конце концов оба жители зарубежного государства, и я не имею права вмешиваться в их внутренние дела, но, насколько я знаю, Матур сдал все-таки мешочек с рубинами, а дело о смерти бездомного японца было закрыто.

Об исчезнувших голых людях также более никто не упоминал — все как бы сговорились, что голые люди исчезли в неизвестном направлении.

Версия, высказанная Анитой о том, что это инопланетные пришельцы, которые скрываются в каком-то горном буддийском монастыре, не нашла подтверждения. Монастырей в Лигоне тысячи. Документов у монахов и служителей отродясь не было — ну как тут угадаешь, кто лигонец, кто пришелец, а кто и вовсе советский кришнаит.

Существование последних — не плод воображения Аниты, как можно было бы предположить. В первый же вечер Анита незаметно для окружающих передала мне свернутую в трубочку кору с донесением майора Пупыщенко (или Пупыщева). Я отнекивался, говоря, что не знаю никого из этой организации, но Анита отмахнулась от моих возражений и ответила:

— Знаешь, коханий, знаешь. Если сам не оттуда.

Но сказала это без озлобления, а так, в шутку.

Она была, разумеется, права. Я знаю, кому передать это донесение.

Что же касается пришельцев, то надеюсь, они нашли себе место на Земле и постепенно вжились в лигонскую действительность. Порой, встречая на базаре или на улице людей с зеленоватым цветом кожи, я буду думать, не один ли это из потерпевших крушение? Впрочем, я не теряю надежды отыскать их следы. Это может случиться, когда к нам поступит новое донесение майора Александры Ивановны Пупыщенко. На этот раз с точными координатами.

Лигон, 1977 г.

Дополнение

Сегодня, провожая участников конференции, прошедшей плодотворно и принесшей ряд новых открытий, но, к сожалению, не доставившей нам счастья обнаружить новое отсталое племя, я встретился на аэродроме с майором Кумтатоном и профессором Мутанчоком.

Майор сообщил мне, что в соответствующих лигонских органах ознакомились с моей рукописью и сочли ее очень интересной, несмотря на то, что в ней рассказано о невероятных событиях. В свете этого и для дальнейшего развития дружбы между советским и лигонским народами было принято решение разрешить мне публикацию рукописи о «голых людях» при условии, что я буду указан ее автором (хотя могу воспользоваться любым псевдонимом), а само документальное повествование будет названо «фантастической повестью».

Первой моей реакцией было возмущение. Я не мог допустить, чтобы тщательно документированное, совершенно фактологическое, основанное на показаниях живых свидетелей изложение было сознательно объявлено сказочкой.

Тогда, к сожалению, сообщил мне профессор, интересы Республики Лигон требуют отказа от публикации моей книги в любой форме.

— Но книга Матура! Ему же вы разрешили!

— Это было условием нашего соглашения, — улыбнулся майор. — Он отдал рубины и получил разрешение напечатать книгу. Но учтите, он не подозревает, что голые люди — пришельцы с другой планеты, и не мог поставить под угрозу их безопасность. Во-вторых, он врал там так много и часто, что название «документальная повесть», которое поставил на титульном лис-

те книги написавший ее со слов Матура журналист, кажется издевательством над здравым смыслом.

— Послушайтесь дружеского совета майора, — сказал тогда профессор Матунчок. — Имеющий уши да слышит и имеющий глаза да видит. Лучше райская птица в руках, чем орел в небе. Мы не хотим никаких неприятностей. Ни с японским консулом, ни, не дай Бог, с так называемым Галактическим сообществом.

— Все-таки верите? — спросил я.

— А почему бы не верить? — сказал майор.

— Может быть, вы и пришельцев отыскиали?

— Это крупные ученые, которые могут оказать большую помощь нашему бедному развивающемуся государству, — загадочно произнес майор.

— Нашли или нет? — воскликнул я, дрожа от возбуждения.

— Не так уж много буддийских монастырей в округе Танги, — сказал профессор.

— Кстати, — завершил разговор майор Кумтатон, — вам тут просили передать. И он протянул мне сложенный треугольником листок бумаги.

Там было написано по-русски:

«Сов. секр. Предс. КГБ.

Нахожусь монаст. (далее вычеркнуто)... кормят без мяса.

Убегу. Со мной два кришн. Жду инструкц. Пупыщ».

— Но эта записка совершенно не по адресу! — возмущился я. — Я не знаю никакого майора Пупыщенко.

— Они уже убежали, — сказал Тильви Кумтатон. — Я ему передал инструкции. Завтра он будет в Лигоне. Я хотел бы, чтобы ваше посольство оплатило майору Пупенченко...

— Пупыщенко! Александра Ивановна Пупыщенко!

— Вот именно, чтобы посольство оплатило майору Пупыщенко и ее новорожденной дочке Сарасвати Семеновне билет на самолет.

На этом наша беседа закончилась.

Больше я ничего не слышал о голых людях.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ДНЯХ
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ В ЛИГОНЕ

5

ГОЛЫЕ ЛЮДИ

251

Кир БУЛЫЧЕВ
СОЧИНЕНИЯ В ТРЕХ ТОМАХ
Т О М 2

Редактор М. Недосекина
Художественный редактор И. Марев
Технический редактор Т. Фатюхина
Корректор М. Лобанова

ЛР № 071673 от 01.06.98 г.
Подписано в печать 09.02.99 г.
Гарнитура Таймс. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,0.
Уч.-изд. л. 26,63. Заказ № 163.

ТЕРРА—Книжный клуб.
113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ISBN 5-300-02501-1

9 785300 025014

Scan Kreyder - 06.04.2019 - STERLITAMAK

ISBN 5-300-02501-1

9 785300 025014